

Коррин
Джексон

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Сила вечной любви

Я спряталась в тени разрисованной улочки и горячо надеялась, что донесшийся до меня тухлый запах исходил не от того, на что наступила. На другой стороне улицы, в свете фонаря стоял один единственный телефон-автомат — первый за 100 миль, который мы обнаружили. Еще две минуты, пообещала я себе. Еще две минуты я останусь в тени, затем побегу к телефону.

Я почувствовала, как кто-то положил теплую руку мне на спину, одновременно утешая и ища утешения. Моя сводная сестра Люси ждала позади меня, я чувствовала, как она дрожит.

Последние четыре месяца мы жили как загнанные звери, так что я хорошо представляла, какие ужасные мысли бродили в ее голове. Ей было семнадцать, всего-то на год младше меня, но наши жизненные пути протекали совершенно по-разному. Я с детства привыкла к насилию, а для нее все происходящее было ново.

Дрожащими руками я вытерла теплую кровь с лезвия ножа, который крепко держала другой рукой. Задрав тонкую футболку, я засунула оружие обратно за пояс джинс. Рассеченные мускулы запротестовали, поэтому я прижала руку к животу. К сожалению, наш план мог сработать только в том случае, если я была ранена.

— Ну? Видно что-нибудь? — прошептала Люси, глядя на меня своими широко

распахнутыми карими глазами. Ее лицо в форме сердца выделялось на фоне черных локонов. Она выглядела такой маленькой и испуганной.

Я покачала головой и засунула непослушную прядь светлых волос обратно под лыжную шапку. Я совсем замерзла от этого ледяного январского воздуха, поэтому опустила руки в большие карманы пальто, чтобы согреть их. И так, мне нужно было собраться с мужеством. Так или иначе, этот звонок решит, каким путем нам идти дальше. Хотя для этого, нам конечно нужно было выбраться живыми из этой переделки.

— Время пришло. Жди здесь. Беги, если что-нибудь случится или Ашер подаст тебе сигнал. Слышишь?

Так как я пыталась не показывать чувств, мой голос звучал резче, чем обычно.

— Поняла, Баффи, — ответила Люси невыразительным голосом.

То что моя сестра даже в таком затруднительном положении пыталась шутить и дразнить меня, сравнивая с охотницей за вампирами Баффи из одноименного сериала, удивляло меня. Да, для нее я могла быть мужественной! Я представила свой позвоночник в виде железного жезла, выпятила подбородок и в последний раз посмотрела на нее. Я вышла из тени на тротуар, где меня мог видеть каждый. Ничего не произошло. На меня не накинулись ни целительницы, ни защитники.

Может быть нам действительно удалось отвязаться от них два дня назад, после того как во Флориде стало опасно находиться. Одному защитнику удалось заполучить Люси. К счастью он был один, и Ашер смог справиться с ним. Иначе я могла бы остаться без сестры. Нам не удавалось надолго избавиться от наших врагов, и напасть на них самим тоже не удавалось, так как они превосходили нас по численности и ударной силе. Пока мой отец находился в их власти, у них были все карты на руках.

Если конечно он был еще жив.

Я посмотрела на пустынной улице вправо и влево. Потому что о лежащем в Алабаме городе Мейпл, можно было многое сказать, но что там бушевал медведь, вряд ли. Родина, верите тому или нет, 867 жителей, город мог предложить лишь один светофор, одну заправочную станцию, один ресторан и несколько магазинов вдоль главной улицы, на которой мы теперь находились. Всё было закрыто с шести часов вечера, а люди уже давно направились домой к своей семье. Если я правильно это оценила, то Люси и я были единственными, кто ещё находился на улице. Ну ладно, мы обе и Ашер, прячущийся где-то поблизости.

Чуть раньше, в шестидесяти милях отсюда, мы передохнули пару часов в мотели прилежащем к автостраде. Потом упаковали наши немногочисленные пожитки в машину, потому что знали, после этого звонка нам придётся, смотря по обстоятельствам, быстро сматывать удочки.

Скорее всего наши враги уже притаились где-нибудь и ждали, что я покажусь открыто. Снова я вздрогнула, а потом выпрямила плечи.

Сейчас или никогда, Реми!

Я вышла на улицу, держась прямо, даже если боль в животе почти невозможно было выносить. Мои шаги отдавались эхом, и это придавало мне смелости, потому что значило, что я услышу, если кто-то попытается подкрасться ко мне. Прежде чем взять телефонную трубку, я ещё раз огляделась. Звук поблизости заставил меня вздрогнуть, результатом чего стала новая боль. Кошка замыкала, и я с облегчением вздохнула. Потом я взяла трубку, засунула несколько монет в щель и набрала номер, который знала наизусть.

После трёх гудков кто-то ответил.

— Алло?

При звуке глубокого голоса моего деда на меня обрушились разные воспоминания. Раньше я когда-то думала, мы можем стать чем-то вроде семьи, но Франсуа Марше был неспособен кого-то любить.

— Алло? — повторил он.

Я просто не могла ничего ответить.

— Реми! — Он чуть ли не промурлыкал моё имя, этот такой высокомерный ублюдок. — Я уже задавался вопросом, сколько займёт времени, пока ты позвонишь. Длилось дольше, чем я думал.

Четыре месяца. Прошло четыре месяца с тех пор, как я в последний раз видела его, слышала его голос и смотрела на то, как он угрожал моей семье. Я сжала руки в кулаки, и мои ногти глубоко впились в ладони.

Пожалуйста, пусть мой отец будет ещё жив!

— Франк, — прокаркала я.

— Как у тебя дела, детка?

Его наигранное беспокойство напомнило мне о том, какой я была наивной и поверила этому великану с седой шевелюрой и громким смехом. Как будто бы он не разрушил мою жизнь, мой дед назвал меня своим старым, приятным голосом «детка»! Я подавила гнев и ответила спокойным голосом:

— Мне надоела эта игра в кошки мышки с твоими людьми, а так жаловаться не на что. А как твои дела? В последнее время ты опять принёс в жертву целительницу своим друзьям?

Боже, если бы община целителей, которую он возглавлял, знала, что он предал её защитникам, то возможно восстала бы против него. Франк оправдывал своё поведение тем, что это в целом спасало общину, если он жертвовал защитникам парочку своих целительниц.

Франк вздохнул.

— Я делаю, что должен. Но всё может быть по-другому. Ты можешь покончить со всем этим.

Если говорить ясным языком, я могла занять их место. В отличие от полнокровных целительниц, я не умру от того, что сделают со мной защитники. Я смогла бы исполнять обязанности их перезаряжаемой батареек. Когда воспоминание об Ашере, в тот вечер, когда мы освободили его из рук моего деда, снова всплыли, у меня желчь поднялась к горлу. Измученный, надломленный, без всякой надежды. Так будет выглядеть моя жизнь, если я соглашусь с требованиями моего деда.

— Никогда в жизни, — прошептала я с отвращением.

— Ну, подумай об этом. В конце концов, больше никому не придётся терять свою жизнь.

Презрение и гнев придали моим словам строгости.

— Я думала об этом. С тех пор как ты сделал мне это предложение, мне снятся кошмары. Ты ведь помнишь тот день? Я помню. Кстати, как твой живот?

Франк пытался заставить меня убить отца, но я смогла избежать этого, применив мое самое мощное оружие: я перенесла свои раны на тех, кто хотел мне зла. Во время нашей последней встречи, дедушка и его сообщники-защитники получили ранения в живот, которые я нанесла сама себе.

— Все зажило, — ответил он, пока я раздумывала о том, не зашла ли я слишком далеко с этим вопросом. — Не знал, что ты на такое способна. Было довольно больно.

Я довольно улыбнулась.

— Твое счастье, что я не мелочный и не помышляю о мести. Тогда бы твой отец вряд ли выжил после того, что я с ним сделал бы.

Я оперлась на металлическую панель под телефоном, безуспешно пытаясь произнести хоть слово, несмотря на ком в горле. После двух неудачных попыток я наконец сказала хриплым голосом:

— Он...он жив?

Четыре месяца назад похитили Бена, моего и Люсиного отца. От него я унаследовала мою кровь защитницы — а Франк ненавидел защитников, которых он всё-таки использовал против меня. Спустя всё это время я уже почти потеряла надежду найти моего отца живым. Но теперь она снова пробудилась и сдавила грудь.

Не придавайся надежде, Реми. Он лжёт.

— Франк? — Моё отчаяние росло. — Пожалуйста! — умоляла я.

— Он жив, — сказал он тихо.

Слава Богу! Больше всего мне хотелось кричать от облегчения, и я быстро прижала руку ко рту. Через мою футболку просачивалась жидкость, и я наклонилась немного вперёд, чтобы зверская боль утихла. Ещё немного, и я потеряю сознание.

Ещё чуть-чуть.

Глубокий голос Франка манил и льстил.

— Ты уже завтра можешь быть у него. Вернись домой, Реми. Вернись домой, и я отпущу его.

Если я поверю ему, тогда мучения этих последних месяцев закончатся. Мой отец сможет вернуться в Блеквелл Фоллс, а сестра вести прежнюю жизнь, пойти снова в школу, быть вместе со своим парнем Тимом. Они смогут вернуться в наш маленький городок и начать всё сначала. Как мне этого для них хотелось.

Как будто он почувствовал мои колебания, мой дед продолжил.

— Твоя мать не захотела бы для тебя такой жизни. Она захотела бы, чтобы ты поддерживала нас.

Если он думал, что упомянув мою мать, сможет меня смягчить, то очень ошибся. В конце концов, Анна, в течение многих лет допускала то, что мой отчим избивал меня.

— Почему ты похитил моего отца? — спросила я.

— Ты ведь это уже знаешь.

Он хотел контролировать мои способности, данный мне благодаря моей смешанной крови целительницы и защитницы. А так же он хотел делать надо мной эксперименты. До сих пор способности целителей переходили только на потомков женского пола. Франк хотел это изменить: он хотел создать целителей мужского пола. Я почувствовала сквозняк, огляделась и заметила, как у меня пошли мурашки по коже.

— Я должна идти.

Я как раз хотела положить трубку, когда он воскликнул:

— Реми, подожди! — Я замерла, а он добавил:

— Он только ещё потому жив, потому что я думаю, что ты рано или поздно опомнишься. Но я не буду ждать вечно. Подумай об этом, хм?

Как же, в те месяцы, когда я жила у него, от меня могло ускользнуть, что он за человек?

Я никогда не смогу простить себе того, что выдала ему мою семью и друзей. После того, как положила трубку, я ссутулилась и прислонилась к телефонной будке. Моё дыхание образовывало пар, и я вздрогнула. Любой, кто меня увидит, подумает, что меня охватила печаль, однако меня мучил совсем другой вид боли.

Ещё совсем недолго, и они появятся. Тихий свист Ашера — тройная, тихая трель — сигнализировал их прибытие. Одна трель для одного человека. Их шаги отдавались эхом, так же, как мои, однако это были тяжёлые шаги, от людей, которые казались выше и тяжелее меня. Значит, речь идёт о целителях, как мы и надеялись; защитники могли бы напасть без предупреждения, бесшумно. Как же нам повезло. Не смотря на все усилия Франка, целители мужского пола не имели особенных способностей. Я напряглась, но осталась стоять в моём согнутом положении.

Когда меня коснулось влажное, тёплое дыхание, у меня волосы встали дыбом на голове.
— Реми, — сказал один из мужчин.

Я посмотрела через плечо. Трое мужчин разного роста и старше двадцати, как раз окружали меня. Коренастый шатен, на одной руке которого была татуировка в виде змеи, извивающейся также вокруг его шеи. Жилистый блондин, который держал в руке выглядящий смертельно нож, но его рука дрожала, как будто он боялся использовать его; он был намного ниже меня ростом. Последний мужчина показался мне знакомым, должно быть я уже встречалась с ним в Пацифике, когда жила у Франка. Он был совершенно лысым и носил самую уродливую козлиную бородку с этой стороны Миссисипи. Кроме того ему не хватало мышц и ремня, который удерживал бы его джинсы наверху. Однако с пистолетом в руке они ему были не нужны.

Козлиная бородка презрительно разглядывал мою долговязую, худую фигуру.

— Звонок деду был не особо умным ходом. Он уже в течение многих месяцев отслеживает любой звонок.

Я повернулась к нему.

— Я знаю!

Я опустила руку, так что моё пальто открылось. Их взгляды упали на мою талию.

Кровь окрасила мою футболку цвета морской волны в темно-фиолетовый. Блондин выпучил глаза, человек с таутировкой в виде змеи сделал большой шаг назад, а тип с козьей бородкой застыл на месте. Слишком поздно! Моя энергия освободилась в виде красных искр и, кружась в воздухе, опустилась на всех троих. На их талиях открылись раны, идентичные тем, которые я нанесла себе ножом двадцать минут назад, стоя в переулке.

Раны на какое-то время выведут эту троицу из игры, но не смогут сдерживать их вечно.

Я хотела выбить козьей бороде пистолет из рук, но мое тело протестовало против применения моих способностей, это было заметно по трясущимся коленкам и слабому пульсу. Люси появилась рядом со мной, взяла меня под руку и поддержала плечом. Несмотря на довольно изящное телосложение — как-никак я была выше ее на 15 сантиметров — ей удалось удержать меня.

— Держу тебя, — сказала она.

— Люси, пистолет, — предупредила я.

Козья борода поднял оружие. Я быстро встала между сестрой и им. Позади нас раздалось невнятное бормотание, я повернулась на звук. Ашер отобрал у этих парней оружие и повалил их на землю, где они лежали лицо вниз, раскинув руки и ноги. После нескольких месяцев, проведенных в заложниках у Франка, мой друг еще не вернулся к своему

нормальному весу, однако у него было достаточно защитной силы и скорости, чтобы расправиться с парочкой бессильных целителей.

Ашер ударил козью бородку ногой по спине.

— Окей? — спросил он меня с более явным английским акцентом, чем обычно.

Его вопрос был для нас сокращенной формой от «У тебя все в порядке?» и «Ты можешь излечить себя?»

Я кивнула и подумала «Все отлично», после чего он стал выглядеть более расслабленным.

— Немыслимо, что вы на это повелись, — сказала Люси парням.

Помимо защитников, вот уже несколько недель за нами по пятам шли люди моего дедушки, следуя за нами из города в город. Мы прятались в пустующих домах, питались консервами, и время от времени позволяли себе вздремнуть. А два дня назад произошел этот случай во Флориде, после чего нам стало ясно, что постоянно скрываться и убегать не имело смысла.

План заманить людей деда в ловушку принадлежал Люси. Ашер к моему удивлению одобрил его. Как правило, он отбрасывал любую идею, которая могла быть опасной для нас, но в этот раз он даже не сомневался. За последние месяцы наше трио настигли отчаяние и страх, тем самым заставив нас идти на риск, на который мы в нормальной ситуации никогда бы не пошли. Нам нужно было знать, жив ли Бен, чтобы мы могли планировать наши дальнейшие шаги. Эта информация также была бы полезна для того, чтобы увеличить расстояние между нами и нашими охотниками.

От потери крови у меня немного кружилась голова, поэтому я неуверенно держалась на ногах. Уму непостижимо, из-за Франка у меня появилось уже второе колотое ранение!

Прочитав эту горькую мысль, Ашер помрачнел и еще сильнее вдавил каблук в спину нашего преследователя, после чего тот закричал. Я подняла ментальную стену, чтобы прогнать Ашера из мира моих мыслей и не разжигать в нем еще больше ненависти.

— И что теперь? — спросила Люси.

— Я видел, как они выпрыгнули из пикапа.

Ашер указал на машину, стоящую вниз по улице, вне моего поля зрения. Будучи защитником, он обладал лучшим зрением, чем я, мог видеть даже в темноте, поэтому я поверила ему. Он протянул мне пистолет.

— На машине мы можем увести их куда-нибудь в другое место. Подождите здесь. Я подгоню ее.

— Аш...,- начала я, но он уже убежал и скрылся из виду.

Я вздохнула.

— Он забыл ключи.

— Выступая против нас из-за какого-то защитника, ты предаешь своих сородичей, — презрительно прошипел человек с татуировкой змеи.

Я опустила на корточки рядом с ним, чтобы он смог посмотреть мне в лицо. Мой тихий голос прорезал воздух.

— Он мой сородич. Или Франк скрыл от вас эту незначительную деталь?

Человек, с татуировкой в виде змеи сжал губы, как будто не поверил мне. Вероятно, эти мужчины ещё никогда не слышали о ком-то вроде меня, о ком-то, в чьих венах текла как кровь защитников, так и целителей. Не у кого больше не было такой наследственности, поэтому обе стороны охотились за мной — либо чтобы убить, либо, чтобы использовать.

— Мой дедушка не тот, кем вы его считаете. Спросите-ка его, что на самом деле произошло с Иветт!

При упоминании мёртвой целительницы блондин распахнул глаза. Кровь целительниц действовала на защитников как стимулятор и позволяла им некоторое время снова чувствовать прикосновения, ощущать запах и вкус — чувства восприятия, которые они давно потеряли. Франк отдал Иветт защитникам, в качестве оплаты за их услуги, а они замучили её до смерти, чтобы почувствовать себя на несколько моментов людьми.

Человек с татуировкой в виде змеи отвернулся, и я сдалась. Мой дед так успешно промыл им мозги, что мужчины считали его своим покровителем. Я выпрямилась и зашаталась, когда кровь прилила к голове.

— Ашер представляет собой идеального вора, — заметила Люси, сухо улыбнувшись. Она прижала свой шарф к моей талии, чтобы остановить кровь.

Я последовала за её взглядом и увидела, как к нам мчится пикап. Ладно. Мой парень знает, как завести машину без ключа. Он остановился прямо перед нами, а потом Люси и Ашер погрузили троих, применяя смесь из насилия и угроз, в кузов машины. Пока я не излечила ранение, мне нельзя было поднимать ничего тяжёлого. Ашер тоже забрался назад, чтобы не терять из виду мужчин, в то время, как Люси влезла за руль, а я села на пассажирское сиденье, продолжая прижимать шарф к ране.

Потом мы направились к заброшенному амбару, который ранее уже проверили. Он лежал примерно в пяти милях от населённого пункта. Пейзаж вокруг состоял из полевых угодий, куда не помотришь. Наш путь вёл нас по пыльной дороге, и меня так трясло туда-сюда на сиденье, что я чуть не кричала от боли.

Из кузова пикапа мы слышали тройные стоны. Видимо мужчины предпочитали, чтобы их перевозили на транспортном средстве с лучшими амортизаторами.

— Чего ты ждёшь? Давай уже исцели себя! — потребовала Люси.

Я покачала головой.

— Ещё нет. Только после того, как избавимся от людей Франка.

Если я исцелю себя или кого-то другого, это ослабит меня ещё больше, а мы не могли себе позволить, чтобы я была полностью выведена из строя. Сначала нужно позаботиться о враге.

Несколько минут спустя свет от фар машины упал на амбар. Он был немного кривоватым, а деревянные стены от времени стали серебристо-серыми. Если они когда-то и были покрошены, то краска уже давно облупилась. Казалось он в любой момент обрушиться, но для наших целей он был идеален. Вокруг тянулись бесконечные пшеничные поля, на много миль вокруг не видно никаких других зданий. Так что мы сможем спокойно испариться, и никто случайно не споткнётся об эту тройцу.

Я вылезла из машины и открыла огромные ворота, чтобы Люси могла завести пикап в пустой амбар. Как только она нажала на тормоз, Ашер спрыгнул вниз и начал стягивать мужчин за ноги с кузова. Один за другим, они ударялись спиной о землю, их головы шмякались в грязь. От боли они стонали, но выражение лица Ашера оставалось бесстрастным.

Его жестокость заставила меня вздрогнуть. С тех пор, как люди моего деда прошлым летом держали его в качестве заложника, он изменился. В последнее время он колебался между гневом и печалью, всё больше отдаляясь от меня. Прежде чем его брат Габриель смог его освободить, его в течение многих недель пытали. Возможно, я ожидала слишком

многого от Ашера, надеясь, что он будет обращаться с этими людьми более гуманно, когда они в свою очередь, продолжили бы его мучить, стоит им только поменяться ролями. И всё же: меня пугало, как не задумываясь, Ашер использовал насилие.

Люси вытащила наручники, которые мы ранее спрятали здесь, и помогла Ашеру привязать мужчин на некотором расстоянии друг от друга к столбам. Мы также уже приготовили воду для мужчин, и я для каждого нашего пленника, поставила несколько бутылок в пределах досягаемости.

— Вы не можете оставить нас здесь, — сказал козлиная борода. — Мы не выживем, и вы это точно знаете!

— Потому что вы хотите проявить к нам столько милосердия, да? — спросил Ашер.

Сжав кулаки и сверкая глазами, он смотрел на мужчин, и у меня по спине пробежал холодок. Энергия Ашера жужжала в воздухе, и при виде его несдержанности у меня пошли мурашки по коже.

— Давай Ашер, пошли уже. — Пожалуйста, подумала я. У меня болит живот.

Ашер почти сразу же отреагировал.

— Хорошо, mo cridhe. Мы уходим. Люси, ты не против сесть за руль?

— Без проблем, — сказала она.

Не обращая внимания на крики мужчин, мы направились к воротам. Через несколько часов, когда мы будем достаточно далеко, мы сделаем анонимный звонок и вызовем для них врачей. Как только мы вышли, Ашер закрыл ворота и повесил на них висячий замок, купленный нами в магазине железных изделий. Затем мы забежали за амбар, где было спрятано наше новое транспортное средство — еще один пикап, который правда был более старый и разбитый, чем тот, который мы оставили в амбаре. Последний владелец даже не удосужился нанести краску на серую грунтовку, к тому же у машины были вмятины. Украсть его было сущим пустяком, он итак никому был не нужен.

Ашер бросил Люси ключи, а я села посередине, чтобы Люси и Ашер могли занять свои места по обе стороны от меня. Несколько минут спустя, мы уже тряслись на пыльной дороге по пути обратно в город. По крайней мере мотор еще работал.

Повернув на насыпную дорогу, мы попали в довольно глубокую выбоину, так что я даже громко вскрикнула. Я почувствовала руку на своем плече и, обернувшись, встретилась глазами с Ашером.

Как правило, его зеленые глаза заставляли меня думать совершенно о другом, но в этот момент мы снова наехали на выбоину и я закатила глаза от боли. Ашер беспокойно наморщил лоб. Он провел пальцем по моей брови, убрал мне волосы за ухо и нежно дотронулся до моей шеи. Когда он нагнулся ко мне и прошептал:

— Позволь мне помочь тебе! — его дыхание тут же согрело меня.

Он уже давно так не смотрел или нежно дотрагивался до меня. Любовь, которая когда-то пылала в его глазах, уже несколько месяцев как сгорела дотла, если не сказать совсем потухла. Попав в руки моего деда, он пережил сущий ад, поэтому я предоставила ему свободное пространство и надеялась и молилась, чтобы он нашел в себе силы вернуться ко мне. Я страстно желала и наслаждалась каждым случайным прикосновением и редкими объятиями.

Я дотронулась до его запястья и закрыла глаза, чтобы лучше сконцентрироваться. Затем опустила защитную стену и впустила его. Если у меня было достаточно времени, я могла излечиться от большинства болезней и ран самостоятельно, но одолжив энергию защитника,

я могла ускорить этот процесс. Прошла секунда, и я уже почувствовала: энергия Ашера приблизилась и устремилась в меня. Под кожей забегали мурашки. Я использовала его энергию, манипулировала ею, чтобы найти моё повреждение. Я представила рану и то как она медленно стягивается. На коже полыхало пламя, обжигая меня изнутри и снаружи. Если я лечила себя своей энергией, то процесс исцеления вызывал переохлаждение, используя энергию защитника, я напротив ощущала пронизывающий, палящий зной.

Тёмно коричневые волосы Ашера упали ему на лоб. Они выросли в путаницу из локонов и закрывали шрам, которые оставили мучители на его голове. В ту ночь, когда Габриель и я нашли Ашера, выглядело так, как будто ему обрезали волосы ножом. Когда я теперь подняла руку, чтобы прикоснуться к ним, улыбка Ашера потухла; он отдернул свою руку и таким образом блокировал меня. Потом пододвинулся к окну и поднял свою защитную стену вверх. Его физическое и ментальное отступление причинило мне боль до мозга костей. После всех этих месяцев я должна была бы уже привыкнуть к отказу, но каждый раз, когда он уклонялся от меня, моё сердце болело. Я отреагировала на это, как всегда — сделала вид, что для меня это ничего не значит — а Ашер подыграл. Что случится, если нам придётся сознаться в том, что пропасть между нами становится всё больше.

Теперь, когда рана больше не занимала всё моё внимание, я села так, что встретила обеспокоенный взгляд Люси. Без вступления я сказала:

— Отец жив. Франк сказал, что с ним всё в порядке, и я думаю, он сказал правду.

Люси затаила дыхание и вцепилась в руль. Казалось, она боялась допустить надежду, в чём я не могла её винить. Но я ненавидела, видеть мою сестру такой изменившейся и такой печальной.

— Мы вытащим его оттуда, Люси.

Она растопырила пальцы на руле, положив мои между её, мы сплели наши пальцы.

— Обещаешь? — спросила она.

— Обещаю.

«Чего бы мне это не стоило», подумала я. «Это мой долг перед ней.»

Мы ехали несколько часов, прежде чем в конце концов остановились и запросили помощь для людей Франка. Ашер хотел подождать ещё, но я настояла на своём. Собственно я была не в настроение, вступаться за этих мужчин, но так же не хотела, чтобы они истекли кровью. Тогда мы были бы такими же, как они, а я этого не хотела.

После того, как мы позвонили в полицию из ещё одной устаревшей телефонной будки (и поменяли мою окровавленную футболку на чистую), Ашер сел за руль. Люси и я спали, прислонившись друг к другу, и в зависимости от движения пикапа, наклонялись то в одну сторону, то в другую. Когда двигатель отключили и знакомый рёв перешёл в оглушительную тишину, я проснулась. Я тёрла заспанные глаза и оглядывалась. Мы съехали с шоссе и припарковались перед кабаком для дальнобойщиков. Безжалостный серый свет сумерек был не подходящим, чтобы улучшить вид довольно захудалого кафе перед нами. У приземистого здания были заметно грязные окна, а на парковке ветер раздувал мусор туда сюда.

Спать сидя — трудно дело, но между тем я прекрасно овладела этим искусством. Люси тоже, не смотря на неудобное положение, спала крепко. Теперь и она проснулась и подняла голову. Я потянулась, при этом по очереди затрещав суставами. Из под опущенных век, я украдкой бросила взгляд на Ашера. Кем он будет сегодня? Держащим меня на расстоянии незнакомцем или любящим парнем?

— Где мы? — спросила я.

Мы были всю ночь и большую часть утра в пути, потому что хотели уехать как можно

дальше от людей моего деда.

— Где-то в Арканзасе, — ответил Ашер.

Он был настолько измучен, что весь цвет сошёл с лица, а привлекательные черты лица казались почти апатичными. Я не могла по-другому: я нежно провела пальцами по его трёхдневной бороде, а ему удалось устало улыбнуться. Он задвигался и моя рука соскользнула вниз. Возможно это совпадение, но на самом деле так происходило всё время: он избегал меня, всегда, когда это было возможно, а я была бессильна, что-либо изменить.

Я сплела пальцы друг с другом и смотрела на них вниз, пока они не расплылись перед глазами.

— Надо бы позвонить Лотти и узнать, как дела у Лауры, а потом найти место, где можно будет поспать, — сказала я.

Люди деда переехали мою мачеху машиной, прежде чем сбежать с отцом, захватив его в заложники. С тех пор она находилась в коме. С травмами головы у меня уже всегда были проблемы, и мне не удалось вылечить ранение Лауры. Мы были вынуждены спрятать её в чикагской больнице под чужим именем, а Лотти, могущественная сестра Ашера, согласилась охранять её.

— Хорошая идея. Вчера мне не удалось позвонить ей, — сказала Люси.

Она делала вид, что спокойна, но я слышала боль в её голосе. Прежде, чем отец забрал меня к себе в Блеквелл Фоллс, она вела защищённую жизнь. С тех пор она потеряла обоих родителей, и ей пришлось оставить позади всю свою жизнь. Иногда я думала, вот сейчас её покинут силы, но она день за днём удивляла меня своей выносливостью.

Ашер кивнул и указал головой на закусочную.

— Давайте сначала поедим.

Люси посмотрела на ресторан и поморщилась.

— Ага, очень вкусно! Я думаю, мой желудок уже сейчас запротестовал. Запах жира и бактерий я чувствую отсюда!

— Перестань, неженка! — подтрунивала я над ней. Затем пододвинулась к двери и вышла из машины.

— Да-да, это ты сейчас так говоришь, пока не пришлось лечить меня от тяжелого пищевого отравления!

Мы уже прошли парковку, а Люси все еще продолжала жаловаться. Действительно, внутреннее убранство заведения выглядело не намного лучше. Посреди комнаты, вдоль стойки, сидела группа мужчин. Они пили кофе, уставившись в старый телевизор, который висел над окошком для выдачи блюд. Через это окно официантки делали заказы и получали от маленького повара уже готовые тарелки с дымящимися блюдами. Ниши с сидениями были расположены вокруг бара, большинство мест заняты дальнобойщиками во фланелевых рубашках и рассеянно и неряшливо выглядящими туристами, которым срочно нужна была доза кофеина, чтобы продолжить свой путь.

Мы встали в очередь в единственный туалет. Когда очередь дошла до меня, и я вошла, то вздрогнула от увиденного. Я представила себе, как выйдет из себя Люси, увидев, каким грязным был туалет. К моему огорчению, в последнее время мне доводилось видеть вещи и похуже. Когда находишься в бегах и нужно чем-то наполнить желудок, то как правило довольствуешься тем, что есть в наличии. Хорошая домашняя еда однозначно осталась в прошлом.

«Сколько мы уже всего утратили из нашей жизни в Блэквелл Фоллс», думала я. Мне не хватало нашего дома с цветными стеклами и с видом на побережье Мейна.

Я не решалась посмотреться в зеркало, боясь того, что там увижу. Я уже целую вечность не красилась, потому как в данных условиях это было не важно. Моя ежедневная одежда состояла из джинсов, ботинок и футболки. Видимо есть парни, которым нравились невзрачные черты лица, веснушки и кудрявые волосы. Ашер уже видел меня в наиужаснейшем состоянии, и тем не менее я нравилась ему такая, какая есть. По крайней мере, от моего отца я унаследовала высокий рост и глаза цвета моря.

Выйдя из туалета, я отошла в сторону, дав пройти Люси. Постояв две секунды в нерешительности, я вернулась к Ашеру, но успела услышать брезгливый стон Люси, которая увидела, каким был туалет.

По стратегическим причинам Ашер занял место в углу, с которого можно было наблюдать за парковкой. Кроме того, можно было быть уверенным, что никто не подкрадетсЯ сзади. Я села напротив него.

— Я тут подумал, как только мы найдем место для ночевки, мы позвоним Лотти, — сказал он.

Он не избегал моего взгляда. Скорее его взгляд выглядел пустым, когда он говорил. Как будто он глубоко ушел в себя и захлопнул за собой дверь. В такие моменты я подумывала сверкнуть на него глазами, чтобы посмотреть изменится ли его взгляд. Отчаяние было ужасным чувством.

— Окей, — сказала я тихо, но мои глаза просили большего.

Дай мне что-нибудь, Ашер. Что-нибудь, что подскажет мне, что ты все еще со мной и у тебя есть чувства ко мне.

Он поднял меню. С таким же успехом между нами мог лежать Большой Каньон. Уже на протяжении нескольких недель Ашер избегал меня, обставлял все так, чтобы не оставаться со мной наедине. Долго я такого не выдержу. Мы должны обсудить эту проблему, в конце концов невозможно было наладить наши отношения, если он не разговаривал со мной.

Вслух я сказала:

— Может быть, сегодня вечером мы могли бы...

— А вот и Люси, — прервал он меня. — Ты уже знаешь, что закажешь?

На его лице появилось явное облегчение, когда Люси протиснулась ко мне на скамью. Думаю, он слышал мои мысли. Моя нижняя губа задрожала, и я прикусила ее, затем принялась за кофе, высыпав в керамическую кружку три пакетика сахара и четыре со сливками для кофе. Раньше, для того, чтобы выжить, я не допускала никаких чувств.

Это прекратилось только тогда, когда я оставила позади этот кошмар, в котором мой отчим издевался надо мной, а мать не заботилась обо мне надлежащим образом. Моя новая семья и Ашер изменили меня, растопив во мне айсберг. «Не лучше ли будет снова закрыться в себе?» — шептал во мне предательский голос. Разве Ашер не делает тоже самое?

Я испытывала соблазн, поддаться этому натиску, но с другой стороны — я так старалась измениться.

К нашему столику подошла официантка, и мы сделали заказ. Несколько минут спустя мы получили наши блюда, на которые смотрели без особого желания; мы были просто слишком уставшими. Я заказала салат, надеясь на лучшее, но при виде салата, обильно политого дрессингом, у меня пропал аппетит. Прошло несколько недель с тех пор, как мы останавливались достаточно надолго, чтобы действительно хорошо и вкусно поесть. Я

скупала по макаронам, запеченным с сыром, которые были такими вкусными, с тянущимися нитями сыра при каждом откусывании. И еще мне хотелось мокка с взбитыми сливками, посыпанного корицей. И толстую пиццу. У меня так разыгралась фантазия, но только до тех пор пока я не попробовала кофе, чтобы тут же выплюнуть его. При всей моей любви к кофе, даже я не могла пить эту бурду.

Ашер издал звук, а его губы изогнулись в слабую улыбку. Я растаяла в маленькую лужицу под столом. Как же мне не хватало его улыбки! Люси посмотрела на него с любопытством. Наверное, предположила, что он прочитал мои мысли.

— Она упивается фантазией о еде, — объяснил он моей сестре, качая головой. — А именно, самым бесстыдным образом.

Я покраснела до кончиков волос.

— Заткнись! Как будто ты сам не придаёшься фантазиям о еде. Просто у меня не такой безобразный вкус, как у тебя, и я не представляю себе оладушки и чай!

Он бросил в меня картошкой фри.

— Эй! Я бы никогда не рассказал тебе о моей любимой еде, если бы знал, что это впоследствии будет использовано против меня!

Я съела его картошку фри.

— Твои любимые блюда состоят только из закусок для тьюфяков. Когда я спросила тебя, какой еды тебе не хватает, то думала, ты назовешь такие вещи, как стейк и картофель, более подходящие для мачо. — Я мрачно на него посмотрела, но на самом деле радовалась подшучиванию, даже если речь шла только о еде.

Хотя всё выглядело так, будто мы одного возраста, Ашеру уже давно не восемнадцать. К концу девятнадцатого столетия защитникам осточертело то, что целительницы относились к ним, как к рабам, и они начали сопротивляться. Потом разразилась война, и Ашер, с другими членами семьи, принял участие в сражение. Когда защищал свою сестру, он убил целительницу и таким образом, ненамеренно, узнал на своём собственном опыте, на что смотрел как на проклятие: защитники могли стать бессмертными, когда убивали целительницу и похищали её энергию. Однако бессмертие стоило им их чувства осязания обоняния и вкуса — судьба, которую разделяли все бессмертные защитники и которую большинство ненавидело.

Ашер вёл, как он сам выразился, пустую жизнь. Словно лунатик, прошёл через все эти годы, пока не встретил меня. Наш союз изменил его. Его чувства постепенно снова возвращались и таким образом его смертность. Спустя десятилетия он в первый раз снова чувствовал вкус продуктов, запах моря и наслаждался моими прикосновениями.

Конечно возвращение его чувств значило так же, что всю боль, которую причинили ему люди Франка, ему пришлось отчётливо на себе ощутить.

Как только я это вспомнила, маленькая мечта о счастье во мне лопнула. Теперь Ашер избегал моих прикосновений. Вполне естественно, что он винил меня за то, как мои способности изменили его. Но что это означало для нас обоих?

Я прокашлялась и направила мысли прочь от моего горя к прошедшему вечеру. Франк сказал, если я «вернусь домой», то смогу снова быть рядом с отцом. Как бы мне не хотелось возвращаться в Пацифику: это было то место, где мы сможем найти отца.

Я потягивала мой кофе.

— Что касается Франка... вам ведь ясно, что мы попадём в ловушку, если поедem в Пацифику, не так ли? В конце концов он рассказал мне об отце не по доброте душевной.

Люси нахмурилась.

— Он использует отца в виде приманки.

Я выдохнула.

— Именно. Без всяких сомнений. Ашер?

Он потёр угловатый подбородок.

— Определённо.

С самого начала мы подозревали, что Франк похитил моего отца, чтобы заманить меня назад к себе, но в последние месяцы мы так были заняты тем, чтобы ускользнуть от наших похитителей, что не могли даже думать о том, как перейти в наступление.

Иногда нас выслеживали целители, а иногда защитники подбирались к нам слишком близко. Так что нам не оставалось ничего другого, как продолжать двигаться дальше и прятаться. Прошлым вечером мы заняли позицию и смогли так управиться с охотящимися на нас людьми, что получили ответы на наши вопросы, а именно: мы наконец узнали, что Бен был ещё жив и находился в Сан Франциско. Я даже не осмеливалась признаться в том, насколько хорошо себя почувствовала из-за того, что смогла снова применить мои способности и таким образом одолеть наших противников.

Я передвигала, достойный сожаления, маленький помидор на моей тарелке.

— Он будет наблюдать за аэропортами, автобусными станциями и за всем, за чем только возможно. Во время нашей первой встречи он поступил также, в чем позже сознался. Эти меры были приняты им для того, чтобы защитить общину от врагов. Целители поставили перед собой задачу, выяснить местонахождение защитников, чтобы знать, когда кто-нибудь из них отправится в Пацифику.

Ашер провел рукой по волосам.

— Об этом я тоже уже думал. Мы должны поехать туда на машине. За мотелями они наверняка тоже будут наблюдать. Поэтому я попрошу Лотти, подыскать нам дом.

К счастью у Блэквеллов было больше денег, чем у Джей-Зи. Если бы я была одна, мне бы не понадобилось много, но нас было трое, и это все меняло. С помощью денег легче было прятаться, однако они не решали нашей проблемы, когда мы вынуждены были постоянно перекусывать на ходу.

— И как мы найдем папу, когда будем там?

Люси окунула картошку фри в кетчуп.

— Я имею в виду, так, чтобы нас не поймали.

Я барабанила пальцем по столу. Вчера вечером у меня появилась идея, однако она не была такой уж хорошей. К сожалению это была единственная идея, которая пришла мне в голову.

— Что? — спросил Ашер, заметив мое нерешительность.

— Я думала о том, что они знают, что мы держимся вместе. Значит, высматривают троих человек.

Он подхватил мою мысль.

— И ты предлагаешь нам разделиться?

Люси открыла рот от удивления. Уже несколько месяцев я внушала ей, что мы будем вместе, что бы ни случилось. От моего предложения разделиться у нее должно быть голова пошла кругом. Однако другого решения я не видела.

Я поспешно продолжила.

— Только пока преследуем их. Мы должны выяснить, где они прячут папу. Скорее всего

у Алкаиса или Франка, как мне кажется. Если мы разделимся, то сможем прочесать больше территории, к тому же на нашей стороне был бы эффект неожиданности. Таким образом, они не узнают, когда мы отправимся спасать Бена.

Ашер и Люси молчали. Алкаис был садистом, пытавшим Ашера, поэтому я неохотно упоминала его имя. Люси, погрузившись в мысли, играла с ножом для масла, поворачивая его туда-сюда, отчего металл поблескивал на свету. Ашер, скрестив руки, рассматривал что-то на потолке. Так продолжалось несколько долгих минут, до тех пор пока Люси глубоко не вздохнула.

— Я сижу тут и ломаю голову над тем, как нам остаться вместе.

Она вскинула руки.

— Но мне ничего не приходит на ум.

— Мне тоже нет.

Ашер снова провел рукой по волосам, взлохматив их так, что они торчали дыбом.

— Значит, сделаем так? — спросила я.

Люси скомкала салфетку и бросила ее на тарелку.

— Я согласна. Надоело быть преследуемой. Было бы неплохо для разнообразия самой отправиться на охоту.

Её мрачное выражение лица вселило в меня неуверенность, даже если ещё только что, у меня в голове вертелась та же мысль. До сих пор она слушалась, когда Ашер и я давали ей приказы. Мы заботились о том, чтобы с ней ничего не случилось, но теперь всё будет по-другому. Намного опаснее. Больше всего мне хотелось где-нибудь спрятать её, но не было такого места, которое было бы достаточно далеко, чтобы быть в недосягаемости для наших преследователей. Кроме того, она всё равно не допустит, чтобы я обращалась с ней по особенному. Не тогда, когда нашего отца держат в заложниках, а мы можем его спасти.

Ашер кивнул.

— Я тоже за.

— Окей, — сказала я. — Итак, у нас есть план.

Я должна была почувствовать себя лучше от того, что у нас появился план. Однако я ощущала гнетущее предчувствие угрожающей беды. Наше время в Калифорнии доставило нам лишь горе и ужас. Что принесёт нам возвращение? И почему я не могла никак справиться с желанием того, чтобы Габриель пришёл нам на помощь.

Через два населённых пункта мы нашли пустой дом, на лужайке которого, была воткнута табличка с надписью «сдаётся в аренду». Небольшие исследования в интернете уже не раз помогали нам найти убежище. Дома, из описания которых становилось ясно, что в них можно сразу же заселиться, были именно то, что нам нужно. В конце концов такие дома часто стояли пустыми. От осознания вины, что мы вламывались к кому-то в дом, я быстро избавилась, после того, как напомнила себе, что наши враги сделают с Люси, если поймают её.

Сначала мы заселялись в мотели, но там нас можно было очень легко отследить. Трое подростков, регистрирующихся без родителей, просто бросались в глаза. В октябре нас чуть не схватили в одном из мотелей в Северной Каролине, после это нам пришлось изменить

нашу стратегию.

И если это значило, что нужно изменить своё представление о морали, тогда я могла с этим жить.

Пустующий, одноэтажный, кирпичный дом в стиле Тюдор находился в конце длинного переулка похожих домов. Он стоял достаточно далеко от соседних домов, так что мы осмелились по пути через тёмные комнаты зажечь наш фонарь. Дом не был просторным: лишь две спальни, ванная, гостиная и кухня. Когда мы распаковывали вещи, наши голоса отдавались эхом, а по стенам скользили тени.

Я выбрала спальню и расстелила на голом полу мой спальный мешок.

Обычно я ждала, пока Ашер выберет себе одну, а потом стелила мою постель рядом с его. Но учитывая то, как он избегал меня, это между тем было чистой идиотией. Из-за белой покраски стен и отсутствия мебели в комнате, невозможно было сделать никаких выводов о бывших жителях. Я услышала, как в гостиной, Ашер поприветствовал свою сестру по телефону, прежде чем протянуть его Люси.

— Как она? — сразу же спросила моя сестра. Несколько секунд спустя она попросила:

— Ты можешь передать, что мне её не хватает, и что я её люблю?

Каждый раз, когда мы разговаривали с сестрой Ашера, Люси задавала одни и те же вопросы. И каждый раз надежда в её голосе превращалась в безграничное разочарование, потому что Лаура снова не вышла из комы магическим образом. Я опустилась на мой спальный мешок, разглядывая руки, эти бесполезные конечности. Я не смогла помочь ни моей мачехе, ни матери. Это было связано с черепно-мозговыми травмами. Мою мать одна такая прикончила. Что, если Лаура никогда больше не проснётся?

Я скользнула в спальный мешок, вытянулась, смотря на балки на потолке. Потом расслабила поводья, с помощью которых обычно сдерживала чувства. В течение двух минут я просто хотела спрятаться и погоревать. Две минуты, в течение которых не буду делать вид перед Люси, будто всё в порядке. Две минуты, в течение которых мне не нужно размышлять над тем, как быть с Ашером, когда он больше не мог вынести пребывания со мной в одной комнате.

Я почувствовала его, ещё прежде чем он заговорил, и приготовилась к ещё одному столкновению.

— Ты совсем не хотела поговорить с Лотти? — спросил он.

Он стоял в дверях, упираясь обеими руками в косяк. Судя по его лицу, казалось, он не мог решить, зайти ему в комнату или нет. А так как я не хотела получить ещё один отказ, то и не пыталась пригласить его.

Я пожала плечами.

— Я слышала разговор Люси. Всё по-прежнему?

Наконец он сделал шаг в комнату.

— Да. Состояние Лауры стабильно, но ничего не изменилось.

Уже в течение четырёх месяцев преобладало это состояние: сегодня Люси тоже будет плакать, пока не заснёт, а я ничего не могла предпринять. Мы сражались против наводнения, которое снова и снова обрушивалось на нас, не имело значения, что я делала. Сегодня вечером я могла уйти под воду и утонуть, если скажу что-то не так.

— Люси уже выбрала себе место для сна? — поменяла я тему разговора.

— Да, она в комнате в конце коридора. Сказала, что ложится спать.

Он сделал ещё один нерешительный шаг вперёд. Одну секунду, одну блаженную секунду

я думала, что Ашер наконец захотел поговорить. Я опустила вниз ментальные стены, и вот он уже снова отступил на два шага. Отпусти его, Реми.

Разочарованно я отвернулась к стене и выключила свет.

— Ну, тогда, спокойной ночи, — сказал Ашер.

Я заметила, что он на какое-то время задержался в дверях. Были времена, когда мы с Ашером так гармонировали, что я могла угадывать его мысли, не читая их. В этот момент я знала, что он хотел дистанцироваться от меня, а что еще творилось в его голове, я и понятия не имела. Хорошо, он получит эту дистанцию. Постоянно бегать за ним, сводило меня с ума.

— Реми, прости, — прошептал он хриплым голосом. — Я пытаюсь не делать тебе больно.

Я забыла поднять стену, поэтому он смог прочитать мои мысли. Я села и посмотрела на него. Своим зрением защитника он мог разглядеть выражение моего лица, в то время как я видела в темноте лишь очертания его фигуры.

— Ашер, поговори со мной! Я не понимаю, что изменилось. До того дня в Таунсенд парке у нас было все в порядке. Ты изменился, — сказала я.

Парк с его лабиринтом был местом наших встреч, до тех пор пока Франк не выследил нас. Он схватил Ашера, а потом заманил меня к нему. Мы могли бы спастись бегством, но за счет нашей семьи.

— А ты нет, — ответил Ашер.

Прежде чем я успела спросить, что он конкретно имеет в виду, он продолжил:

— А я, ну да, изменился. Те вещи, которые они сотворили со мной... Что там произошло...

Я горела желанием протянуть к нему руки, но ему бы это не понравилось.

— Может, расскажешь мне, что произошло?

О том времени, что Ашер провел в плену, я знала лишь самое необходимое. На протяжении тех недель, когда он подвергался пыткам, я думала, что он мертв. Когда Габриелю и мне удалось спасти его, мы испытали настоящий ужас, увидев, в каком состоянии он находится. Он выглядел ужасно. Рана от задевшей его голову пули. Большая потеря веса. Полдюжины сломанных ребер, бесчисленные ушибы и порезы. Его поведение тоже изменилось. Если раньше он был самоуверен и высокомерен, то теперь старался держаться в тени, был напряжен и всегда начеку.

— Ашер? — спросила я, когда молчание затянулось. — Подойди, пожалуйста.

Он был не в состоянии говорить о случившемся. С этим я могла смириться. Если он будет знать, что я не собираюсь давить на него, то может, перестанет бояться быть рядом со мной.

«Ладно», — подумала я. «Я просто хочу удержать тебя».

— Я не могу... — прошептал он.

Я сощурилась и отвернулась от него.

— Хорошо. Тогда до завтрашнего утра. Окей?

Я гордилась, что мой голос не дрогнул, хотя на самом деле, мне хотелось забиться в какую-нибудь дыру, чтобылизывать раны. Вообще мне было не привыкать получать отказы; моя мать тоже избегала моих объятий. Как я могла упрекать в этом Ашера, после всего, что ему пришлось пережить? Я готов выдержать боль в десятикратном размере, лишь бы суметь прикоснуться к тебе, как-то сказал он. Однако это было прежде, чем мои силы сделали его способным чувствовать пытки. Я бы все отдала лишь бы вернуть те дни, когда

вернувшиеся ощущения Ашера выражались только в виде радостных поцелуев и горячих прикосновений!

Я вздрогнула, когда теплая рука прикоснулась к моим волосам и приподняла пряди на затылке. Я даже не заметила, что Ашер пересек комнату, но теперь чувствовала, что он сел на колени позади меня. Я замерла, когда его рука провела по моему плечу и соскользнула вниз, очерчивая линию талии и бедра. Даже сквозь спальный мешок и одежду моя кожа прямо-таки засветилась, проснулась и потянулась к нему, как будто он был солнцем. Он уже давно так не дотрагивался до меня!

— Мне тоже не хватает тебя. Дело не в тебе.

Он снова подслушал мою мысль.

— Нет?

Я не упоминала Габриеля, но это было и не нужно. Так получилось, что я заключила союз с обоими братьями, и они думали, что я сделала это намеренно. Теперь оба могли читать мои мысли, к тому же у нас прибавилось сил, прежде чем мои способности целительницы сделали Ашера смертным. Я думала, он больше не станет упрекать меня в союзе с Габриелем, но видимо ему трудно было пережить это.

— Дело не в Габриеле, — процедил Ашер сквозь зубы. Он до тех пор давил мне на плечо, пока я не перекадилась на спину.

— Мы можем поговорить? Могу я при этом держать тебя в объятиях? Только это, больше ничего?

Моя надежда росла. Я не знала, почему он передумал, но это не имело значения. Я кивнула. Он расстегнул молнию моего спального мешка и скользнул рядом, прижался ко мне сзади. До этого момента мне было не ясно, как я мёрзла, как каждый раз почти замерзала, когда он отшатывался от меня. Ашер натянул на нас верхнюю часть спального мешка и обнял меня за талию — тяжёлая и всё-таки утешающая ноша. Снова его губы прикоснулись к моей шее, и я вздрогнула от приятного ощущения, оттаяла, в то время как во мне, вокруг меня и надо мной распространилось тепло.

— Я люблю тебя, Ашер.

— Спи, Реми.

Я послушалась, и чувствовала себя так хорошо, как уже давно не чувствовала.

Я больше не могла дышать.

Лёгкие угрожали взорваться, внезапно я проснулась и оказалась в фильме ужасов. Руки сжимали мою шею, душили. Ещё прежде чем я открыла глаза в тёмной комнате, я уже попыталась освободиться из этой хватки, но что-то ограничивало мою свободу движений.

Я хотела оторвать эти руки от шеи, мои ногти при этом так глубоко впились в кожу, что они начали кровоточить. На одну секунду хватка ослабла, и я сделала глубокий вдох. Потом толкнула локтем назад, а другой рукой ударила в ткань, которая меня стесняла. Нейлоновая материя соскользнула с пальцев. Спальный мешок! Я вспомнила, что рядом со мной спал Ашер.

Мои глаза привыкли к свету ранней зари, падающей через окна без штор. Свет бросал тени на лицо Ашера, когда он склонился надо мной и проигнорировал руку, которой я пыталась его оттолкнуть. Он смотрел на меня ничего не выражающим взглядом.

— Ашер!

Его выражение лица не изменилась. Я упёрлась в его грудь, желая освободиться, но тесный спальный мешок мешал. С грубой силой Ашер сжимал мою талию.

— Ашер! — прокаркала я. — Прекрати!

Мой крик превратился в жалкое хныканье, когда его тело приземлилось на моё, тяжёлое и давящее. Он закрыл мне рот и нос рукой и таким образом обрезал то небольшое от воздуха, которое ещё поступало мне в лёгкие.

Сработали животные инстинкты. Ногами я не могла брыкаться, поэтому подняла вверх бедро. Потом ударила Ашера моей свободной рукой в висок, снова и снова била его кулаком. Ничего не помогало. Перед моими закрытыми веками засверкали светящиеся пункты.

Незадолго до того, как потерять сознание, руководство на себя взяли мои способности. Яркий красный свет замерцал в комнате и Ашер побледнел, когда моя боль перешла на него. Он сфокусировал свой взгляд и обнаружил под собой меня, увидел, что сжимает мою шею. Его глаза распахнулись, и он отпрянул, дергая за молнию, чтобы освободить нас. Наконец-то выбравшись, он всё дальше отодвигался, пока не наткнулся на противоположную стену.

Мои лёгкие жаждали воздуха, я кашляла и задыхалась, пока мои поспешные вздохи не превратились в отчаянное рыдание. В оцепенении я смотрела на него.

«Ты пытался меня убить!»

— Нет! О Боже, Реми. Не тебя! Мне жаль, мне так жаль...

Снова и снова он извинялся измученным голосом. Он протянул мне руку. У меня остановилось сердце, и я уже вскочила, прежде чем мысль о побеге полностью сформировалась. Я выбежала из комнаты, забежав в ванную, хлопнула за собой дверь и заперла её на замок. Ашер пытался убить меня.

Я опёрлась о раковину, потому что больше не могла держаться на ногах. В зеркале я увидела мой дикий взгляд, расширенные зрачки, которые почти поглотили голубой ирис. Мои лёгкие горели, а сердце бурно стучало.

Казалось, будто вернулся мой отчим. Дин регулярно жестоко со мной обращался, а я была не в состоянии остановить его. Если бы я не применила на Ашере мои способности, он бы... После только что пережитого насилия, страха и прилива адреналина, я начала безудержно всхлипывать, так что заболела грудь. Не контролируемо дрожа, я опустилась на пол, прижала щеку к стене и позволила течь слезам, в то время как ещё раз переживала давящую мне на горло силу моего парня.

Это был новый вид кошмара. Ашер перед моими глазами распался на кусочки. Он был тем человеком, на которого я могла рассчитывать, тем одним человеком, на которого я могла полностью положиться, но теперь всё закончилось. У меня вырвали из под ног землю, и я не знала, что делать.

И все-таки, я не могла прятаться вечно. Сдерживая слезы, я вытерла мокрые щеки дешевым, колючим полотенцем. Затем собравшись с силами, открыла дверь ванной комнаты. Сначала заглянула к Люси, чтобы посмотреть как она. Моя сестра все это время крепко спала, ну а почему нет? Когда Ашер перекрыл мне дыхание, я даже не могла кричать. У меня мурашки пробежали по спине, я была рада, что она ничего не заметила.

Мне нужно было собрать всю свою смелость воедино, чтобы вернуться в комнату. Ашер даже не сдвинулся с места. Поставив локти на колени, он сидел, обхватив голову руками, его грудь при этом поднималась и опускалась. Он тоже плакал. Та часть меня, которая любила его и знала, что он не хотел причинять мне боль, хотела утешить его. Другая часть хотела наброситься на него с кулаками, за то что он превратил меня в то, что я больше всего ненавидела — в маленького, загнанного в угол зверька. Я подняла защитную стену, чтобы обрести хоть какое-то личное пространство. В этот момент Ашер посмотрел на меня, его взгляд остановился на моей шее. Он с мучительным видом поморщился.

— Скажи, что с тобой все в порядке, — умолял он.

— Со мной все хорошо, — ответила я, однако меня выдал хриплый голос, показывающий, что я лгу.

Я опустила на пол напротив него, ближе не осмеливалась подойти. Он прямо передо мной боролся со своими демонами, но я не могла ему помочь. Вместо этого, я зарылась пальцами ног в ковёр, а волосы перекинула вперёд, чтобы спрятать за ними лицо. Когда Ашер приполз ко мне, я посмотрела на него с подозрением. Нерешительно он убрал мои волосы в сторону — а я вздрогнула, как будто он ударил меня. Сразу же он опустил голову, а его щёки окрасились тёмно-красным цветом.

— Можно мне тебе помочь? — прошептал он.

Мне не нужна была его помощь, чтобы исцелить травмы. Пока ещё я не могла контролировать гнев и боль. Его просьба, опустить мои стены, последовала слишком рано.

— Пожалуйста, позволь мне! — повторил он.

Он направил свой взгляд на меня, приглашая открыто посмотреть ему в лицо. То, что он напал на меня во сне, совершенно вывело его из равновесия. Он вот-вот потеряет над собой контроль, в то время, пока ждёт, что я начну на него орать. Я могла уничтожить его, и думаю, возможно, он даже хотел, чтобы я наказала его. Передо мной сидит Ашер, напомнила я себе.

Я кивнула и наконец опустила мою защиту вниз. Как будто больше не доверяя себе, он прикоснулся кончиками пальцев к моим пальцем ног. С его помощью, чтобы исцелить травмы на моём теле, мне понадобилось всего одну минуту. Синяки исчезли, а боль померкла, став лишь воспоминанием. Мне так хотелось забыть так же быстро и остальное.

— Что случилось, Ашер?

Мрачно он покачал головой.

— Приснился кошмар, — выдавил он из себя. — Я не знал, что это ты, Реми. Клянусь. Я никогда не причинил бы тебе вреда...

Внезапно он замолчал, потому что слишком хорошо знал, как сильно сделал мне больно. Красные отпечатки рук уродовали его кожу на запястьях и шее, там, куда я перенесла мои травмы. А на лбу, там, где я ударяла его, образовывались кровоподтёки. Я не знала, что мне сказать и поэтому молчание тянулось всё дольше.

Ашер придвинулся ко мне, выпрямил плечи и потёр шею.

— Мне снился сон. Я был с Алкаисом и людьми твоего деда в этой тюрьме. Вещи, которые они со мной делали... — Он сглотнул. — Каким-то образом я почувствовал тебя рядом со мной и принял тебя за одного из них. Я не знал, что это была ты. Клянусь!

Мой гнев улетучился, печаль осталась. Всё-таки я склонилась к нему, и наши плечи прикоснулись друг к другу.

— Я тебе верю, — сказала я.

Дин, этот ублюдок, наслаждался, когда причинял мне боль. Если бы я, хотя бы даже частично, предположила, что Ашера такой же, как мой отчим, тогда схватила бы Люси и сбежала с ней, так быстро, как только могла.

Мои слова помогли ему, это было заметно, всё же он откинул голову назад, ударяя ей по стене. Я вздрогнула.

— Mo crídhе, мне так жаль. Что к чёрту со мной такое? — спросил он хриплым голосом.

Прошое держало его в плену. Я должна была понять, что с ним такое. Его раздражительность и преувеличенная бдительность. Дистанция, которую он установил между нами. Постоянная печаль в глазах. Разве я не была такой же, когда жила с постоянной угрозой, что мой отчим может напасть на меня?

Я прикоснулась к его подбородку и повернула лицо к себе.

— Они причинили тебе боль, Ашер. Мы так заняты тем, что убегаем, прячемся и пытаемся выжить, что у тебя не было возможности остановиться и вплотную заняться этой проблемой. — Я замолчала и представила себе, что возможно он больше никогда не сможет преодолеть эту боль. Эта ночь доказала, что его раны всё ещё не зажили.

— Может быть... может быть будет лучше, если ты присоединишься к Лотти.

Мне так трудно было предложить ему это, сердце чуть не разрывалось на кусочки. Я не хотела, чтобы он покидал нас, но смотря по обстоятельствам, это было необходимо, чтобы он смог найти хоть в какой-то степени мир. Моя близость причиняла Ашеру вред. Я напоминала ему обо всём, что с ним приключилось, а так же о том, что ещё могло произойти, если наш союз сделает его ещё больше человеком. Если он будет рядом с Лотти, то по крайней мере эта проблема решится. В принципе он уже меня покинул.

Ашер прочитал мои мысли, и его челюсти напряглись.

— Ты действительно думаешь, что я позволю вам искать отца в одиночку? Ты действительно всерьёз так думаешь! — фыркнул он.

Его гнев разжег гнев во мне. Что бы я ни говорила или ни делала, его ничего не радовало. Я старалась все делать правильно, но в том, что касалось его, у меня ничего не получалось.

— Прости, но я такой же паршивый телепат как и ты. Ты отказываешься говорить со мной, откуда мне знать, о чем ты думаешь?

— Тогда позволь мне четко и ясно сказать: Я никуда не уйду!

Мы агрессивно сверкали друг на друга глазами.

— Прекрасно! — прошипела я, скручивая спальный мешок. Еще раз ложиться спать было бессмысленно, так что зачем пытаться? Ашер пришел мне на помощь. Когда наши пальцы соприкоснулись, моя злость тут же улетучилась.

Сегодняшняя ночь началась совсем по-другому.

Я вздохнула.

— Такое может повториться еще раз.

Я любила его, но не собиралась быть как моя мама, и искать оправдание для тех, кто причинял мне боль. Ни для кого. Такая жизнь разрушала мою душу, кусочек за кусочком.

— Не повторится. Я клянусь тебе, еще раз такое не произойдет!

Его страстное обещание успокоило мои расшатанные нервы. Я сделала вид, что не заметила, что он отодвинулся от меня. Он поднялся, его голос зазвучал увереннее, как будто он нашел новый фокус.

— Реми, я думаю нам нужно держаться на расстоянии, — спокойно объявил он.

Да, добавь ещё! Я всё ещё сидела у его ног и теперь на пятках опрокинулась назад. Воздух вышел из моих лёгких, рот открылся.

— Ты хочешь порвать наши отношения?

Даже для меня мой голос прозвучал так, будто я совершенно уничтожена.

— Нет! Боже, я и это ещё испорчу! — Он закрутил плечами, чтобы расслабить их. Я замерла.

— Не хочешь, тогда пожалуйста объясни мне, что ты имеешь в виду, потому что мне показалось, будто ты только что, порвал со мной отношения?

Он поднял мой спальный мешок с пола, беря его под руку.

— Реми, я только предложил держаться на расстоянии, чтобы дать друг другу пространство. Я знаю, что в последнее время ты чувствовала моё напряжение.

Смущённо он переминался с ноги на ногу. Я предположила, что она размышлял над этим уже какое-то время, потому что когда говорил «расстояние», имел в виду, что хочет держаться от меня подальше. При этом в его голосе звучала почти что надежда.

— Я называю это игрой слов, — сказал я.

— Реми, это не честно!

Я закрыла глаза и подняла ментальную стену вверх, чтобы заблокировать его. Я боролась за него в течение нескольких месяцев. Терпеливо ждала, что он повернётся и посмотрит на меня. Теперь у меня больше не осталось сил. Как и он, я больше ничего не хотела испытывать. Больше не хотела чувствовать обиду, когда он снова отвергнет меня, потому что это постоянная пытка была хуже, чем любая рана, которую я переняла.

— Что же, хорошо, — сказала я безучастным голосом, — я согласна.

Он наблюдал за мной с разочарованным выражением лица, когда я вытащила из сумки свежие вещи, и загородил дорогу, когда я хотела пройти мимо него.

— Пожалуйста, не говори таким тоном, Реми, — умолял он. — Я всё ещё тебя люблю!

Я прижала вещи к себе и уставилась горящими глазами на его грудь. Мне хотелось плакать, но я не желала, чтобы он увидел мои слёзы. Это был бы последний гвоздь в гробе моего унижения.

— Но больше уже не так, как раньше, верно? Потому что ты изменился, а я нет.

Я пожалала плечами и попыталась, не смотря на ком в горле, сглотнуть.

— Всё хорошо, Ашер. В конце концов, так, как всё шло, не могло продолжаться. Просто что-то должно было разрушиться. — Только я не ожидала, что это «что-то» будут наши отношения.

У меня вот-вот потекут слёзы, поэтому я окончательно протиснулась мимо Ашера и побежала в ванную. К сожалению, ледяной душ не принёс никакого улучшения, но он заглушил звуки. И я не выходила оттуда, пока не отодвинула боль в самую глубь. Как же мне хотелось, чтобы я никогда не научилась снова плакать.

Ашер вырвал у меня сердце из груди и бросил его элементом на съедение. Месяцы молчания и то, что я с этим мирилась, взяли своё. Плохое настроение Ашера, растущая депрессия Люси и тот факт, что мне нужно было справляться с постоянным чувством вины и разочарованиями, совсем меня измотали. Любить людей было дерьмовым делом.

Когда мы собирали наши вещи, чтобы покинуть пустой дом, Люси заметила синяки на шее Ашера и царапины на его запястье. Я не исцелила его, а он не попросил об этом. Он оставил эти метки, в качестве наказания. Я объяснила Люси, что Ашер и я взяли перерыв в наших отношениях. Она обняла меня и не стала настаивать на том, чтобы я рассказала больше.

В пикапе я смотрела из пассажирского окна, не видя пролетающего мимо пейзажа, и в тоже время осознавая каждое движение, которое делала Ашер, ведя машину. Беседы, которые мы вели, прокручивались в моей голове ещё раз. Его обещание всегда любить меня, несмотря не на что. После Дина я построила вокруг себя стены толщиной в два метра, но Ашер разрушил их.

Каждый, кто тебе дорог, в конце концов причинит тебе боль.

Когда я влюбилась в Ашера, я думала, что оставила этот урок жизни позади себя, но некоторые вещи видимо никогда не меняются.

В нашей поездке в Сан Франциско минуты переходили в часы. Если Ашеру не нужно было задать мне прямой вопрос, он меня игнорировал. А я игнорировала его, если не нужно было отвечать ему. А Люси игнорировала нас обоих, после того, как её попытки заставить нас поговорить с треском провалились.

Когда мы добрались до окраины Сан-Франциско, внутри машины царил атмосфера морга, в котором мы все несли службу в связи со смертью моих отношений с Ашером. Его напряжение так возросло, что он только хмыкал, когда Люси давала ему указания. Это было наверняка связано с тем, что он вернулся на то место, где его похитили союзники дедушки. Интересно как он будет реагировать, когда мы приедем в Пацифику, туда, где над ним издевались?

Лотти нашла нам меблированный дом с тремя комнатами, расположенный недалеко от государственного университета Сан-Франциско. Ключ она спрятала в декоративном цветочном горшке. Живя рядом с университетом, мы легко могли смешаться со студентами из нашего квартала. Гараж для автомобилей простирался по всему нижнему этажу дома, а жилые помещения с окнами на улицу располагались на втором этаже. Из огромных окон с выступом открывался захватывающий дух вид на сверкающий океан и песчаные холмы, о которые бился ветер. Кое-какие люди отваживались совершать прогулку по пляжу, несмотря на жгучий ветер. Если бы я была в Мэйне, меня бы успокаивал такой вид из окна, но здесь, в Калифорнии, я не ощущала ничего подобного.

Чувствуя себя как никогда потерянной, я отвернулась от окон.

— Ты что совсем не хочешь пойти осмотреть местность? — спросила Люси.

Она выглядела озабоченной, но против этого я ничего не могла поделать. Ашер стоял в дверях кухни и смотрел на меня глазами, в которых читалась какая-то просьба. Я не имела ни малейшего понятия, что ему было нужно от меня, к тому же я была безумно уставшей. Мне пришлось несколько часов сидеть рядом с ним в машине и сдерживать себя.

Я избегала его взгляда.

— Я устала. Осмотреться можно будет и позже. Когда вы хотите начать разведывать местность?

— Сегодня ночью, после того как немного отдохнем, — сказал Ашер. — Думаю, ты и Люси должны будете последовать за Алкаисом в Пацифику, а я посмотрю, чем занимается Франк в своем доме в Президио.

Вероятно, он думал, что я буду протестовать, так как в его голосе слышалась задиристость. Однако я только кивнула.

— Хорошо.

Сказав это, я развернулась и сбежала в первую спальню. В крайне возбужденном состоянии, я закрыла за собой дверь, опустила жалюзи, чтобы затемнить комнату, разделась до нижнего белья и легла в постель. Уткнувшись лицом в подушку, чтобы не слышали остальные, я проплакала до тех пор, пока не заснула.

В какой-то момент я проснулась в совершенно незнакомой обстановке. Такое ощущение, что моя голова была набита хлопком — абсолютно ватная и никчемная. В доме царил тишина, как будто Люси и Ашер еще спали, а сколько было времени, я не знала. Я оделась и направилась в кухню, где с жадностью съела яблоко, чтобы хоть чем-нибудь

наполнить желудок. Коридор, начинавшийся от гостиной вел наверное к двум другим спальням. Двери были закрыты, и я не стала их открывать. Мне не хотелось никого будить, так как я не чувствовала, что готова находиться в их обществе. Часы на микроволновке показывали начало седьмого... Значит я проспала пять часов.

В ванной была горячая вода, и я с благодарностью вдыхала пар моего первого горячего душа за несколько недель. Помывшись, я переделалась в темные джинсы и черную футболку. Стараясь не шуметь, я зашагала на кухню босыми ногами, одновременно суша полотенцем волосы, достающие до бедер. В дверях кухни я замерла, увидев сидящего за столом Ашера поедающего мюсли. Мне хотелось развернуться и уйти в свою комнату, но это было невозможно. Мы приехали сюда, чтобы найти моего отца, и Ашер участвовал в этом, не важно сколько переживаний ему это доставляло.

Я продемонстрировала спокойствие, которого не испытывала и опустилась на стул, стоящий от него дальше всех. Он смотрел на меня грустными глазами, обнаружил мои опухшие, красные глаза и бледные щеки, после чего ему стало понятно, что я плакала.

— Ты готов к сегодняшней ночи? — спросила я, чтобы отвлечь его.

Он недоверчиво поднял брови.

— Боишься, что я выйду из себя, увидев Франка?

Я пожала плечом.

— Он выворачивает наизнанку все плохое, что есть в других.

Ашер отодвинул миску.

— Как-нибудь справлюсь. Что насчет тебя? Готова взяться за Алкаиса?

Произнеся имя Алкаиса, он с ненавистью надул губы.

— С ним я разберусь, — сказала я, и это не было хвастовством. До сих пор, во время наших столкновений, мне всегда удавалось заткнуть его за пояс.

Ашер отнёс свою чашку к раковине и помыл её. По дороге назад к столу, он повернул в мою сторону, как будто не мог сопротивляться притяжению, которое было когда-то между нами. Полотенце выпало у меня из руки, когда он потянул за него, и я стояла очень спокойно, когда он начал вытирать мне пряди волос. При этом я вдыхала его аромат, упиваясь знакомыми запахами. Одно мгновения я склонила голову и наслаждалась его тёплыми руками, ощущающимися через полотенце. Он делал такое уже один раз. Тогда я заболела гриппом и не смогла исцелить саму себя; со всеми моими способностями случилось временное короткое замыкание. Ашер так мило заботился обо мне, и я тут же влюбилась в него ещё больше. Воспоминание о том времени причинило такую боль, что я резко выпрямила спину и вырвала у него из рук полотенце.

— Пожалуйста, не делай так. Это только сбивает меня с толку.

Мышцы лица Ашера напряглись, но он кивнул, потому что понял. Он действовал по привычке. Но если я допущу, чтобы он приблизился, а потом снова отступил, это причинит боль в тысячу раз сильнее. У нас был лишь один шанс, только если я буду уверена в том, что он действительно хочет меня.

Люси спасла нас, когда зашла, зевая и потягиваясь, так что нам не пришлось говорить что-то ещё.

— Я смогла бы умять целого быка!

Я встала, чтобы приготовить две чашки с шоколадными хлопьями, и снова начала разговор об Алкаисе, как будто последних минут никогда не было.

— Алкаис считает себя непобедимым. Он сильно рискует, и если мы терпеливо подождём, он в какой-то момент сделает ошибку.

Этот жестокий тип использовал целительниц в качестве пластыря. Он намеренно рисковал, только чтобы его сестра Эрин снова его вылечила. Бесчленное количество раз. Этим он напомнил мне моего отчима, ещё прежде, чем я выяснила, что он был одним из мучителей Ашера. Алкаис был так же тем человеком, за кем последовал Габриель, чтобы найти Ашера, после того, как я узнала от Эрин, что он ещё жив. В общине целителей Франк она была моей единственной подругой. Без неё мы бы не нашли Ашера. Мой дед знал, что она помогла нам, и я молилась, чтобы он не наказал её за это. Я уже так много раз хотела ей позвонить, но всегда боялась, что таким образом наврежу ей ещё больше.

В то время пока я мыла мою чашку и ложку, Люси сказала:

— Я ещё даже не рассказала вам, что звонила Лотти, прежде чем лечь спать. Она упомянула, что разговаривала вчера по телефону с Габриелем.

— Ах да? — спросила я и почувствовала взгляд Ашера на моей спине.

— Да. Он где-то в Европе. Скорее всего зависает со своими старыми друзьями-защитниками, пытаюсь выяснить, слышал ли один из них о такой как ты. В соответствие с девизом, что кто-то должен что-то знать, но молчит. Он останется там ещё не какое-то время, чтобы посмотреть, сможет ли что-нибудь выяснить.

Но возможно Габриель просто делал всё от него зависящее, чтобы оставаться подальше от Ашера и меня. Во всяком случае, что-то подобное, он сказал мне при нашей последней встрече. Люси ничего об этом не знала, поэтому я сказала:

— Надеюсь, он что-нибудь выяснит. Нам может помочь любая информация.

После нашей трапезы, мы заглянули в гараж. Люси организовала нам новое транспортное средство, которое было на ходу. Ашер продолжит и дальше ездить на пикапе, в то время как Люси и я возьмём чёрный Мерседес, купленный Лотти. Кроме того, она для каждого из нас позаботилась о новом мобильном телефоне, которые мы теперь взяли с собой.

Люси села на пассажирское сиденье Мерседеса, играя с радио. Я колебалась, чтобы присоединиться к ней. Если что-то случится, то возможно я больше никогда не увижу Ашера... Но казалось он не разделял моих опасений и прошёл прямо к пикапу.

Хватит, Реми. Отпусти его. Сосредоточься!

Я как раз только хотела открыть дверь Мерседеса, как вдруг Ашер развернул меня к себе. Его взгляд был омрачён беспокойством, и он так крепко обнял меня, что я не могла дышать. Я вцепилась в него, сердце стучало, как сумасшедшее, а мысли помутились. Но объятия длились недостаточно долго.

Он отступил и поднял мой подбородок вверх.

— Будь осторожна.

Я кивнула.

— Ты тоже.

Мы разошлись, а потом забрались в наши автомобили. Только когда я увидела в зеркале заднего вида, как Сан-Франциско исчез позади нас, я поняла, что мы не сказали друг другу «Я тебя люблю!».

— Мне скучно, — сказала сидящая на пассажирском сиденье Люси, когда я закончила разговаривать по телефону.

— Лучше не начинай, — предупредила я ее.

Я кинула в нее упаковку от чизбургера. Она спокойно поймала ее и бросила на заднее сиденье, где уже лежал остальной мусор от фастфуда. Машину наполняли различные запахи, начиная от такос и заканчивая картошкой фри. Мы уже три дня наблюдали за домом Алкаиса и Эрин, но безрезультатно. Мы составили список того, как часто их мать Дортея возвращалась домой, или наоборот уходила на работу или за покупками. Эрин, Алкаис и их подруга Делия постоянно отсутствовали. Я в точности описала Люси, как они выглядят, поэтому она точно знала, кого высматривать.

Ашеру также не везло. Он прятался в лесу неподалеку от дедушкиного дома, и ежедневно подкрадывался к нему. Внутри загорался и гас свет, Ашер даже видел, как Франк время от времени проходил мимо окна, но из дома дедушка ни разу не выходил. Это было очень необычно, учитывая то, что в то время пока я жила у него, он почти все свое время проводил в Пацифике.

Наша ситуация очень разочаровывала меня, я боялась, что Ашер потеряет терпение и сам устроит разборки с Франком, если в ближайшее время ничего не произойдет. Несмотря на все наши переживания мы сидели на месте сложа руки, и ждали пока Алкаис и дедушка наконец что-нибудь предпримут. Это безделье действовало на нервы; не говоря уже о том,

что в наших с Ашером отношениях ничего не изменилось

— Что сказал Ашер? — спросила Люси, указывая на сотовый. — Есть что-нибудь новенькое?

Я покачала головой, от чего у нее тут же исчез проблеск надежды в глазах.

— Он по-прежнему ведет себя как засранец?

— Люси!

— Что? Так и есть. Он ведет себя как последний засранец!

Я пожалала плечами и не стала отвечать. В общем-то, она была права. Ашер был до такой степени напряжен, что часто кричал даже на Люси — человека, который говорил с ним более охотнее, чем я. Этим утром она пригрозила ему, что найдет его в его укрытии, если он хотя бы еще раз нагрубит ей. Ашер, прекрасно зная, какой болтуней она была, предпочел держать язык за зубами. Я вдруг пожалела о том, что раньше не натравила Люси на него

Несколько минут спустя Люси спросила:

— Могу я выйти?

Как только зашло солнце, мы припарковали машину на улице напротив пирса. Мы ждали темноты, чтобы я могла подкрасться поближе. В течение дня мы могли смешаться с посетителями пляжа, ночью нам была нужна тень в качестве перекрытия, прежде чем я смогу тайком приблизиться к дому. Целители слишком хорошо приглядывали за соседями, так что мы не могли показаться открыто. Поэтому, пока было светло, я, надев на голову бейсбольную кепку, скрывающую волосы и лицо, оставалась в машине, в то время как Люси в коричневом парике, который мы приобрели для неё, шла на разведку. Большинство целителей ещё никогда её не видели, и таким образом, она могла шпионить в этой местности, не привлекая внимания.

При виде пирса, на меня накатило много воспоминаний, однако совсем мало хороших. Во время моего пребывания здесь, я часто была вместе с другими подростками общины целителей — с Эрин, Алкаисом и Делией. Всегда, когда мы хотели, чтобы нам не мешали, мы шли к пляжу. Прежде всего с Эрин, я провела здесь много часов. Она напоминала мне мою сестру, а это, какое-то время утешало меня.

Рядом со мной Люси становилась всё более нетерпеливой. Она ненавидела сидеть в машине, но теперь, когда пляж опустел, она будет бросаться в глаза.

— Нет, — сказала я наконец. Солнце только что село. — Ты слишком сильно выделяешься.

Она вздохнула преувеличено громко, а я закатила глаза.

— Могу я тогда, по крайней мере, кому-нибудь позвонить? — спросила она.

— Кому?

Лотти она звонила уже час назад, а я только что коротко говорила с Ашером. Я нахмурилась.

— Тебе нельзя звонить Тиму!

Она скучала по своему парню. Оба, начали встречаться примерно в тоже время, как Ашер и я. Ей было очень сложно оставить Тима в Блеквелл Фоллс.

Люси резко повернула голову в мою сторону, сверкая на меня глазами.

— Это ведь дерьмо!

— Мне очень жаль. — Это действительно так. В этой ситуации у неё должно быть было такое чувство, будто она находится в ловушке.

— Это не правда. Для тебя не могло бы быть всё более идеальным. Твой парень ведь здесь.

Я попыталась не обращать внимания на её язвительный тон.

— Мы держимся на расстоянии. Но как бы там ни было: Тим ничего не знает о целителях и защитниках. Было бы несправедливо по отношению к нему, посвятить его в этот мир.

Люси отвернулась, тем не менее я услышала, как она пробормотала:

— Как будто тебя это волнует...

— Эй! Что это значит?

Она скрестила руки на груди, отказываясь смотреть на меня.

— Мне ведь ты тоже в общем-то не оставила выбора.

Я смотрела на неё ошеломлённо.

— Я пыталась защитить тебя! Я сделала всё, что было в моих силах, чтобы тебя не коснулось это дерьмо. — Я махнула рукой, включая во «всё это» и себя тоже. — Я даже покинула наш дом, чтобы с тобой ничего не случилось.

— Но ты ведь вернулась, не так ли? — выдавила она.

Небольшой кинжал скользнул между моих рёбер, а боль последовала быстро и резко. Я ахнула.

Люси прижала руку ко рту, а на её лице распространилось сожаление.

— Мне очень жаль! — сказала она. — Я не это имела в виду!

Я смотрела из окна, чтобы она не видела выражение моего лица. Когда я справилась с дрожью в голосе, я ответила:

— Всё хорошо. Не переживай из-за этого.

— Она прикоснулась к моей правой руке, лежащей на сиденье.

— Нет, я серьёзно, сестрёнка. Мне действительно очень жаль.

Её голос звучал так сокрушённо, что я повторила:

— Не переживай. Просто забудь, хорошо?

Я подавила боль. Она ранила мои чувства. Ну и что? Разве я могла винить её в том, что она обижалась на меня из-за того, что я сделала с её жизнью? Хотя моей вины и не было в том, что я уродец или что приехала в Блеквелл Фоллс. Но мне нужно было сильнее настаивать на том, чтобы вернуться в Нью-Йорк, или если уж это было не возможно, переехать куда-нибудь ещё. Но правда в том, что я хотела остаться в Блеквелл Фоллс. Я нуждалась в доме и семье, которые нашла там. Я любила их и поэтому была не в состоянии уйти. Я приняла это решение, и связанные с ним последствия затронули каждого, кто был мне дорог. Всех в моей семье и Блеквеллов.

На время мне удалось отогнать от себя эту мысль, но избавиться от нее окончательно я не могла.

Звонок моего сотового прервал напряженное молчание, и я с благодарностью ответила.

— Франк наконец активизировался, — сообщил Ашер без всякого приветствия. — Я следую за ним на пикапе. Думаю, он направляется в Пацифику.

Я выпрямилась.

— Ну наконец-то! Позвони, если мы тебе понадобится.

Он согласился, и на этом разговор был окончен. В зеркало заднего вида я увидела, что к нам направляется знакомая фигура. Скоро она пройдет мимо нас по дороге к пирсу. Я дала Люси знак, и мы обе нырнули вниз, когда девушка проходила мимо нас.

Она прошла мимо фонаря и села недалеко от нас на скамейку, откуда открывался вид на пляж.

— Люси, дай мне парик!

Она среагировала моментально. Я сняла шапку и надела парик, после чего внимательно рассмотрела себя в зеркале заднего вида.

— Реми? — дрожащим голосом спросила сестра. Наша ссора пока что была забыта. — Что случилось?

— Это Эрин, — объяснила я. — Оставайся здесь, ладно? Если я тебе понадобится, я тут же буду на месте. Если что-нибудь случится, ты знаешь что делать.

Я указала на то место, где сидела Эрин и удостоверилась, что Люси поняла о чем речь. Она кивнула и дрожащими руками надела мою шапку. Мне очень хотелось утешить ее, но на это не было времени.

Выйдя из машины я не направилась напрямиком к Эрин, а решила обойти кругом, чтобы потянуть время. Мой дедушка знал, что мне нравилась Эрин, и что она помогла мне. Если его люди обнаружили нас, вполне возможно что он послал сюда Эрин одну, чтобы заманить меня в ловушку. Я постоянно незаметно оглядывалась по сторонам. Удостоверившись, что мы были одни, я подошла к лавке и села рядом. Эрин по-прежнему не сводила глаз с моря, на темные волны которого, бившиеся о берег, падал лунный свет. Она была такой же, какой я ее запомнила.

— Хей, — нервничая, сказала я, вытерев вспотевшие руки о джинсы.

— Хей, — ответила она сдержанным тоном, которым говорила с незнакомцами.

Она украдкой взглянула в мою сторону, и мне тут же стало ясно, что она узнала меня несмотря на парик. Ее мускулы напряглись, а брови взлетели вверх.

— Реми? О боже!

Она вытянула руки, чтобы обнять меня, но я слегка покачала головой и она снова опустилась на место.

— Не привлекай внимания, — объяснила я. — Продолжай смотреть вперед и делай вид, что мы не разговариваем друг с другом.

Она послушалась и заметно расслабилась.

— Так хорошо снова увидеть тебя! — тихо сказала она, подтянула к себе колени и обхватила их руками в перчатках.

— Я тоже рада. Я переживала за тебя. У тебя были проблемы из-за того, что ты помогла нам?

Она пожала плечами и заправила концы своего красного шарфа в пальто.

— Да нет. Я соврала и сказала, что ты обманула меня, чтобы заполучить информацию.

Я почувствовала облегчение, за которым последовало удивление.

— Ты соврала? — спросила я. Мне было трудно представить, что она могла лгать. Эрин была одним из немногих душевных людей, которые мне встречались в жизни.

Ее тихий смех заставил меня улыбнуться.

— Знаешь, я умею врать. Тогда, когда у меня на это есть причина. И эту причину они мне однозначно предоставили.

До этого мгновения я даже не осознавала, насколько мне не хватало ее. Она так мило и дружелюбно приняла меня в свою общину. Рассказала все о чистокровных целительницах, которые могли лечить, но при этом сами не получали повреждений, как было в моем случае. Эрин была такого же возраста как Люси и была для меня лучом света во время моего

проживания в Пацифике.

— Мне так много нужно тебе рассказать! — сказала она. Ее глаза расширились от беспокойства. — Но сначала: Ты здесь? Ты с ума сошла? Это опасно!

Метрах в тридцати от нас ритмично и успокаивающе бился о песчаный берег океан. Я вдыхала соленый воздух, раздумывая над тем, как много я могла рассказать Эрин, чтобы не подвергать ее еще большей опасности. Я тоже подтянула колени к груди и обхватила их руками.

— Я здесь из-за Франка, — рассказала я ей. — Он кое-что отнял у меня, и я должна это вернуть.

— Франк, — прошептала она и глубоко вздохнула. — В конечном счете все сводится к нему, не так ли?

— Да. Я...

В сумке зазвонил телефон. Я посмотрела на экран. Это была Люси!

Я взяла трубку.

— Алкаис идет! — крикнула она паническим голосом. — Ты должна спрятаться! Он в любой момент может тебя обнаружить!

Страх заставил заструиться адреналин по моим жилам.

— Бери машину и уезжай, — приказала я. — Встретимся через полчаса в назначенном месте.

Я закончила разговор и услышала вдалеке, как завёлся мотор. Я молилась о том, чтобы она сделала всё так, как договаривались, и поехала к Макдональдсу рядом с автострадой.

— Это Алкаис, — прошептала я Эрин. — Он идёт. Мне нужно уходить.

Она кивнула, но схватила меня за руку. Моя ментальная стена была наверху, и всё же во мне пробудилось чудовище, которое хотело наброситься на неё, целительницу. Все защитники чувствовали тоже самое в присутствии целительниц. Поэтому у них имелись ментальные стены, и они тренировались использовать их уже с детства. Я оттолкнула чудовище в сторону.

— Встреться со мной завтра, — сказала Эрин. — По желанию мамы, завтра, я навещаю мою тётю. В девять я сяду на паром, идущий с Ферри Плаза в Тибурон. Это единственное время, когда я буду находиться одна.

— Я попытаюсь, — сказала я, но ничего не обещала.

— Позаботься о себе, Реми!

Я оставила её и прошла к стене, отделяющей друг от друга тротуар и намного ниже лежащий пляж. Потом перелезла на другую сторону и присев, спряталась в её тени. Сердцебиение было таким громким, что заглушало даже шум моря. Вскоре, поблизости от скамьи, я услышала хруст гравия от шагов.

— Эрин, что ты здесь делаешь, совершенно одна?

Голос Алкаиса прозвучал высокомерно, как никогда. На языке появилась горечь ненависти, когда я скользнула ближе к стене и прокралась к ступенькам, ведущим с пляжа к тротуару, где сидела Эрин.

— Ты ведь не моя нянька, — ответила она, показав больше смелости, чем я помнила, чтобы она проявляла по отношению к своему брату.

— Франк сказал, чтобы мы вечером, не уходили слишком далеко от нашего дома. Разве ты, глупая гусыня, не можешь делать то, что тебе говорят?

К счастью незнакомые люди, между тем, уже покинули пляж, в противном случае, они

заметили бы, что я крадусь вверх по лестнице. Почти добравшись до верха, я пригнулась ниже к земле, пытаясь взглянуть на Алкаиса. Я коротко подняла голову, и мой желудок сразу же взбунтовался, когда я увидела его в профиль. Он стоял спиной к пирсу и смотрел на Эрин. Серфер-блондин, с показным размахом бедра и ухмылкой, которую я помнила, уступил место мужчине с жестокой и агрессивной осанкой. Он хотел запугать свою сестру, а для этого использовал весь свой язык тела. Если он что-то сделает с ней, то пожалеет об этом! Я не боялась его. Однажды я поймала его на том, как он держал её руку над пламенем, чтобы заставить меня использовать мои способности. Тогда я в последний раз предупредила его. Только страх перед тем, что Франк может сделать с моим отцом, удерживал меня от того, чтобы сейчас вмешаться.

Эрин тихо вскрикнула, и я рискнула посмотреть ещё раз.

В этот момент я обнаружила Ашера. Он мчался сюда параллельно пляжу, приближаясь к Алкаису слева. Защитники двигались с очень большой скоростью, поэтому, собственно, его не должно было быть видно, но я видела, как он приближается со сжатыми в кулаки руками, как будто хочет расправиться с Алкаисом

Я опустила мою ментальную стену вниз и закричала:

— Ашер, не делай этого!

Он проигнорировал меня.

Эрин взглянула в сторону моего укрытия, и на одну короткую секунду, наши взгляды встретились. Должна быть она увидела моё, объётое ужасом, выражение лица, потому что её взгляд метнулся к Ашеру — и она замерла. Потом, она неожиданно обошла Алкаиса и быстро зашагала к тротуару. Алкаис шёл за ней по пятам.

Этот подарок Эрин, нужно использовать. Как только оба повернулись ко мне спиной, я бросилась вперёд, применяя собственную скорость защитницы, чтобы перехватить Ашера, приложив всю силу, я толкнула его за каменную стену. Мы перелетели через неё и грубо приземлились на песке. Боль я почти не почувствовала, когда Ашер скатился с меня и вскочил на ноги.

Я последовала за ним. С пылающим от гнева выражением лица, он занял нападающую позицию, а я начала неконтролируемо дрожать.

Потом собралась и прошипела:

— Достаточно!

Он только сейчас понял, кто был перед ним, и выпрямился. Я еще раз прислушалась к Алкаису и Эрин, не выпуская при этом Ашера из поля зрения. Голоса брата и сестры стихли. Алкаис видимо ничего не заподозрил. Благодаря Эрин. Во второй раз она спасла Ашеру жизнь.

— Почему ты меня остановила? — напал на меня Ашер. — Я мог бы отключить его.

— Да, а что потом? — Я еле сдерживалась, чтобы не начать кричать. — Хорошо, ты мог бы ему отомстить. Но что потом? Что случится с папой, если ты расправишься с одним из немногих людей, которые могли бы привести нас к Бену?

Мне хотелось с кулаками наброситься на него, я всеми силами сдерживала этот порыв.

— О твоём отце я в этот момент не думал, — вынужден был признать Ашер.

Я пнула по песку, который посыпался на его обувь.

— Ты вообще ни о чём не думал! А что с Эрин? Когда она сказала, что ты жив, она рисковала своей жизнью. Это её нужно благодарить за то, что мы тебя нашли! И ты бы сейчас отплатил ей тем, что подверг бы её опасности?

Напав на Алкаиса, он мог бы ранить и ее. По его лицу и тому как он двигается. Было видно, что он полностью потерял бы самообладание. При мысли о том, что с моей подругой могло что-нибудь случиться, я чертовски разозлилась. Мне даже пришлось отвернуться от Ашера, чтобы обуздать свои чувства.

Я досчитала до двадцати.

— Пойдем, — сказала я спокойным тоном. — Люси ждет нас в назначенном месте.

Бок о бок мы зашагали по пляжу. Я позвонила Люси и сообщила ей, что мы уже в пути. В ее голосе слышался страх. При виде Алкаиса она поняла, насколько реальной была опасность, было слышно, что она плакала. У меня ушло несколько минут, чтобы успокоить ее, после чего я закончила разговор. Борьба Ашера с самим собой была прямо-таки осязательной, все его тело было напряжено от подавляемых чувств. Я сняла парик и встряхнула его; после того как я уронила его на пляже, он бы весь в песке.

— Реми, — сказал Ашер. Подождал, пока я взгляну на него. — Мне очень жаль!

Он стыдливо втянул голову, и мой гнев немного остыл. Я была так разочарована и опечалена.

— Эффект неожиданности, это единственное, что у нас есть. И ты только что чуть все не испортил.

Он засунул руки в карманы джинсов.

— Ты права, — признал он. — Я увидел Алкаиса, и потерял голову от ярости. Внезапно всё снова оказалось перед моими глазами, и я хотел...

Он недоговорил. Неоконченная мысль повисла в воздухе, и от этого у меня все похолодело внутри. Он хотел что? Ранить его? Убить? На жестокость ответить жестокостью? Все что мы сделали в последние месяцы, только усилило тот кошмар, который мы переживали.

Ветер усилился, и я обхватила себя руками.

— Вообще, что ты здесь делаешь? Я думала, ты следишь за Франком?

— Он приехал сюда. Пока я искал, где припарковать пикап, и пришел к дому, Франк уже зашел внутрь. Думаю, он послал Алкаиса искать Эрин.

Три дня мы ждали, пока Франк покинет дом. Даже сейчас он мог быть у отца. Но этого мы не сможем выяснить, потому что Ашер прекратил слежку, вместо этого преследуя Алкаиса. Я не сказала эту мысль вслух, но подозревала, что Ашер тоже об этом знал. Мускулы на его лице напряглись, и он отвернулся.

Можно ли было надеяться на то, что он не будет действовать вслепую? Что будет, если он в следующий раз подвергнет опасности меня или Люси? Ашер попытался схватить меня. Его движение было таким неожиданным, что я оцепенела и уклонилась от него.

Его глаза сузились от горя, и он опустил руку. Я готова была закричать от разочарования. Я неделями буквально умоляла дотронуться до меня, всеми силами добивалась малейшего знака внимания. Это он просил держать дистанцию, и вдруг снова захотел прикоснуться ко мне.

— Я боюсь, Реми.

Он напряг челюсти. Страх был слабостью, а Ашер ненавидел быть слабым.

— Чего?

Он провел рукой по волосам, взлохматив каштановые пряди. Пытаясь подобрать слова, которые могли бы лучше всего описать его состояние, он то открывал, то закрывал рот, уставившись в одну точку позади моего плеча. Его ранимость исчезла, он еще раз усилил

защиту, оставив меня снаружи.

— Сейчас настал еще один момент, когда мне хотелось бы прочитать твои мысли, — мягко сказала я. Я приблизилась к нему, почувствовала, как его дыхание щекочет мне лицо, и мне так захотелось нежности.

— Впусти меня, Ашер. Позволь помочь тебе. Чего ты боишься?

Я осмелилась взять его за руку. Он не сопротивлялся, и я провела другой рукой по его щеке. Он склонил голову, как будто наслаждаясь тем ощущением, которое оставляли мои пальцы, прикоснувшиеся к его губам. В глубине его зеленых глаз вспыхнуло пламя, от которого во мне разлилось знакомое тепло. Он наклонил голову и поцеловал меня, приоткрыв своими полными губами мои. Не колеблясь, он обнял меня за талию и притянул к себе так, что я потеряла равновесие, а затем и голову, полностью растворившись в нем, в его аромате и вкусе.

Он не целовал меня так с тех пор, как мы были в Блэквелл Фоллс. В нашем поцелуе я выплеснула наружу всю скопившуюся тоску по нему. Я уронила парик. Мои руки гладили его тело, начиная от лопаток и спускаясь вниз к бедрам. Я хотела быть как можно ближе к нему. Без него было так холодно. Он пылал, и мне хотелось броситься в этот пылающий огонь.

Вдруг он оттолкнул меня. Без предупреждения. Я запнулась и чуть не упала, однако он успел подхватить меня. Все еще ничего не соображая, я, сощутив глаза, посмотрела на него.

— Вот этого! — стиснув зубы, выдавил из себя Ашер.

Я посмотрела на него в замешательстве, а он взял меня за руку. Только теперь я заметила зеленые искры, которые потрескивали там, где мы прикасались друг к другу. Я совсем забыла, как вспыхивал воздух, когда моё тело пыталось излечить Ашера. Я потеряла контроль над моими силами, и теперь быстро, подняла защиту снова вверх. Постепенно возвращался рассудок, и я поняла, что он поцеловал меня только с целью демонстрации. Я спутала страсть с манипуляцией и теперь казалась себе невероятной душой.

— Вот этого я боюсь, Реми! Каждый раз, когда я прикасаюсь к тебе и чем дальше я рядом, тем больше становлюсь человеком! — Он отпустил мою руку и отступил. Забрав так же своё тепло. Искры потухли и таким образом, также вся страсть, которую я испытывала.

— Разве ты не видела меня сегодня вечером? Не поняла, как медленно я двигался? И разве не заметила, как быстро ты догнала меня? Когда ты была вообще способна на такое?

Никогда. Так же, мои попытки победить Габриеля, никогда не венчались успехом, он всегда одерживал верх. У меня действительно не должно было быть сил, бросить Ашера на землю. Но правда в том, что это совсем не доставило мне проблем. Ветер задувал волосы в лицо, и я убрала их назад, завязав в пучок, в то время как размышляла, как на это реагировать.

Руки Ашера снова исчезли в карманах джинсов, и он качался на пятках туда-сюда.

— Я теряю мои способности, Реми, — сказал он, и каждый слог выражал отчаяние. — Какой тебе от меня толк, если я буду смертным?

При виде его очевидного горя, обида, которую я чувствовала, отступила на задний план.

Беспомощно, я пожала плечами. Раньше Ашер хотел стать опять смертным и молился о том, чтобы я смогла его исцелить. Теперь с этим покончено. Мужчина, стоящий передо мной, считал ужасным то, что с ним случилось, и постоянно от этого страдал. Я вздрогнула, увидев Ашера в таком упадке духа.

Он даже не захотел посмотреть мне в глаза, когда я заверила его:

— Это не твои дары, Ашер, которые делают тебя защитником. Это ты сам. Всё дело в том, кто ты, и во что веришь. Другие защитники, тут же убили бы меня, но не ты. Ты хороший мужчина, со способностями или без них.

Выражение его лица не изменилось. Я не смогла убедить его. Ещё один порыв ветра взметнул в воздух песок, который прилип потом к моей щеке. Я вытерла его и почувствовала слёзы. Но что они изменяют? Они ничего не наладят, а поплакав, не почувствуешь себя даже хоть немного лучше.

— Я лишь бремя, — настаивал Ашер. — Однажды, они используют меня против тебя, и это меня убьёт.

Я покачала головой.

— Что мне на это ответить? Я не могу предугадать будущее. Я не знаю, что случится.

Он немного присел, чтобы быть на уровне моих глаз, потом настойчиво посмотрел на меня.

— Пообещай мне, что ты никогда не пожертвуешь собой, из-за меня. Пообещай, что убежишь, если они когда-нибудь поймают меня.

Никогда в жизни.

Никогда в жизни я не оставлю того, кого люблю, на произвол судьбы. Моя мать умерла, потому что я оставила её одну с отчимом. Такого больше никогда не повторится! Мне не пришлось говорить ни слова, Ашер прочитал ответ по моему лицу. Он выпрямился, и уголки его рта поползли от разочарования вниз. Снова и снова мы спорили, на одну и ту же тему.

Он был готов пожертвовать собой ради меня, но не мог принять то, что я была готова сделать тоже самое.

— И что это теперь значит для нас? — спросила я.

— Я не знаю. Я действительно не знаю.

Позже этим вечером, я стояла под душем. Горячая вода барабанила по моей коже, смывая песок в сток. Люси, после нашего возвращения, сразу же исчезла в своей комнате. Ашер не присоединился к нам. Когда мы встретились на автостраде с Люси и высадили его возле пикапа, Франк выехал из дома Алкаиса. Ашер написал сообщение, что продолжит наблюдать за домом моего деда и позвонит завтра утром.

Я не стала протестовать, но это говорило о нас больше, чем я хотела признаться себе.

Стало очевидно, что наши отношения дали трещину, а может быть, даже совсем закончились. Как можно было быть вместе с кем-то, кто боялся прикосновений?

В груди разлилась боль. Ашер признал, что его дар стал слабее, но это была только одна сторона проблемы. Когда я атаковала его сегодня вечером, я чувствовала себя сильнее и быстрее него. Эти изменения должны были быть связаны, судя потому, как нас постоянно преследовали неприятности. Готова была поспорить, что энергия, которую я забирала у него, только усиливала мои способности, когда я «лечила» его.

Я прислонилась к стене душевой, раздумывая над тем, какие последствия будут иметь изменения в моем теле.

Ашера я уже потеряла.

Что, если я потеряю саму себя?

На следующее утро я проснулась рано, с мучительным чувством, что что-то забыла. Спала я плохо, так что, чтобы открыть глаза мне вполне мог пригодиться лом. Я ждала Ашера, который появился только около трех часов ночи. Чтобы согреться, я как кузнечик терла ступни друг об друга, затем забралась глубоко под одеяло и уже собиралась снова задремать, как вдруг вспомнила про Эрин. Мы договорились в 9 часов встретиться на пароме.

Откинув одеяло, я взяла сотовый, чтобы посмотреть на время. Было почти восемь. Времени едва хватит, чтобы одеться и отправиться к Эмбаркадеро. Эрин зайдет на борт Ferry Plaza, это значит, что кто-то привезет ее туда. Я не могла рисковать и столкнуться с этим человеком. Паром остановится на пирсе 41, прежде чем пересечет бухту по направлению к Тибурону. Я подсяду к ней на пирсе, чтобы как можно меньше подвергать себя риску.

Моей проблемой были Ашер и Люси, вчера вечером я забыла рассказать им о встрече. Я могла бы сделать это сейчас, но они бы точно начали возражать и анализировать встречу со всех сторон. Пока бы мы разработали стратегию, возможность была бы упущена.

Я быстренько натянула джинсы и футболку и просчитала все варианты: (а) рассказать Ашеру и Люси о встрече и потерять из-за последующей дискуссии драгоценное время или (б) идти без этих двоих и позже заплатить за это цену. Так или иначе, я хотела увидеться с Эрин, потому что она могла помочь нам найти моего отца. Эта мысль решила исход дела. Я

оставила на столе записку, схватила ключи от машины и на цыпочках прошла мимо комнат Ашера и Люси в гараж.

Полчаса спустя я припарковала машину напротив пирса 39, знаменитой туристической цели. Даже ранним утром возле сувенирных лавок вдоль пешеходных мостиков толпились многочисленные иностранцы. Я купила за 5 долларов футболку с Сан-Франциско и надела ее вместе с париком и бейсбольной кепкой. Затем медленно побрела за туристами, делая вид, что интересуюсь магнитами, рюмками и брелками в форме фуникулера или моста «Золотые ворота».

Потом я на пирсе 41 купила билет на паром и украдкой оглядывалась, ища защитников и целителей. Казалось, никого из них здесь не было. Первые пассажиры уже садились на борт, и я тоже встала в очередь. На борту я сначала не могла найти Эрин. На нижней палубе её не было, поэтому я поднялась вверх по лестнице. Не смотря на фантастический вид на мост Золотые Ворота и бывший остров-тюрьму Алькатрас, в это утро лишь немногие из пассажиров, решили противостоять холодному ветру, который дул здесь, на верхней палубе. В их числе Эрин. Я обнаружила её, укутанную в короткое пальто, вязаную шапку и шарф, она в одиночестве сидела на одной из деревянных скамеек, смотря на серо-голубую воду и голубое, безоблачное небо.

— Привет, — поприветствовала я её и опустилась рядом на скамью.

Она вздрогнула.

— Реми! А я уже думала, ты не сможешь прийти.

— Я хотела убедиться в том, что ты одна, — объяснила я. — Как всё прошло вчера вечером? Я беспокоилась о тебе.

Она пожала плечами.

— Нет необходимости. Алкаис был просто Алкаисом.

Значит гадкий мудака.

Улыбка заиграла на её губах, как будто она услышала мои мысли.

— Ты действительно его ненавидишь, да? — Я подняла брови вверх, а она добавила. — Я видела вчера вечером твоё лицо. И твоего друга.

Я поморщилась.

— Что сделал Ашер, мне жаль. Я думаю, ты возможно не всё знаешь о своём брате, не так ли? Я имею в виду то, что он натворил.

— Что ты именно?

Её коричневые глаза светились невинным светом, и я задавалась вопросом, сколько мне стоит ей рассказать. Подвергну ли я её опасности, если расскажу слишком много? С другой стороны, возможно она захочет нас поддержать, если узнает, на что способны Алкаис и Франк.

Она прикоснулась к моей руке, при этом её розовая, вязаная перчатка служила своего рода перегородкой, между её и моей кожей.

— Всё в порядке, Реми. Ты спокойно можешь мне всё рассказать. То, что Алкаис не невинный ангел, я знаю.

Конечно она это знала, в конце концов она, как его сестра, чаще всего оказывалась его жертвой. Тем не менее, я не думала, что ей было ясно, каким жестоким Алкаис мог быть на самом деле. Могла ли я действительно рассказать ей, какое он чудовище? Так как на кону стояла жизнь моего отца, я почти ничем не гнушалась. Разрушить все её иллюзии, по сравнению с этим, безобидное дело.

Наша поездка длилась двадцать минут, и я использовала их большую часть.

Эрин побледнела, когда я описала ей, что мой дед и Алкаис причинили Ашеру и мне. Похищение. Пытки. То, как Франк манипулировал мной.

Потом я рассказала ей об Иветт и других целительницах, которых он принёс в жертву, чтобы некоторые защитники, в обмен, работали вместе с ним.

— О, Боже мой! — прошептала она. Слёзы текли у неё по щекам и капали на шарф. — Я её знала. Иветт была одним из самых дружелюбных людей на свете. Она помогла везде, где могла.

Я думаю, Эрин даже не заметила, как сильно она дрожала; я обняла её за плечи, после того, как убедилась в том, что моя защитная стена на месте. Однажды я прикоснулась к ней, когда моя защита была внизу, и чуть её не атаковала. Тогда я в первый раз поняла, что в некоторых отношениях действую, как защитники и что могу похитить у целительницы энергию. Рядом с Эрин я должна быть осторожной, не то для неё, это станет опасно.

— Мы доверяли Франку, — сказала она прерывающимся голосом.

— Мне очень жаль, — ответила я.

Как же убого прозвучали эти слова! В конце концов, я только что, разрушила её мир до основания. Человек, о котором Эрин думала, что он заботится о ней и её семье, обманул её самым гнусным образом. И меня тоже.

— Если бы моя мать знала...

Она не закончила мысль. Может быть, она сейчас спрашивала себя, как много знала ее мать и как бы Дортея использовала эти знания. Мне этого не было известно, очень жаль, что я посеяла в ней сомнения. Потерянное доверие — это словно сорняк, буйно разросшийся в саду.

— А Алкаис! — продолжила она. — Я думала, что знаю, на что он способен... но то, что он сделал с твоим другом! Неудивительно, что вчера вечером, он выглядел так, как будто был готов убить моего брата.

Корабль качался на волнах и сбросил скорость, когда мы приблизились к Тибурону.

Наше время истекало.

— Я должна тебе еще кое-что сказать, надеюсь, ты не выйдешь из себя.

Я рассказала ей о матери, отце и о моей смешанной крови и наблюдала, как ее глаза, буквально вылезли из орбит.

— До встречи с Ашером, я не знала, что наполовину защитница. Да я даже не знала, кто такие целительницы и защитники. С тех пор, как я в прошлом году выяснила это, каждый пытается меня либо убить, либо подчинить своему контролю.

Я думала после моего признания, Эрин будет меня бояться. Все-таки она выросла со страхом перед защитниками. Но нет, она просто криво улыбнулась.

— Ну, так это многое объясняет, не так ли? Вот почему Франк хотел ставить на тебе эксперименты и доставал тебя этим. То, каким образом он заставил тебя вылечить Мелинду, было ужасно. Я считаю это непростительным.

Дедушка вынудил меня вылечить постороннего человека, сказав, что она член семьи. Она чуть было не умерла от редкой болезни крови, которую я переняла от нее. После всего этого выяснилось, что она вовсе не родственница. Этот гад, просто хотел выяснить, как далеко идут мои способности, чтобы потом использовать их в своих целях.

Эрин покачала головой.

— Люди гадали, почему ты ушла. Ходило много слухов.

— А что Франк говорит об этом?

Она натянула шапку на красные уши.

— Не много. Многое изменилось. Он часто пропадает, все время посылает наших мужчин с какой-то миссией, но они не говорят, где были и что делали.

Теперь я поняла, он направил их по моему следу.

— Все нервничают. Думаю, они понимают, что Франк что-то скрывает от них, но после всего, что он для нас сделал, никто не решается усомниться в нем. А оказывается, он преследует свои собственные цели, верно?

Я скорчила гримасу.

— Он думает, что с моей помощью, ему удастся выяснить, как можно создать целителей — мужчин, обладающих способностями целительниц. Либо это, либо он хочет использовать меня в качестве оружия против защитников.

Я не решалась рассказать ей больше, но правда просилась наружу.

— Эрин, он похитил моего отца и использует его в качестве приманки. Поэтому я здесь. Чтобы найти отца.

Эрин сидела, скорчившись, затем наклонилась вперед и поставила локти на колени. Она так долго молчала, что я уже начала думать, что она мне не верит, или что я зашла слишком далеко, рассказав ей лишнего.

Наконец она дрожа, глубоко вдохнула и с грустью посмотрела на меня.

— Он и правда монстр, не так ли?

— Да, — просто ответила я. В монстра его превратили защитники, когда на его глазах убили мою бабушку. Для них, она была всего лишь очередной целительницей, которую можно было использовать, а для него она была всем. Однако это никоим образом не оправдывало его действия.

Квакающий голос сообщил по громкоговорителю, что мы должны приготовиться сойти на берег. Я быстро продолжила.

— У меня нет права просить тебя о чем-нибудь, но я...

— Ни слова больше! Мне станет плохо, если ты будешь думать, что должна просить меня помочь тебе в поисках отца.

Она села и схватила меня за руку.

— Ведь ты это хотела сказать, верно? Ты не должна просить меня, Реми! Когда брат издевался надо мной, ты заступилась. Теперь моя очередь, помочь тебе.

Я сглотнула, пытаюсь подавить нахлынувшие эмоции, и благодарно сжала пальцы Эрин.

— Мы найдем твоего отца, Реми.

Впервые за долгое время, я действительно позволила себе поверить в это.

На обратном пути сотовый оповестил меня о получении нескольких смс.

«ВСЕ В ПОРЯДКЕ»? Это сообщение пришло от Ашера.

Сообщение от Люси было более четким и ясным, без обиняков: «ГДЕ ТЫ, ЧЕРТ ПУБЕРИ, ПРОПАДАЕШЬ?»

Мне было ясно, что они обидятся и разозлятся, узнав, что я действовала на свой страх и риск, поэтому я приготовилась выслушать все, что они об этом думают. Чтобы успокоить их,

я написала ответ: «Скоро буду дома».

Я села в машину, стоящую на пирсе 39, и поехала домой, постоянно проверяя, не следует ли кто за мной. Заехав в гараж, я еще какое-то время сидела в машине, мысленно готовясь к предстоящей ссоре. Вдруг, с моей стороны открылась дверь и меня одним рывком вытащили из машины. Выражение лица Ашера можно было описать как «гневное».

Ну или «взбешенное», тоже бы подошло. Сзади него появилась Люси, она выглядела примерно также.

— Где ты была? — задыхаясь от ярости, спросил он.

— Встречалась с Эрин. Я же оставила вам записку.

Я не хотела придерживаться оборонительной тактики, но мои слова сами вырвались наружу.

— Записку? Ты в одиночку исчезаешь и оставляешь всего-навсего коротенькое сообщение?

Люси удивленно уставилась на меня.

— Уму непостижимо.

Я открыла рот, чтобы ответить, но тут Ашер начал меня трясти.

— Ты делаешь, что хочешь, не считаешься с остальными! Ты вообще представляешь, что мы пережили, когда поняли, что ты ушла?

Когда я отпрянула назад, он отпустил меня и сжал кулаки.

— Мне очень жаль, что вам пришлось поволноваться из-за меня, но я должна была пойти на эту встречу! Я была предельно осторожна.

— Прекрасно, значит это нормально напугать нас до смерти, в конце концов, ты же была осторожна!

В словах Люси так и сквозил сарказм. Она выглядела так, как будто собирается продолжить кричать, но вместо этого внезапно развернулась и выбежала из гаража.

— Знаешь что? Даже смотреть на тебя не могу!

Это меня задело. Очень задело. Я рассчитывала, что они разозлятся, но не предполагала, что мои действия вызовут такую экстремальную реакцию.

— Эрин хочет помочь нам! — крикнула я ей вслед.

Люси замерла, ее тело напряглось.

— Я рассказала ей о папе, она попытается что-нибудь узнать.

Несколько секунд спустя, Люси пошла дальше, ничего не ответив. Еще оставался Ашер, с которым мне придется разбираться. Я закрыла дверь машины и прислонилась к ней. Он смотрел на меня, а я боролась с желанием увернуться от его пристального взгляда. Он покачал головой.

— Тебе ведь нисколько не жаль, так? Не по-настоящему!

Я вскинула подбородок.

— Мне жаль, что вам пришлось волноваться из-за меня.

— Но ты не сожалеешь, что действовала в одиночку, не так ли?

В его словах проскальзывало какое-то странное согласие, примирение, которое меня тревожило. Уж очень это было похоже на поражение.

— Ашер, что мне было делать? Люси и без того подстерегает множество опасностей. Если у меня была возможность не брать ее с собой на эту встречу, то почему бы мне ей было не воспользоваться? А ты...

Я замолчала, не в силах признать, что не доверяю ему. Глубоко внутри я волновалась,

как бы он прореагировал, если бы мы встретили Алкаиса или другого целителя. Чтобы он не увидел выражение моего лица, я отошла на несколько шагов. Как дать ему понять, насколько одинокой и брошенной я себя чувствовала, с самого начала нашего путешествия, после того, как он исключил меня из своей жизни?

В одном он ошибался. Я тоже изменилась, и не могла никому довериться. В последний раз, я чувствовала себя уверенно с Габриелем. Он вдруг предстал перед моими глазами таким, каким я его видела в последний раз, на кухне у Блэквеллов.

Он говорил такие вещи, которые испугали меня. Вещи, которые я пыталась забыть. Я не разговаривала с ним уже несколько месяцев, но неожиданно ощутила нарастающее желание услышать его голос.

Я вздрогнула, когда Ашер грубо засмеялся.

— Что смешного? — озадаченно спросила я.

— Ничего, черт побери. В любом случае не тот факт, что ты стоишь здесь передо мной и мечтаешь видеть на моем месте брата!

Его слова разозлили меня.

— Это неправда! — ответила я одеревенелым голосом.

— Ты неравнодушна к Габриелю, — упрекнул он меня, двигая челюстями.

Я мрачно посмотрела на него.

— Я уже говорила тебе, что Габриель мне не безразличен. Он мой друг!

Ашер снова засмеялся. Горечь в его голосе действовала мне на нервы.

— Правильно. Друг. Больше ты к нему ничего не чувствуешь. Обманывай меня, Реми, но не ври самой себе!

Мне надоело возражать, в ответ на эти упреки. Я выбрала Ашера. Даже Габриель знал об этом. Это Ашер отдалился от меня, не я от него.

— Ты правда в это веришь? — гневно спросила я.

— Не понимаю, о чем ты.

Я подошла к нему так близко, что мы почти соприкоснулись носками туфель.

— То, что ты называешь меня лгуньей, значит правильно, а как насчет тебя?

С меня хватит, надоело, молча, все проглатывать. Делать вид, что все в порядке, когда Ашер избегает моих прикосновений или придумывает отговорку, чтобы не оставаться со мной наедине.

Со мной было не все в порядке, и ситуация с Ашером не единственная моя забота. Мой отец похищен, мачеха лежит в коме, ко всему прочему, мне приходится заботиться о семнадцатилетней сестре. Я все потеряла, а он обращался со мной, как с прокаженной.

— А что со мной? — спросил он. В его голосе слишком поздно появилась настороженность.

Я положила ему руку на грудь и толкнула его.

— Дело не в Габриеле, и ты прекрасно это знаешь. Он для тебя просто очередная отговорка, чтобы оттолкнуть меня.

Так, как ты делаешь, уже несколько недель.

— Это не так.

— Обманывай меня, Ашер, но не ври самому себе! — перездразнила я его. — Наши отношения состоят только из одного человека. Даю тебе подсказку: Это не ты.

Ашер напряг челюсти, как он всегда делал, когда скрипел зубами. Он хотел накричать на меня, напасть.

Я раздосадовано посмотрела на него.

— Вчера вечером ты сказал, что для тебя ужасно становиться смертным, потому что ты не сможешь защитить меня.

— Ты думаешь, я солгал? — возмущенно спросил он.

Я покачала головой.

— Нет. Но я думаю, это была не вся правда. Ты не хочешь признаться, но на самом деле, ты злишься на меня. Очень злишься! Я причина того, что тебя взяли в плен. Я причина того, что ты чувствовал все их издевательства.

Глаза Ашера расширились от страха. Что-то сломалось в нем, после того как его пытали люди моего дедушки. Он не мог просто взять и забыть все это, и я понимала его.

Разве Дин не издевался надо мной годами? Разве меня до сих пор не мучили одни и те же кошмары? Я интуитивно протянула руку, чтобы утешить его, однако он сделал шаг назад — и моя рука повисла в воздухе.

Когда я наконец научусь?

— Ты можешь отрицать, сколько хочешь, но твое тело говорит правду, стоит мне дотронуться до тебя, — с трудом выдавила я из себя.

На секунду рот Ашера смягчился, как будто мне удалось достучаться до него, но затем в его лице появилась решимость.

— Ничего не получится, — резко сказал он. — Я останусь до тех пор, пока мы не найдем твоего отца, но тем не менее все кончено. Между нами все кончено.

Все и так было кончено, когда он предложил взять паузу в отношениях. А может даже и раньше. Наконец я поняла, что имели в виду люди, говоря о разбитом сердце, потому что мое только что, разбилось на тысячу мелких кусочков.

Мне с большим трудом удавалось держаться на ногах, я пыталась выдержать мучительную боль, которую во мне вызвали его слова.

У Ашера зазвонил телефон, он ответил, страстно желая избежать нашего разговора. Я заметила, что это была Лотти, и отвернулась. Вдруг Ашер схватил меня за руку, и я все поняла по его лицу.

Состояние моей мачехи ухудшилось.

В Сан-Франциско было достаточно холодно, но Чикаго походил на холодный, ледяной ад. Все было покрыто снегом, а там, где его не было, был лед. В холле чикагского мемориального госпиталя напротив, было душно. Ашер обнял свою сестру, а я отвернулась, чтобы не видеть как естественно и свободно он дотрагивался до кого-то другого.

— Как дела у мамы? — спросила Люси, когда они оторвались друг от друга.

Лотти была как всегда красива. Со стрижкой боб до подбородка, красной помадой и угловатыми чертами лица она выглядела старше своих шестнадцати лет, как будто время заморозило ее. У неё такие же зеленые глаза как у Ашера и Габриеля, но она меньше их ростом. Как и Люси, она едва доходила мне до плеча.

Лотти поморщилась.

— Не очень хорошо. Мне очень жаль. Врачи расскажут лучше.

Она пошла к больничному лифту.

Ашеру, Люси и мне удалось попасть на ночной рейс в Чикаго. Это было не так-то просто, потому что мы постоянно прятались и боялись, что нас поймают люди Франка. Мы никого не заметили в аэропорту, но сама мысль о том, что они преследовали нас, обеспечила нам бессонную ночь. Последствия этой ночи выразались у нас в помятой одежде и в виде темных кругов под глазами. Я надеялась, что за ночь состояние моей мачехи улучшится, однако мрачный ответ Лотти уничтожил во мне эту надежду.

— О боже, — сказала Люси.

Она схватила руку Ашера, и я сказала себе, что это хорошо. Ей нужен кто-то, кто мог утешить ее, а Ашер, за последние месяцы, стал ей кем-то вроде брата. Странно, как кризисы сплачивают одних людей и разъединяют других. Во время полета, они хоть и не исключили меня совсем из своего разговора, но и не общались со мной много. Больше всего мне хотелось забраться в какую-нибудь дыру и замуровать ее за собой, но в данный момент, это невозможно. Поэтому я сосредоточилась на том, чтобы делать шаг за шагом и не забывать дышать, надеясь, как-нибудь пережить все это.

В лифте, Лотти бросила удивленный взгляд на переплетённые руки Люси и Ашера и порядочное расстояние между мной и ими. Ашер однозначно ничего ей не сказал. Я устояла на свои ноги, избегая тем самым ее вопросительного взгляда и одновременно называя себя трусихой.

— Нам сюда, — сказала она, когда двери лифта открылись.

Мы вышли из лифта на этаже, где находилась реанимация. Я ощутила запахи больных людей и химикалий, которые использовались для уборки, еще чуть-чуть и у меня начнётся паническая атака. Я никак не могла подавить в себе желание убежать. До сих пор, посещение больницы, не приводило ни к чему хорошему. Пока я плелась за остальными, на меня нахлынули воспоминания, которые я судорожно пыталась прогнать. Сегодня нет места для воспоминаний о маме! Я не хотела вспоминать о том, как она умерла от похожего ранения, которое получила Лаура.

Лотти показала нам пустую комнату ожидания и пошла искать медсестру. Мы сняли наши зимние пальто, и так и остались стоять, молча и со смущенным видом, до тех пор, пока она не вернулась с врачом Лауры, средних лет японцем, с успокаивающим баритоном. Доктор Окада рассказал нам о состоянии моей мачехи, применив при этом множество профессиональных, медицинских терминов.

— Я ничего не понимаю, — беспомощно сказала Люси. — Что все это означает?

— Мне очень жаль, — сказал доктор Окада. — Ее сердце слабеет, а трансплантацию она не выдержит. Боюсь, что это только вопрос времени. Может быть один день, а может и того меньше.

У Люси земля ушла из-под ног. Она навалилась на меня, сотрясаемая рыданиями. Ее слезы намочили мою футболку, я успокаивающе гладила ее по спине. В это же время, я почувствовала, что сама отключилась. Отключила все системы. Боль унеслась прочь, и на меня навалилась моя старая спутница — апатия. Мне снова предстояло взять все в свои руки, как я делала все эти годы, заботясь о матери. Нужно будет обсудить подробности, составить планы и не спускать глаз с сестры. Вся ответственность лежит на мне, потому что никого другого нет.

Ашер прикоснулся к моей руке, а я посмотрела сквозь него. В моих планах на сегодняшний день, его не было. Я не могла заниматься еще и им. Он сглотнул и убрал руку.

— Вы можете пойти к ней. По очереди, — сказал врач, и вскоре ушел.

Люси продолжала всхлипывать, но уже тише. Дрожа, она оперлась на меня, икая и потея, как взвинченный ребенок. Я немного отстранилась, и увидела, какие у нее красные глаза и шокированное выражение лица.

— Люси, хочешь пойти к ней первой?

Она кивнула.

— Пойдем, — неожиданно мягко и дружелюбно сказала Лотти. — Я покажу тебе, где она лежит.

Она бросила на меня сочувствующий взгляд, после чего я вспомнила, что она в один день потеряла и родителей и брата. Она взяла Люси за руку и увела ее, оставив меня наедине с Ашером. Я отошла от него и села в голубое кресло. Стены комнаты были покрыты веселыми полосатыми обоями, а передо мной, висело типичное для больниц полотно, на котором изображены яркие цветы. Неужели кто-то всерьез думал, что такая картина может утешить, когда ты думаешь только о том, что твой родной человек, никогда не выйдет из больницы и не вернется к жизни? Идиоты!

— Реми?

Ашер повторял мое имя, пока я не посмотрела в его сторону.

— Все в порядке?

Наверняка, он прочитал мои мысли, поэтому лгать не имело смысла.

— Моя мачеха при смерти, потому что я, это я. Нет, Ашер, совсем не в порядке.

Несмотря на всю резкость моих слов, они прозвучали без эмоций. Он замолчал, чему я была рада. В тишине было проще погрузиться в пустоту. Вскоре пришла Люси, судя по лицу, все еще в состоянии шока. Она нашла себе стул рядом с Ашером.

Я встала, чтобы пойти за Лотти, и вздрогнула, когда Ашер дотронулся до моей руки.

— Будь осторожна. Я знаю, она твоя мама, но... береги себя.

Я сделала шаг назад, так что он вынужден был опустить руку, и вышла из комнаты.

Немного пройдя по коридору, Лотти остановилась возле одной из дверей. Я прошла мимо нее, после чего дверь закрылась. Вот мы и остались одни: я, моя мачеха и неестественные звуки аппаратов, поддерживающих ее жизнь. Я понимала, что это Лаура, но в действительности видела свою мать. В моей голове лицо Лауры, сменилось на увядшие черты лица Анны, старые ушибы, окрасившие ее челюсть в темный цвет, и очевидный ужас в глазах.

Он будет преследовать тебя, предупреждала меня Анна. Он все знает. Во всём виновата я.

Ее последние слова были одновременно и исповедью и предупреждением: мой отчим будет посягать на мою жизнь! Она умерла, а я была не в силах что-то предпринять.

Черт возьми!

Я ущипнула себя за руку, чтобы не потеряться в воспоминаниях.

— Нет, — прошептала я. — Это Лаура, а не Анна!

Я нерешительно подошла к кровати Лауры с белыми простынями и розовым одеялом. Ее рыжие локоны стали длиннее, они обрамляли лицо, подчеркивая его бледность. Она очень сильно похудела.

Она и без того изящно сложена, но сейчас выглядела невероятно хрупкой. Я наклонилась и принялась. От ее объятий всегда исходил цветочный аромат, а здесь, она слегка пахла потом и средствами для дезинфекции.

Я намеревалась не поддаваться чувствам, но уже теряла самообладание. Эта женщина приняла меня с расprostертыми объятиями. За несколько месяцев, она проявила ко мне столько любви, сколько я не видела от своей матери за всю мою жизнь. Я могла в неограниченном количестве наслаждаться ее симпатией, хоть мы и не состояли в кровном родстве. Ища хоть какую-то опору, я ухватилась за спинку кровати. Что я наделала? Мне нужно было держаться от нее подальше.

— Мне очень жаль, мама.

В тишине комнаты, мой шепот прозвучал громко. Я выпустила энергию на свободу.

Может быть, врачи ошибались! Я собралась прикоснуться к ее руке, однако меня тут же подняли и увели от кровати.

— Отпусти меня!

— Нет, — ответила Лотти, держа меня мертвой хваткой.

Она покачала головой и ее волосы, подстриженные в форме боба, качались в такт движениям. Когда она мельком взглянула на Лауру, я заметила печаль в ее глазах. Это шокировало меня, ведь она терпела меня только из любви к Ашеру. Как-то раз, она даже пыталась натравить на меня защитников, чтобы разлучить нас с Ашером. А теперь она держала меня так, как сделала бы одна подруга, чтобы утешить другую.

— Она находится в такой стадии, Реми, — сказала она. — Что даже ты не сможешь ее спасти.

Я сникла. Я могла вылечить совершенно посторонних людей, но не эту женщину, которую полюбила всем сердцем. Тогда зачем мне вообще нужен был этот дурацкий дар?

Во мне нарастала горечь, вперемишку с печалью. Какое же все это дерьмо.

— Она не заслужила этого. Это несправедливо! — крикнула я.

— Нет. Это верно.

Лотти не говорила утешительных слов, в искренность которых я бы все равно не поверила.

— Пойдем, — вместо этого сказала она и потащила меня к двери.

Я незаметно освободила руку из ее хватки. Нахватало еще, чтобы еще один защитник из-за меня стал смертным. Я вышла вслед за ней из палаты. Лотти осталась стоять в коридоре, вместо того, чтобы вернуться в комнату ожидания. Она прислонилась к стене, сощуривая зеленые глаза.

— Что происходит между тобой и Ашером?

— Это ты у него должна спросить, — ответила я, уставившись в одну точку над ее головой.

Я не хотела быть той, кто расскажет ей, что Ашер порвал наши отношения. Если сделаю это, то рассыплюсь на кусочки.

— Ты что-нибудь слышала о Габриеле? — спросила я, чтобы отвлечь ее.

Она кивнула с оценивающим взглядом.

— Он спрашивает о тебе.

— Уверена, он волнуется за Ашера.

— Ну, да, конечно, Ашер.

Лотти ухмыльнулась, как будто знала, что я ушла от ответа на ее вопрос. Ее взгляд напомнил мне о том, что раньше она ненавидела меня. Я никогда не упоминала о том, что неразлична Габриелю, но может быть, ее брат сказал об этом. То, что я скучала по нему, ничего не значит, и я не могла допустить, чтобы Лотти раздула эту историю.

Я прикусила внутреннюю сторону щеки и направила взгляд на пол. Как будто снег ей был нипочем, Лотти носила черные туфли на высоких каблуках наряду со слишком обтягивающими джинсами. Мне были знакомы ее способности, и я знала, что, наверное, так и было. Я никогда не смогу отплатить ей за то, что она сделала для моей семьи.

— Лотти, благодарю тебя. Ты не обязана была это делать. Я имею в виду, оставаться здесь.

Она наклонила подбородок.

— Я знаю, каково это, потерять мать. Мне очень жаль.

Я кивнула.

— Мне тоже.

Больше сказать нечего, мы никогда не были подругами. Возвратившись в комнату ожидания, Я заметила, что Ашер почувствовал облечение, увидев меня. Они с сестрой обменялись взглядами, и у меня возникло подозрение, что это он послал ее за мной. Я не знала, что мне об этом думать, поэтому оставила эту мысль на потом. У Люси было совершенно зареванное лицо, а ее черные локоны совсем растрепаны. Она сойдет с ума, если останется сидеть в этом маленьком помещении.

Поэтому я схватила сумку, которую ранее поставила на пол и сказала:

— Пойдем, Люси, погуляем немного. Где-то здесь должен быть кофейный автомат.

По указателю мы дошли до ниши, в которой скрывались монетные автоматы.

Как ни странно, на самом деле мне не хотелось кофе. Я думала, что не проглочу горячую жидкость, но мне нужно было чем-то занять руки. Пока я искала в кошельке подходящую монету, мимо нас, быстрым шагом, прошла медсестра в розовой униформе.

— Ты попыталась излечить ее? — тихо спросила Люси.

Я замерла. Моя рука так дрожала, что я выронила монету. Она покатилась по полу, выложенному плиткой, и исчезла под автоматом. Я подождала, пока она исчезнет, прежде чем посмотрела Люси в глаза.

— Я не могу. Я бы очень хотела сделать это, но ее состояние слишком плохое.

— Пожалуйста, Реми! — умоляла она. — Ты должна попытаться!

Я вцепилась в сумку.

— Люси, я не могу. Ее ранения... они слишком тяжелые.

Хотя Люси знала, что мой способ исцеления состоит в том, чтобы перенимать раны на себя, тем самым рискуя потерять собственную жизнь, она начала меня трясти. Я чувствовала ее беспомощную злость, и мне хотелось просто закрыть на все это глаза.

— Ты должна! — настаивала она.

Ее ногти впились в мою кожу, но я не вырывалась. Неизбежная дверь захлопнулась, заперев меня в той части, которую я предвидела после звонка Лотти.

— Я уже пыталась излечить такую рану, — сказала я. — Это невозможно.

— Ты говоришь о своей маме, верно? Эта женщина была плохой матерью, но ты попыталась ее спасти. Моя мать была исключительно добра к тебе, в то время как ты лгала и злоупотребляла ее доверием. Как ты можешь отказаться помочь ей?

Я с трудом сдерживалась, услышав ее слова.

— Это не честно, — прошептала я. — Я люблю Лауру и готова все для нее сделать. Но даже если не говорить об опасности и все равно попробовать, то вряд ли что-то получится. При таких ранах как у нее, нет никакой гарантии.

— Ты должна попробовать. Пожалуйста!

Я колебалась, разрываясь между желанием выполнить ее желание и реальностью.

В конце концов, Лотти небезосновательно не позволила мне прикоснуться к мачехе. Случись это, я переняла бы ее травмы. Ее отказывающее сердце. Рану головы. Я могла бы умереть, и даже после этого, вполне возможно, не спасла бы Лауру. Все это предполагало то, что мои попытки вылечить ее сработают, хотя я была не в состоянии излечить собственную мать.

— Люси... — молила я, протянув к ней руку.

Не проси меня об этом.

Она с отвращением оттолкнула меня, мое сердце болезненно сжалось, когда я увидела ненависть в ее глазах.

— Ты виновата в этом, — жаловалась она. — Они ранили Лауру из-за тебя, и теперь ты просто позволишь ей умереть

— Хватит, Люси!

Мы обе вздрогнули, услышав резкий голос Ашера. Он смотрел на мою сестру и дрожал от ярости.

— Реми не виновата в том, что эти люди сбили твою мать. Она скорее умрет, чем допустит, чтобы с вами что-то случилось.

— Я бы поверила тебе, если бы мой отец не был похищен людьми, которые преследуют ее, а моя мать не была бы при смерти. Весело, правда? Со всеми что-то случается, только она всегда выходит сухой из воды. Вообще-то, ты должен лучше всех знать об этом!

Люси протиснулась мимо Ашера и ушла, но до нас еще доносились ее отчаянные всхлипывания. Ашер не знал, идти ли ему за ней или оставаться со мной. Я помогла ему принять решение, расправив плечи и сделав ничего не выражающее лицо.

— Иди за ней. Она не должна сейчас быть одна. Меня она, бог- свидетель, видеть не хочет.

Он помедлил секунду, затем кивнул. Я наблюдала за тем, как он уходит, и боролась с отчаянием. Люси во всем была права. Я представила, что бы сказал мой отец, будь он здесь. Но увидела лишь горечь и упреки, которые бы отразились у него на лице. Я не ранила Лауру, но из-за моих решений, нам приходится теперь все это переживать. Никто не заставлял меня ехать к Франку. Нет, это было мое собственное решение. Если бы я держалась от него подальше, дед бы никогда не узнал никаких подробностей, касающихся моих родителей. Ашер предупреждал меня, но я бросилась в омут с головой, будучи уверенной, что все под контролем.

Моя вина. Моя вина. Моя вина.

Ноги сами понесли меня к палате Лауры. У меня просто была такая судьба. Самые трудные решения иногда сводились к основополагающим истинам. Мое желание, чтобы Лаура жила, было сильнее, чем страх перед болью и смертью. Я с радостью возьму на себя ее раны. Дрожащей рукой я нажала на дверную ручку.

Кроме моей мачехи, лежащей как-то слишком тихо, в помещении никого не было. Мне нужно торопиться, пока не пришли остальные или меня не одолел страх. Я дотронулась до руки мачехи и просканировала ее тело. Сердце Лауры явно не в порядке. Больше того, ее голова казалась неприступной черной крепостью, и мой мозг сопротивлялся проникновению в нее. Может это защитный механизм моего тела. Во время исцеления я применяла мысли, чтобы управлять энергией. Но если я перейму повреждения головы, мысли станут затуманенными, и это помешает моему собственному исцелению. Неважно, по какой причине, но абсорбировать ее раны казалось невозможным.

Пытаясь попасть внутрь, я колотила по мозгам Лауры. Тщетно. Я направила все свои силы в ее сторону, но ничего не произошло. Мое тело инстинктивно боролось со своим смертным приговором. У меня получится, мама, подумала я и погладила ее по лбу. Я не сдамся!

Я представила, как мачеха обнимает меня после моего возвращения из школы, с какой радостью она приняла меня в свою семью и свой дом. Она гордилась моим хорошим

аттестатом, когда я закончила школу, и возмущалась тому, как со мной обращалась моя родная мать. Ее глаза были полны любви, когда она помогала мне собрать по кусочкам все части моего собственного Я, которые еще остались после всего того, что со мной сделали моя мать и отчим. Она приняла меня со всеми моими недостатками и помогла спасти, когда я думала, что недостойна спасения. За такие подарки невозможно вознаградить.

Во мне что-то оборвалось. Я прекратила бороться, и мои дары как ветви обвилились вокруг нее, исцеляя ее измученное тело. Ее сердце билось так быстро, как будто вот-вот взорвется. Позвоночник изгибался, она приподнималась, хватая ртом воздух. Ее мозг... о боже, ее мозг раскрылся, рана залечивалась. Она открыла глаза, и отчаяние сменилось надеждой. Однако в ее карих глазах была пустота. Она исчезла, женщины, которую я знала, больше не было в них.

Меня охватила паника, когда аппарат начал издавать предупреждающие сигналы. Я все сделала только хуже. Ее тело не справилось с энергией, которую я направила в него.

Ее сердце подпрыгнуло.

Начало биться с перебоями.

И остановилось.

Распахнулась дверь и чьи-то руки вытолкали меня из комнаты, прервав наш телесный контакт. «О, нет, опять»- подумала я. У меня был учащенный пульс, а сердце работало на износ. Пожалуйста, господи, нет!

Рядом со мной, в коридоре, появились Люси и Ашер. Люси плача смотрела, как врачи пытаются спасти Лауру. Никто не заметил, как я, охваченная сильнейшими болями, запинаясь, сделала несколько шагов назад, пока не врезалась в противоположную стену. И тут я поняла — у меня инфаркт.

Все поплыло перед глазами. Где-то вдалеке, на расстоянии миллиона миль, я услышала рыдания Люси и поняла — Лаура умерла.

Никто не заметил, как я сползла на пол.

Повреждения Лауры, перешли на меня. Удары моего сердца, ранее сильные и четкие, стали медленными и слабыми, по всей левой стороне тела, я чувствовала острую колющую боль. Грудная клетка была, как будто зажата в тиски, причем давление усиливалось, так что мне стало не хватать воздуха. Внутри черепа меня как будто кто-то колот ножом. У моего тела были все причины, почему оно сопротивлялось.

Прежде чем потерять сознание, я почувствовала, что включился инстинкт. Время остановилось, больничный коридор растворился, когда энергия, полилась к сердцу. На 10 самых длинных секунд моей жизни, моя сердечная мышца прекратила биться, чтобы затем снова вернуться к жизни.

Удар за ударом, мой пульс возвращался к прежнему ритму. По всем системам растекался адреналин и мой мир, на данный момент, состоял лишь из попыток контролировать дыхание, в то время как по телу, распространялись ледяные последствия моих попыток самолечения.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

— Реми?

Где-то надо мной раздался голос Лотти. Она сидела на корточках и неуклюже хлопала меня по руке.

— Мне очень жаль.

Лотти наблюдала за Ашером, держащим Люси, и я поняла, что она ни о чем не догадалась. Никто из них и понятия не имел, что я сделала. Она думала, что я согнулась от горя. Теперь у меня началось переохлаждение, которое всегда появлялось после процесса исцеления. Я уперлась в стену и встала на ноги. Ашер помог мне. Мое сердце снова выбилось из ритма, готовое вот-вот остановиться. У меня почти подкосились ноги, и мне снова пришлось прижаться к стене, чтобы стоять прямо. Каждый вдох и каждый удар сердца, сопровождались такой интенсивной болью, что у меня сводило зубы. Даже свет причинял боль, его флуоресцентные лучи обжигали затылок.

Мои движения привлекли внимание Люси. Она резко развернулась и как ангел мести указала на меня пальцем.

— Это твоя вина! — крикнула она.

В это мгновение я поняла, что было бессмысленно говорить ей о том, что я приложила все усилия, чтобы спасти нашу маму.

Она толкнула меня. Я ударилась о стену и чуть не упала.

— Это ты виновата в том, что с нами произошло. Ненавижу тебя. Слышишь? Ненавижу!

Ее крик привлек ненужное нам внимание, поэтому Ашер попытался ее успокоить. Он не мог даже посмотреть на меня. Лотти тоже подошла к Люси, и я воспользовалась моментом, пока все отвлеклись, чтобы шатаясь, уйти от них. Мои дрожащие конечности скоро подкосятся, но я, одной лишь силой воли, заставила себя двигаться дальше, даже когда начали стучать зубы и появился озноб. Я шла дальше до тех пор, пока не обнаружила вывеску, указывающую на больничную часовню. Я слегка нажала на деревянную дверь, и она открылась. Войдя в полутемное помещение, я с облегчением вздохнула, когда увидела, что внутри никого нет. Я истратила все силы, поэтому забившись в самый дальний и темный угол, я села на лавку и согнулась, когда меня прошиб холодный пот, и подступила тошнота.

Я должна была заплакать. Я хотела, но не могла. Слишком сильные были боли.

Должна сказать, то обстоятельство, что я выросла с Дином и моей матерью, научило меня справляться с болью. Когда я поняла, насколько сильно мой страх подзадоривал Дина, я нашла способы бороться с этим. Мой отчим направлял мои чувства, как оружие, против меня же самой, поэтому я похоронила все свои эмоции. Этим я занялась и сейчас. Когда дрожь прошла, я выкопала такую большую яму, что практически могла утверждать, что перестала что-либо чувствовать.

Почти.

Во время похорон, я спряталась за большими солнцезащитными очками и наблюдала за тем, как мою мачеху хоронили вдалеке от ее родины. Присутствовали только Блэквеллы, моя сестра и я. Это было неправильно. Стольким людям нравилась моя мачеха, она заслужила, чтобы эти люди находились рядом в этот момент, чтобы чествовать ее жизнь и скорбеть о ее смерти. Мой отец должен был быть здесь, чтобы оплакивать свою жену. Однако он даже не знал, что она мертва.

Моя вина. Моя вина. Моя вина.

Казалось, мое сердце бьется в такт этим словам.

После богослужения, мы поехали домой к Лотти. Она снимала двухкомнатную

квартиру, в которой жила все это время, пока заботилась о Лауре. Так как сейчас, в квартире находились четыре человека вместо одного, она казалась битком набитой. Печаль, витающая в воздухе, делала его тяжелым. Каждый вдох, был как тренировка на выносливость. Несмотря на холод, я прошмыгнула через раздвижную дверь гостиной на небольшой балкон. Свернулась калачиком на шезлонге и спрятала ноги под подол моего черного платья. Казалось, даже серое небо, скорбит по моей мачехе; оно проливало слезы, которых не могла пролить я. Дождь лил на небольшом расстоянии от меня, создавая невидимую стену и превращая снег в слякоть. Пока меня никто не видел, я на минуту опустила защитную стену.

Как только я перестала прятать боль, она снова захлестнула меня. Острая, постоянная боль стучала, как самая ужасная из всех мигреней, по внутренней стороне черепа и делала солнцезащитные очки необходимостью, чтобы блокировать свет. Сердце тоже иногда билось неровно, будто вот-вот взорвется. Моему здоровью был нанесен значительный вред, а все то малое количество энергии, которой я обладала, уходило на то, чтобы держаться на ногах и двигаться.

Я могла бы попросить Ашера помочь мне исцелиться, но эту идею я тут же отмела. Уж лучше терпеть боль, чем видеть, как он ненавидит меня, из-за того, что я сделала его слабее. С Лотти было тоже самое.

Оказалось, что скрывать травмы не так уж трудно, потому что все и так обходили меня стороной. Лотти держалась на расстоянии, чтобы не стать человеком. Моя сестра даже не смотрела на меня. А Ашер... Между нами все так изменилось, что я даже потеряла частичку своей души.

Раздвижная дверь открылась, и вошел Ашер, словно его позвали мои мысли. Может так и произошло, ведь я опустила ментальную стену. Он держал тарелку с едой, которую потом поставил на пол рядом с моим лежаком. Свой темный костюм, он сменил на джинсы и светло-голубую футболку, которая подчеркивала его мускулы. Он казался крепким и сильным, желание прислониться к нему было соблазнительным.

— Ты должна поесть, — озабоченно сказал он.

Знал ли он, что я чудом избежала смерти?

Я кивнула. Есть я не стану, мне просто хотелось, чтобы он ушел. Его присутствие и постоянно растущая дистанция между нами, только усиливали боль. Больше я не вынесу. Однако, вместо того, чтобы уйти, он сел на стул напротив меня. Я не знала, куда себя деть под его испытующим взглядом. Я знала, как выглядела. Даже спустя несколько дней после смерти Лауры, мои повреждения взяли свое. Я потеряла в весе, что собственно не могла себе позволить, также у меня были впавшие глаза, которые мне хотелось скрыть под солнцезащитными очками.

— С тобой все в порядке? — тихо спросил он. — Ты уже несколько дней практически не разговариваешь.

— Я справлюсь, — сказала я без эмоций и сменила тему. — Как дела у Люси?

Когда мы вернулись в квартиру Лотти, она сразу исчезла в ее спальне. Ее рыдания слышались во всех комнатах, только уединившись на балконе, я почти перестала слышать их.

— Не очень хорошо. Ты нужна ей.

Я скривила рот в невеселой улыбке.

— Она ненавидит меня. Я самый последний человек, который ей нужен.

— Это была не твоя вина. И она знает об этом.

Вранье. Пожалуйста, не лги мне, Ашер. Мне до боли хотелось верить ему. Грудную

клетку сдавило, и я потерла рукой левую грудь.

— Ты не должен заботиться обо мне, Ашер. Это уже не твоя обязанность. Забыл?

Пожалуйста, уйди.

Я просто хотела побыть наедине. Тогда все было проще. Но Ашер либо не слышал мои мысли, либо игнорировал их.

— Ты не можешь оставить ее горевать одну.

Я свесила ноги с края шезлонга и посмотрела на него.

— У нее же есть ты!

Он покачал головой.

— Я не ты.

Я думала об этом, покинув часовню. Люси нуждалась в ком-то, но меня она не хотела видеть. Ашер неохотно находился рядом со мной, потому что мои способности изменили его. Мы трое, поначалу были всегда вместе, когда же следили за целителями, то часто лишь вдвоем. Как правило, мы с Люси составляли одну команду, но как быть теперь?

— Ей нужен кто-то, кто поддержит ее. Я больше не могу быть этим человеком. — Мои губы дрожали; я так сильно прикусила их, что они начали кровить. — Лотти тоже не подходит для этой роли. — Я не решилась спросить Ашера, но он и так все понял.

— Ты хочешь, чтобы я приглядел за ней.

— Пожалуйста, — взмолилась я. — Она больше не будет одна, а ты избавишься от меня. Проблема решена.

Он напряг челюсти.

— Не говори так. Ты важна мне, Реми! Я знаю, тебе плохо, хоть ты и не признаешься в этом.

На мгновение я подумала, что он имеет в виду мои телесные повреждения, но чувства, читаемые на его лице, не подходили к его словам. Что-то было не так, но я не знала, что именно. Я в отчаянии заломила руки.

— Я скажу, что захочешь. Делай, что захочешь. Но пожалуйста позаботься о Люси. Я не хочу, чтобы она чувствовала себя одиноко.

— А для тебя нормально быть одной?

Я резко выдохнула.

— Я одна. Ты порвал со мной, помнишь?

Ашер отвел взгляд и покраснел от угрызений совести. Он оперся локтями о колени и скрестил руки. Он был так близко. Моя защита пошатнулась, я думала только об одном: Ашер, пожалуйста, дотронься до меня. Дай мне почувствовать что-нибудь другое, кроме боли.

На улице все еще шел дождь.

— Я не хотел, чтобы все пошло по такому сценарию.

Ашер говорил тихо, но уверенно.

Эта констатация охватывала все: он не хотел становиться смертным. Он не хотел быть взятым в заложники. Он не хотел нападать на меня во сне, когда ему приснился кошмар. Он не хотел рвать наши отношения за день до смерти моей мачехи. Он не хотел влюбляться в меня. Все это была не его вина.

— Я знаю. Мне жаль.

Я убрала волосы за уши и уставилась себе под ноги.

— Но я не знаю, чего ты от меня хочешь.

Его пальцы ног коснулись моих, и я отодвинулась. Нельзя было допустить, чтобы он дотрагивался до меня. Не в моем теперешнем состоянии, когда от меня всё ускользало.

— Я хочу знать в порядке ли ты.

«Я далека от того, чтобы быть в порядке»- подумала я и пожала плечами.

— Конечно. Разве бывает такое, что я не «в порядке»?

Он так пристально посмотрел на меня, как будто хотел прочитать мои мысли.

«Ты нужен мне, Ашер», — думала я. «Я сижу прямо перед тобой!»

Однако он встал и засунул руки в карманы, как делал часто в моем присутствии, чтобы не дотрагиваться до меня.

— Я присмотрю за Люси, — пообещал он. — Даю тебе слово.

— Тогда это всех устроит.

Ашер промолчал, и я не могла упрекнуть его в этом. Я и сама не верила в эту ложь.

Когда он ушел в гостиную, я прижала руки к животу. Мой желудок бунтовал и вдруг до меня дошло, что было не так: моя защитная стена опущена, а Ашер этого не заметил. Он больше не мог читать мои мысли.

Наш союз распался.

Песня Леди Гаги «Poker Face» прервала мой сон без сновидений. Мне потребовалась вечность, чтобы заснуть на диване, поэтому я была не в восторге от того, что меня снова разбудили. Я открыла один глаз и бросила взгляд на настенные часы в квартире у Лотти. Шесть часов вечера. Я простонала. Лотти забыла свой сотовый на журнальном столике. Мне придется потом убить ее ну или хотя бы побить. Рядом с сотовым, лежала записка, написанная рукой Ашера: «Люси, Лотти и я ушли перекусить. Не хотел тебя будить. Вернемся в семь.»

От меня не ускользнуло, что они видимо просто хотели держаться от меня подальше. Телефон снова зазвонил, и я по привычке взглянула на экран. Габриель! Я тут же, не раздумывая, схватила сотовый.

— Габриель?

На мгновение воцарилась тишина.

— Реми? — раздался его низкий голос. — А где Лотти?

Он не испугался, но в его сдержанном английском акценте, проскользнуло замешательство.

— Она ушла с Ашером и Люси что-нибудь перекусить. Я спала.

— Ах, извини, что разбудил.

Еще одна неловкая пауза.

— Как у тебя дела?

— Хорошо.

Ужасно.

— А у тебя как дела? Где ты пропадаешь?

— В Европе. Точнее говоря в Париже. Встретился с парочкой старых друзей. С другими защитниками. Есть одна история о ком-то, у кого такие же способности, как у тебя и кто

когда-то в 1660-ые годы произошел из двух родословных. Я немного навел справки, но кажется, эта история больше похожа на сказку, чем на правду.

Я тоже так считала и не верила в истории о таких же как я.

Он продолжил.

— О Франке я тоже пытался кое-что разузнать, но если здесь кто и знает защитников, работающих на него, то не говорит об этом.

Я обидела Габриеля, решив остаться с Ашером. Он сказал, что любит меня, но я отвергла его. Габриелю совсем не нужно чувствовать ответственность за меня, но тем не менее, он путешествует и ищет ответы.

— Спасибо за твои усилия, — сказала я хриплым голосом — Для меня это много значит.

— Реми, что-то ведь случилось, не так ли? — захотел он узнать. — Почему ты у Лотти?

Я вздохнула.

— Разве ты с ней еще не разговаривал? Или с Ашером?

— Нет, уже несколько недель. В конце концов, я нахожусь среди защитников, а про нас велось слишком много разговоров. Я не хотел рисковать. А что произошло?

Он понизил голос, окутав меня его звучанием. В голове, в районе глаз, снова началось пульсирование, и я опустила на подушку.

— Разве мы не все еще друзья? Ну, давай, Ремингтон!

Мое старое прозвище немного откололо верхушку айсберга, который нагромоздился во мне.

— Лаура, — вырвалось у меня. — Она умерла...

У меня прервался голос. Я подняла руку и прикрыла глаза.

Он глубоко вздохнул.

— О боже. Мне жаль, дорогая. И? Как ты держишься?

— Люси ужасно подавлена, — сказала я. — Во всем винит меня. Наверное, ей просто нужно время.

Всей жизни ей должно хватить.

— Я спросил не про Люси, а про тебя. Как ты?

Его мне еще никогда не удавалось провести.

— Я? Полагаю, ожидаемо, согласно обстоятельствам. Мое сердце разбито.

— Ты пыталась ее исцелить?

В его вопросе не было упрека, тем не менее, я сразу почувствовала себя виноватой.

— Она была слишком больна, — сказала я. Он предположит, что я не пыталась излечить её, это мне подходило. Да и что сделает Габриель, если узнает? У меня все сжалось в груди. — Неважно. Слушай, я думаю, ты должен знать...

Я колебалась. Если я расскажу Габриелю, что Ашер утратил свои способности, Ашер возможно разозлится. Смотря по обстоятельствам, будет лучше, если он сам обо всем расскажет брату. Причем тогда, когда сам посчитает нужным. Правда, на следующий день, мы собирались вернуться в Сан-Франциско. Вдруг с Ашером что-нибудь случится, до того, как он успеет проинформировать Габриеля?

— Да? — настаивал Габриель. — Что я должен знать?

— Позвони Ашеру, — сказала я. Это был мой компромисс. Габриель знал, что что-то не так, но я не могла предать Ашера. — Срочно, — добавила я, чтобы действовать наверняка.

На мгновение снова воцарилась тишина.

— Опять ты заботаешься о других, — сказал он, и я знала, что он все понял.

— А кто заботиться о тебе, Ремингтон? — нежно спросил он.

Я почти потеряла контроль над собой, но только почти, в конце концов, я уже несколько лет закаляла себя отсутствием чувств. Мне стоило только попросить, и Габриель присоединиться к нам, но я не хотела. Конечно, я была бы не так одинока, если бы он был здесь, но тогда, я использовала бы его и его чувства ко мне. Так плохо, мне уж точно не было.

Внезапно, меня одолела тоска по Габриелю. После всех этих месяцев, собственно не должно было бы причинять такую боль, слышать его голос и непринужденно вернуться к нашей дружбе.

Однако чувства нельзя так просто отключить. Я тоже не могла. Все что мне оставалось, это закончить разговор, прежде чем дам слабину.

— У меня все хорошо, Габриель. Ты же знаешь, я специалист по выживанию.

Я хотела, чтобы это прозвучало как шутка, что с треском провалилась. Я быстро попрощалась, на что Габриель не стал возражать. Наверное, он вспомнил, что я вообще-то, должна быть ему безразлична. Может быть, он, спустя столько времени, уже даже не любит меня. Каждый из нас живёт дальше своей жизнью.

Прошло несколько часов, прежде чем до меня дошло, что Габриель не знал, что Ашер бросил меня. У меня камень упал с души. Если бы он начал мне сочувствовать, я бы, наверное, сошла с ума.

Мы вернулись в Сан-Франциско примерно неделю назад. Однажды утром я налила себе чашечку кофе и, положив сотовый в карман пальто, на цыпочках вышла из дома. Я оставила записку, но не была уверена, сыграет ли она вообще какую-нибудь роль.

Где-то между Чикаго и Сан-Франциско меня обуяла ярость. Уже несколько месяцев я жила в аду. Меня бросил мужчина, обещавший мне когда-то, что весь мир будет у моих ног, а затем ушел, поняв, что этот мир не соответствует его желаниям. Моя сестра ненавидела меня, потому что я не смогла спасти нашу маму, и кидалась на меня при первой возможности, как-будто была единственной, кто пережил такую потерю. Порой мне хотелось броситься на них обоих, этот порыв иногда брал надо мной верх.

Поэтому я предложила на этой неделе отправиться на разведку одной; мне не хотелось наломать еще больше дров. Остальные как-то неохотно возражали против моего предложения. Это ранило меня. Мне нужно держаться от них на расстоянии, чтобы зализать раны.

За пару минут я прошла несколько кварталов до пляжа. Всю свою жизнь я провела у воды, в Нью-Йорке это был Ист Ривер, в Мэйне атлантический океан. Трудно представить, как можно обходиться без близости к воде, которая еще и напоминала о том, каким маленьким был человек.

Придя на берег, я села на песок, поджала колени и оперлась о них локтями. Попивая кофе, я наслаждалась шумом моря и нежным восходом солнца. Несколько серферов в

длинных неопреновых костюмах сидели верхом на своих досках, умело скользя по морской зыби. Время от времени они что-то кричали друг другу, однако я не могла разобрать слов. Все было окутано золотисто-розовым светом, отчего у меня стало меньше сдавливать грудь. Я сдвинула солнцезащитные очки на голову и закрыла глаза, чтобы вобрать в себя солнечные лучи.

— Привет, Лотти, — сказала я, не оборачиваясь. Для ее же блага я осторожно подняла ментальную стену. Затем снова надела очки, чтобы избежать мигрени, которую мог вызвать свет. Соблюдая дистанцию, Лотти села на песок. Туфли на высоких каблуках она сменила на кроссовки, что было нетипично для нее. Она не чувствовала холод так как я, тем не менее ее угловатое лицо слегка покраснело.

— Откуда ты узнала, что это я? — спросила она.

Я слегка улыбнулась ей.

— Ну, а кто же еще? Всегда ты. Ашер попросил тебя проследить за мной. В очередной раз.

Я уже предполагала, что патрулировала территорию не в одиночку. Я несколько раз ощущала ее присутствие, хоть Лотти и умела хорошо спрятаться.

— Ты знала об этом! — упрекнула она меня.

Я развязала шнурки, сняла обувь и вытряхнула песок.

— Ашер знает, что меня нельзя запереть. Поэтому он пытается использовать этот прием.

Лотти тоже сняла обувь, стряхнула ее и с отвращением посмотрела на песчинки. Она совсем не чувствовала их.

— Вы такие ужасно душевные. Он посылает меня следом за тобой, а сам присматривает за Люси. Почему бы вам не сделать нам всем одолжение и самим следить друг за другом?

— Ты знаешь почему, — сказала я, наблюдая за ней. — В конце концов, ты здесь по той же причине.

Лотти боялась смертности, поэтому не хотела иметь ничего общего с моими целительными способностями.

Она покраснела и замолчала.

— Могу я тебя кое о чем спросить?

Она рассерженно взглянула на меня, но кивнула.

— Почему ты здесь, Лотти? Я имею в виду в Сан Франциско?

Меня удивило, что она последовала за нами. В конце концов она никогда не скрывала своего намерения по возможности избегать меня. Она набрала в руку песок и пропустила его сквозь пальцы. Я сделала тоже самое, наслаждаясь тем, каким бархатистым он был. Морской воздух разбудил в моей душе воспоминания о песчаных замках и мороженом. Я могла так много чувствовать из того, что пережила. Лотти было отказано в этом. Я могла бы помочь ей, вернуть ощущения, но она наотрез отказывалась.

Она вытерла руки о свои дизайнерские джинсы, обдумывая последующие слова.

— Из-за моих братьев. Я все сделаю для них. Они единственные из семьи, кто у меня остались, и если я нужна им здесь, значит, мне нужно быть тут.

Я уважала ее решение, решение, которое я уже давно приняла для себя.

— Я понимаю, но одновременно с этим ты должна понимать, на какой риск идешь.

Я указала на нее и меня.

— Ты должна держаться от меня подальше.

Лотти скорчила гримасу.

— Хорошо, мамочка.

Видмо моё лицо выразило смущение, потому что вздрогнув, она пробормотала:

— О, прости.

Ветер растрепал ее элегантный, ухоженный боб, как попало раскидав темные локоны. Я вспомнила фотографию, которую видела на острове в доме Ашера. На ней она выглядела как подруга гангстера в 1920-ые годы. С утра пораньше она уже красила губы в типичный для нее красный цвет. Поэтому я не могла не спросить:

— Ты была Флэппер?

На ее губах появилась таинственная, ничего не выражающая улыбка.

— Танец Чарльстон мне знаком.

Она снова надела обувь и сказала, лукаво посмотрев на меня:

— Означает ли это, что мы делимся немного информацией о себе? Я тоже с некоторого времени очень хотела бы знать, когда ты решила изображать из себя Боно и постоянно ходить в темных очках. Они конечно красивые, но все-таки...

Я фыркнула и потерла грудную клетку, когда на меня снова накатила волна боли. Каждый день мои способности понемногу возвращались, тем не менее я еще не могла вылечить себя.

Сегодня утром я пошла на пляж, чтобы попытаться сделать это. Взгляд Лотти упал на мою руку и я опустила ее. К счастью в этот момент у меня зазвонил телефон и избавил меня от необходимости отвечать.

— Алло? — сказала я, ответив на звонок.

— Реми, это я, Эрин. Нам нужно встретиться.

Эрин не хотела говорить по телефону и в чем дело. Она настаивала на встрече, и я предложила заповедник Мьюирский лес. Он представлял собой шесть миль извилистых туристических троп с различными выходами. Достаточно большой ареал, чтоб наш враг смог перекрыть всю территорию, в случае, если это была ловушка. К тому же там было много туристов и местных жителей, вследствие чего нападение на открытом пространстве было слишком заметным.

Я поехала туда на пикапе, а Ашер и Люси следовали за мной на мерседесе. Проехав по мосту «Золотые ворота», я вспомнила, как дед обещал мне поехать вместе с ним в этот заповедник. Вместо этого, он привез меня в дом Мелинды и уговорил вылечить ее. Потом я перестала ему верить. И вот теперь, я не могла отделаться от вопроса о том, а не он ли скрывался за звонком Эрин.

Ветреная поездка по холмам в Мьюирский лес закончилась на переполненной парковке. Мне удалось найти место у входа, припарковавшись, я заглушила старенький мотор пикапа. Выпрыгнув из машины, я засунула ключи в карман куртки, одновременно нащупав спрятанный там же нож.

Я тепло оделась: джинсы, туристические ботинки, шаль, теплый голубой свитер и черная куртка до бедер. Мерседес приблизился, но проехал мимо меня. Как только Ашер и Люси найдут место для парковки, они последуют за мной на расстоянии, изображая пару на

свидании, в то время как Лотти будет прочесывать холмы.

Когда все трое проезжали мимо меня, я на мгновение встретилась взглядом с Люси. На секунду в ее глазах вспыхнуло беспокойство, после чего тут же исчезло.

Когда мы с Лотти вернулись с пляжа и рассказали Ашеру и Люси о предстоящей встрече, времени для дальнейших дискуссий уже не оставалось. У нас было всего несколько часов, чтобы собрать вещи и переехать на другую сторону бухты. Ашер выглядел так, как будто хотел отменить встречу, но я взглядом дала ему понять, что этого не будет. Он мог поехать или остаться, но я в любом случае поеду, пока есть возможность узнать что-нибудь о моем отце. Люси поддержала меня. После того, как Лотти воздержалась, нас было двое против одного, хотя мой союз с Люси и был очень шатким.

Я направилась к входу. Вообще-то мне не следовало радоваться, ведь я подвергала себя опасности, тем не менее, я была рада. Все — включая возможную ловушку — было лучше, чем чувствовать себя загнанной в угол, сидя дома вместе с остальными. Другие девушки могли носить поношенные штаны и дырявые футболки, есть мороженное, слушать дурацкую музыку и плакать на плече у подруг, после того как парни растоптали им сердце. Я же напротив, вынуждена продолжать жить с моим парнем, наблюдать за тем, как он утешает и поднимает настроение моей сестре. Не помогало даже то, что я сама попросила его об этом.

Купив билет и карту местности, я вошла в парк и с любопытством огляделась. Проходящая через каньон главная тропинка, была доступна для всех, к тому же имелись разные круговые дороги, располагающие к прогулкам.

Тысячи калифорнийских мамонтовых деревьев, самый высокий в мире вид дерева, вздымались к небу. Туман цеплялся за верхушки деревьев, загораживая большую часть света, поэтому я сняла темные очки. Асфальтовые — и дороги с деревянным настилом, окружали столетних гигантов. Полый ствол дерева был настолько большим, что в него могли поместиться несколько человек. Зеленый мох пускал ростки из влажной, красно-коричневой земли, рос на стволах деревьев и ветках. Слышалось пение птиц. Дети смеялись, бегали по дороге. Поблизости плескался Редвуд Крик. Путники, что-то кричали друг другу, стоя на дорожках, пересекающихся на холмах. В любой другой день, здесь была бы просто идиллия.

Я бродила по парку, опустив защитную стену, чтобы в случае чего учуять защитников, если они окажутся поблизости. У меня волосы встали дыбом, когда я что-то почувствовала, но не смогла распознать ничего угрожающего. Я шла, осматривая все вокруг. Мои шаги отзывались эхом на переплетающихся дорожках с деревянным настилом. Десять минут спустя, я обнаружила Эрин, которая как и договаривались, ждала меня недалеко от моста, возле Кафедральной роши. Это место находилось достаточно далеко, чтобы быть укромным, но не так далеко, чтобы там не было других посетителей парка.

В листве вроде бы никто не прятался...

— Эрин, — крикнула я, почти дойдя до нее.

Она вздрогнула и повернулась ко мне. В ее взгляде отражалась паника, пока она меня не узнала.

— Реми!

Она стояла, прислонившись к забору, окружающему туристическую дорожку. Я сделала тоже прислонилась к нему. Она постоянно смотрела по сторонам, не останавливая надолго взгляд ни на одном предмете.

— За тобой следили? — спросила я.

Она покачала головой, и ее светлые волосы, собранные в хвост качались в такт из

стороны в сторону.

— Нет. Они думают, что я пошла к Делии.

Она посмотрела на меня внимательнее и открыла рот от удивления.

— Вау, ты неважно выглядишь!

— У меня простуда, — соврала я.

Сегодня я чувствовала себя лучше, но так было всегда в начале дня, а затем я быстро начинала чувствовать себя вымотанной и уставшей. К вечеру, от меня часто оставалась одна тень, и мне срочно нужно было отдохнуть, хотела я того или нет.

— Ты уверена?

Прежде чем я успела уклониться, она дотронулась до моей руки. Я дернулась, но было поздно. Эрин выпучила глаза от ужаса и сочувствия.

— Реми, дело плохо! Если ты не займешься собой, то можешь умереть.

Очевидно, я могла скрыть свои повреждения от защитников, с которыми жила, но не от этой целительницы. Я улыбнулась, чтобы успокоить ее.

— Я работаю над этим.

Она нахмурилась.

— Если бы я могла, я бы помогла тебе, но у меня нет твоих способностей. Я не могу лечить такого рода ранения.

Я потянула ее за хвост.

— Не волнуйся. Мне просто нужно немного времени, чтобы прийти в норму. Потом я смогу вылечить себя. — До того как она успела засыпать меня вопросами, я быстро спросила, — Ты сказала, у тебя есть новости?

Я предложила ей пойти по дорожке. Я почувствовала в воздухе небольшое количество чьей-то энергии, и задрала голову. В густой листве мог скрываться кто угодно. Мы рассчитывали на огромную толпу прохожих в парке, чтобы держать наших врагов на расстоянии. Пока я обыскивала холм над нами, мне в глаз попал луч света, и я узнала ее по волосам. Лотти не отставая, следовала за нами по лесу на определенном расстоянии. Это ее я почуяла.

Казалось, Эрин не замечала моего дискомфорта, наоборот: ее карие глаза возбужденно сияли.

— Речь о твоём отце. Я не думаю, что он находится в Калифорнии!

Я резко остановилась, ноги не хотели нести меня дальше.

— Ты уверена?

Я сжала кулаки, чтобы не трогать Эрин.

Она взволнованно кивнула. Позади нее я заметила взгляды Ашера и Люси, которые приближались к нам с противоположной стороны. Они играли свои роли, держались за руки, гуляя по лесу. Когда они были в пяти метрах от нас, я посмотрела на Ашера. Он напрягся и поднял бровь, увидев выражение моего лица.

— Где...

Я даже не успела задать свой вопрос, потому что одновременно произошли две вещи: Лотти, предупреждая, свистнула со своего наблюдательного поста, а к Ашеру и Люси приближались сзади двое человек. Позади меня скрипнул деревянный настил. Я бросила взгляд через плечо и увидела, что оттуда тоже шел в нашу сторону человек. От всех троих шла защитническая вибрация. Мы оказались в ловушке.

Ашер и я среагировали немедленно, действуя в унисон. Мы схватили Люси и Эрин и

спрятали их между нашими спинами, а сами приготовились отразить приближавшуюся угрозу. С моим плохим самочувствием и ослабевшими способностями Ашера мы были не в состоянии справиться с тремя людьми одновременно. Где же Лотти?

Высокий человек передо мной, на вид старше тридцати лет, видимо думал тоже самое.

— Кого-то не хватает, — крикнул он своим друзьям. Судя по его изысканному английскому акценту, он должен носить смокинг, пить коньяк и соблазнять женщин, как второсортный Джеймс Бонд. Там, где линия волос отходила от висков, его черные волосы образовывали глубокое V. Темные бакенбарды оттеняли его худое лицо, а темно-синие глаза отвлекали от зауженного носа.

— Я больше никого не видел, — ответил другой с кокни-акцентом. Коротко бросив на него взгляд, я заметила у него на лбу большую родинку. Его партнер был маленького роста, носил кепку и блестящие лоферы. Они все, действительно были одеты скорее для бизнес-ланча, чем для прогулок по лесу.

«Хорошо»- подумала я, — «Значит, они не нашли Лотти».

Я обхватила нож в кармане и вытасила его. Неужели я снова буду вынуждена применить его?

Взгляд дешевой копии Бонда упал на мое оружие. Он тут же остановился и поднял руки вверх.

— Это совсем не обязательно.

Вокруг его глаз появились морщинки, как будто я его чем-то развеселила.

Я сощурила глаза.

— Что смешного?

— Ты, — сказал он. — Ты что всерьез думаешь, вы справитесь с нами троими?

Моя энергия секунду покружилась в воздухе, после чего я сказала, растягивая слова:

— Ну, мне не впервой. Ты еще помнишь, как ощущается боль? Я с удовольствием освежила бы тебе память!

Ашер дернул меня за куртку, он не хотел, чтобы я слишком раздражала незнакомца.

Наверное, он прав, но в общении с Дином, я научилась не сдаваться. Если дать слабину перед хищником, он будет использовать ее. Он повернулся к остальным, которые остались стоять на некотором расстоянии от нас. Они хоть и были наготове, но не пытались напасть.

Пока я отвлекалась на Ашера, дешевая копия Бонда подошел ближе ко мне.

— Лучше стой, где стоял, — предупредила я его.

Нож его не напугал, это было заметно по его веселой физиономии. Он сказал:

— Меня не остановит какой-то там порез, если я решу покончить со всем этим.

Я дрожала. Либо среди защитников уже ходили слухи о моих способностях, либо эти люди работали на моего дедушку. Было очевидно, что Франк послал их вслед за Эрин, предполагая, что она вступит со мной в контакт.

— Может быть, — возразила я. — Но это будет не единственным ранением, которое я нанесу.

Он с любопытством смотрел куда-то мимо меня. Я провоцировала его напасть, даже желала этого. Мои ранения, в лучшем случае, ослабили бы их, но мне хотелось снова применить свои способности. Я опять выпустила энергию, которая закружилась в воздухе, в этот раз однако дольше. Его лицо напряглось от боли, которую вызывает у защитников жужжание моей энергии.

Он выпрямился и немного отошел назад. Все его поведение превратилось из

угрожающего в галантное.

— Я не собираюсь причинять вам боль, — сказал он. — Я здесь, чтобы поговорить, мисс О'Мэлли. Всего лишь поговорить, больше ничего.

Он лгал. Защитники так просто меня не отпустят. Я ломала голову над тем, как мне защитить друзей, и видела лишь один выход.

— Супер. Позвольте моим друзьям уйти, тогда можем и побеседовать.

Рука сзади еще сильнее дернула меня за куртку. Я проигнорировала ее и встала так, чтобы лучше держать равновесие. Ашер не хотел все взваливать на меня. Я поняла его намек, вот только он обещал присматривать за моей сестрой. Если он хочет выбраться вместе с ней отсюда, то должен воспользоваться выпавшим ему шансом.

Оказалось, что эти мысли оказались лишними. Дешёвая копия Бонда скрестил руки и произнес: — Извини, но так не пойдет.

— Ну, тогда нам в общем-то не о чем говорить, не так ли?

Движение позади него отвлекло меня. Я не смогла разглядеть, что это было, но предположила, что это Лотти, пришедшая нам на помощь. Дешёвая копия Бонда заметил, что меня что-то отвлекло, и развернулся к новой угрозе. Я воспользовалась этим моментом. В то время как я, используя скорость защитника, бросилась на него, нечто расплывчатое пронеслось мимо нас. Надеюсь, Лотти сможет поддержать тех двоих.

Теперь мне, как нельзя, кстати, пригодились часы тренировок с Габриелем. Я врезала моему противнику рукой по горлу, прямо как написано в учебнике. У него перехватило дыхание. Он поднял руки к горлу, я нагнулась и размахом ноги, свалила его на землю. Далее я собиралась воспользоваться ножом. Я схватила его, но вдруг у меня отказали мышцы рук, помутилось сознание, отчего я пошатнулась и выронила нож.

Мое сердце сжалось и выбилось из ритма.

Не сейчас. Пожалуйста, господи, не сейчас!

У меня все поплыло перед глазами, после чего я упала спиной на землю и утонула в зеленой кроне дерева. Я в любую секунду ожидала нападения, которое, будучи беспомощной, не смогла бы отразить. Издалека послышался рев, затем до меня донеслись глухие удары кулаков, бьющие по коже и костям. Я жалобно застонала.

Надо мной появилось лицо дешевой копии Бонда и на секунду напомнило мне кого-то. Он больно схватил меня за плечо, и картинка в моей голове растворилась до того, как я смогла установить, кто это. Он хватал ртом воздух и от ярости сощурил глаза.

— Тебе надо было послушать меня. Теперь пойдём со мной!

— Никогда! — прохрипела я. Никогда в жизни я не позволю какой-то кучке защитников сделать из меня раба. Я хотела ударить его, но моя рука снова опустилась вниз.

— Ты не понимаешь. Мы...

Я услышала, как кто-то крикнул:

— Отойди от нее!

Габриель!

Но... это невозможно! Габриель ведь в Европе! Должно быть это Ашер.

Дешевая копия Бонда исчезла, как будто его кто-то катапультировал по воздуху, затем я снова услышала звуки борьбы. Когда я сделала осторожный вдох, вокруг моего сердца, как будто хлопнулся стальной обод. Люси вдруг оказалась рядом. Она заставила меня сесть, что вызвало такую адскую боль, что я застонала. Она подсунула мне руку под мышку и подняла с помощью Эрин на ноги. Опираясь на них, я пошла по дорожке. Рядом с нами,

держала руку на животе, хромал Ашер. Судя по его искаженному от боли лицу, рука была сломана.

— Где Лотти? — спросила я. Мы же не могли оставить ее одну. Она только что спасла мне жизнь.

— Я здесь!

Я оглянулась и обнаружила ее всего в нескольких шагах от нас. Я нахмурилась и остановилась бы, если бы Эрин и Люси не потащили меня дальше.

— Я не понимаю. Куда вдруг делись все защитники?

Они бы ни за что не дали нам уйти! Когда я упала на землю, все превратилось для них в легкую игру. Неожиданно меня покинули последние оставшиеся силы. Мое тело ослабло и я почувствовала, что в любую минуту могу упасть, потому как Эрин и Люси долго меня не удержат. И вдруг, в последнюю секунду меня подхватили и подняли в воздух.

Передо мной появились точеные, гневные черты лица Габриеля. У меня тут же промелькнула сумасшедшая мысль: я забыла какой же красивый Габриель.

— Они смотались, после того как я заехал их главарю по подбородку, — объяснил он. — Не двигайся, Реми. Мы позаботимся о тебе. Можешь отдыхать.

Он нежно прижал меня к груди, неся с легкостью, свидетельствующей о его силе. И я поверила ему. Впервые за целую вечность, я доверилась кому-то другому. Я расслабилась и ушла в бессознательное состояние, в котором не существовало боли.

Мы вломились ещё в один дом. До меня доносились обрывки разговора. Все единогласно решили, что мы не можем возвращаться в наш дом, пока не выясним, как они вышли на наш след. Лотти составила список пустующих домов в округе, которые могли бы послужить нам укрытием. Мы направились в близлежащий дом, находившийся в Саусалито, небольшой псевдо-художественной общине, расположенной на другой стороне бухты.

Кроме того, что в доме была мебель, я больше ничего не запомнила. Габриель положил меня на диван из коричневой замши, а остальные развалились на полу гостиной или в креслах.

Лотти закрыла ставни от солнца, и я облегченно закрыла глаза. Во время борьбы я потеряла свои солнцезащитные очки, вследствие чего у меня начались ужасные головные боли. Я собрала воедино всю свою энергию, чтобы стабилизировать сердце; головная боль осталась, но из-за того, что в комнате было достаточно темно, она переносилась легче.

Я с трудом села и подвела итоги последних событий: Лотти, Габриель и Эрин видимо не получили в результате нападения ни единой царапины. У Люси был порез на лбу, о котором уже позаботилась Эрин. Мне было интересно узнать, что бы она подумала, узнав, что находится в одном помещении с тремя защитниками. Вполне вероятно, она побежала бы с криками домой. А мы, в лучшем случае, могли бы надеяться на то, что к тому времени, будем уже далеко.

Ашер сидел в кресле у камина, вытянув длинные ноги. Он откинул голову на спинку

кресла и наблюдал за мной с непроницаемым лицом. Габриель сидел рядом со мной на диване, наши бедра соприкасались. Его волосы, между тем, уже доходили до затылка, темно-коричневые локоны спадали на лоб. У него те же зеленые глаза, то же строение костей и тот же правильный акцент, что и у Ашера, однако он выше и мускулистей. Раньше меня пугал его рост, но теперь меня гораздо больше волновала его красота. Он был просто безбожно красивым. Я не могла на него смотреть дольше одной секунды, иначе непременно краснела, даже если на то не было причины. Я ведь не думала о нем как о мужчине.

Габриель не позволил, чтобы его игнорировали.

— Что, черт побери, произошло в парке?

В помещении стало очень тихо, все взгляды направили на меня. Черт. Обязательно Габриелю сейчас докапываться до истины?

Я вздернула подбородок.

— У меня все отлично.

— Ерунда, — энергично возразил он. — Ты упала на землю, еще до того, как он до тебя дотронулся!

Эрин ерзала туда-сюда, я взглянула на нее, сделав немое предупреждение, чтобы она молчала. Она не могла мне помочь, да и других я не стала бы просить расставаться со своими способностями ради меня. Но Габриель не успокоится. Поэтому мне нужно было доказать, что все в порядке. Я встала и, пошатнувшись, быстро прижала колени к другу. Медленно передвигая ноги, и бросив торжествующий взгляд на собравшихся, я, не спотыкаясь, дошла до Ашера. Сев возле его ног, я вдруг обрадовалась тому, что мне не пришлось идти далеко. Я ощущала себя как ослабевший котенок.

Я схватилась за Ашера, однако Эрин проскользнула между нами.

— Позволь мне это сделать, — прошептала она мне на ухо.

Я ничего не имела против. Честно говоря, я даже не знала, смогу ли вообще вылечить Ашера. Было глупо думать, что смогу. Я уступила ей место и услышала, как она мягким голосом попросила Ашера опустить стену, чтобы она могла излечить его.

Минуту спустя он простонал, когда сломанная кость руки начала срастаться. Затем Эрин отошла от него с усталым лицом. В отличие от меня, она просто уставала, применяя свои способности, а не перенимала ранения, которые лечила.

Ашер подо двинулся на своем кресле вперед, приподнял пальцем мой подбородок и посмотрел на меня.

— С тобой правда все в порядке?

Я открыла было рот, как он тут же добавил:

— Пожалуйста, не обманывай меня!

Мои щеки горели от смущения, я чувствовала себя пойманной с поличным. Он продолжал упорно смотреть на меня, и я сдалась, покачав головой.

Он сморщился, на его щеке дернулся мускул.

— С каких пор? — кратко спросил он.

«Когда пыталась вылечить Лауру».

— Уже какое-то время, — прошептала я. «Чуть не умерла при этом.»

Я закрыла глаза, чтобы избежать его взгляда. Он не слышал меня, что еще увеличивало мою боль. Сердце снова сбилось с ритма, и я сосредоточилась на том, чтобы успокоить его.

Почему мне никак не удаётся вылечить его? Я так устала от головных болей и небольших сердечных приступов. Черт побери, в последнее время я тратила всю свою

энергию, выполняя роль кардиостимулятора!

— Что с тобой случилось? — спросил Ашер.

— Она же тебе только что сказала!

Надо мной прозвучал раздраженный голос Габриеля, и я раскрыла глаза. Однако он смотрел не на меня, а на брата, готовый вот-вот набросится на него.

— Лаура умерла две недели назад. И с тех пор ты позволяешь ей ходить с сердцем, которое в любой момент может остановиться. Что черт побери с тобой случилось? Почему ты не помог ей? Почему вы, остальные, ничего не сделали?

— Габриель... — предупредила я его.

Казалось, он не слышит меня.

— Ты пыталась вылечить маму? — спросила Люси. Она стояла возле журнального столика и страдальчески скривила рот.

У меня вырвался хрипящий вздох. Наконец-то правда вышла наружу, но я не испытала удовлетворения, которое чувствовала в моих грёзах. Напротив, ужас Люси, ещё даже увеличил боль, которую я пыталась подавить. Она ведь моя сестра, она должна была знать ответ на свой вопрос.

— Конечно, я пыталась, Люси, — ответила я с горечью. — Я любила её.

Люси отшатнулась, ударила икрами ног о журнальный столик и внезапно на него села.

Потрясённо, она прижала руку ко рту. Мне стало грустно из-за того, что она так расстроилась. Я этого не хотела.

— Как могло такое случиться, что ты ей не помог? — повторил Габриель свой вопрос, обращаясь к Ашеру.

Он не мог, ни интерпретировать выражение лица Ашера, ни понять причину. Я же напротив, всё поняла, и его мрачная печаль, была для меня больше, чем я могла вынести.

«Габриель, он не знал!»

Прежде чем на лице Габриеля отразилось понимание, я насчитала пять ударов моего сердца.

Ашер прижал руку к моей щеке. Не любящий жест, а служащий определённой цели. Он испытывал наш союз. Его глаза нашили мои. «Мне так жаль.» Надежда, что он услышит, умерла, и он опустил руку.

— Я больше не могу читать твои мысли, — в конце концов, сказал он хрипло.

— Эй, послушайте, мы можем сосредоточиться на главном? — предложила Эрин, преодолев напряжение в комнате. За что снискала невыразительные взгляды. — А именно, на Реми, — помогла она. — Её раны очень серьёзны. Это я почувствовала в парке.

Ашер уже чуть ли не трясся.

— Эрин права. Насколько это серьёзно, Реми? — Он бросил на Габриеля непроницаемый взгляд и добавил:

— Для тех из нас, кто не может читать твои мысли.

Обеспокоенно взглянув на Люси, я нерешительно рассказала:

— У Лауры была массивная, черепно-мозговая травма. Я попыталась исцелить её, но было такое чувство, будто всё исчезло. Её там больше не было. — Люси застонала, и мой голос понизился до шёпота. — Потом кое-что произошло. Пока я пыталась её исцелить, у неё случился сердечный приступ. С тех пор я страдаю от приступов мигрени, а моё сердце... повреждено. — Я преуменьшила травмы и всё-таки, это прозвучало ужасно. — Мои способности восстановились не полностью, поэтому я не могу исцелить себя.

— Ты чуть не умерла, — сказала Лотти расстроено. — В коридоре больницы. Там у тебя произошёл сердечный приступ!

Я кивнула. Я пыталась рассказать им об этом, но потом Люси отвернулась от меня, и мне хотелось лишь спрятаться самой и скрыть от них свою печаль.

Люси вскочила.

— Думаю, мне станет сейчас плохо! — Она прижала руку к животу и выбежала из комнаты.

В следующий момент встала Лотти и на удивление в дружелюбном жесте, последовала за ней.

— Мне очень жаль, — сказала она, уголки её губ опустились вниз. — Такого, я бы тебе не пожелала.

— Ты ведь ничего не знала, Лотти. У меня был шок, а потом стало так плохо, что я уже не могла рассказать вам о том, что случилось.

Она коротко кивнула, прежде чем ушла, а я ломала руки, пока костяшки пальцев не побелели.

В последние две недели я чувствовала себя такой одинокой. Ах, ещё дольше. Рука легла на мою.

Габриель так долго тянул за мои пальцы, пока не оторвал их друг от друга.

— Ну, давай, — уговаривал он и поднял наши руки вверх, чтобы вытереть мне слезу щеки. — Твои травмы не настолько ужасны. Мы уже справлялись и с гораздо более серьёзными.

Он ослабил хватку и отступил.

С отчаянием, Ашер встретил его полный ожидания взгляд.

— Ты должен взять это на себя, Габриель. — Потом он встал и подошёл к окну. Он выглядел отстранённым и несчастным.

Снова Габриель прикоснулся к моей щеке.

— Сосредоточься, Ремингтон. Помирись с ним сможешь и позже.

Его энергия потекла ко мне, и либо мне нужно сосредоточиться, либо её сила сокрушит меня. Как я могла забыть этот жар? Он прошёл, опаяя, через меня, и я ухватилась за него. Боль всегда присутствовала и была ужасной, умноженная из-за того, что я пыталась её скрыть. Мая неспособность исцелить себя терзала, и я постепенно уже потеряла надежду, что когда-либо смогу снова чувствовать себя нормально. Но вместе с Габриелем невозможное, стало возможным.

Сначала я сосредоточилась на сердце. Уже начала образовываться рубцовая ткань, и я взялась за эти клетки. Я представила себе совершенное сердце, бьющееся в быстром, равномерном ритме, в то время, как мышца исцелялась и качала кровь в удивительно-нормальном ритме. Излечить голову заняло больше времени, потом и эта травма тоже зажила.

Когда закончила, я ослабила хватку на запястье Габриеля — когда собственно, я схватилась за него? — и почувствовала, как его энергия отступила. От усталости его лицо стало серым, и я поняла, что прошло очень много времени. За исключением Габриеля и меня, между тем, уже все вышли из комнаты. Когда стало темно, кто-то включил свет, поэтому я видела, насколько он устал.

— Она исчезла, Габриель. Боль исчезла! — Я от облегчения рассмеялась и прижала голову к его груди. — Спасибо, — прошептала я растроганно.

— Всегда, пожалуйста, — прошептал он мне в волосы.

Я подождала, пока все заснули, а потом прокралась, через заднюю дверь нашего «одолженного» дома, на улицу. Вечер был длинный, полный пытливых взглядов и вопросов, на которые я не могла ответить. День действительно совершенно истощил меня, а тщательно возведённые стены образовали трещины. После того, как Габриель помог мне исцелить себя, я удалилась в одну из комнат. Теперь, когда все спали, я наконец могла побыть в одиночестве.

В принципе, сад тянулся до склона, так что оттуда ничего нельзя было увидеть. В одном углу забор сада присоединялся к стене дома. Я ухватилась за край и подтянулась вверх. Потом встала на забор и взобралась на двускатную крышу. Как только я выяснила, откуда самый лучший вид, я перелезла через конёк крыши на лежащую к морю сторону. Села на скат крыши, упираясь в неё ногами, так чтобы не соскользнуть вниз, потом откинулась назад, смотря на небо. Здесь наверху, меня никто не увидит.

В какой-то момент этим вечером, когда я притворилась, что сплю, мне стало ясно, что я должна уйти, чего бы мне это не стоило. В то время, как я оглядывалась в полной комнате, смотря на людей, которых люблю, я поняла, что они все могут погибнуть. Моё присутствие ставило их жизнь в опасность. Так может продолжаться дальше лишь ограниченное время. Хотя я и не была виновата в этом, и всё же. Как только мы найдём моего отца, я, во второй раз, оставлю семью, даже если меня это убьёт. И если Блеквеллы, таким образом, смогут снова вести безопасную жизнь, тогда я, и от них тоже, буду держаться в стороне.

Навсегда. Я уйду и никогда больше не вернусь.

— Ты не возражаешь, если я присоединюсь к тебе? — спросил Габриель.

Я повернула голову в сторону и увидела, как и он тоже, перелез через конёк крыши. Я вздохнула, совсем не удивившись.

— Только если не получу от тебя нагоняя за то, что забыла на крыше.

Он лёг, лишь в нескольких сантиметрах от меня. Его зубы ярко блеснули в темноте.

— Я не буду кричать, обещаю.

— Откуда ты узнал, что я здесь наверху? — спросила я.

— Это не так сложно. Всегда, когда ты ломаешь над чем-то голову, ты выходишь на улицу. — Он смотрел на небо.

Я нахмурилась.

— Нет, не выхожу!

Он скрестил руки за головой и улыбнулся.

— Выходишь. Идёшь в лес, к океану. Не имеет значение куда, главное, ты на свежем воздухе.

Я подумала. Да, он прав. В Блеквелл Фоллс я неслась на пляж или в лес. В Сан-Франциско тоже. Каким-то образом небо, действовало как бальзам на мою душу. Может быть, причина была в том, что я выросла в Нью-Йоркском «лесу» из стали и бетона, где любой вид, закрывали небоскрёбы. Странно, что Габриель заметил эту привычку, а я сама нет.

— Я всё в тебе замечаю, — сказал он тихо.

«Эй, вход воспрещён!». Я вскинула ментальную стену вверх, даже если его лицо исказилось от боли. Сожалею! Но сейчас я действительно не хотела, чтобы кто-то читал мои мысли. Молчание продолжилось, но меня это совершенно устраивало.

Я разглядывала созвездия и позволила моим мыслям блуждать. Со смерти Лауры, боль так много сдерживала. Как я могла скорбеть о ней, если размышление, дыхание, даже просто

существование, причиняли боль? Но теперь, освободившись от боли, меня поглотила печаль, подобно цунами, которое уничтожает любую иллюзию контроля. Показалась одна слеза, потом две.

Засопев, я положила на лицо руку.

Габриель придвинулся ближе, и его тело согрело моё, от плеча до бедра. Он засунул руку мне под шею и не смотря на жалкий протест с моей стороны, притянул к себе. Большая рука обхватила мою голову и прижала лицо к груди. Меня это глубоко смутило, но потом начался приступ икоты, и я поняла, что плакала громче, чем думала.

— Давай, Ремингтон, позволь себе выплакаться. Здесь никто этого не увидит, а я никому не скажу.

Он водил пальцами по волосам, гладил волосы, лежащие на спине. Как в подтверждение того, что он не хотел со мной заигрывать, другую руку он оставил позади моей шеи. Главное для него было утешить меня, ничего другого он не собирался делать.

— Позволь мне быть твоим другом, — сказал он.

После этого предложения, прорвались все барьеры. Я ухватилась за лацканы его куртки и со смерти Лауры, плакала в первый раз по-настоящему. Я думала об улыбке моей мачехи и любви, которую она мне дарила, даже тогда, когда я была уверена, что не заслуживаю её. Я вспомнила гневное лицо, которое она делала, когда поучала меня, несмотря на то, что ей это не нравилось. Она была матерью, которая любила больше обнимать, чем наказывать, а я впитывала в себя даже самые малейшие доказательства её любви. Мне ужасно её не хватало, и я не могла поверить, что больше никогда её не увижу.

Когда мои слёзы высохли, горло причиняло боль. У меня начался такой сильный приступ икоты, что я задрожала. Я глубоко вздохнула, и тогда, побежал ещё и нос. Вот дерьмо! Скорее всего, из носа текут сопли, и где же мои салфетки? Конечно, под рукой не одной? Это итак ясно.

Габриель рассмеялся, а моя голова задвигалась на его груди туда-сюда. Чёрт! Когда у меня сильные чувства, он может слышать мои мысли даже тогда, когда ментальные стены наверху. Он засунул руку в рукав своей куртки и нежно вытер им все сопли с моего лица.

Больше всего мне хотелось провалиться под землю. От стыда, я закрыла лицо руками.

— Не верю, что ты только что это сделал. Скажи, пожалуйста, что ты не вытер мне сопли, как будто мне всего шесть лет!

Габриель усмехнулся, потом сказал:

— Мне ничего другого не оставалось. Ты по-настоящему заиклилась на этом.

Сейчас умру, думала я. Растаю в лужу и стеку с крыши.

Габриель прижал меня к себе.

— Расслабься, Ремингтон. Ты пропустишь невероятно восхитительное небо.

Я подумала, стоит ли расстраиваться ещё больше, но если Габриель не испытывал неловкости, почему тогда должна я? Я прижалась к нему и посмотрела наверх.

— Разве это не странно? — спросила я спустя какое-то время. — Что мы оба, после всего того, что случилось, теперь здесь наверху?

Габриель колебался, и перестал гладить меня по волосам.

— Тебе кажется это странным?

— Нет, — сказала я, подумав. — Мы такие, какие были в Сан-Франциско.

Габриель указал на созвездие.

— Большие Весы.

Я посмотрела в ту сторону.

— Да ладно, никогда в жизни! Это маленькие Весы.

— Ерунда. Я знаю мои созвездия, и это большие Весы.

— Только потому, что ты родился во времена Коперника, ещё далеко не значит, что ты хорошо знаешь звёзды.

Габриель замер.

— Ты считаешь себя остроумной, Ремингтон. Но я не такой уж и старый, знаешь ли!

Я откинула голову назад и хотела ему ухмыльнуться. Но его лицо оказалось ближе, чем я ожидала, наши губы не находились и в трёх сантиметрах друг от друга. Я отдёргнула голову назад, села и убрала волосы с лица.

— Наверное, нужно зайти, — сказала я мимоходом. — Прежде чем мы завтра встретимся вновь с этой бандой, нужно хорошо выспаться.

Я встала и протянула ему руку. Он позволил мне поднять себя и последовал за мной назад к краю крыши. Спустился первым и ждал, в то время, как я, стоя на крыше, нащупывала одной ногой забор. Габриель обхватил рукой мою лодыжку и направил её к краю забора. Я как раз собиралась спрыгнуть оттуда, как он обхватил мою талию и просто поднял вверх, так что ноги заболтались в воздухе. Невесомую секунду спустя, он поставил меня на землю и отошёл. Он качался на пятках и смотрел на меня, пока я не отвернулась.

Раньше, я смотрела на Габриеля, как на прекрасную, немного постарше копию Ашера. Но Габриель казался совершенным, слишком красивым, у него было слишком много всего. Он выглядел жутко высокомерным, и долгое время я терпеть его не могла. Потом я думала, что Ашер погиб, и каким-то образом Габриель, в это время общей скорби, стал мне другом. В то время, как я снова знакомилась с чертами его лица, я поняла, как была не права: Габриель был прекрасен, но в тоже время слишком человек, чтобы быть совершенным. Как странно, что я осознала это именно в тот день, когда он доказал все свои способности защитника. Я переминалась с ноги на ногу, потому что его испытывающий взгляд, вызывал во мне неловкость, поэтому усилила мою защиту.

— Что происходит между тобой и Ашером? — спросил он.

Этого вопроса я боялась, потому что на него не существовало простого ответа. Поэтому я опустошила голову, избавившись от всех мыслей, пыталась улизнуть от ответа.

— Что ты имеешь в виду?

Его глаза задумчиво сузились.

— Между вами всё стало по другому. Чувствуется напряжение.

Что-то подсказало мне, что он заметит, если я совру, всё же, я ещё не готова сказать ему правду. Я открыто на него посмотрела.

— Послушай, я просто не хочу говорить об этом. Хорошо?

Я надеялась, что не сделала ему больно. Моя реакция казалось, разочаровала его, но он не стал настаивать на ответе. Он кивнул, и мы направились в сторону дома.

— Ты звонил ему после нашего разговора? — спросила я.

— Нет, я предпочёл сам получить представление о ситуации.

Значило ли это, что он знал, как сильно изменился Ашер? Он уже открыл дверь, когда я вспомнила о его куртке.

— Дай мне свою куртку, я её постираю.

Снова он рассмеялся и игриво ударил меня кулаком в подбородок.

— Да у тебя я смотрю мания!

Я уклонилась и забежала в дом.

11

Лотти на следующее утро созвала нас всех на кухне. Мы собрались вокруг кухонной стойки со скошенной поверхностью, однако стояли, потому что стульев не было. Помятое состояние наших вещей показывало, что все мы спали одетыми. К счастью, кто-то организовал кофе. На поверхности стояли стаканчики и лежали кульки с выпечкой. Предвкушая, что сейчас выпью кофе, так как мне срочно требовался кофеин, я вдохнула его запах. Габриель пододвинул один из бумажных стаканчиков ко мне.

— Спасибо, — сказала я.

Я с нетерпением ждала первого глотка, но опасалась, что к кофе не будет ни сахара, ни молока. Потом с радостью заметила, что он на вкус сладкий и молочный, такой, какой я люблю. Удивлённо я подняла взгляд, но Габриель уже отвернулся. Я снова сосредоточилась на комнате. Если сказать, что атмосфера напряжена, то это было бы большим приуменьшением.

Ашер, явно напряжённый, сосредоточил взгляд на кухонной стойке и держался от всех в стороне. Я не ожидала, что он будет выглядеть таким покорным судьбе — как будто сдался.

О, Ашер. Пожалуйста, не закрывайся!

Люси стояла справа от него и казалась рядом с ним миниатюрной. По ней было не видно, изменилось ли что-то с прошлого вечера между нами. Я могла только наедаться, что

гнев на меня утих... К сожалению, на это было не похоже. Она продолжала избегать меня и отводила всякий раз, когда я приближалась к ней ближе, чем на два шага. У неё под глазами образовались тёмные круги, как будто она провела беспокойную ночь.

Только выражение лица Лотти, стоящей между братьями, казалось загадочным. Я была ей благодарна за то, что она взяла в руки тетрадь. В конце концов, кто-то должен собраться с силами и сказать, что делать, а в этом, я рада уступить ей место. Справа от меня, Габриель растерянно наблюдал за Ашером. Он поднял одну бровь вверх, как будто пытался во что-то вникнуть. Чтобы он, уж наверняка, не смог прочесть мои мысли, я усилила мою защитную стену. Он одарил меня краем глаза насмешливым взглядом, давая понять, что он понял это. Я сделала вид, будто не обратила на него внимания.

Эрин стояла слева от меня и раскачивалась взад и вперёд. Её глаза перебегали от одного к другому, а улыбка казалась нервной и дрожащей. Скорее всего, она задавалась вопросом, на что она тут подписалась. Теперь она прислонилась к поверхности стойки и вцепилась в её край, как в спасательный трос. Утешая, я обхватила её рукой за талию.

— Здесь всё в порядке, — прошептала я тихо, чтобы остальные не могли услышать. — Никто не причинит тебе вреда.

— Но разве им подобные не теряют в присутствии целительниц самообладание? — прошептала она в ответ.

Я ощутила, что она дрожит всем телом и почувствовала себя виноватой, потому что не позаботилась о ней ночью. Скорее всего, она не сомкнула глаз, и всё время ожидала нападение Блеквеллов. Она выросла, веря в то, что защитники монстры. И только потому, что помогла мне найти Ашера и исцелила его, ещё далеко не значило, что она забыла всё, чему её научили.

— Эрин, они не как другие. Они могут сдерживать свою жажду. Кроме того, у них у всех, сейчас защитная стена наверху. — Что же, это не относилось к Габриелю и Лотти, а насчёт Ашера я больше ничего не могла сказать... — Поверь мне, они никогда не причинят тебе вреда.

— Мы все слишком боимся, Ремингтон, даже только чтобы подумать об этом, — заметил Габриель сухо.

Чёртов слух защитников.

Когда я в качестве наказания ударила его в живот, он шипя выдохнул.

— Заткнись, Габриеля!

Непреднамеренно я использовала его старое прозвище. Лотти подавилась и прижала руку ко рту, чтобы никто не увидел её усмешку.

— Габриеля? — спросила она своего брата, приподняв бровь вверх.

Беззаботно он пожал плечами.

— Ну и что? Я не боюсь моей женской стороны!

Я рассмеялась. Звук напугал меня и я начала кашлять. Это в первый раз, когда я рассмеялась, с тех пор, как похитили моего отца. Остальных в комнате я видимо шокировала точно также. Я покраснела от их пытливых взглядов, а взгляд Ашера был самым ужасным из всех, потому что он смотрел на меня с таким обиженным выражением лица, как будто я предала его.

Инстинктивно я хотела опустить виновато голову, но потом задрала подбородок. Я чувствовала себя виноватой из-за многих вещей, но никогда не изменяла ему с Габриелем или ещё с кем-нибудь. Не хочу иметь с этим ничего общего!

Я обратилась прямо к Эрин.

— Он просто дурачится. Здесь, ты в безопасности.

Широко распахнув глаза, она кивнула. С её точки зрения, это наверное странно, видеть, что целительницы и защитники так общаются друг с другом.

— Ты собиралась рассказать мне вчера о моём отце... — напомнила я ей. Я хотела побудить её сделать это ещё вчера вечером, но пока Габриель помогал мне исцелять себя, она исчезала из гостиной.

С застенчивым жестом она убрала волосы за ухо, потом заговорила со мной, как будто мы были одни в комнате.

— После нашей встречи на пароме, я стала более внимательной. Проверяла входящие звонки, и кто куда звонил. Но это вообще ничего не дало. Раньше Франк постоянно заявлялся к нам, однако в последнее время больше нет.

Это согласовалось с нашими собственными наблюдениями. Ашер лишь раз видел, как Франк покинул свой дом и поехал в Пацифику.

— А что с Алкаисом? — спросила я.

— Он часто отсутствовал часами, но сейчас околачивается дома. Предпочтительно рядом со мной. Поэтому до вчерашнего дня я не могла ни позвонить, ни улизнуть от него. Может быть я параноик, но мне казалось, будто он... чего-то ждёт. И внимательно следит.

Я кивнула.

— Звучит логично. В конце концов, Франк знает, что мы подруги. И что это ты рассказала нам об Ашере.

— Это также объясняет то, почему нас вчера обнаружили защитники, — высказал Ашер своё мнение. — Если они наблюдали за тобой, то могли, в надежде, что ты приведёшь их к Реми, последовать за тобой.

— О нет, мне очень жаль! — сказала Эрин, отступая от меня. — Должно быть, вы все меня ненавидите!

Я вернула её назад к кухонной стойке.

— Не будь глупой. Ты уже не раз рисковала жизнью, чтобы помочь нам. Никто не питает к тебе ненависти.

Казалось, я не смогла её убедить. И я понимала почему, Люси и Лотти сердито на неё смотрели. Я обняла Эрин и бросила на обоих предупреждающие взгляды. Эрин итак уже достаточно нервная, им не нужно было делать всё ещё хуже.

— Ну, и что случилось потом? — Я сделала ещё один глоток кофе.

— Глупо, но Алкаис потерял свой мобильный, возможно, я помогла ему в этом немного. Да, и всегда когда кто-то звонил нам на стационарный телефон, я подслушивала разговоры из моей комнаты. — Она вздрогнула, а потом сморщила от отвращения нос. — Кстати, мой брат и Делия теперь встречаются. Так скоро я не смогу оправиться от их бесед.

Я представила себе, о чём они могли говорить. Делия, другая целительница в подростковом возрасте, уже давно влюбилась в Алкаиса. Оба всё время пререкались друг с другом, а Алкаис использовал способности Далии, глупо рискуя, потому что знал, она всё бросит и прибежит, чтобы исцелить его. Делия терпеть меня не могла, но я считала, что Алкаис потерял её расположение после того, как намеренно ранил Эрин. Очевидно всё же нет.

— О вкусах не спорят, — сказала я и поморщилась.

— Нет? — спросила Эрин. — Ну да ладно, во всяком случае, позавчера, Алкаису

наконец позвонил Франк. В первую очередь, речь шла о нашем патрулировании, но в конце разговора мой брат осведомился о пакете. Он задаётся вопросом, был ли тот уже переправлен дальше, а Франк ответил, что Алкаису не стоит больше беспокоиться. Что об этом теперь заботятся Моррисей. Я понятия не имела, о чём они говорили, но потом Алкаис сказал: «Я с удовольствием бы посмотрел на лицо Реми, когда она выяснит, что его здесь нет.» За то, что тот упомянул твоё имя, Франк накричал на него, и сразу после этого, закончил разговор. — Эрин оглядывала молчаливый круг. — Я предполагаю, что под пакетом имеется в виду твой отец.

— Этот ублюдок, — выругался Габриель.

От разочарования мой желудок скрутило. Я надеялась, что Эрин узнала местонахождение моего отца или по крайней мере, получила какую-нибудь зацепку, которая приведёт нас к нему. Теперь нам придётся опять начать всё с нуля. Если под пакетом действительно имелся в виду мой отец, он, по всей вероятности, больше не находится в этом регионе.

— Это обязательно должны были быть Моррисей! — сказал Ашер и ударил кулаком по поверхности стойки.

Как всегда, когда злился, он скрежетал зубами. Обычно я утешила бы его, однако теперь сдержалась.

— Народ, я сбита с толку. Кто такие Моррисей? — спросила я.

— Моррисей — это старая семья защитников. Раньше мы с ними дружили, — объяснила Лотти мрачно.

— Почему это такие плохие новости? — захотела узнать Люси, сворачивая свои чёрные локоны в пучок. Несколько сразу же снова выпали из него, так что она выглядела очень ранимой. — Если они ваши друзья, тогда возможно согласятся нам помочь? Или как вы на это смотрите? Вы не можете попытаться позвонить им?

Ашер покачал головой.

— К сожалению, не можем, извини. Они не такие, как мы. Совсем наоборот.

— Ты имеешь в виду, что они охотятся за целительницами?

Казалось, никто не хотел отвечать на мой вопрос и все молчали. В конце концов, ответил Габриель.

— Он имеет в виду, что они сделали из этого спорт, преследуют целительниц и мучают, если поймают. В нашу последнюю встречу Брам, так сказать, вёл дневник о своих жертвах, используя волосы, которые обрезал женщинам. — В голосе Габриеля звучало отвращение. Он покачал головой, как будто хотел стряхнуть с себя кошмарное представление, но от которого так и не смог избавиться. — Мы не хотим становиться такими же, как они, поэтому оборвали контакт. Они не особо этому обрадовались.

Я не стала спрашивать, кто такой Брам. До поры до времени, было достаточно знать, что этот урод вёл дневник о женщинах, которые были на его совести. Я попыталась направить размышление на кое-что другое, что-то, из чего мы могли извлечь выгоду.

— Мой отец — защитник. Разве это нельзя как-нибудь использовать? — Блеквеллы обменялись мрачными взглядами, а Ашер издал разочарованный вздох.

Эрин обхватила руками свой стакан и спросила:

— Если эта семья так ненавидит целительниц, почему тогда работает вместе с Франком?

Блеквеллы переступали с ноги на ногу и смотрели на меня.

— Что такое? — спросила я.

Ашер обошёл кухонную стойку и подошёл ко мне. Он убрал мне с лица волосы, в его глазах читалось сожаление. Чтобы он там не намеревался сказать, должно быть это было ужасно, если посчитал необходимым, прикоснуться ко мне, пока будет говорить. Он положил свою тёплую руку мне на щёку.

— Это решать тебе, Реми. Ты помнишь, когда я рассказывал тебе, что случится, если наши собратья узнают, что ты можешь забрать у них их бессмертие? Некоторые защитники начнут за тобой охотиться, потому что хотят снова стать людьми. Другие же желают, чтобы всё оставалось так, как есть. Они захотят увидеть тебя мёртвой, чтобы никто не смог использовать тебя в качестве оружия, которое сделает их смертными.

Я прикоснулась к руке Ашера, мне так хотелось повернуть время вспять до того момента, когда я написала моему деду. В глазах Ашера отражалась та же скорбь, что и в моих. Потом я прокашлялась.

— Морриссей принадлежат ко второй группе.

Ашер подтвердил моё предположение, слегка опустив подбородок вниз и успокаивающе, похлопав меня по спине. Так, как это делается между друзьями или братом и сестрой.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Они используют твоего отца против тебя.

— Как здорово. — Я глубоко вздохнула и отступила. Ладонь Ашера заскользила вниз по моей руке, пока не ухватилась за мою. Его хватка была дружественной. Мне причиняло боль, быть так рядом с ним и всё же не получить ничего больше. По крайней мере, он ещё дорожил мной. — Ты имеешь представление, где Морриссей могут держать моего отца?

Блеквеллы обменялись ещё одним взглядом и ответили хором:

— В Лондоне.

Я взяла мой стакан кофе, чтобы чем-то занять руки, и улыбнулась немного наигранно.

— Полагаю, тогда это видимо, наша новая цель!

Лотти Блеквелл понадобился лишь день, чтобы организовать нам фальшивые паспорта, и лучше мне не спрашивать, как ей удалось совершить такое чудо. Следующим вечером, на ночном полёте в Лондон, мы смотрели ужасный фильм. В очередной раз нам нужно было убедиться в том, что нас никто не преследовал, страх, от которого мы больше не могли избавиться. За мной закрепили место рядом с Ашером — Люси что, хотела наказать меня? — в то время, как Габриель сидел с Люси, в трёх рядах перед нами. Эрин и Лотти сидели позади, на другой стороне прохода.

Я всё ещё не могла поверить в то, что Эрин решила поехать вместе с нами. Я ещё раз объяснила ей, что у нас тогда точно, в какой-то момент, будут неприятности из-за её матери. Она обвинит нас в том, что мы похитили её дочь. Но Эрин сказала, что с нами она в большей безопасности. Люди Франка преследовали её даже до Мьюирского леса, из-за чего возвращение домой казалось ей слишком рискованным. В конец концов, теперь имелось доказательство, что она помогала мне. Теперь она навряд ли сможет кого-нибудь убедит, ссылаясь на то, что я обманула её. После того, как я представила себе, что сделает с ней

Алкаис, когда она вернётся домой, я сдалась. В любом случае это решать не мне, был её короткий ответ.

— В конце концов, ты не за всех несёшь ответственность.

На что Габриель тихо пробормотал:

— И я того же мнения!

Что же, тогда ясно!

Большинство пассажиров между тем уже спали, но с Ашером рядом, я никак не могла найти покоя.

Было бы так просто, прислониться к нему, и так ужасно сложно не делать этого. Я прижалась к окну, чтобы дать ему личное пространство. У меня ещё никогда не было отношений, к тому же таких отношений, где меня, без дальнейших церемоний отшили. Как мне вести себя рядом с ним? Я была слишком взвинчена, чтобы заснуть, и боялась, что забуду себя и приближусь к нему слишком близко.

Действуют ли мои способности и во сне тоже? С моей-то удачей, он станет до следующего утра полностью человеком.

— Это странно.

Когда я услышала голос Ашера, я вздрогнула и вопросительно подняла бровь вверх.

— Больше не слышать тебя, — объяснил он и коснулся своего виска. — Я заметил, что ты, прямо сейчас, взволнованна и в общем-то, должен был бы тебя слышать. Я так к этому привык, что между тем мне казалось, будто твои мысли часть меня.

Он прижался щекой к подголовнику и посмотрел на меня; я последовала его примеру. Он выглядел грустным и уставшим, и мне так не хватало тех отношений, которые когда-то были между нами. Тогда я бы целовала его и обнимала, пока бы это выражение лица не исчезло.

— Почему ты не заметил, что больше не можешь меня слышать? — Это очень сильно расстроило меня. Он настолько отдалился, что для него ничего больше не значило, когда наш союз распался?

— Я думал, что это делаешь ты. Что ты, все время блокируешь меня. А когда ты это выяснила? Я имею в виду, что наш союз разрушен?

— В день похорон, — призналась я. — Непроизвольно я хотела дать тебе понять, что ранена. Я опустила защитную стену вниз, но ты сделал вид, будто не слышишь меня. Даже учитывая то, что сейчас происходит, ты не мог бы быть таким бессердечным.

— Премного благодарен. — Он покачал головой, и разочарование и гнев были явно написаны на его лице. Я хотела отвернуться к окну, но он удержал меня за подбородок и заставил смотреть в глаза. — Ты ведь знаешь, что я помог бы тебе, если бы ты попросила, то *críde*. Ты это знаешь. Почему же ты не попросила?

Я пыталась подавить слёзы, которые выступили на глазах, при упоминание этого старого, ласкательного слова. Напрасно.

— Я не могла, — объяснила я прерывающимся голосом и отдернула голову. — Ты разорвал наши отношения, потому что мои способности превращают тебя в человека. Если бы ты помог мне ещё раз исцелиться, тебе бы пришлось терпеть именно это. Я ведь не могла просить тебя о чём-то, против чего ты ясно выразился! Мы оба, даже не должны сидеть вот так вместе, как сейчас! — Я показала, какое маленькое расстояние между нами, а Ашер схватил меня за руку и не отпустил её, даже когда я попыталась высвободиться.

— Реми, нет. — Он вытер большим пальцем слезу с моей щеки, за которой однако сразу

же, последовала новая. — Мне так жаль.

Я замерла.

— Что жаль? Что разбил мне сердце? Что защищаешь себя?

Он не ответил на мой вопрос, но положил свою руку мне на колени так, что мы смогли сплести пальцы. Этот жест напомнил мне лучшие времена, и я расслабилась, не в силах и дальше бороться против него. Мои чувства смешались.

Это был его способ показать мне, что я всё ещё ему не безразлична? Он хотел возобновить отношения?

— Ты ещё ничего не рассказала о нас Габриелю.

Это заявление, оказалось настолько неожиданным и ещё больше сбило меня с толку.

— Я посчитала, что это не моё дело, рассказывать ему. Разве это имеет значение?

Он слабо улыбнулся.

— Конечно. Разве ты не спрашиваешь себя, почему он вернулся?

Я нахмурилась. Когда Габриель позвонил, я попросила его контактировать Ашера. Я исходила из того, что он поэтому и появился.

— Он вернулся из-за тебя. Беспокоился о тебе. А когда к нам присоединилась Лотти, он видимо захотел снова быть со своей семьей.

Ашер наклонил голову набок.

— Он конечно рад снова увидеть брата и сестру, но вернулся только из-за тебя.

В его голосе слышалось негодование, и постепенно я начала понимать в чем дело. Лотти знала, что мы расстались, и ни за что не стала бы сажать Ашера рядом со мной в самолете, если бы Ашер не попросил ее об этом. Не из любезности по отношению ко мне, а чтобы защитить Ашера.

Хотя Ашер и дал понять, что ненавидит прикасаться ко мне, но теперь он взял меня за руку.

Здесь речь шла о ревности, а не о том, что он хотел меня вернуть или скучал. Хоть я ему и не нужна, черта с два он позволит своему брату быть моим парнем. У меня все перевернулось внутри. По идее, я должна быть в бешенстве, но в первую очередь я чувствовала себя глупо, так как думала, что он хотел вернуться ко мне.

Я глубоко вздохнула и показала ему, что мне больно.

— Это не справедливо с твоей стороны, — объяснила я ему тихо. — Не поворачивай теперь всё так, будто я изменила тебе. Ты отвернулся от меня уже несколько месяцев назад. — Он хотел запротестовать, но мне нужно дать волю гневу. — Ты вообще можешь себе представить, как это было, когда ты отдалился от меня? Я пыталась набраться терпения и понимания, потому что, в конце концов, знаю лучше, чем кто-либо другой, что тебе пришлось пережить. Каждый раз, когда ты отшатывался от меня, я проглатывала мою гордость. Я могу многое вынести. Но вот это... — я указала на наши сплетённые руки — ... не слишком мило с твоей стороны, Ашер. Не давай надежды там, где её нет. Потому что ты не изменил своего мнения о нас, здесь речь идёт только о соревновании с Габриелем. Это гадко, и я такого не заслужила.

У него была порядочность, выглядеть пристыжено, и он не возражал, когда я мягко убрала руку.

— Реми, — начал он, полный раскаяния, — я не хотел...

— Оставь, — прервала я его. — Правда. Если я тебе не нужна, то перестань посылать другие сигналы.

Заплакав, я отвернулась, и он, молча, протянул мне салфетку.

Мы смущенно замолчали, о сне уже не могло быть и речи. В какой-то момент Габриель прошел по коридору в сторону туалета.

При виде его мрачной улыбки, я нахмурилась, но он молча прошёл мимо. Ашер думал, что Габриель вернулся из-за меня, а я не знала, что мне об этом думать.

Кроме того, это не подходящее место и время, чтобы выяснять этот вопрос. Теперь, когда Моррисей собирались со мной покончить и... Что-то в тот день, в Мьюирском лесу, сбивало меня с толку, но пока что я ещё не могла точно определить, что это.

Я нахмурилась.

— Ашер, откуда вообще Габриель знал, где нас найти?

Ашер, занятый своим сотовым, отложил его в сторону и сказал:

— Он позвонил Лотти. А потом оказался быстрее в Мьюирском лесу, чем мы, и перед нашим прибытием уже проверил территорию.

Я заёрзала на сиденье и ещё раз промотала в уме тот день. Что-то было не так.

— Почему спрашиваешь? — спросил Ашер.

— Ах, просто так. — Я колебалась, но гложущее чувство не хотело исчезать. — Знаешь, в этом нет никакого смысла.

— Почему?

— Вы описали Моррисей, как жестоких убийц, которые хотят меня прикончить.

— Правильно.

— И ты узнал этих защитников в Мьюирском лесу?

Он покачал головой.

— Нет. Я с ними ещё никогда раньше не встречался. Послушай, я знаю, куда ты клонишь. Эти люди не принадлежали к семье Моррисей, но это ещё далеко не значит, что они не работают вместе с ними.

— Но почему они не напали на нас?

— Они напали. Я был там, забыла?

Я вспомнила столкновение.

— Не совсем. Я первая набросилась на них, когда они не захотели отпустить тебя. Перед этим их предводитель сказал, что не причинит нам вреда, что хочет только поговорить. Это совсем не похоже на Моррисей, как вы их описали. Если эти мужчины работали на них, тогда приложили бы больше усилий, чтобы прикончить меня. — Я наклонилась вперёд. — Ашер, этот мужчина держал меня в руках. Прежде чем появился Габриель, моё сердце уже не выдерживало. Этот мужчина знал, что мои силы закончились, но не воспользовался этим!

Задумчиво Ашер поднял голову.

— Если подумать об этом серьёзно, наверное, он не собирался ломать мне руку. Я помчался за одним из них, и он защищался. Думаю, он предположил, что я применю всю силу. — Он сухо улыбнулся. — Полагаю, он не знал, как обращаться с моей новой, слабой версией.

Я вспомнила нашу вчерашнюю встречу в гостинной.

— И кроме как с тобой и Люси, с её небольшим порезом, больше ни с кем ничего не случилось, не так ли? Тебе не кажется это странным, если подумать, как жестоки Моррисей?

Его челюсть напряглась.

— Теперь кажется.

Я попыталась понять, что это может значить. Если те люди в лесу, не работали на Морриссей, кто они тогда? Сотрудничал ли Франк теперь с несколькими группами защитников вместе? В этом случае он сильно рисковал, потому что для его общины это может иметь катастрофические последствия. Некоторые защитники, возможно, и готовы действовать сообща, если получают за это ограниченный выбор целительниц. Если же в игру ввести больше защитников, выбор уменьшается. Простой расчёт. Всё это может катастрофически закончиться, не говоря уже о том, что его люди повесят его, если всё выяснят.

Я бросила взгляд на Эрин, чей светлый хвост виднелся над сиденьями. Внезапно я обрадовалась, что она решила ехать с нами. Я не была уверена в том, что её брат защитит её, если защитники почувствуют себя не достаточно обеспеченными целительницами. А Франк вполне способен отдать её на съедение защитникам, если от неё больше не будет помощи, чтобы поймать меня. Как только найдём моего отца, мне нужно будет помочь ей найти безопасное убежище, где она сможет остаться. Потом нужно будет поискать кое-что и для себя. Вздыхая, я отодвинула мысли о будущем в сторону.

— Я ненавижу, когда не знаю, кто за нами охотится! — сказала я. — Хотя бы в Лондоне мы будем в безопасности?

— В такой безопасности, как это только для нас возможно. Мы ещё никогда никому не рассказывали об этом доме. Хотели, чтобы у нас было небольшое укрытие, на тот случай, если что-то случится.

При слове «небольшое», я застонала. Как же мы вшестером втиснемся в крошечный домик?

Мне нужно будет серьёзно поговорить с Ашером о его оценки величины. «Небольшое» убежище его семьи, оказалось огромным, построенном в викторианском стиле, городским домом, лежащим на Чапл-стрит, в Найтсбридж, части города в самом сердце Лондана. Не нужно быть гением, чтобы понять, что речь здесь идёт об очень состоятельных соседях. Мы проходили мимо эксклюзивных магазинов, в которые я никогда бы не осмелилась войти и мимо благородных домов, которые ожидаешь увидеть скорее в кино, чем в реальной жизни. Для меня было совершенной загадкой, как можно позволить себе такой стиль жизни.

Даже если я, благодаря тому, что встретила Ашера, сама стала частью этого мира.

Ашер и Габриель поехали вперёд и прощупали обстановку. Как только они убедились в том, что там всё в порядке, они сообщили Лотти, что нам ничего не угрожает, и мы можем приблизиться к дому. В нём не было гаража, поэтому Лотти инструктировала нашего шофёра, выпустить нас на краю дороги с движением в три полосы. Здесь один высокий, кирпичный дом возвышался рядом с другим, производя впечатление, будто существует лишь одна единственная стена здания. Перед ней проходил чугунный, чёрный забор с калиткой, через которую можно попасть к входной двери и своего рода лестнице, ведущей на цокольный этаж.

Я ошарашено смотрела на дом и дополнительно к цокольному этажу насчитала ещё четыре этажа. На втором этаже располагались балконы, а все окна украшали цветочные горшки. Станным образом, у меня в голове крутился вопрос, кто во время отсутствия

Блеквелов заботится о растениях. Ах ты, Боже мой! Наверное, у них имеется персонал.

Я последовала за остальными в светлый вестибюль. Вся комната освещалась утренним солнцем, чей свет отражался от стекла огромных размеров люстры. Мы поднялись по лестнице на следующий этаж, и я заглянула через дверь в ещё одну комнату. Очевидно недавно отполированный, ореховый паркет блестел. Цвета мускатного ореха стены, гармонировали с дорого выглядящей, светло-коричневой мебелью, приглашающей сесть рядом с камином. Я сделала один шаг в комнату и обнаружила пианино.

Это предел! Я никогда ещё не чувствовала себя так неуместно, хотя в доме Блеквеллов в Блеквелл Фоллс ощущала себя комфортно. Уже тот дом казался мне виллой, а лондонская обитель, так вообще самым воплощением декаданса. Я нигде не смогу сесть, не беспокоясь о том, что что-то сломаю.

Кто-то наткнулся на меня. Это оказалась Люси. Споткнувшись, она остановилась рядом, глаза распахнуты ещё сильнее, чем мои.

— Тото, я думаю, что мы больше не в Канзасе! — Она очевидно была так ошеломлена, что спонтанно процитировала строчку из своей любимой, детской книжки: Волшебник из страны Оз.

Мы посмотрели друг на друга и захихикали. Секунду спустя, она снова стала серьёзной и зашагала прочь, а я расстроилась из-за того, что этот момент закончился. Всё же я не единственная, кому казалось, будто мы попали на съёмочную площадку. Эрин, выглядящая такой же изумлённой, обследовала следующую комнату.

Лотти, которая ещё никогда не была похожа больше на хозяйку замка, чем здесь, раздвинула шторы, так что мы смогли выглянуть на балкон.

— Сколько собственно комнат в этом доме? — спросила я.

— Ну, внизу вы видели вестибюль, но на самом деле он не считается комнатой. В остальном, на первом этаже находится ещё столовая, кухня, библиотека и туалет. Прямо сейчас мы стоим в салоне, а вон там присоединяются зимний сад и терраса на крыше. Этажом выше располагаются комната и ванная Габриеля, а над ним еще две спальни и ванная. В подвале находятся винный погреб, так называемая семейная комната и очередная спальня с ванной.

Она продолжила показывать остальным комнаты, до меня доносились возгласы восхищения по поводу украшенных лепниной потолков и мраморных ванн, в то время как я осталась сидеть в салоне. Я выросла в убогой съемной квартире, которая была не просторнее одного этажа этого роскошного строения. Причем в два раза. Я покачала головой, чтобы отогнать ненужные мысли. Сперва мне необходимо поспать, прежде чем я смогу рассмотреть все подробнее.

Когда остальные присоединились ко мне, я спросила Лотти:

— Где мы спим?

— Думаю, целительница и смертная хотели бы жить в одной комнате.

— Вот спасибо, — сказала Люси, иронично улыбнувшись.

Лотти пожала плечами.

— Я просто подумала, что целительница будет себя лучше чувствовать в комнате без защитников.

— У целительницы кстати есть имя! — пробурчала Эрин.

Я вздрогнула. Веселенькое дело, мы не можем ужиться друг с другом даже пяти минут.

Лотти снова пожала плечами.

— Как бы то ни было. Вы займете комнату Ашера на самом верху рядом с моей. Габриель и Ашер будут спать в комнате Габриеля. А Реми получит комнату в подвале.

Они поселили меня в самом низу, чтобы между мной и остальными находился целый этаж. Супер. Это Ашер так решил? Когда наконец он перестанет мучить меня своей неприязнью?

Увидев выражение моего лица, Лотти добавила:

— Это была идея Габриеля. Если тебя что-то не устраивает, жалуйся пожалуйста ему, а не мне.

Я подняла обе руки.

— Я слишком устала, чтобы пререкаться. Пойду вниз и немного вздремну. А куда исчезли Ашер и Габриель?

— Я не уверена, но мне кажется они наверху, переобустраивают комнаты.

Хороший ответ, подумала я, и потащила к лестнице, после того, как ещё раз помахала остальным. Я не спала во время полёта, и так устала, что натыкалась на стены. После сцены с Ашером в самолёте и странных взглядов Габриеля, мне поскорее хотелось, побыть какое-то время одной.

Добравшись до нижнего этажа, я обрадовалась, что наконец могу опустить защитную стену вниз. Постоянно держать её наверху, стоило много сил, которых у меня сейчас нет. Я колебалась, размышляя, в какую сторону направится. Пожимая плечами, я пошла в ту, что выходила на улицу. Прошла мимо упомянутой Лотти семейной комнаты и в конце концов, оказалась в винном погребе. На полочках лежали десятки очень дорого выглядящих бутылок.

— Этот дом похож на Метрополитен! — пробормотала я. Однажды я заблудилась в огромном нью-йоркском музее, и теперь чувствовала себя такой же потерянной.

— Когда будешь здесь хорошо ориентироваться, тогда станет всё просто.

Я резко развернулась и обнаружила Габриеля, стоящего в дверях и блокирующего мне выход. Казалось, он не собирался отойти в сторону, а скрестив ноги, прислонился своими стройными бёдрами к дверной раме. Он наблюдал за мной и опять изогнул губы в эту странную улыбку... Он напоминал мне кота, обнаружившего мышь, с которой собирался поиграть.

— О, я думаю, кошка, это скорее ты, — сказал он вкрадчиво. — Такая умная, и тебя так сложно понять.

Я сузила глаза.

— Очень смешно! А из тебя это тогда делает мышку, или как это понимать?

— Поймай меня и выясни, — призвал он. Его зелёные глаза потемнели.

Я резко втянула в себя воздух, когда мне внезапно стало, в одно и то же время, жарко и холодно. От смущения мои щёки вспыхнули. Он не мог иметь в виду то, как это прозвучало. Потому что это прозвучало как что-то, что парень говорит девушке, которая ему нравится.

— Если ты сбита с толку, Ремингтон, тогда позволь тебе сказать, что я только что флиртовал с тобой. И ты мне не только нравишься.

Это меня напугало, и все сигналы тревоги резко затрзвонили. От волнения руки вспотели, а сердце бешено стучало, как будто я только что влила в себя Ред Булл с галлоном эспрессо.

— Э, Габриель, я не думаю... — Я всё поняла и замолчала. Габриель со мной флиртовал. Если Габриель со мной флиртовал, тогда он знал...

Его губы изогнулись в довольную улыбку, так что выглядели ещё более чувственными.

— ... что между тобой и Ашером всё кончено? О да, в самом деле!

И пусть я буду проклята, если из-за этого он не выглядел счастливым.

— Откуда? — Я не смогла произнести больше, чем это слово.

— Люси. У неё нечаянно выскользнуло это в самолёте. И пожалуйста, не сердись на неё. Она понятия не имела, что я ещё не в курсе. — Габриэль выпрямился. Он был намного выше, чем я помнила. Всего в нём было больше, чем я помнила. Я быстро отступила на шаг назад, он парировал это, сделав один вперёд. — Что я по настоящему считаю интересным, Ремингтон, так это тот факт, что ты ничего не рассказала в течение всего того времени, что мы разговаривали друг с другом.

Это было смешно, чувствовать, будто меня преследуют, не так ли? Я знала Габриеля. Он мой друг. И всё же, искала способ сбежать.

— Не воображай из-за этого слишком много. Причины, почему Ашер порвал со мной, связаны с тем, что прямо сейчас с ним происходит.

Я думала, что это не моё дело, рассказывать тебе об этом.

— Нет, — ответил Габриэль энергично и сделал ещё один шаг в мою сторону, в то время, как я, спотыкаясь, пятилась назад. — Ты не рассказала не по этой причине.

Оскорблённая, я резко остановилась.

— Эй? Ты хочешь сказать, я лгу?

— В этом отношении? — Он тоже остановился, склонив голову на бок, как будто ему нужно было подумать. — Да! — сказал он потом. Я набрала воздуха в лёгкие, собираясь наорать на него, но он опередил меня, прижав палец к моим губам. — Прежде чем ты теперь начнёшь протестовать, я хочу ещё добавить, что я не верю в то, что ты делаешь это умышленно.

— О чём ты говоришь? — Пробормотала я.

Он опустил руку.

— Мне кажется, ты понимаешь, что между нами могло бы что-то быть, и это внушает тебе дикий ужас. Ты не говорила мне о том, что рассталась с Ашером, потому что боишься дать нам шанс.

Я сердито на него посмотрела.

— Милая теория, но я уже говорила тебе, что мы только друзья. Мы расстались с Ашером уже как две недели, но это не значит, что мои чувства вдруг резко изменились.

Я было подумала, что зашла слишком далеко и причинила ему боль, но Габриэль лишь приподнял бровь, наклонился ко мне и произнес:

— Полностью согласен. С Сан-Франциско у тебя появились чувства ко мне!

Что он о себе вообразил? Я гневно затрясла головой. Он был явно не в себе. Слетел с катушек. Я открыла было рот, чтобы сказать это ему, как он сделал два огромных шага и оказался в опасной близости от меня во всей своей мощи. Я попятилась назад, пока не уперлась в стену. Отступить было дальше некуда, и Габриэль прямо таки чуть не липнул ко мне. Я бросила на него панический взгляд и скользнула в сторону, чтобы протиснуться мимо него. Однако он положил этой затее конец, припечатав свою руку на стену рядом с моим плечом. После этого он проделал то же самое с другой стороны, еще до того, как мне пришло в голову развернуться в другую сторону.

Я оказалась в ловушке! Беспомощно и растерянно я посмотрела на него снизу вверх.

— Габриэль...

— Я рассказывал тебе когда-нибудь, собственно, как это было, когда умерли мои

родители? — Я покачала головой, сбита с толку резкой сменой темы разговора. Что он начнет разговор о своих родителях, было последним, на что я рассчитывала. — Ашеру было 18, а Лотти — 16. В одной битве, в которой мы совсем не хотели участвовать, мы сразу стали бессмертными. Наши родители и старший брат были убиты. И я внезапно стал ответственным за единство нашей семьи.

— Мне очень жаль, — прошептала я, пытаясь сосредоточиться на его словах. После того, как наше дыхание синхронизировалось, а тела практически соприкасались с каждым вдохом, это было не так просто.

— Ну, каким-то образом мы с этим справились. В любом случае, с тех пор, я делаю всё для того, чтобы сохранить мою семью от вреда. Все мои решения вращаются вокруг них. Где мы живем. Как мы живем. Что будет лучше для них, даже если это будет значить, что мне нужно поступиться собой. Поскольку я старший. И с этим я тоже справлялся.

Это я могла понять. Разве моя жизнь не изменилась оттого, что я была вынуждена взять на себя ответственность за Люси? Дыхание Габриэля коснулось моего лица, и я вздрогнула.

Тут определенно холодно.

— И тут появилась ты. Согласно традициям и истории целительница заключает союз со старшим братом, но ты ведь не такая как другие.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он огорченно покачал головой.

— Нет, ты влюбляешься в моего брата и заключаешь союз с ним. Я хотел тебя для себя, однако уступил ему. Потому что люблю Ашера. Но для меня было мучением видеть вас вместе. Ну да ладно, я и это попытался пережить.

Он особенно глубоко вздохнул, тем самым дотронувшись до всего моего тела, от талии до груди, что конечно же не было случайностью. Я на целых две секунды задержала дыхание, после чего начала жадно хватать ртом воздух.

Потому что умираю как раз от недостатка кислорода. Абсолютно ясно.

— Почему ты рассказываешь мне об этом? — спросила я и вздрогнула, когда его руки оказались на моих плечах.

— Когда в сентябре ты выбрала Ашера, я ушел, чтобы не мешать вам обоим. Но теперь мой брат принял свое решение. Я люблю его, но он упустил свой шанс. В этот раз я не уступлю ему.

Габриэль провел пальцами по моим плечам, скользнул вверх и обхватил шею, подняв большим пальцем мой подбородок. Когда я увидела, каким пылким был его взгляд, у меня подкосились колени, и я бы упала на пол, если бы не стена, о которую могла опереться.

— Я давлю на тебя, сбиваю с толку. Да и время сейчас не подходящее. Но на крыше я прочитал твои мысли, Ремингтон. Ты собираешься покинуть нас, когда мы найдем твоего отца. И я не могу отпустить тебя, без того, чтобы по крайней мере попытаться тебя завоевать. В этот раз я буду преследовать свои собственные цели.

Он наклонился, прижался губами к моей шее и со страстью стал целовать, поднимаясь к уху так, что меня обдало жаром и по коже побежали мурашки. От дыхания его слов, колыхали мои волосы, когда он прошептал:

— Обрати внимание, что я со всем, что у меня есть, буду бегать за тобой, и если позволишь мне завоевать тебя, ты никогда не будешь сомневаться в том, как сильно я тебя люблю. И даже если бы я превратился в слабейшего из людей, а ты обладала бы такой силой, что могла бы запросто уложить меня на лопатки миллионном способом.

Мои глаза наполнились слезами.

— Не говори этого, — задыхаясь, сказала я. — Ты не можешь этого знать.

Ашер обещал мне то же самое.

— Нет, могу. Не совершай ошибку, думая, что я и мой брат одинаково устроены.

Совершенно не одинаково. Для меня любые средства хороши.

Это я хорошо заметила. Его язык прикоснулся к моему уху, и я воспламенилась. Теперь он спустился дальше, целуя мой подбородок, и внезапно тот факт, что Габриель целует меня стал для меня слишком.

Я запаниковала, отталкивая его, пока он не отступил. Я продолжала стоять, прислонившись к стене. Когда осмелилась взглянуть на него, его лицо уже было спокойной, высокомерной маской, которую он в основном носил раньше, когда мы только познакомились. Только теперь я видела, как его глаза полыхают, как приглушённый огонь, а грудь поднимается и опускается от быстрого дыхания. Сколько же я пропускала, потому что он хотел это от меня скрыть, или потому что не осмеливалась посмотреть повнимательнее?

— Габриель... Я ведь не могу сделать это сейчас, — умоляла я.

Разочарование так быстро промелькнуло на его лице, что я подумала, мне оно только показалось, потом вернулась его маска.

— Ладно. День был длинным. В твою комнату идти вот сюда, — сказал он, указывая в противоположном направлении. — К ней прилегает небольшой сад. Я подумал, тебе понравится, что ты сможешь выходить всегда, когда захочешь.

Его резкое изменение направления, я ощутила словно удар хлыста.

— Спасибо, — сказала я и вздрогнула, когда заметила, как задыхаюсь.

Он кивнул и повернулся, чтобы уйти.

— Габриель? — Он остановился в дверях. Чем больше становилось расстояние между нами, тем лучше работал мой мозг. Мне нужно это остановить, прежде чем оно перерастёт во что-то большее. — Этого не должно произойти. Ты ведь понимаешь. Я не думаю, что после Ашера, смогу когда-нибудь кому-то доверять.

— Хм.

Моё сообщение казалось совсем его не заинтересовало, и я сердито взглянула на него, потому что его безразличие нелепо меня раздражало.

— Что это значит? — спросила я.

Он опёрся одной рукой на дверную раму и улыбнулся.

— Ты доверяешь мне больше, чем сама осознаёшь. Подумай над этим.

Наконец он ушёл, и я услышала, как он напевает песенку, поднимаясь вверх.

Что к чёрту только что случилось? Нападение из засады!

Я попеременно, то смотрела в пустоту, то пыталась снова привести чувства в порядок. В порядок, то есть прежде чем узнала, как пахнет кожа Габриеля, или какая она на ощупь. Понадобилось целых пять минут, пока до меня дошло, что Габриель имел в виду относительно доверия. Мои защитные стены были внизу, и я даже не пыталась поднять их вверх, когда появился Габриель. Так что он услышал все мои разгорячённые мысли.

Мне конец!

Я шлюха.

Эта мысль пронеслась у меня в голове, когда я на следующее утро открыла глаза.

Именно эта мысль всегда появлялась, когда я например пыталась, накрасить губы красной помадой. На других женщинах мне нравилась красная помада. Дерзко и сексуально, как у Лотти. Когда этот цвет, по определённым случаям, носила моя мачеха, она выглядела элегантно. Но как только красила губы я, то мутировала в предвзятую, жеманную бабушку со вставными зубами и с представлениями о морали как в давние времена. И не только. Эта бабушка считала девушку с красными губами, смотрящую ей навстречу из зеркала потаскухой. Хватит. Пора заканчивать. По правде говоря, мне просто не хватало уверенности в себе. Женщины с красными губами казались такими смелыми. Я не смелая. Габриель сделал свой ход, и внезапно моя внутренняя бабушка подняла голову, громко назвав меня Минной.

Это утро было определённо тем утром, когда нужно использовать красную помаду.

Я застонала, натягивая одеяло на голову. Это ведь совсем не похоже на меня. Я чуть не поцеловала брата Ашера! Как такое могло случиться? Это не правильно, что меня так... тянет к Габриелю, когда я едва начала принимать, что отношения с Ашером закончились. Какая же девушка может в одно и тоже время увлечься сразу двумя братьями?

Шлюха, ругалась моя внутренняя бабушка, и мне больше всего хотелось дать ей пощёчину.

О чем Габриель только думал? У нас и так было полно забот, найти моего отца и следить за тем, чтобы между делом ни с кем ничего не случилось. Почему он появился и перевернул мой мир с ног на голову, объявив о своем намерении охотиться за мной. Что бы это ни значило. Я думала о вчерашнем дне, о том, насколько мы сблизились, и меня передернуло. Если его «охота» выглядела так, тогда пиши-пропало!

Я слезла с огромной кровати и запнулась об одеяло, которым укутала плечи. Босыми ногами я проследовала по деревянному полу в сторону балконной двери. Выглянув в окно, я увидела небольшой внутренний дворик. Он был обрамлен заросшими плющом стенами, а на деревянной веранде стояли кадки с цветами. Посреди зимы, да еще под проливным дождем, все это не производило большого впечатления, но Габриель был прав: я хотела быть на улице, чтобы проветрить голову. При любой погоде.

Глупый Габриель. Всего он тоже не знает!

Я повернулась к саду спиной и сконцентрировалась на комнате, которую я вчера даже толком не разглядела. У кровати было огромное изголовье из черной кожи. Вместо одного шкафа встроенного в стену, в комнате был черный платяной шкаф. На другой стороне кровати на серой стене висел большой телевизор. Все помещение, блестящее и современное, было выдержано в цвете хрома и серо-черных тонах.

От такого дизайна я сбежала в ванную, чтобы посмотреть, что она представляла собой. Я включила свет и вздрогнула, когда увидела свое отражение в зеркале, занимавшем всю стену. О, черт! Нет! Если я даже не могла пересилить себя и накрасить губы красной помадой, то как должна была раздеваться догола перед таким огромным зеркалом, если хотела пойти в душ? У меня мурашки пробежали по телу, после чего я нажала на еще один выключатель, хотя и не знала его предназначения.

Начав чистить зубы, я вдруг почувствовала, как под ногами становится тепло. Какой мир, в котором даже полы можно подогреть! Мир, которому я не принадлежала. Все это было просто смешно. Я должна сказать Габриелю, чтобы он оставил меня в покое. Рано или поздно у него тоже появится ненависть, по поводу того, что я сделала его смертным.

Еще одной такой ситуации, как с Ашером, я просто не вынесу, не важно, что говорит Габриель: я не верила ему. Вчера вечером все было как то очень сложно и хаотично, но правда заключалась в том, что мое решение уйти, когда найду отца, было правильным.

Отдать свое сердце еще одному Блэквеллу, ну уж нет, на такой риск я не пойду. Никогда больше!

После душа, я отправилась на поиски Габриеля, но встретила Эрин, от которой узнала, что он и Лотти несколько часов назад вышли из дома.

— А сколько сейчас времени? — спросила я.

— Двенадцать дня. Мы уже начали беспокоиться, но Ашер сказал, что мы должны дать тебе выспаться.

Я спала больше суток! В последнее время из-за болей и того, что Ашер меня отвергал, я страдала бессонницей, видимо теперь организм все-таки взял свое.

— Куда ушли Лотти и Габриель? — спросила я.

— Они сказали, что попытаются вступить в контакт со своими друзьями, может быть,

им удастся таким образом выяснить что-нибудь о Морриссей, — сказала она. — Вполне возможно их не будет несколько дней. Они не хотели рисковать и привлекать чье-либо внимание к этому дому.

О, нет! Я хотела объясниться с Габриелем, а он, ни слова не говоря, взял и исчез! Ну да ладно, было бы глупо и бессмысленно раздражаться из-за этого.

Эрин села за стол, рассчитанный на восьмерых. Где-то между вчерашним днем и сегодняшним утром она видимо смирилась с тем, что этот дом стал ее временным пристанищем. Поедая мюсли и смотря что-то в ноутбук, она выглядела абсолютно расслабленной.

— Что ты делаешь? — спросила я, обошла вокруг стола и взглянула через ее плечо на монитор.

— Выбираю одежду. Габриель дал мне кредитную карточку и попросил заказать несколько вещей, потому что у нас с собой ничего нет, и поэтому мы не можем выйти из дома.

Я нахмурилась. Дурак! Почему ему обязательно надо быть таким предусмотрительным? Эрин неправильно истолковала выражение моего лица.

— Он и Люси попросил, заказать кое-какие вещи для тебя. Сказал, что шопинг тебе не особо нравится, но не думаю, что он будет против, если ты сама себе что-нибудь выберешь.

— Спасибо, но того, что выберет Люси, будет достаточно. У нее все равно вкус лучше моего.

Если только она не захочет меня позлить и не закажет юбки и платья...

В поисках еды я зашла на кухню, где меня и обнаружил Ашер, когда я в недоумении стояла перед двумя плитами. Судя по его лицу, он не знал, что у нас с Габриелем был серьезный разговор, а я ещё не была готова обсуждать с ним это. Ашер выглядел уставшим, наверное, его все еще мучили кошмары.

— Зачем нужны две плиты для троих человек? — в отчаянии спросила я.

Он вытащил молоко из холодильника.

— Думаю, одна из них, это газовая. — Из навесного шкафа он вытащил два стакана и предложил один из них наполнить для меня молоком. Я кивнула и исчезла в кладовой.

— Не хочешь супа? Его, я думаю, смогу приготовить. — Я снова появилась с консервной банкой томатного супа, потом начала искать кастрюлю.

Ашер забрал у меня банку, толкая на другую сторону кухни.

— Я сделаю сам. Когда ты орудуешь на кухне, мне становится страшно. Хочешь поджаренный сырный сэндвич?

Тут я не скажу нет.

— Я уже говорила тебе в последнее время, что люблю тебя? — Слова разнеслись по комнате, как бомба, и я закрыла рот рукой. Одну минуту всё было как раньше, и мы работали вместе, как команда. Ашер горько мне улыбнулся, в то время как мазал хлеб маслом, и я опустила руку. Наши испорченные отношения можно принимать двумя способами: либо утонуть в жалости к себе, либо вынести из этой ситуации лучшее. Я выбрала последнее.

— Что же, это совсем не причинило мне неловкости!

Ашер уставился в потолок.

— Ага, один раз хорошо выспалась, и уже возвращаешься к своему старому сарказму.

Я подтянулась и села на кухонный стол, чтобы составить ему компанию, пока он готовил, я провела рукой по поверхности.

— Мне вообще можно на него садиться? Это ведь не полированный мрамор с золотыми прожилками, правда? Или другого рода дорогой материал, который стоит больше, чем моя правая рука?

— Нет, он изготовлен из слёз тысячи разрушенных грёз. С каких пор ты переживаешь из-за красивых вещей?

— С тех пор, как мне стало ясно, что вы неприлично богаты, неприлично богаты до невероятности, намного богаче, чем я полагала. — Я использовала руки, чтобы показать ему в воздухе разные размеры.

— Сноб! — упрекнул он меня, в то время как поджаривал сэндвичи на сковороде.

— Совсем нет! — надулась я.

— Да, да. Ты сноб в обратном направлении. Наши деньги сводят тебя с ума.

Когда я зашла в этот дом, то действительно разинула рот от удивления.

— Верно. Там где я жила, у нас не было так много всего. Это даже нельзя назвать декадентством.

Он положил оба сэндвича на тарелку и налил суп в две чашки.

— Почему бы тебе просто не насладиться этим?

Я взяла стаканы с молоком и последовала за ним в столовую.

— Я постараюсь. По правде говоря, прежде всего мне понравился подогреватель пола в ванной комнате.

Эрин, которая всё ещё сидела за столом, вскинула голову.

— Полы в ванных комнатах подогреваются? Вы разыгрываете меня? — Я кивнула, и она выбежала из комнаты со словами: «Это я должна проверить!»

Смеясь, Ашер подал мне тарелку. Нам удалось поесть во взаимном молчании. Возможно в самолёте мы достигли поворотного пункта: он не хотел быть вместе со мной, и я смогла это принять. Не стоит становиться теперь врагами.

Я отодвинула тарелку.

— Ну, и какие теперь у нас планы? Эрин рассказала, Габриель и Лотти навещают несколько дней старых друзей?

— Верно. Они ведь не могут появиться там и сразу начать задавать вопросы. Поэтому побудут какое-то время со Спенсером и Мирандой, так, чтобы стало известно, что они в городе. А потом посмотрят, что смогут выяснить.

Спенсер и Миранда — это два друга-защитника Блеквеллов, которые приехали однажды в гости в Блеквелл Фоллс. Тогда мы боялись того, что они сделают, если обнаружат меня. А что сейчас?

Я играла с моей ложкой.

— А что с тобой? Почему ты не присоединился к ним? — То, что Эрин и я не могли пойти вместе, это ясно. Целительницы! Люси же не могла защищаться. Но Ашер дружил с этими людьми.

Он провёл рукой по волосам.

— Они заметят, что я другой. В конце концов, Габриель и Лотти это тоже сразу же поняли.

Ашер старался не показывать, как сильно его это беспокоило, но я хорошо его знала. Он был страшно разочарован! Кончено он тоже хотел действовать, но если защитники почувствуют, что он лишился своих способностей, то начнут задавать вопросы. Вопросы, которые приведут прямо ко мне. Поэтому он застрял здесь с нами.

— Ах ты, Боже мой, да, будет весело. — На его вопросительный взгляд я добавила:

— Ты с тремя девчатами. Да ещё и дом нельзя покидать. Жаль, что нет побольше комнат, чтобы не встречаться друг с другом.

Я состроила преувеличенно грустное лицо. Хотя Ашер и не рассмеялся, но улыбнулся. По крайней мере, хоть чего-то добилась!

Его пустая тарелка и чашка напомнили мне о том, как легко он справлялся с тем, что у него появились вкусовые ощущения. Поначалу он был просто вне себя.

— Неужели это и вправду так ужасно, Ашер, я имею в виду быть человеком? Нет никаких положительных сторон?

Не успев произнести эти слова, я тут же пожалела об этом. Его веселое выражение лица исчезло, он казался загнанным в угол, а его глаза бегали по комнате, как будто он искал возможность сбежать. Я кашлянула и сделала вид, что это шутка.

— В конце концов, за поджаренный сандвич с сыром можно все отдать, или нет?

Мне не удалось ввести его в заблуждение, тем не менее он отреагировал на мою плохую шутку.

— Я думал, ты сходишь с ума по макаронам с сыром?

Я убрала посуду.

— Я вообще схожу с ума по сыру.

Он последовал за мной в кухню с миской Эрин.

— Кстати, а куда делась Люси?

— По-моему рядом, в рабочем кабинете. У нее с собой была книга, которую ты украла у Алкаиса, она упомянула, что хочет почитать ее.

Во время моего последнего визита в дом Алкаиса я захватила с собой книгу, представлявшую из себя гневную тираду о целительницах и защитниках, у которых появлялись совместные дети.

Ашер протянул мне чашку и я сказала:

— Ты готовил, я мою. Уходи, я сама все сделаю.

Улыбаясь, я прогнала его.

Бросив короткий, чего-то ищущий взгляд, Ашер вышел из комнаты, я услышала его шаги на лестнице. После чего тут же убрала искусственную улыбку с лица. Нам удалось выдержать встречу, не поругавшись и не поранив друг друга. Это должно что-то значить. Я принялась за мытье посуды, спрашивая себя, значит ли что-то тот факт, что я ничего не рассказала ему о Габриеле и нашем вчерашнем, почти состоявшемся поцелуе.

Моя внутренняя бабушка снова подняла голову и я вздохнув подумала о том, не была ли она все-таки права.

Три дня. Прошло три чертовых дня без какой-либо весточки от Габриеля и Лотти. Люси все время пряталась в рабочем кабинете, увлекшись чтением книги Алкаиса, как будто надеясь найти в ней ключ к разгадке тайны Стоунхенджа. Меня она игнорировала, лишь изредка, на ходу, бросала колкие замечания, предупреждающие меня о том, что она все еще злится на меня. Ожидание еще больше усугубляло ситуацию, я с трудом проглатывала собственную ярость, когда она вымещала на мне свое разочарование.

Ашер тоже пропал в своей комнате, которую делил с Габриелем или смотрел телевизор в семейной комнате. За это время мы еще несколько раз пересекались, нельзя сказать что чувствовали себя при этом свободно, но тем не менее все проходило более менее по человечески. С каждой встречей становилось немного проще. Присутствие Эрин очень помогало мне. Она была все также милая и заботливая девушка, к которой я так привязалась в Пацифике. Я любила проводить с ней время.

На четвертый день без новостей, я думала, что в любой момент сойду с ума. Дождь не прекращался, я даже не могла выйти на террасу или во внутренний дворик, чтобы подышать воздухом. Поэтому я отправилась на поиски компании, даже терпеть дерзкое поведение Люси было лучше, чем сидеть, погружившись в собственные мысли. В семейной комнате я обнаружила Эрин. Он как раз сдвигала диван к софе, освобождая место перед телевизором.

— Эй, Эрин. Что ты делаешь? — спросила я. — Мне тоже скучно, но не до такой степени, чтобы переставлять мебель.

Она засмеялась и ее волосы, собранные в хвост закачались из стороны в сторону.

— Все еще не так уж плохо! Нет, Ашер упомянул, что они с Габриелем давали тебе уроки самообороны. Поэтому я подумала, мне удастся завлечь тебя чем-нибудь вкусным с сыром, а взамен ты научишь меня паре приемов!

— Что-нибудь с сыром? Чувствуется влияние Ашера!

Я помогла ей переставить тяжелую вазу. Заказанную одежду доставили два дня назад, мы обе носили новые джинсы и футболки.

— Каким бы способом мне не удалось тебя уговорить, ты сделаешь это?

— Почему бы и нет? Немного спорта мне тоже не помешает. Может это поможет не впасть в бешенство!

Кроме того может я смогу думать о чем-нибудь другом кроме Габриеля. Я не могла понять, то ли я скорее волновалась, то ли злилась по поводу того, что мы не получали от них с Лотти никаких новостей.

Мы продолжили передвигать оставшуюся мебель. Затем я собрала волосы в хвост, и мы сели на пол, чтобы потянуть мускулы.

— Реми, можно тебя спросить? — После моего кивка она продолжила:

— Когда эти люди в лесу вышли на наш след, ты даже не намекнула на то, что это я могла помочь им. Почему ты никогда не подозревала меня?

— Хочешь исповедаться? — подразнила я ее, дотянувшись при этом до пальцев ног.

Она покачала головой.

— Нет, я серьезно. Большинство людей в такой ситуации по крайней мере не стали бы исключать такую возможность, что это я навела их на вас.

Ее карие глаза расширились от замешательства. Я села.

— Я думаю, на это есть несколько причин. Во-первых, ты не обязана была помогать мне найти Ашера. Ты знала, что рискуешь, но тем не менее пошла на это. Это говорит многое о тебе.

Подумав, она кивнула.

— А другая причина?

Я помедлила.

— В том, как с тобой обращался брат. Он ведь издевался над тобой, верно?

— Ты присутствовала при этом и видела все своими глазами.

Она озадаченно сморщила лоб. Прикрывать Алкаиса ей удавалось почти так же хорошо,

как мне Дина.

Я покачала головой.

— Нет, я имею в виду, он и раньше мучил тебя. И с тех пор не прекращал этого делать.

Эрин побледнела и опустила взгляд. Такой же стыд можно было часто наблюдать и у меня.

— Ты знала? — спросила она.

Алкаис истязал ее прямо на наших с Делией глазах. Я спросила себя, что он еще мог с ней делать, когда никто не видел. В Алкаисе присутствовала жестокость, а Эрин была идеальной жертвой, потому что могла исцелить раны, которые он ей наносил. Я не могла напрямую доказать это, но что-то во мне обнаружило некое сходство с Эрин, общее прошлое, о котором мы неохотно говорили. Когда она, недолго думая, решила бежать с нами, мне вдруг стало ясно почему: Она бежала от собственного брата.

Я пожала плечами.

— Я поняла сигналы. Я знаю, каково это, жить с таким человеком. У меня было такое чувство, что ты искала возможность дать ему отпор. Например, помогая мне.

— Тебе это было по плечу. Я же напротив, не могла ничего предпринять.

Эрин переплела пальцы.

— У меня дома никто ничего не знает об этом. Ну, может быть, Делия, но с ней он поступает так же.

Я подползла к ней и села рядом, так что наши плечи соприкоснулись.

— Эрин, твой брат психопат. Пожалуйста, скажи мне, что ты не винишь себя за то, как он обращался с тобой!

Для людей, издевающихся над целительницами должно существовать специальное место в аду. Наша способность исцелять раны обнажала все самые худшие стороны садистов. Как далеко они готовы были пойти, чтобы сломить нас? Учитывая наши способности, к сожалению очень далеко.

Эрин сжала губы в узкую линию и засмеялась.

— Не могу поверить, что я смеюсь. Я никогда никому об этом не рассказывала. Почему мне смешно?

— Ты не смеешься, — мягко сказала я, затем взяла со стола коробку с бумажными салфетками и дала ей, чтобы она могла вытереть слезы.

— Послушай, тебе не надо туда возвращаться. Мы что-нибудь придумаем.

— В этом то и проблема. Я вернусь.

Она подняла плечо.

— Я не могу оставить там маму, когда Франк творит такое с нашими людьми. Поэтому я и хочу научиться самообороне. Чтобы защитить ее.

Ярость и решимость в ее голосе напомнили мне ту девочку, которой я сама недавно была. Я была не в состоянии спасти свою мать или мачеху. Может у Эрин будет больше шансов? И может я смогу поспособствовать этому.

Я встала и подняла ее на ноги.

— Ок, есть несколько вещей, о которых ты должна знать.

Как только мы выучили несколько приёмов защиты, Эрин превратилась в чистый сгусток энергии. Из собственного опыта я знала, что боль это не самое плохое в тренировке, а те моменты, когда твой противник побеждал, и чувство беспомощности, казалось, возьмёт над тобой верх. Строение тела у меня не как у мужчины, но это не имеет значения. Когда я в первый раз прижала её к коврику, она расплакалась и следующие десять минут дрожала всем телом, как осиновый лист. Я предложила попытаться ещё раз позже, но она встала и настояла на том, что хочет попробовать сейчас. За это я восхищалась ей и в тоже время была полна отвращения к тому, что должно быть причинил ей Алкаис.

— На сегодня хватит, — сказала я несколько часов спустя.

Эрин лежала на спине на полу, куда я бросила её. Я помогла ей встать.

— Когда ты хватаешь её, она колеблется.

Я резко обернулась и обнаружила в дверях Ашера, наблюдающего за нами. Я подтвердила его замечание кивком, а потом вытерла предплечьем пот со лба.

— Я знаю. Мы над этим работаем.

Он колебался, а потом спросил:

— А как обстоят дела с твоей защитной стеной?

Его взгляд скользнул к Эрин и я догадалась, что он имеет в виду её.

— У меня всё ещё есть тяга напасть, но я контролирую её. Постепенно я начинаю понимать, что ты имел в виду, когда говорил, что со временем тебе стало легче выдерживать

мою близость.

Однажды он сказал, что тяга напасть на меня, уменьшилась, спустя какое-то время. Тогда проблемы состояла в том, что моё тело всегда инстинктивно пыталось излечить его.

Эрин следила за нашим разговором; её голова вертелась туда-сюда, как у любителя спорта, следящего за турниром. Она озадаченно нахмурилась.

— Подождите! Ты чувствуешь тягу напасть на меня?

— Я частично защитник, ты забыла? Это так, будто моё тело ощущает обворожительный пирог и ему нельзя попробовать даже маленький кусочек. К счастью мне не нравятся такие пироги!

Эрин заморгала.

— И обворожительный пирог в этом случае я?

— Славная аналогия. — Ашер ухмыльнулся. — Как и у защитников, у Реми есть ментальная стена. Она научилась держать её в присутствии целительниц наверху.

Я начала двигать мебель на её обычное место, остальные помогли мне.

— Я никогда ничего тебе не сделаю, Эрин. Я всегда внимательна, как ястреб.

— Прошу тебя! Если до сих пор эта тяга не взяла над тобой верх, то в этом отношении вряд ли пойдёт ещё что-то не так. — Она опустилась на пол, я села рядом с ней. — Все эти вопросы, которые ты задавала в Пацифике, ты действительно всего этого не знала, не так ли? Как работают наши способности и всё такое? Всё из-за того, что ты совсем другая.

Я объяснила ей, что у меня происходит по-другому, включая способность вступать в союз с защитником, и какие последствия имеют на него мои способности. Эрин ещё никогда не слышала о защитнике, чьи чувства восприятия были восстановлены в такой степени, как у Ашера, и её глаза вспыхнули любопытством.

— Значит ты теперь больше человек? — спросила она, разглядывая его так сосредоточенно, будто он лабораторная крыса. Внезапно она протянула руку и ущипнула его. — Ты это почувствовал?

Он потёр покрасневшее место, его губы скривились в насмешливую улыбку.

— Да. Так же, как почувствую вкус еды, которую ты сейчас приготовишь нам. Так что постарайся!

Эрин застонала.

— Я уже говорила вам, что ненавижу сыр? Он такой жёлтый!

Радуюсь, что эта девушка моя подруга, я улыбнулась.

— Но существуют сорта, которые так же могут быть белыми и оранжевыми. Я сама предпочитаю вариант оранжевого цвета рассвета.

Мы направились наверх, Ашер во главе, в то время как я тащилась за Эрин. Я не увидела, что она сделала, но предположила, что она пнула Ашера, когда услышала, как он споткнулся и вскрикнул.

— Ну, это ты определённо почувствовал, хм? — подразнила она.

— Вы оба, явно проводите вместе слишком много времени, — прорычал он. — Поведение Реми уже предалось тебе!

Я рассмеялась.

После обеда я зашла в библиотеку, чтобы найти, что-нибудь почитать. У семьи Ашера

были все эпизоды доктора Кто, записанные на блю рей дисках, хотя кроме них не особо много других телевизионных фильмов. Обычно я не имела бы ничего против, чтобы посмотреть эту серию, но после того, как не покидала дом в течение трёх дней, дошла уже до половины второго сезона.

В библиотеке две стены, от пола до потолка, были уставлены книжными полками, в ещё одну встроен камин, перед которым стояли два удобных кресла со скамеечками для ног.

Огромные окна на четвертой стене обеспечивали комнате естественное освещение. Шел дождь, и комната выглядела бы мрачно, если бы в камине не горел огонь. Небольшой выбор фильмов, компенсировала библиотека с её книгами. Я подошла к одной из полок и начала читать название на корочках. Большинство романов — классика, и я питала смутное подозрение, что они все, первые издания. Я вытащила экземпляр Великого Гэтсби. На внутренней стороне Лотти написала своё имя и дату: 1925. Я покачала головой и положила книгу обратно. Никогда не смогу понять, какую жизнь вели Блеквеллы. Я бродила от полки к полке и, наконец, обнаружила книгу, которая выглядела старше, чем остальные. Коричневый кожаный переплёт выглядел хрупким, а на корочке не было написано никакого названия.

— О, ты здесь! — сказала Люси.

Я вздрогнула и чуть не выронила книгу. В дверях стояла Люси с чашкой чая в руке. Она бросила взгляд на камин, где между двумя креслами на столе лежала раскрытая книга. Книга, которую я украла у Алкаиса.

— Уже ухожу, — сделав мрачное лицо, сказала Люси и отвернулась.

— Люси!

Я колебалась, пытаюсь судорожно придумать, как мне заставить ее остаться. Я скучала по сестре, хотела провести с ней время, пока не поздно. Пока мы не найдем нашего отца и я вынуждена буду оставить ее. Мой взгляд снова остановился на книге.

— Ну как, интересная книга?

Вначале нашего побега я лишь мельком прочитала содержание. Одна наполненная ненавистью ложь о целительницах и защитниках сменялась следующей. Смысл книги состоял в том, чтобы настроить читателей против потомства, получаемого смешением двух групп, и внушить им страх перед ними. Даже мысль об этом вызывала у меня тошноту.

Люси пожала плечами.

— Интересная.

— А что конкретно?

Мне приходилось вытягивать из нее каждое слово.

Она вздохнула.

— Какая разница? Слушай, ты собираешься здесь остаться? Тогда я поищу себе другое место.

— Люси, пожалуйста, — умоляла я. Мне так надоело, что мы обходим друг друга стороной.

— Что, пожалуйста? — крикнула она, зашла в комнату, и так резко поставила чашку на стол, что она зазвенела.

— Неужели ты думаешь, что только потому, что ты попыталась спасти маму, между нами опять все в шоколаде?

Попыталась и провалила, кстати говоря.

Меня это задело. Моя сестра могла быть очень мерзкой, если хотела. Однако вместе с болью, я почувствовала, что во мне поднимается ярость, которую я больше не пыталась

подавить.

— Пыталась и чуть не лишилась жизни, кстати говоря. Ты была бы рада, если бы это произошло?

Люси подбоченилась.

— Нет, потому что тебя бы это сделало счастливой. Ты прямо-таки горишь желанием умереть за всех и каждого, что наверно тебе бы это было в кайф!

Я в ужасе уставилась на нее.

— Ты что, правда, так обо мне думаешь?

Она подошла к камину, чтобы бросить в него новое полено. Когда она с помощью кочерги засунула его глубже, на воздух взлетели искры. Она молчала, и я подошла к ней.

— Перестань, Люси. Не поджигай хвост. Ты уже несколько недель очерняешь меня в глазах других и винишь во всем, что случилось. Почему ты тогда просто не скажешь, что накопилось у тебя на душе?

Она бросила кочергу, выпрямилась и толкнула меня обеими руками в плечо.

— Ты все разрушила! — крикнула она и снова толкнула меня. — Все было прекрасно, пока не появилась ты. Мы были счастливы! А теперь, моя мама мертва, отца, наверное, где-то пытаются, а я застряла с тобой здесь. Ты что не понимаешь? Ты яд! Ты разрушаешь все вокруг себя! Ненавижу тебя!

Когда она толкнула меня во второй раз, во мне как будто переключился какой-то рычаг. Видя, что она снова собирается меня ударить, я подчеркнуто спокойно отошла от нее, все еще прижимая к себе книгу. Она запнулась, но тут же собралась. Мне осточертело позволять ей обвинять меня во всем, что случилось. Дин, Франк, и да, Ашер и Люси. У каждого из них было свое мнение относительно моих способностей. Спаси этого человека. Не спасай этого человека. Применяй свои способности. Не применяй свои способности. Дин хотел зарабатывать на мне деньги. Франк хотел использовать меня в качестве оружия. Ашер и Люси хотели, чтобы я применяла свои силы только, если это не было связано с риском. Теперь Ашер хотел, чтобы я оставила свои способности для себя самой, а Люси хотела, чтобы я наплевала на риск, если она решит, что кто-то достоин спасения. И даже тогда она наказывала меня. У них у всех были свои взгляды на то, чего им не дано было понять. И я не хотела чувствовать себя виноватой за то, кем и какой я была.

После истерики Люси тяжело дышала, я же напротив еще никогда не чувствовала себя спокойней.

— Ты ведешь себя как избалованная девчонка, — сказала я четким голосом. — Ты злилась на меня, когда я отказывалась лечить маму, теперь же ты злишься, потому что я попыталась исцелить ее. У тебя семь пятниц на неделе, так не пойдет, Люси! Либо я монстр, потому что позволила ей умереть, либо мученица, потому что попыталась ее спасти. Реши, наконец, и оставайся при своем мнении до конца, если уж ты наказываешь меня за это.

Ещё никогда я не разговаривала с ней настолько резко. Её челюсть отвисла, и она на негнущихся ногах отступила назад.

— Я, как и ты, тоже всего этого не просила, — продолжила я. — Хорошо, я ошиблась, но стараюсь изо всех сил. Если тебе этого не достаточно, тогда мне жаль. И мне жаль, что ты всё потеряла и что тебе грустно, больно и ты сердишься. Но оглянись вокруг, ты не единственная!

Я оставила её стоять возле камина, но ещё раз повернулась, когда остановилась в дверях.

Между тем наших родителей она назвала «своими родителями», как будто это не моя семья.

— Ещё кое-что... Это так же мои родители. Что бы ты обо мне не думала, они спасли мою жизнь, когда взяли к себе в качестве своей дочери. Этого ты не можешь у меня отобрать, даже если злишься!

С этими словами я вышла из комнаты и тут же столкнулась с Ашером. Он положил руки на мои плечи и сжал их.

— Молодец, mo cridhe, — сказал он тихо.

Я использовала книгу в качестве щита, чтобы оттолкнуть его.

— А ты! Ты немедленно прекрати называть меня «моё сердце», если больше не имеешь это в виду!

Как будто я ударила его, он отпрянул. А я протиснулась мимо, даже не взглянув на него.

Я не могла выйти на улицу, поэтому сделала лучшее, что можно было сделать в этой ситуации. У оранжереи была стеклянная крыша и стены, и таким образом, с неё открывался вид на террасу на крыше. Дождь капал на крышу, создавая музыкальное многозвучие, прежде чем капли стекали по стеклу вниз. В углу стояли два плетёных кресла и стол, делая комнату уютной.

Я положила книгу на стол и опустилась в кресло. Скорее всего мне не следовало высказывать всё это Люси, но я больше не могла выслушивать, а потом ещё подставлять другую щёку. Это сделает из меня мученицу, за которую она меня принимает, а я не хотела быть мученицей. Я всегда пыталась излечить других, если могла. Что Ашер и Люси просто никогда не могли понять, это то, что моё решение поступать так, вызвано не желанием умереть, и я никогда не действую импульсивно. Я исцеляю людей, потому что знаю как это, чувствовать боль и понимать, что нет никого рядом, кто тебе поможет. Я понимаю, как это, чувствовать себя слабой и быть брошенной на произвол судьбы. Моя семья и друзья, все казалось думают, что я не ценю жизнь, хотя всё совсем наоборот. Я исцеляю людей, потому что ценю жизнь. Быть в состоянии излечить кого-то от его страданий, спасти жизнь, это мой дар. И я хорошо умею им пользоваться.

Но что я буду делать, когда мы найдём моего отца, а потом я одна двинусь дальше?

Я могу попытаться пустить другие корни. Глупо только то, что каждый раз, когда я использую мои способности, рискую, что меня обнаружат мои враги. Значит ли это, что мне лучше больше никого не исцелять? Смогу ли я пассивно наблюдать, как кто-то страдает, если знаю, что могу помочь ему? При этой мысли мне стало плохо. Она напомнила мне всех тех людей, которые при виде синяков и ранений, которые я не могла скрыть или исцелить, будучи ребёнком, намеренно отворачивались. Дин мучил меня и мою мать, и никто не пришёл нам на помощь. Алкаис пытал Эрину, и ей тоже никто не помог. Я не могла представить себе, что смогу быть безучастным зрителем. Ещё и потому, что все эти годы, когда я исцеляла мать, способствовало чувству, будто я соучастница Дина. Я не хотела возвращаться к такой жизни.

Возможно, лучше быть в бегах и переезжать с одного места в другое. Если я нигде не буду оставаться надолго, то не смогу привязаться к кому-нибудь, кому может быть причинён

вред. Внезапно мне так захотелось признаться во всём отцу. У него был уникальный дар, освещать всё со всех сторон и добираться до главного. Мне так сильно хотелось поговорить с ним и услышать его голос, что это причиняло боль.

Ни одной секунды я не думала, что его больше нет в живых. Мы найдём его, и с ним будет всё в порядке. А если нет, то я исцелю его, и каждый, кто нанёс ему вред, заплатит за это. Даже сам ад не может так бушевать, как защитник, чьей семье угрожают.

Габриелю и Лотти лучше поскорее вернуться, потому что ещё дольше я ждать не собираюсь! Я отправлюсь на их поиски, даже если для этого мне придётся столкнуться с защитниками. Я посмотрела на книгу, которая оказалась у меня только потому, что я не заметила, что всё ещё держу её в руках. Потрёпанная от того, что её так часто читали, она открылась, будто сама по себе и обнародовала тяжело читающийся, написанный рукой почерк. Я перелистнула страницы и попыталась постичь содержание. Книга, казалось, содержит родословную целителей и защитников.

На страницах было написано много имён, заключения браков отмечено маленьким знаком равенства. Рядом с именами приведены даты, которые видимо указывали на день рождения и смерти. Целители были отмечены буквой «Ц», защитники буквой «З» и оба никогда не смешивались под одним и тем же именем. Рядом с именами редко попадался символ, похожий на птицу.

Я просматривала страницу за страницей. Некоторые даты происходили из четырнадцатого столетия, и было очень странно видеть, что с конца девятнадцатого века возле многих имён целителей были перечислены даты смерти, однако защитники перестали с тех пор умирать. В последний раз книга была обновлена в год начала войны. Рядом с двумя именами защитников стояла также дата смерти: Хелена и Ангус Блеквелл. Родители Ашера. Я провела пальцем по записи, задаваясь вопросом, кто её внёс. Это не Ашер, его почерк я бы узнала. Лотти к тому времени было шестнадцать. Должно быть это сделал Габриель. Я представила себе, как она, примерно в моём возрасте, в один и тоже день потеряла как обоих родителей и брата, так и чувства восприятия, и это почти разбивало мне сердце.

Я продолжила листать вперед назад. Пролистав 26 страниц назад, у меня перехватило дыхание, когда я натолкнулась на фамилию «Омалей» в связке с гербом. На этом гербе был изображен сложный рисунок, представлявший собой следующее: Корабль, лошадь, кабан, крестообразные рейки для крепления лесов, луки и стрелы. Под ним были написаны слова, наверное, на латинском: «TERRA MARIQUE POTENS». Список фамилий Омалей был короче остальных, а последняя запись датировалась 1629-ым годом.

Я уставилась на страницу. Это могло быть просто случайностью. Неужели я правда думала, что речь идет о моей семье? Насколько высоки шансы, что мой отец происходил из этого клана? В конце концов, это довольно распространенная ирландская фамилия. Но сколько семей с такой фамилией защитники, Реми? Меня передернуло.

Да и играло ли это сейчас какую-либо роль? В конце концов, этих Омалей уже давным-давно нет.

Я уже собиралась захлопнуть книгу, как вдруг мне бросилось в глаза другое имя. Целительница Камилль Ловеллетт в 1853 году вышла замуж за некоего Мартина Дюбуа. Я уже слышала обе эти фамилии, причем по разным причинам.

В детстве моя мать никогда не рассказывала о своих родителях, но несколько раз упоминала, как сильно ей нравилась девичья фамилия ее бабушки. Ловеллетт звучало как «Love Letter», это романтическое звучание нравилось ей, когда она была ребенком. Я

сомневалась, что существовало много целительниц с такой фамилией. Для семьи моей бабушки было опасно использовать такую необычную фамилию, после такого как они начали скрываться, если только они не думали, что никто и не вспомнит об этой фамилии, после того, как последняя целительница в 1893, за много лет до войны, вышла замуж и сменила фамилию на Дюбуа.

Это все не играло бы никакой роли, если бы Камилль не родила дочь: Элизабет. Я на 99,9 % была уверена, что я потомок Элизабет Дюбуа, женщины, на совести которой были Сэм, Хелена и Ангус Блэквеллы. Женщины, которую убил Ашер, когда защищал Лотти, и которая была причиной того, что он стал бессмертным.

Книга упала на пол, и я уставилась в пустоту. Этого не может быть. Этого просто не может быть. Мой предок развязал войну между целителями и защитниками!

Я упала в кресло, склонила голову на колени, пытаюсь сделаться маленькой. Какое же у судьбы извращенное чувство юмора! Блэквеллы были бы вне себя, если бы узнали! И это в тот самый момент, когда мы начали сближаться и понимать друг друга. Ха! Я истерически засмеялась.

Черт возьми!

— На такого рода приветствие я совсем не рассчитывал, Ремингтон!

15

Прежде чем я села прямо, я подняла защитную стену вверх, а Габриель смотрел на меня,

нахмурившись. Видимо он только что пришёл, потому что ещё держал в руках свою дорожную сумку, а его влажные, коричневые волосы казались почти чёрными. Он бросил сумку на пол и затряс головой, так что везде брызнули маленькие капельки воды. Я взвизгнула и быстро схватила книгу, чтобы она не намокла.

Он уставился на неё с любопытством.

— Почему ты читаешь именно эту книгу? Она должно быть самая скучная во всей библиотеке. Блин, я не видел её уже несколько десятилетий.

— Я как раз взяла её с полки, и в этот момент мы сильно поругались с Люси. Собственно я совсем не хотела её читать. Только из-за того обратила на неё внимание, что она такая старая.

Он сделал ещё один шаг в комнату и включил свет на потолке. Я совсем не заметила, что уже стемнело, но теперь видела, как свет создал вокруг Габриеля своего рода ореол, подчёркивая его широкие плечи и стройные бедра. Я провела языком по внезапно ставшим сухими губам. Мои мысли обратились в том направлении, в котором им нечего было делать, и я оборвала их.

— Ты когда-нибудь уже слышал про телефон? — огрызнулась я. — Мог бы позвонить, чтобы мы знали, что ты ещё жив!

Мой гнев безрезультатно отскочил от него.

— Ага, как я вижу, мой дьявольский план сработал! — усмехнулся он.

— Какой план? — спросила я прищурившись.

— Благодаря дистанции любовь растёт. Поумерь немного свои любовные излияния, не то я ещё подумаю что-нибудь не то и поцелую тебя!

У меня открылся рот. С трудом мне удалось снова контролировать челюсть, и я потребовала со злобной ухмылкой:

— Что ж, попробайся. Я прямо сейчас на таком взводе, что скорее всего откушу тебе язык!

— Ах, это всё ведь только пустые обещания, — сказал он тихо. В уме я быстро перебирала все возможности отступления, и Габриель рассмеялся.

— Да я ведь просто шучу. Ну, давай, мы с Лотти принесли с собой еду и кроме того, у нас есть новости. Встретимся все в столовой.

Он повернулся в сторону двери, ожидая меня. Я встала и хотела промаршировать мимо, как вдруг он быстро обнял меня за талию и затащил за дверь, туда, где нас никто не сможет увидеть. Я ахнула и подняла взгляд. Его зелёные глаза были сосредоточены на моих губах, и он опустил голову. Его близость совершенно одурманила меня и лишь благодаря звуку хлопнувшей где-то далеко двери, я снова пришла в себя.

Я ударила его рукой по рту.

— Даже не думай!

— О нет, конечно, я думаю, — сказал он сквозь мои пальцы. Было щекотно, и я быстро опустила руку. — Но я не буду тебя торопить. Только скажи, что ты думала о том, о чём я тебе просил и что ужасно по мне скучала.

Я толкнула его, и он дал мне отступить. По крайней мере совсем чуть-чуть. Я вздохнула.

— Конечно, я думала и скучала, но это вообще ничего не значит. Я не буду этого делать!

— Чего «этого»?

Я указала на него и меня.

— Вот этого. Всё слишком сложно.

И я не проститутка. Признай это, бабушка, сидящая внутри!

— Почему ты прямо сейчас думаешь о красной губной помаде?

В этот раз он отпустил меня, когда я толкнула его.

— Чёрт, Габриель! Убирайся из моей головы!

Он поднял руки вверх, как будто хотел уверить меня в своей невинности.

— Эй, это не я, у кого такие сильные чувства к косметике, так что ты прямо выкрикивает мне свои мысли!

— Что бы там ни было, — пробормотала я, подняла книгу с пола и последовала за ним вниз по лестнице. Мысленно я хвалила себя, как хорошо справилась с ситуацией. По крайней мере избежала поцелуя. Значит, спускаясь вниз, могу полюбоваться его задницей? И кто мог бы меня обвинить в том, что мне хотелось, чтобы ступенек было побольше, когда он двигался так, как двигался? Я заметила, что мы продвигаемся черепашьими темпами, и внезапно мне стало ясно, почему! Я усилила ментальную стену, превратив её в бастион, так что мои похотливые мысли больше не могли улизнуть наружу.

Габриель бросил мне через плечо довольную улыбку и сказал:

— Ремингтон, какая же ты зануда!

— А ты старый шпион!

Он пожал плечами, и я поняла, что ему это всё равно.

В конец концов мы добрались до столовой, где уже собрались остальные.

Картонные коробки лежали разбросанными по столу, и все брали себе еду, как любая другая семья в пятницу вечером. Запах карри висел в воздухе, и я жадно его вдохнула. С тех пор, как переехала в Мэн, я не ела индийской пищи. Я как раз накладывала себе в тарелку, как вдруг почувствовала на себе взгляд Габриеля. С самодовольной улыбкой я удвоила порцию чесночного риса и чесночных лепёшек, наиболее интенсивно пахнущую пищу на столе. Он лишь насмешливо поднял бровь вверх и добавил тройное количество чесночного соуса на свою тарелку.

Я не буду тебя целовать!

Он улыбнулся, как будто ему по барабану. Однако он возможно меня вовсе и не услышал. Его взгляд скользнул к моим губам. Что же, возможно всё-таки услышал.

— Ты можешь подать мне самосы? — попросила Эрин Габриеля.

Он повернулся к ней и я наконец смогла сосредоточиться на остальных. Мы сели. Я почувствовала, что Габриель сел рядом, но не обращала на него внимания. Люси, которая села во главе стола, избегала со мной любого зрительного контакта, направив взгляд на свою тарелку.

В конце концов, это оказался Ашер, кто крикнул Лотти и Габриелю:

— Хватит уже заставлять нас ждать! Что вы узнали?

Я не ожидала, что они скажут, что нашли моего отца, потому что об этом Габриель рассказал бы мне сразу. Однако так же не означало, что я не разочаровалась, когда он сказал именно это.

— К Морриссей мы не смогли подобраться. Они сейчас все сплачиваются, и показалось бы подозрительным, если бы мы внезапно появились. Но мы поспрашивали тут и там, проверяя, знают ли что-нибудь другие. — Лицо Габриеля помрачнело, и я приготовилась услышать ещё другие плохие новости. — Вы помните своего дружка Ксавьера?

Как будто я могла забыть эту свинью, стрельнувшего в Ашера и мучившего меня. Он помог так же похитить моего отца и наехал на Лауру. Я сжала руки, лежащие на коленях, в

кулаки. Пусть только попадётся мне в руки, я сломаю ему все кости.

— Он здесь? — спросила я почти с надеждой.

На другой стороне стола Ашер заскрипел зубами. Он выглядел таким же кровожадным, как чувствовала себя я, и я не могла винить его в этом.

Габриель покачал головой, выражение его лица не изменилось. Под столом он положил свою тёплую руку на мой кулак. Он гладил мои пальцы, пока я не расслабилась, потом снова убрал её. Взял в руку вилку и продолжил:

— Хотя сейчас его здесь нет, но он приезжал. Спенсер его знает. Ксавьер везде хвалился, в какую лживую игру играет он с Франком. — Он повернулся ко мне. — Твой дед настоящая душенька. Он пообещал отдать тебя защитникам, если они тебя поймают. Видимо он отказался от своей затеи использовать тебя в своих планах и теперь хочет только отомстить.

— Я скорее думаю, что он ведёт двойную игру.

Я видела безумный свет в глазах Франка. Такой фанатик просто так не сдастся. Не тогда, когда он убеждён в том, что прав и что цель оправдывает все средства. Свою мораль он уже давным-давно выбросил за борт; он не будет долго колебаться, чтобы обмануть защитников.

— Какая же сволочь, — пробормотала Эрин.

Я фыркнула. «Сволочь» это ещё мягко сказано.

— Спенсер и Миранда ничего не заподозрили из-за того, что вы знаете Реми? — захотела узнать Люси.

Вопрос удивил меня. Она спрашивала, потому что боялась за меня? По выражению её лица нельзя было ничего прочесть. Она заправила волосы за ухо и устремила взгляд на Габриеля. Когда начала говорить Лотти, она повернулась к ней.

— Нет, мы были осторожны. Они удивились, что Ашер не приехал с нами, но мы сказали, что он решил ненадолго посетить Париж. Не уверена, что они поверили.

После того, как они так долго отсутствовали, я разочаровалась, что у них больше не было никаких новостей. Втайне я надеялась, что они получают какую-нибудь ссылку, которая приведёт к моему отцу. Как долго мы сможем ещё рассиживать здесь и ничего не делать? Он уже слишком долго в их власти, учитывая то, как они изувечила Ашера за считанные недели. Мой отец уже несколько месяцев у них в руках.

Лотти встала и начала убирать посуду, когда я попросила её:

— Ты не можешь подождать с этим ещё одну секунду? Мне надо кое-что вам сказать.

Рядом со мной напрягся Габриель, как будто предположил, что речь пойдёт о нём. Я подождала, пока Лотти снова села. Потом рассказала им о том, что прочитала в их книге об Омалли. Так как между нами и так было слишком много недосказанного, мне даже не пришло в голову умолчать о том, что я выяснила. Когда я описывала герб, глаза Люси вспыхнули. Я открыла соответствующую страницу и протянула ей книгу. Она вслух прочитала три слова под гербом.

— Властвующие над сушей и морем, — перевёл Ашер.

— На гербе изображен корабль, — сказала Люси и дотронулась до него. — Думаете, ходить под парусом у нас в крови? — удивленно спросила она.

Я улыбнулась.

— Думаю, папа бы настаивал на этом. Он зарабатывал на жизнь кораблестроением и практически каждые выходные проводил на парусной лодке.

Габриель задумчиво стучал пальцами по столу.

— Странно, знаете ли. Я не помню никаких защитников по фамилии О`Мейлли. Как может целая семья так просто взять и исчезнуть? Может мы не знали каждого защитника лично, но зато знали все фамилии. Вы помните каких-нибудь О`Мейлли?

Ашер и Лотти покачали головой. Мой взгляд остановился на противоположной странице.

— Эй, Габриель. Ты знаешь, что означают эти пометки?

Я указала на маленький, похожий на птицу, символ, который в 1660-ые годы ставили рядом с некоторыми фамилиями.

Он внимательно рассмотрел его.

— Никогда не видел.

— Их множество. А еще, кажется, я нашла предков моей матери.

Я рассказала, что знала о фамилии Ловеллетт и что у меня были подозрения, что семья моей бабушки снова вернула себе эту фамилию.

— Это имеет смысл, — сказала Лотти. — Вполне возможно, что твоя семья хотела быть связанной с тем наследством, от которого они вынуждены были отказаться. В отличие от нашей семьи, большинство защитников не делали таких записей, тем самым использование этой фамилии не было связано с риском. Где-нибудь написано, какую фамилию она взяла после замужества? Может быть, мы знали семью твоей матери.

— Да, вы действительно ее знали!

У меня сдавило живот, и не только от большого количества съеденного чеснока, когда я взяла у Ашера книгу, чтобы найти страницу с фамилией Камилль.

— Здесь, читай, Габриель.

Он наклонился вперед, секунду спустя все его тело напряглось, и он попытался поймать мой взгляд.

— Черт возьми! — он эхом повторил мои мысли из зимнего сада.

— Кто это? — спросил Ашер.

— Дюбуа, — сказала я. — У Камилль и Мартина Дюбуа родилась дочь: Элизабет Дюбуа.

Я мысленно приготовилась к суматохе и приступам гнева. Но ничего не произошло, наоборот воцарилась полная тишина. Я ерзала на стуле, схватилась за вилку, потом снова отложила ее. На такую реакцию я никак не рассчитывала.

— Ок, возьму на себя смелость и просто спрошу: Кто, черт побери, такая Элизабет Дюбуа? — Это Эрин, нарушила молчание.

— Одна из самых могущественных целительниц, о которых мы когда-либо слышали, — ответил Ашер.

Обо всех подробностях о том, какое влияние Элизабет оказала на его семью, он умолчал. Я осмелилась посмотреть ему в глаза. Я ожидала прочитать в них упреки, ярость, разочарование, но не увидела ничего такого. Взгляд Ашера был ясным и спокойным.

— Не смотри так! — сказал он. Я поняла, что у меня на лице был написан ужас. — Реми, все в порядке. Это даже имеет смысл, честно говоря. Твои способности превосходят способности других. Ты могла произойти только от могущественной целительницы, а Элизабет была одной из самых могущественных, которых мы когда-либо знали.

— Вас что, совсем не пугает такое совпадение? — недоуменно спросила я.

— Нет, — ответил Габриель. — Существует ограниченное количество семей. Мы

неизбежно должны были знать твоих предков. Да и кто мы такие, чтобы делать тебя ответственной за то, что творила какая-то твоя родственница сотни лет назад?

Я готовилась к тому, что передо мной развернется пропасть, и теперь была абсолютно ошеломлена, когда этого не произошло.

— Ну не знаю. Мне как-то хочется убить Реми, — сказала Лотти.

Все головы повернулись в ее сторону, а она рассмеялась. Вокруг ее зеленых глаз появились морщинки.

— Народ, это была шутка! Я думаю, тема закрыта. — Сказав это, она начала убирать со стола, давая понять, что разговор и ужин подошли к концу.

Все, кроме Ашера и Люси, собрались на нижнем этаже, чтобы — кто бы мог подумать — посмотреть очередные серии «Доктора Кто». Я опустилась на угол софы и готова была обнять Эрин за то, что она села рядом со мной, успешно отгородив меня от Габриеля. Однако я рано радовалась, потому что он сел на пол возле моих ног, опершись на ручку софы.

Он несколько раз задевал плечом мое колено, что конечно могло быть и чистой случайностью.

По крайней мере, я верила в это до тех пор, пока он не провел рукой по моей обнаженной ноге и не погладил большим пальцем стопу. Я так резко вздрогнула, что Эрин в недоумение на меня посмотрела, а затем подтянула ноги к себе. Как только Эрин снова уставилась в телевизор, я толкнула Габриеля в плечо. Он лукаво улыбнулся, а я одарила его мрачным взглядом.

Вдруг у него зазвонил телефон. Он залез в карман, достал сотовый и посмотрел на экран. Когда он поднял вверх палец, Лотти отключила звук телевизора. Габриель бросил на нас предупредительный взгляд, включил громкую связь и ответил на звонок.

— Миранда, привет!

— Габриель, — раздался монотонный, женский голос. — Надеюсь, я тебя не отвлекаю...

В голосе защитницы было много намеков.

Щеки Габриеля порозовели, отчего я удивленно подняла брови.

— Вовсе нет. Как у вас дела? Все в порядке, надеюсь, — спросил он.

— У нас со Спенсером все хорошо. Мы переживаем за тебя. У тебя неприятности, дорогой? — спросила она.

Габриель опешил.

— С чего вдруг?

— Ну, Лотти и ты появляетесь здесь без Ашера, не говорите нам, где остановились, и потом ещё эти сплетни. Сплетни о Блеквеллах и девчонке-целительнице. Габриель, ты что-то от меня скрываешь. Я оскорблена, — добавила она надувшись.

Вот так настроение! Конечно они между тем уже слышали обо мне, это совсем не удивительно. Но как Габриель будет вести себя теперь, когда старая подруга задаёт прямые вопросы?

Он рассмеялся.

— Да что там, ты не оскорблена! У нас ведь у всех есть небольшие секреты. Так как мы являемся теми, кто мы есть, это неизбежно.

— Да, но твои секреты очутились на моем пороге.

Лотти наклонилась вперёд в своём кресле. Эрин, шепча, прислонилась к ней, но зелёные глаза Лотти сузились. Она прижала палец к губам и наблюдала за Габриелем.

Его голос звучал теперь не так спокойно, как раньше.

— Что ты имеешь в виду?

— Здесь для тебя доставили пакет. Курьером был этот Ксавьер, о котором мы тебе рассказывали. Ты никогда не упоминал, что знаешь его!

Голос Миранды хотя и не прозвучал укоризненно, но и доверия в нём тоже не было.

— Мы встречались лишь один раз, мимолётно. Поэтому здесь не может быть и речи о том, что я его «знаю».

Это не совсем так. Однажды он выдал себя в качестве союзника Ксавьера, чтобы спасти меня из лап защитников. Они пытали меня по поручению моего деда. Речь шла об ещё одном тесте Франка, даже если в то время, я ничего об этом не знала.

— Что же, зато он тебя знает. Разошёлся слух, что ты был у нас, и он хотел знать, куда ты исчез.

— И что ты ему сказала? — В голосе Габриеля слышалось предупреждение.

— Правду. Что мы не знаем куда. — Одно мгновение царил тишина, потом она добавила: — Ты ведь не думаешь, что мы предадим тебя? Это было бы оскорблением среди друзей, а мы ведь друзья, не так ли?

— Конечно, — ответил он точно так же мягко. — Мне очень жаль, Миранда.

— Ладно, дорогой. Спенсер считает, что лучше всего будет передать тебе пакет где-нибудь в другом месте. Потому что возможно, это будет не хорошей идеей, если ты в ближайшее время снова появишься у нас. Кажется, теперь за нами следит столько глаз.

Лотти схватила лист бумаги и что-то написала. Потом пододвинула Габриелю, который прочитав его, кивнул.

— Скажи ему, мы встретимся возле будки экстренного вызова перед станцией метро Эрлс Корт. Я буду там через два часа.

Миранда согласилась и положила трубку. Лотти и Габриель не теряли время зря. Они вскочили и бросились к лестнице, в то время как быстро обменивались мнениями.

— Стоп! — Я хотя и не повысила голоса, но Габриель посмотрел на меня. — Я пойду с Габриелем!

Я думала, что он возразит, но запротестовала Лотти.

— Ты считаешь это разумным, Реми?

С лёгкой улыбкой в её направлении я встала.

— Мы ведь все знаем, что пакет предназначен мне. Я не допущу, чтобы вы оба рисковали жизнью, в то время как я сижу здесь, сложа руки.

Она смотрела на меня одно мгновение, потом казалось, приняла решение.

— В таком случае я останусь здесь и составлю целительнице компанию.

— Меня зовут Эрин, — проворчала Эрин.

Лотти улыбнулась, и у меня было такое впечатление, что она специально подразнила Эрин, чтобы немного всех взбодрить. Обе девушки прошли к дивану, Лотти взяла пульт дистанционного управления, в то время как они спорили о манерах Лотти. Это было последнее, что я услышала, прежде чем убежала в свою комнату, чтобы надеть обувь,

вязаную шапку и куртку. Когда встретила с Габриелем в вестибюле, я как раз засовывала волосы под шапку.

— Это так выглядит твоё представление о маскировке? — спросил он и потянул за прядь волос возле щеки, которая ускользнула от меня. — Ну, давай. Покончим с этим, — сказал он мрачно, взял меня за руку и открыл входную дверь. На нём были одеты те же джинсы и футболка, что и прежде, а так же синяя куртка.

На улице я бежала за ним, смотря ему в спину. Вместо того, чтобы пройти к машине, мы продолжили наш путь к входу с сине-красной табличкой, на которой было написано «метро».

— Мы поедem на метро? — спросила я.

Он кивнул.

— Так будет быстрее.

Оказалось, что система метро Лондана не так уж и сильно отличается от нью-йоркской. Хотя в лондонском метро легче ориентироваться, и Габриель явно хорошо его знает. Другое отличие состоит в том, что вежливый голос при входе и выходе просит подумать о небольшом расстоянии между поездом и платформой.

В переполненном метро Габриель стоя, держался за синюю жердь, чтобы сохранять равновесие. Потом обнял меня одной рукой за плечи и притянул к себе, защищая от группы хулиганов, отправившихся в путь, чтобы повеселится в эту пятницу вечером. Я позволила ему, и мы молчали. Про себя я лихорадочно размышляла, что может быть в этом пакете. Его послал Франк, это ясно, с Ксавьером в качестве его представителя. В нём будет содержаться какое-то предупреждение, но какое? Когда метро двадцать минут спустя доехало до нашей остановки, меня затошнило.

Мы поднялись вверх по лестнице, и Габриель снова взял меня за руку. Наверху он остановился и объяснил:

— Спенсер хороший друг, но обнародуй лишь необходимую информацию. Мы не хотим впутывать его, и даже если он не охотится за целительницами, я всё же хочу, чтобы ты была осторожна. Держи защитную стену наверху, хорошо?

Я заметила, что вовсе не подняла защитную стену вверх, очевидно мне нравилось забывать об этом рядом с Габриелем. Я наверстала упущенное, и мы вышли из метро. Как и Габриель, я украдкой бросала по сторонам взгляды, заглядывая в затенённые углы, притаился ли там кто-нибудь. Казалось, все люди занимаются нормальными, повседневными делами и совсем не обращают на нас внимания. Потом мой взгляд остановился на будке для экстренного вызова, стоящей немного в стороне от входа в метро. Это была маленькая будка, похожая на телефонную, такая, как в Доктор Кто используется в качестве машины времени.

— Лотти действительно назначила местом встречи ТАРДИС доктора? — спросила я, наблюдая за тем, как турист в футболки с изображением доктора Кто, позирует перед кабиной для фотки.

Габриель одарил меня быстрой улыбкой, потом снова продолжил осматриваться.

— Я тоже посчитал этот выбор гениальным. — Внезапно он напрягся. — Это Спенсер Он один.

Когда мы подошли ближе, Спенсер поднял взгляд и улыбнулся Габриелю, на его обеих щеках образовались огромные ямочки. У Спенсера, высокого мужчины около тридцати, были светлые волосы и карие глаза. Не красавец, но и не урод, и если бы не эти офигенные

ямочки, он совсем бы не выделялся. Когда Спенсер обнял его, Габриель не отпустил моей руки, и я от неловкости, переминалась с ноги на ногу, пока они снова не оторвались друг от друга.

— Значит, это ты инициатор всех этих проблем, — сказал Спенсер и вопросительно мне улыбнулся. Со своим акцентом, он звучал как персонаж из Гордости и предубеждения. Я почувствовала лёгкое прикосновение энергии, не принадлежащей Габриелю, но схоронила безучастное выражение лица.

— Спенсер... — предупредил его Габриель.

Он поднял обе руки вверх.

— Да ладно тебе, ты не можешь обвинять меня в том, что мне любопытно. Так скрытно ребята-Блеквеллы ещё никогда себя не вели!

— Мне очень жаль, что я создаю проблемы, — сказала я искренне. Я никогда не собиралась вбивать клин между Блеквеллами и их друзьями. — Вы упомянули, что есть пакет?

Он вытащил маленькую, белую шкатулку из кармана пальто и, смотря вопросительно, протянул её мне.

— С типом, который принёс это, шутки плохи. Я не знаю, во что вы все ввязались, но будьте осторожны!

— Мы осторожны, — пообещал Габриель.

Спенсер помахал нам.

— Лучше идите дальше. Хотя мне и ужасно любопытно, что касается тебя, целительница, но здесь на улице не безопасно. Ведь ясно, что они хотели выманить тебя с помощью этой шкатулки.

Когда он назвал меня целительницей, я резко подняла вверх голову, но Спенсер уже ушёл, а потом залез в ожидающее чёрное такси. Когда автомобиль проехал мимо нас, я увидела рядом с ним на заднем сиденье женщину. Со своими рыжими волосами, высокими скулами и полными губами, она выглядела сенсационно. Она пошевелила пальцами в знак приветствия, потом такси уехало.

Габриель взял меня за локоть и потянул назад в метро.

— Это была Миранда? — спросила я.

Он кивнул.

— Должен был догадаться, что она приедет вместе с ним. В конце концов, они ходят везде только вдвоём. Скорее всего было задумано взять её в качестве поддержки, если бы возникли проблемы. Они уже всегда следили за тем, чтобы защитить нас.

Об этом я размышляла, в то время как проводила пальцами по коробке, которую засунула в карман. Я была рада, что у Блеквеллов есть Спенсер и Миранда, которые присматривают за ними. И надеялась, что моё присутствие не нанесёт ущерб их отношениям.

Мы не сели в то метро, которое привезёт нас прямо к Чапел-стрит. На тот случай, если кто-то последовал за нами с места встречи, Габриель хотел лучше поехать окольным путём.

Радуюсь тому, что он со мной, я следовала за ним, погруженная в свои мысли.

Пропустив три поезда, мы наконец сели. Габриель подвел меня к месту и слегка толкнул.

— Тебе не кажется, что лучше открыть коробку, чем не открывать ее?

Я взглянула на него и он наклонил голову.

— Ты же мучаешься вопросом, что внутри, Реми. Просто открой ее и дело сделано!

Я огляделась по сторонам. Мы были одни в вагоне. Я боязливо вытащила шкатулку из сумки. Поспешно вдохнув, я подняла крышку. От того что я там увидела, меня чуть не вырвало. Это был окровавленный кончик пальца.

Габриель взял у меня коробку, а я, скрючившись, заплакала. Неужели мой отец мертв? Что они с ним сделали?

— Реми, малышка, это муляж!

Прошло какое-то время, прежде чем его голос прорвался сквозь тихий ужас, который я испытывала. Я выпрямилась и уставилась на него без всяких эмоций на лице. Габриель озабоченно убрал с моего лба прядь волос.

— Это не палец моего отца? — прошептала я.

Он покачал головой.

— Нет. Это просто очень похожий на настоящий реквизит, который должен был тебя напугать.

Я безрадостно засмеялась.

— Прямое попадание!

Я глубоко вдохнула, чтобы успокоиться. Каким же мерзавцем был Франк, раз творил такое со мной.

— Прилагается ли какая-нибудь записка?

— Вот.

Он дал мне записку. Я развернула и прочитала короткое послание: Это последнее предупреждение, которое ты получишь, внученька. Смирись со своей судьбой.

На следующее утро я была по-прежнему вне себя. Мой дедушка оставил в записке номер телефона, как будто я немедленно позвоню ему и сдамся. Франк, я тебя умоляю! А теперь задержи дыхание! Вернувшись, мы показали остальным содержимое записки. Лотти рассказала Ашеру и Люси, и они все уже ждали нас. Я позаботилась о том, чтобы Люси не увидела кончик пальца, дабы еще больше не волновать ее. После увиденного все были заметно встревожены и как-то странно тихо ушли спать, каждый погруженный в свои мысли об обострившейся жестокости, скрывающейся в этом сообщении.

После быстрого завтрака, состоящего только из мюслей, я направилась в сторону кухни, чтобы вымыть посуду, хотя на самом деле мне хотелось убежать в мою комнату, чтобы трусливо спрятаться в ней. А все потому, что у меня было предчувствие, что Габриель хотел поговорить со мной. Судя по тому, чем все закончилось 5 дней назад, нам нужно было объясниться, а вчерашний вечер совсем не подходил для этого. Честно говоря, я совершенно не знала, как поступить. До нашей встречи в винном погребе я никогда не думала о нем в таком роде.

Лгунья.

Я отчаянно отскребала чашку, откинув плечом прядь волос, распустившуюся из моей косы. Окей, может быть мне всегда нравился Габриель — ну, а как иначе, учитывая то, как он выглядит? — но это ни о чем не говорило. Я восхищалась им на расстоянии, примерно как красивой статуей. На самом деле поначалу он мне не особо понравился, но с течением

времени стал мне хорошим другом. Другом, который в трудные времена всегда протянет руку. Я начала еще сильнее тереть чашку.

Все изменилось, и это его вина! Своими разговорами о том, что он хочет меня для себя, он вывел наши отношения на совершенно новый уровень! Что должна ответить девушка на такое?

— Тебе не кажется, что чашка уже чистая?

Я выронила чашку в мойку, забрызгав при этом водой футболку.

— Габриель, черт бы тебя побрал!

Когда он подошел ко мне, я слегка толкнула его в бок.

Без сожалеющей улыбки он дотянулся через меня до крана и закрыл его.

— Тебе нужно тренировать защитнические чувства. Если бы ты опустила ментальную стену, то услышала бы, что я пришел.

Он дал мне полотенце, о которое я вытерла руки.

— Если бы моя стена была опущена, ты бы услышал все, о чем я думаю!

— Это конечно было бы неприятно, но ради тебя, я бы стерпел, — объяснил он с невинным видом, положив руку на сердце.

Я громко втянула носом воздух.

— Поверю тебе на слово!

Мы вместе вытерли и убрали посуду. Наши бедра несколько раз соприкасались, и каждый раз у меня появлялось ощущение, что меня бьет током.

— Для меня ничего не изменилось.

Его глубокий голос плясал на моих нервах, и я замерла в связи с такой внезапной серьезностью.

— Я отвечаю за слова, сказанные мной 5 дней назад.

И что? После этого он исчез на 4 дня, даже ни разу не позвонив. Меня не должно это волновать, но тем не менее волновало.

— Потому что я хотел дать тебе время.

Лёгкость, с которой он ответил на мои мысли, раздражала, и я вздрогнула, когда он оттолкнулся от поверхности стола и повернулся прямо ко мне. Меня охватило смятение, когда он взял меня за руку потащил за собой. Он открыл дверь, ведущую из кухни в комнату, куда я ещё никогда не входила. Затолкнул меня внутрь и закрыл за собой дверь. У меня было всего две секунды, чтобы оглядеться и понять, что мы находимся в своего рода подсобке, прежде чем Габриель обхватил руками мою талию, поднял и посадил на рабочий стол. Света он не включил, и в комнате не было окон, всё же я видела его лицо, наполовину скрываемое тенью. Он положил свои руки мне на колени и, в одно и тоже время, меня окатило жаром и холодом.

— Габриель...

— Ты помнишь тот последний раз, когда мы были вместе?

Я кивнула и меня охватила волна чувств, которые я не понимала. В прошлом сентябре, в ночь, прежде чем Габриель оставил нас, на кухне Блеквеллов произошла похожая ситуация. В ту ночь он напирал на меня. Хотел знать, смогла бы я полюбить его, если бы познакомилась сначала с ним, а не с Ашером.

— Скажи, что ты подумала о том, о чём я тебя просил. Скажи, что ты готова дать мне шанс.

Когда его руки поднялись вверх вдоль моих бёдер к талии, а пальцы прижались через

ткань к моей коже, дыхание остановилось. Я была так уверена в том, что смогу подавить чувства. Как же я ошиблась. Я взяла Габриеля за оба запястья, удерживая, и прижала колени к его животу. Если я собиралась оттолкнуть его, то основательно потерпела неудачу. Пугает то, как естественно я сдалась, подчинилась тому, что между нами. Очарованно, я смотрела ему в глаза, но когда он наклонил голову, чтобы поцеловать меня, я остановила его в последний момент.

— Габриель, мы не можем! — Так близко, как он находился от меня, было сложно сказать нет.

Габриель страдальчески посмотрел на меня, а я прикоснулась к его щеке, почувствовав под ладонью трёхдневную щетину.

— Это не правильно. Мы не делаем исподтишка.

— Ты что-то чувствуешь ко мне, Реми. Я ведь слышу это в твоих мыслях.

Я не ответила. Он, заскрежетав зубами, посмотрел поверх моей головы, и потребовалось время, прежде чем мне показалось, что он сдался. Он положил мне голову на плечо, и я не смогла по-другому, просто обняла его. Мои пальцы скользнули в его волосы, на ощупь такие мягкие, что я вздохнула. Лишь момент спустя он обнял меня, и я раздвинула колени, чтобы он мог встать между ними. Я положила подбородок на его плечо, это оказалось таким невероятно приятным чувством, что меня держал кто-то в руках. Дальше мы не пошли, только обнимали друг друга, а наше дыхание единственное, что было слышно в комнате.

Пока я не готова к большему, а Габриель не давил на меня. Каждый раз, когда я нуждалась в нём, он был рядом. Иногда он был рядом даже тогда, когда я сопротивлялась, не желая принимать чью-то помощь. Он так много дал мне, не прося ничего взамен. Поэтому порядочности ради, я должна быть с ним честна.

— Да, я что-то к тебе чувствую, Габриель. Я смущена и боюсь, и мне кажется, что всё это не правильно. Но я что-то чувствую.

Он немного отстранился и посмотрел мне в лицо.

— Это из-за Ашера, не так ли?

— Да, — сказала я с сожалением. — С тех пор, как всё это началось, стольким многим людям была причинена боль. Ашеру больше, чем другим. Поэтому я не хочу начинать с тобой что-то за его спиной. Он и я, возможно больше не вместе, но мне кажется не правильным, сбегать с его братом.

— Значит, мы ему скажем, — сказал Габриель.

Он убрал мне прядь волос со лба.

— Думаешь, это подходящее время? Учитывая то, что сейчас происходит? Я не могу причинить ему такое!

— Значит, всё кончено? Просто прекратим всё и разойдёмся?

— Да, — прошептала я, какую бы боль это не причиняло. — Это правильный шаг. А ты хороший человек, Габриель Блеквелл.

— Не честно с твоей стороны использовать такие средства. Если я буду напирать, то окажусь мудаком. — Он опустил руки и отошёл. — Уходи, хорошо? Прежде чем я докажу тебе, что я вовсе не хороший человек, и попытаюсь заставить передумать.

Я соскользнула со стола, приземлившись на дрожащие ноги. Он повернулся ко мне спиной, когда я прошла к двери и потянулась к дверной ручке. Я не хотела уходить. Снова я подумала о том, как он прошлым вечером поддержал меня, не протестовал, когда я сказала, что должна пойти вместе, и обнимал, когда я после того, как открыла коробку и совсем

расклеилась. Тихий голос предупреждал, что если я сейчас уйду, то могу пропустить шанс на что-то потрясающее.

Я прищурилась, рискнув всем, и бросилась в самую гущу.

— Я останусь.

— Что?

— Когда найдём моего отца, тогда я останусь.

Габриель повернулся ко мне, его глаза вспыхнули такой надеждой, что моя боль смягчилась. Это решение казалось мне правильным.

— Ты серьёзно? — спросил он.

Я кивнула.

— Мы найдём отца, после этого у нас будет время выяснить, что между нами происходит. И еще мы должны вовремя сказать Ашеру об этом. То, что было здесь, больше не повторится.

Я сделала движение, охватывающее нас и комнату.

— Хорошо?

Габриель провел рукой по моей косе и накрутил ее на указательный палец.

— Хорошо. Я так долго ждал, и теперь не сдамся.

Он опустил руку. Мы стояли друг против друга и глупо улыбались, в то время как менялся мир вокруг нас. Немногим позже, когда я забралась под одеяло, мне стало ясно, что изменилось. Я собиралась поменять будущее в бегах на нечто совершенно незнакомое. Мне должно было быть страшно, но вместо этого, я не испытывала ничего, кроме надежды.

Габриель и Лотти объявили своим друзьям-защитникам, что навестят на выходных Ашера в Париже. Таким образом, мы могли расслабиться в субботу и воскресенье дома, прежде чем снова погрузимся в мир защитников. Розыск отца продвигался очень медленно, и прибытие пакета всё изменило. Мой дед теперь знал, что ко мне можно подобраться через Блеквеллов, поэтому нам нужно было подумать над тем, какие принять меры. Так же перед защитниками мы должны быть и дальше на чеку. Если не будем внимательны, то вся собранная свора накинется на нас — и тогда у нас не будет никакого шанса.

В субботу мы решили пообедать на террасе на крыше, чтобы отпраздновать тот факт, что в виде исключения не шло дождя. После того, как мы так долго были заперты в доме, нам показалось это чуть ли не праздником, в который каждый внёс свою лепту. Как будто договорившись насладиться моментом, никто из нас не упомянул о новой угрозе моего деда. Ашер и Габриель поставили балконный столик и стулья, а Эрин и Люси, вместе, взялись за приготовление еды. Я накрыла стол посудой — как я предполагала старой и дорогой, из чистого серебра — которую обнаружила Лотти.

Никого казалось не заботило то, что наша еда состояла только из небольших канапе-сэндвичей и гор грубо порезанных кусков овощей и фруктов. Девчонки действительно постарались, нарезали сэндвичи маленькими кусочками с разными сортами сыра и огурцом. Неровные края хлеба без корочки выглядели скорее как порубленные ножом для масла и не вызывали аппетита, а в сплюсненной средней части были видны отпечатки кончиков пальцев, там где повара держали сэндвичи, когда нарезали их. Но никто из-за этого не

насмехался над Эрин и Люси. Наша группа наконец-то собралась вместе, и я довольная, оглядывалась вокруг. Мы казались почти что семьёй.

Ашер помог Эрин вынести еду, и ему удалось спасти чашку с фруктами, когда он споткнулся. Я услышала, как Эрин пробормотала:

— Ты это почувствовал?

А Ашер на это ответил:

— Да почувствовал! Кстати, я ещё никогда не избивал девчонку, но полагаю, это я тоже почувствую... — Она только рассмеялась, и я с удивлением на неё уставилась. Разве можно поверить в то, что она просто рассмеялась в лицо защитнику, который угрожал ей? Она доверяла ему, поняла я. Ему не понадобилось много времени, чтобы завоевать её симпатию. У Ашера это в крови, как я знала из собственного опыта.

Мы сели, Люси и Лотти заняли места одна на одном, другая на другом конце стола. Эрин и Ашер расположились с одной стороны, Габриель и я с другой. Как он и пообещал прошлым вечером, Габриель следил за тем, чтобы сильно не приближаться ко мне. Время ещё придёт, когда мы сможем разобраться в наших чувствах. Но оно ещё не настало.

— Чем вы занимались, пока нас не было? — спросил Габриель.

— Реми тренировала меня, — сказала Эрин.

Он удивленно посмотрел на меня, и я улыбнулась.

— Ну, она же должна уметь защищаться.

— Конечно, должна.

Он задумчиво посмотрел на меня.

— Да тебе и самой не мешало бы потренироваться.

Я простонала. Работать с Эрин это одно, а вот тренировка с Габриелем это совсем другое. Я почти все время пластом лежала на матрасе. Я почувствовала, как у меня начали гореть уши при воспоминании об этом. К счастью Габриель вроде бы ничего не заметил. Он протянул мне тарелку с сэндвичами и нагло улыбнулся.

Или все-таки заметил?

Я прокашлялась и попыталась подавить желание спрятаться под столом.

— Он прав, Реми, — прервал Ашер мои мысли. — То, что ты делаешь с Эрин, это классно, но таким образом ты не достигаешь своих физических пределов. Для тренировки тебе нужен защитник в качестве противника.

Я огляделась.

— Ну, что ты об этом думаешь, Лотти? Это было бы для тебя возможностью, хорошенько меня поколотить! Есть желание затеять небольшую драку?

Узкие плечи Лотти вздрогнули от нежелания.

— Э, нет. С моей-то удачей в итоге закончится всё тем, что я заключу с тобой союз, и мне придётся следующие десять лет выслушивать твои мысли. Больше спасибо, но нет.

С другого конца стола послышалось фырканье. Люси ухмыльнулась Лотти.

— Вряд ли, — объяснила она ей. — С Реми это так не происходит.

Очень неприятное чувство поднялось у меня вверх по позвоночнику. Люси знала, что я заключила союз с Ашером, а потом с Габриелем. Она так же знала, что мой союз с Ашером разрушился, но я не рассказывала ей, насколько отличалась в этом отношении от других целительниц. До меня Блеквеллы ещё никогда не слышали, чтобы целительница объединялась более с чем одним человеком.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Ашер тихо.

Она погрызла кончик слегка помятого сэндвича, прежде чем ответила.

— Эта книга, которую я читала, ну книга, которую Реми утащила из комнаты Алкаиса. В ней кое-что об этом написано.

Брови Эрин взлетели вверх, и я вздрогнула. Таким дурацким образом моя подруга не должна была узнать о том, что я обокрала её брата.

— Мне очень жаль, — поэтому попросила я прощения. — Он вёл себя так подозрительно, и тогда... — Когда она рассмеялась, я замолчала.

— Мне можно называть тебя капитаном Клептомаником? Пожалуйста, пожалуйста! — Потом Эрин обратилась к Люси. — Я могу её увидеть?

Моя сестра забежала в дом и мгновение спустя вернулась с книгой. Она отдала её Эрин, которая сначала оглядела её со всех сторон, прежде чем начать листать. Улыбка сменила её задумчивое выражение лица.

— Я помню её из библиотеки Франка. Думаю, её написал защитник, однако не имею представления о том, как книга попала к Франку. — Она отдала её назад Люси. — Не уверена в том, почему она была так интересна Алкаису. Там написана куча экстремистского дерьма. От защитников, которые выступают за то, чтобы убивать детей, в чьих венах течёт кровь, как целителей, так и защитников. Поэтому я не стала её читать дальше. Я ещё знаю, что когда увидела её в первый раз в библиотеке, то приняла за чистый миф. Мы никогда не слышали о такой, как ты, Реми, только в рассказах.

— В книге говорится о многом, — сказала Люси. — В ней написано, что были ещё такие же как Реми. Слушайте...

Она открыла какую-то страницу и прочитала вслух:

— Опасайтесь детей, в чьих жилах течет кровь целительниц и защитников. Эти метисы с возрастом становятся могущественнее. Это значит: Мы предполагаем, что они достигают такой мощи, что могут угрожать всем нашим братьям и поэтому должны быть уничтожены, до того как они уничтожат нас.

Она взглянула на меня.

— Думаешь, эта мощь, о которой идет речь, связана с тем, каким образом ты причиняешь боль другим?

— Без понятия, — ответила я.

Когда я наткнулась на этот абзац, у меня все сжалось внутри при мысли о том, как убивали младенцев, только потому, что какие-то мерзавцы боялись того, что могло бы быть. Я мысленно показала автору средний палец, потому что он приравнивал нас к скоту. В книге не описывалось какого рода была наша сила, но должна сказать, дальше я не читала, после того как узнала о бесчисленных способах, как избавиться от «смешанных детей». При мысли о том, что мой дедушка владел этой книгой, мне стало дурно. Хотелось бы знать, насколько он в это верил.

— Речь может идти о том, в какой мере они могут исцелить бессмертие. При условии, что они знали, что защитники могли стать бессмертными. Об этом что-нибудь упоминается в книге? — спросил Ашер.

Люси покачала головой.

— И как это связано с союзами Реми? — хотела знать Эрин.

— Этой теме посвящен целый раздел, — сказала Люси.

Ашер и Габриель посмотрели на меня и беспомощно поморщились. Я не могла вспомнить, что что-то об этом читала. Может это стояло в той части книги, которую я

только пролисталась.

— Ну, и что там написано? — спросил Ашер. — Знаешь, целительницы и защитники всё время заключали союзы. Что заставляет тебя думать, что Реми не сможет заключить с Лотти союз?

Неприятное чувство вернулось, и я отложила вилку в сторону.

— Ну, как бы это сказать, они не любят друг друга. Прости, Лотти, не в обиду тебе сказано.

— Все нормально, — ответила Лотти.

— При чем тут это? — спросил Габриель. — Дело не в чувствах, речь идет об обмене энергией. Энергия одного укрепляет энергию другого. И наоборот.

Габриель и Ашер оба казались напряженными. Между тем они, сидя на своих стульях, наклонились к Люси и настойчиво на неё смотрели. Люси наконец-то тоже поняла, что что-то не так, и её растерянность была ощутима, в то время как она пыталась осмыслить, почему это так важно для обоих. У меня в горле застрял ком страха, который я пыталась проглотить и скрестила руки на коленях в очень напряжённом затишье перед бурей.

Люси заговорила прерывающимся голосом, а её обеспокоенный взгляд снова и снова возвращался ко мне.

— Э, в союзах Реми дело как раз в этом. Я имею в виду в чувствах. В книге написано, что полнокровные целительницы и защитники вступают в союз против своей воли, сородичи Реми в этом случае, действуют по-другому. Некоторые вообще не вступают в союзы, у других их несколько — а их чувства всегда играют роль. Посмотрим, смогу ли я ещё точно вспомнить, что об этом написано...

Нет, Люси. Пожалуйста, не говори!

Она замолчала, подумала, а потом щёлкнула пальцами.

— Правильно! Теперь я вспомнила. В книге написано, что они заключают союзы в согласии со своим сердцем.

Объявление Люси приняли с многозначительным молчанием. Её взгляд переходил от Ашера к Габриелю, а потом ко мне. Внезапно на её лице отразилось понимание, когда обнаружила на моём печаль, которую я больше не могла скрывать. Слишком поздно она осознала, почему это имело значение. Она установила связь между моей ситуацией, ситуацией Габриеля и Ашера и статусом наших союзов. Наши взгляды встретились, её был полон сожаления.

Стол закачался, когда Ашер резко встал и толкнул его. Стакан перевернулся, вода, находящаяся в нём, разлилась на стол. Все смотрели на него в ужасе, он же видел только меня. Его рассерженная реакция удивила его самого, он прерывисто и быстро дышал. Ещё никогда я не видела в его глазах такой боли, и меня убивало, что это я причинила её.

— Почему меня это не удивило? — сказал он. — Я знал. Уже тогда, в сентябре, когда увидел вас обоих вместе в Блеквелл Фоллс, я знал, что ты испытываешь к нему больше, чем хочешь признать.

Я, отрицая, покачала головой. Не тогда. Я ломала руки, так что это причиняло боль. Ашер и Габриель сказали, что я каким-то образом контролирую союз, но я им не поверила. Это была ещё одна из тех вещей, которую я не понимала и постаралась забыть, потому что считала её сложной и сбивающей с толку. Моё сердце предало меня. Между тем оно вело безрассудную, собственную жизнь и делало то, чего, чёрт побери, хотело, не имело значения, причиняло ли это боль другим. То, что я ни в чём не провинилась, не играло роли.

Нет, мои чёртовы союзы вели себя как полиграф, которые каждому вокруг меня разъясняли, что я чувствовала, к тому же ещё до того, как я сама понимала. Это не справедливо. Я прикусила внутреннюю сторону щеки, чтобы не заплакать.

— Ашер, успокойся, — сказал Габриель мягко и положил Ашеру на плечо руку.

— Реми никогда не обманывала тебя. И ты это знаешь.

Ашер рассмеялся и при этом звуке моё сердце упало.

— Кроме как заключила союз с тобой! А теперь она принадлежит тебе. Доказательства ясно написаны у вас на лицах! — Его взгляд упал на руку Габриеля, как будто он знал, что его брат предложил мне утешение, после того, как услышал мои мысли. — Меня сейчас же больше здесь не будет. Я не собираюсь зависать здесь и дальше и смотреть на то, как вы оба воркуете друг с другом.

Он успел добежать до оранжереи, прежде чем Габриель смог его остановить, схватив за отворот пиджака.

— Нет, это слишком опасно. Нам нужно поговорить.

Ашер сопротивлялся. Сначала он посмотрел на руки Габриеля, потом перевёл взгляд на лицо.

— Ты знаешь, как удержать меня здесь против моей воли. Между тем я стал слишком слаб, чтобы бороться с тобой. Поэтому прошу тебя отпустить меня. Не делай со мной этого в её присутствии!

Он ни в какую не хотел посмотреть на меня. На Габриеля он явно смотрел как на победителя, и из-за унижения, изменилась вся его манера держаться. Плечи опустились, и он двигался неуклюже. Габриель одну длинную минуту боролся с собой, на подбородке дергался нерв, потом отступил и отпустил брата. Не сказав больше ни слова, Ашер зашагал прочь, исчез, спустившись вниз по лестнице. Мгновение спустя громко хлопнула входная дверь.

Именно это, никогда не должно было случиться! Я любила Ашера, никогда не хотела причинять ему боль.

Вместо этого он был теперь совершенно уничтожен. Не обращая внимания на взгляды Лотти, Люси и Эрин, я отодвинула назад стул и встала. Габриель находился ещё в оранжереи, не зная, то ли ему начать плакать, то ли что-то взять и разбить.

— Ты последуешь за ним, — констатировал он.

— Я должна. Я ведь не могу просто оставить его одного, когда он думает, что мы оба... — Я сглотнула. Мне даже не хотелось знать, что Ашер там напридумывал. Что по его мнению мы делали с Габриелем, в то время, пока я была ещё вместе с ним.

Габриель кивнул.

— Будь осторожна. Я здесь, если понадобится тебе.

Я бросилась прочь, надеясь, что найду верные слова, когда догоню Ашера.

На оживлённой улице преобладало бойкое движение. Тротуар был тоже так переполнен, что мне пришлось протискиваться мимо мужчины в костюме, чтобы догнать Ашера, который ушёл уже довольно далеко. Когда я позвала его, он резко развернулся.

— Проклятье, Реми, иди к чёрту!

Я его не послушала.

— Ты знаешь, что я никогда не была тебе неверной. Ты был всем для меня!

Мышцы его плеч напряглись, но он просто шёл дальше.

— Серьёзно, я не хочу с тобой говорить!

Это причинило боль, всё же я не дала сбить себя с толку. Я не могла позволить ему просто уйти. И кроме всего прочего: это было слишком опасно, для каждого из нас.

— Когда люди моего деда выстрелили в тебя, и думала, что мне пришлось смотреть на то, как ты умираешь, тогда я тоже хотела умереть. А когда они пытали меня, я надеялась, что меня убьют, потому что не могла представить себе жизни без тебя.

Он так резко остановился, что я чуть не врезалась в него. Потом развернулся и посмотрел на меня настолько разъярённо, что я должна была бы собственноручно сгореть заживо.

— Как долго ты чувствовала так, прежде чем заключила с Габриелем союз?

— Ты ведь не можешь винить меня в этом. Это получилось не намерено! Габриель был моим другом и никем больше.

Глаза Ашера потемнели.

— Ага, он был другом, — повторил он ещё более опасным тоном. — Значить ты признаёшь, что сейчас между вами больше, чем дружба?

— С того дня, когда мы приехали в Лондон. Тогда Габриель выяснил, что нашего с тобой союза больше не существует и попросил меня дать ему один шанс, — созналась я.

— И что ты ему ответила?

— Что ничего не получится, потому что я не смогу никогда причинить тебе боль. — Лицо Ашера немного просветлело.

Но я хотела быть честной, поэтому продолжила говорить дальше.

— Но у меня есть к нему чувства. Я заметила это, когда его не было дома последние дни. И об этом я сказала ему вчера вечером.

Ашер откинул голову назад, как будто собираясь громко зареветь, вместо этого, он только заскрипел зубами.

— Я попросила его дать мне время, — продолжила я. — Дать время тебе, Ашер. Никто из нас двоих не хочет причинять тебе боль.

— Что же, тебе это отлично удалось, Реми. Выяснить это таким способом, действительно сделало всё лучше. — Ненависть в его голосе заставила меня вздрогнуть. — Возвращайся к нему, и держись, чёрт возьми, от меня подальше!

Он ударил словами, потом зашагал прочь. Просто оставил меня стоять, так как делал это в течение нескольких месяцев, в то время как я чуть ли не умоляла его любить меня. Это было настолько несправедливо, что я не смогла подавить гнев.

— Правильно. Я совсем забыла, что пока мы были вместе, ты всегда вёл себя совершенно порядочно, — крикнула я ему в след. — Ты никогда не врал. С другой стороны: разве ты не говорил, что то, что между нами, это навсегда, Ашер? Но это не правда, не так ли? Кто тогда соврал первым? Ты вообще когда-нибудь, хоть что-то, испытывал ко мне, или я была просто билетом для того, чтобы ты мог чувствовать себя снова человеком? Вот повезло, так повезло, что ты в этом превращении можешь обвинить меня!

Женщина, которая на другой стороне везла детскую коляску, посмотрела на меня, и я покраснела, как помидор. Значит вот до чего дошло, теперь я орала на Ашера на открытой улице, потому что он больше не хотел иметь со мной ничего общего. Уже в течение многих месяцев он держал в руках поводья, в то время как я только реагировала на то, что он делал. Бегать за кем-то, можно лишь ограниченное время, прежде чем тебе это осточертеет, потому что всё равно ничего не можешь добиться.

С затуманенными от слёз глазами я повернула назад к дому. Всё так вышло из под контроля, что я больше ничего не могла исправить. Позади я услышала быстрые шаги и резко развернулась. Ашер врезался в меня, потом поднял взгляд вверх. Он поцеловал меня крепко, держа при этом словно в тисках. Я не сопротивлялась, но и не могла ответить на поцелуй.

Для этого, слишком много чего случилось. Когда он заметил, что я не реагирую, он поднял голову, и мы посмотрели друг на друга — без слов. Что можно сказать кому-то, кого больше уже не любишь?

— Я всё разрушил, — прошептал он, и я почувствовала его дыхание на моих губах. — Ты обвинила меня в том, что я желаю иметь такую девушку, которой нужен герой, и ты была права. Я хотел, чтобы ты нуждалась во мне таким образом.

Но я не могла. Я никогда не стану такой девушкой. Слишком много лет я была одна и ждала, что кто-то спасёт меня от жестоких нападений отчима. В какой-то момент мне надоело ждать, и я научилась бороться сама. Что сделано, то сделано, я не могла это

изменить, даже для Ашера. И я больше не хотела быть этой всего боящейся, сердитой девчонкой. Слишком много сил я вложила в то, чтобы измениться.

— Мне жаль, — сказала я всерьез. Мне действительно было жаль, что я не могла стать той девушкой, которая была ему нужна.

— Ты пыталась мне об этом сказать, но я постоянно на тебя давил. В прошлом июне ты чуть одна не уехала в Сан-Франциско, потому что я хотел, чтобы ты делала то, что я считал правильным.

Мы спорили о том, должна ли я ехать в гости к дедушке. На тот момент я надеялась, что Франк сможет ответить на вопрос, как нам с Ашером построить совместное будущее. Ашер видел опасность в этой поездке, и в конце концов оказался прав.

Он покачал головой и коснулся большим пальцем уголка моего рта.

— Я пытался спрятать тебя, но ты даже не рассматривала такую возможность. Тебя ничто не могло удержать от этой поездки.

— И вследствие этого тебе пришлось столько страдать, — прошептала я. — Мне очень жаль. Я не могу осуждать тебя, если ты меня ненавидишь.

Он наморщил лоб и посмотрел на меня.

— Ты о чем?

— Это была моя вина. Я настояла, чтобы мы поехали в Сан-Франциско, и там ты попал в плен. Из-за меня ты чувствовал боль, которую они тебе причиняли.

— Ты так думаешь? Что я поэтому был таким сдержанным?

Выругавшись, он отпустил меня и отошел на несколько шагов назад. Раскачиваясь на ступнях, он смотрел через улицу в пустоту.

— Ашер? — озадаченно спросила я.

Он грустно улыбнулся мне через плечо.

— Это был стыд, Реми. Я оттолкнул тебя, потому что мне было стыдно.

— Я не понимаю...

— В тот день, когда я стал бессмертным, я был ужасно подавлен. Без каких-либо ощущений я чувствовал себя полуживым, не проходило и дня, чтобы я не мечтал вернуть себе прежнюю жизнь.

Я подошла к нему совсем близко и пальцами нащупала шрам на его лбу. Защитники не старели, но все-таки могли умереть. Было время, когда он думал покончить с жизнью и этот шрам, воспоминанием о том дне, когда ему это почти удалось.

Ашер схватил мою руку и опустил ее.

— Я хотел снова стать смертным, больше всего на свете хотел чувствовать. Но когда ты вошла в мою жизнь, это больше не играло роли. Ты должна мне поверить. Я люблю тебя.

Я медленно кивнула. Несмотря на все то, что я ему наговорила, я никогда не сомневалась в том, что он любил меня.

Как будто почувствовав облегчение, он закрыл глаза.

— Я бы все для тебя сделал, но любовь к тебе изменила меня. Мысль о том, что я мог стать слишком человеческим, слишком беспомощным, чтобы защищать тебя, приводила меня в ужас.

Он открыл глаза.

— Но если говорить честно, я все еще хотел стать человеком.

Он сказал это так, как будто это было нечто, чего нужно стыдиться, но я никогда не упрекала его в том, что ему нравилось возвращение чувств. Напротив: Я была рада помочь

ему в этом.

— Потом мы попали в плен. Люди твоего деда били меня, хотели утопить, задушить. Когда я уже был на волосок от смерти, они позвали целительницу, которая вылечила меня, чтобы я остался жив. Затем все начиналось по новой.

Услышав с какой болью, он все это говорил, у меня перехватило дыхание. До сих пор он так мало рассказывал о том, что они с ним сделали. Я знала, что это было ужасно, судя по тому, как сильно он был избит. Но труднее было распознать то, какие душевные шрамы оставила у него эта история. Он столько лет жил, ничего не чувствуя, а тут они показали ему ужасную сторону смертности.

Ашер не плакал. Он смотрел вдаль и не видел ничего кроме прошлого.

— Я так часто оказывался на грани смерти, что в конце концов мне уже самому хотелось умереть. И я понял, что все эти годы ошибался в своем желании снова обрести смертность — я не хочу быть смертным.

Он сжал мою руку.

— Ты спасла меня, и я уговаривал себя, что все будет по-старому, как раньше. По принципу: Любовь побеждает все, понимаешь?

Он мрачно посмотрел на меня.

— Но чувство не исчезло, Реми. Может я трус, если так думаю, но я не хочу быть таким ранимым. Прости, что разочаровываю тебя.

— О, Ашер...

Так вот что мучило его все эти месяцы. Причина, по которой он был так холоден со мной. Он не упрекал меня в том, что я сделала его человечнее. Он упрекал себя в том, что больше не хотел испытывать человеческие чувства!

— Я не сдержал обещание. Я сказал тебе, что сделаю всё, чтобы быть вместе с тобой, но... это слишком для меня. Они использовали меня против тебя, а я ничего не смог сделать.

Я отняла у него руку, обхватила его лицо и заставила посмотреть на себя. Мы так старались не разговаривать друг с другом и прятать наши настоящие чувства, что мне причиняло боль видеть его без этого защитного механизма. Он столько всего мне дал и не знал об этом.

— Это была не твоя вина. Неужели ты не понимаешь? Моя любовь к тебе никогда не зависела от твоей силы или способности меня защитить. После Дина я была так сломана, что рассматривала себя так сказать как «поврежденный товар». Я не могла представить, что кого-нибудь полюблю или кто-то полюбит меня. Ты все изменил. Ты, с твоим добрым сердцем и терпением. Ты мой герой, Ашер! Благодаря тебе я стала сильнее. Благодаря тебе я обрела семью.

Его лицо выражало наполовину надежду, наполовину неверие. Он обнял меня и вцепился в мою куртку, схватил меня так сильно, что я больше не могла дышать.

— Реми, я все еще люблю тебя, но не могу быть тем, кто тебе нужен, — сказал он. — Мне жаль.

Мне тоже.

Я держала его, когда он начал беззвучно плакать. Я тоже плакала, потому что поняла, что это такое. Прощание. То, что было между нами, закончилось. По-настоящему закончилось.

В конце концов, он отстранился, его рука всё ещё моих волосах.

— Думаю, ты знаешь уже намного дольше, чем хочешь признать, что я не тот, кто тебе

нужен, — сказал он печально.

Я не хотела говорить о нашем разрушенном союзе или о моём союзе с Габриелем. И Ашер видимо тоже.

— Поцелуй меня, — сказал он.

Я кивнула и на этот раз ответила на его нежный поцелуй. Моя кровь не вскипела и огонь не воспламенился. Вместо этого я с открытыми глазами и печалью в сердце вспомнила то, что было между нами. Он поднял голову, и мы посмотрели друг на друга, чувствуя сладко-горькую печаль из-за того, что что-то закончилось.

Потом он посмотрел мне через плечо. Распахнул глаза, но слишком поздно. Меня уже схватили сзади.

18

Я попыталась освободиться, но меня держали сразу два мужчины. Когда Ашер ударил одного из них в живот, тот крикнул, и мне почти удалось вырваться. В свою очередь мужчина ударил Ашера по голове, так что тот упал на землю. Они оставили его лежать на тротуаре, засунули меня в багажник ожидающего автомобиля, натянули на голову чёрный мешок, а запястья связали кабельной стяжкой. Потом меня закрыли. Всё это время они не сказали ни слова.

Ашера они не взяли с собой, и это меня утешало, когда машина тронулась и меня начало бросать туда-сюда. Другие скоро найдут Ашера и тогда для него это закончится. Я унюхала

едкий запах бензина и масла. Мешок, который они надели мне на голову, не давал дышать, у меня было такое чувство, что я задыхаюсь. Так как я не могла высвободить руки, то тёрлась лицом о плечо и использовала зубы, чтобы снять это дерьмо с головы. В конце концов, мне это удалось, но я ничего не увидела, кроме темноты внутри багажника.

Я просчитывала мои возможности. Что не заняло много времени, потому что, к сожалению, у меня их почти не было.

Мужчины позаботились о том, чтобы не ранить меня. На самом деле они обошлись со мной почти что нежно, из чего я заключила, что они знали, как работают мои способности. Таким образом, я не могла перенести на них ранения. Если же они ничего не знали о моей скорости, то элемент неожиданности может оказаться мне полезен. С другой стороны я была почти уверена в том, что они защитники, а это значило, что они такие же быстрые, если не быстрее.

Супер. Тогда мне просто нужно лишь выждать шанс и убежать.

Мысленно я видела перед собой лицо Габриеля, и знала, что оба, Ашер и Габриель, были правы, что касалось моих чувств. Габриель сделает всё, чтобы спасти меня, даже рискнёт своей жизнью. Всё это он делает для девушки, которая ещё никогда его не целовала и которая была не достаточно смела, чтобы попытаться стать с ним счастливой. Внезапно я чрезмерно об этом пожалела. Никогда не выглядело так, что я проживу долгую жизнь, а теперь казалось, что было не правильно откладывать эти вещи в долгий ящик. Если я выберусь отсюда живой, то поцелую Габриеля и использую всё, чтобы выяснить, что у нас может быть вместе. Я надеялась, что Ашер поймёт меня.

Тормоза автомобиля завизжали, когда мы добрались до места назначения, и меня сильно отшвырнуло на одну из стенок багажника. Мне показалось что я услышала, как открываются автоматические ворота, потом машина опять тронулась. Меньше чем через минуту двигатель заглох, двери открылись и снова захлопнулись. Когда открыли багажник и в него упал сияющий солнечный свет, я заморгала. Один из мужчин — разве я уже один раз не встречалась с ним? — бурча, снова натянул мне на лицо мешок, прежде чем я смогла хорошо осмотреться.

Нежные руки вытащили меня из багажника, мои попытки сопротивления ничего не принесли. Сильные руки несли меня, и я пока что решила отказаться от борьбы. Вместо этого сосредоточилась на том, чтобы запомнить, как часто мужчина на своём пути заворачивал за угол. В фильмах возможно это и работало, у меня однако закружилась голова.

— Куда вы меня несёте? — спросила я.

Молчание.

Я вздохнула.

— Вы не можете по крайней мере снять с меня мешок? Я не могу дышать!

— Если можешь говорить, то и дышать тоже, — ответил мужчина, который меня нёс. Его акцент звучал как ирландский, в нём были мягкие гласные и стремительный ритм.

Я с удовлетворением отметила, что мне удалось заставить его говорить.

— Значит, вы можете разговаривать.

Он снова хмыкнул и изменил хватку. Должно быть, мы достигли цели, так как он бросил меня на грубый стул и отошел. Я немного опустила ментальную стену и попробовала почувствовать количество находящихся в помещении персон. Прежде чем поднять защитную стену, мне удалось распознать не менее трех защитников.

— Мне очень больно, девочка, — сказал голос с сильным ирландским акцентом. Так и

есть. Это были защитники, так как только они могли чувствовать вызванную жужжанием моих способностей боль. Кто-то сорвал мне с головы мешок, и я обнаружила, что сижу во главе длинного стола, за которым бы запросто поместились 20 человек. Стол стоял в роскошной столовой, чьи стены были оклеены тканью, а потолочные плинтуса искусно декорированы. Я обратила внимание на сервант, который вероятно стоил столько же, сколько мое образование в колледже. Рядом со мной во главе стола сидел человек из парка «Мьюирский лес», которого я окрестила «дешевой копией Бонда».

— Что случилось с Вашим акцентом? — спросила я его. Раньше у него был английский акцент.

Он улыбнулся, но не ответил. Вместо этого он указал на чашку передо мной, в которую был налит густой мясной суп.

— Ты голодна?

— Нет, спасибо. Я еще не овладела искусством есть без рук.

Я подняла руки, чтобы показать ему, что они все еще связаны у меня за спиной. Он дал одному из своих людей сигнал, и мгновение спустя мои руки стали свободны. Я потеряла запястья, чтобы восстановить кровообращение и облегченно выпрямилась, когда боль в плечах отступила.

— Я Вас помню, — сказала я человеку, освободившему мне руки. Это был тот же самый, который внес меня в дом. Я одарила его мрачным взглядом.

— Вы сломали моему другу руку!

В парке мне удалось лишь мельком рассмотреть его, так как я была занята дешевой копией Бонда, но тем не менее я узнала его по родинке на лбу.

У этого богатыря были стволы деревьев вместо рук. Я так сильно его ругала, что теперь, оглядываясь назад, сама удивлялась своей храбрости. Кто я такая, чтобы угрожать этим мужикам, на стороне которых было численное превосходство? Несмотря на свой угрожающий вид тип выглядел спокойным.

Дешевая копия Бонда засмеялся.

— Прекрати угрожать Шону. Человек ужасно боится тебя.

— А Вы нет? — сказала я и сощурилась.

Он поднес бокал красного вина к губам и пригубил его.

— Я тебе не враг, мисс Омалей.

Я скрестила руки на груди.

— А я смотрю на все это по-другому. Вы с Франком Марше за одно, и это однозначно превращает Вас в моего врага.

Он так резко поставил бокал на стол, что вино выплеснулось.

— Я с этим человеком не за одно, и был бы тебе очень благодарен, не предъявлять мне подобных обвинений, — высказался он, яростно сверкая синими глазами.

Я нагнулась на стуле вперед, и мои волосы упали на плечи. Убирая их с лица, я мрачно посмотрела на него.

— Тогда почему вы преследовали Эрин в лесу? Откуда вы могли знать, что мы будем там?

Он поднял бровь и выглядел удивленным.

— Ты ошибаешься. Я не преследовал твою маленькую подружку-целительницу. Мы с самого Парижа следовали по пятам Габриеля Блэквелла, он и привел нас к тебе.

Черт! Разве мне все это не показалось тогда странным? Хотя Морриссей считались

садистами, мы практически не получили никаких повреждений. И этот человек дал мне уйти, хотя мог бы легко со мной расправиться. В лесу он удивлялся тому, что среди нас кого-то не хватало. Тогда я подумала, что он имеет в виду Лотти, но о ней люди моего деда ничего не знали. Нет, этот человек имел в виду Габриеля и задавался вопросом, где тот человек, за которым они последовали в лес.

— Вы работаете вместе с Морриссей? — спросила я на всякий случай.

Дешевая копия Бонда уже собирался опустить вилку в еду, но остановился и угрожающе нахмурил черные брови.

— Сначала Марше, теперь эти Морриссей. Если ты пытаешься меня оскорбить, то у тебя это хорошо получается!

Меня обдало волной страха. Кем, черт побери, был этот тип, если он не работал ни на моего деда, ни на людей, в чьих руках находился мой отец? И чего он хотел от меня? В одно мгновение я поняла, что иметь дело с неизвестным врагом куда хуже, чем с тем, кого знаешь. Я огляделась вокруг в поисках выхода, прикидывая шансы выбраться живой.

— Слушай, Мисс Омалей. Мне кажется, начало было не очень хорошим...

Не дав ему договорить, я отодвинула стул от стола.

— Вы похитили меня посреди улицы, у всех на виду, да еще и ранили моих друзей. Перестаньте нести эту чушь!

Люди, стоявшие позади, двинулись в мою сторону и я уже начала обдумывать, как мне лучше всего защититься. Однако дешевая копия Бонда дал им знак отойти. Он встал, протянул руку и предложил помочь мне снова сесть на стул.

— Позволь мне объяснить. Пожалуйста...

Он прямо-таки источал шарм, но я не верила ему. Нисколько. Тем не менее, я снова села. Ну, а что мне оставалось делать? Он также занял свое место и предложил мне что-нибудь съесть. Я взяла вилку, но не съела ни кусочка. Они могли подмешать мне в еду все что угодно!

Он вздохнул.

— Боже, какая же ты упрямая! Меня зовут Симус, тех двоих сзади тебя зовут Шон и Алек. Мы уже несколько месяцев следим за сообщениями о целительнице из Нью-Йорка. Появилось множество историй о том, как тяжелые болезни вдруг вылечивались. Среди прочих и история о женщине, больной раком, чье тяжелое заболевание в один прекрасный день просто исчезло.

— И у Вас вошло в привычку, преследовать целительниц? — спросила я.

Неутешительная мысль. Защитники преследовали целительниц лишь по одной причине.

— Если они могут вылечить рак? Да.

Эрин и другие рассказали мне, что я могла лечить таким способом, как только самые опытные и могущественные целительницы. Значит они начали охотиться за мной, потому что я использовала мои способности.

— Мы думали, что нашли целительницу в Бруклине, когда нам передали истории мужчины, утверждавшего, что его дочь атаквала с помощью мыслей и нанесла ему телесные повреждения. Он говорил о жутком мигающем свете, который можно было наблюдать во время её атаки. Офицер, составивший отчет, считал мужчину сумасшедшим, но мы конечно, услышав такое, настораживаемся.

Дин. Я никогда не думала, что он расскажет кому-то, что случилось на самом деле, потому что любой, посчитал бы его сумасшедшим. Эта свинья направил на мой след этих

мужиков.

Симус замолчал и съел немного супа, прежде чем продолжить.

— Но целительница и её родители, перед тем как мы прибыли, уже исчезли. Мать пропала, а отец нарушил свой испытательный срок и ушёл в подполье. В нашей родословной книге о целителях мы не обнаружили запись о матери и поэтому отложили пока это дело в долгий ящик. Тип только потому наплёл офицеру эту историю, потому что хотел скрыть тот факт, что жестоко обращался со своей дочкой.

— Падчерицей! — огрызнулась я. Я слышала моё дыхание и поняла, что у меня вот-вот случится гипервентиляция. Я сосредоточилась на том, чтобы дышать спокойно. Симус не одарил меня сострадательным взглядом, которые другие так часто имели для меня наготове, когда узнавали, как со мной обращался Дин. Его лицо ничего не выдавало о том, что он думает, и я почти уже хотела, чтобы он выказал жалость и таким образом узнать, что он был способен на такие чувства.

— Как хочешь. Значит, отчим. Вскоре мы услышали слух, что Блеквеллы предоставили целительнице в Блеквелл Фоллс убежище.

Чёртова Лотти. Катастрофа началась в тот момент, когда она рассказала Спенсору и Миранде, что в город переехала целительница. Она ненавидела то, что мы были с Ашером вместе, ненавидела то, как моё присутствие начало на неё действовать, следовательно, натравила на меня защитников и надеялась, что таким образом избавится от проблемы. К счастью Габриель и Ашер ещё вовремя обо всём узнали и смогли меня спрятать, когда приехали Спенсер и Миранда, чтобы добраться до истины.

— И что? — спросила я Симуса.

— Мы проверили слухи, но Блеквеллы утверждали, что убили целительницу. Пока мы поняли, что они нас обманули, было уже поздно. Ты исчезла из Блеквелл Фоллс, так же как твоя семья и Блеквеллы. Следующие подсказки мы получили снова лишь тогда, когда Габриель появился в Европе.

У меня никогда не было ни единого шанса. Они уже охотились за мной, прежде чем я вообще переехала в Мэн и познакомилась с Ашером. Было лишь вопросом времени, пока они обнаружат меня. Всё что случилось, послужило лишь задержкой, отложившей этот неизбежный момент.

— Что же, теперь вы нашли меня, — заметила я в бессильной ярости. — Чего именно вы от меня хотите? Если вы думаете, я допущу, чтобы вы меня использовали, тогда вы в пролёте. Лучше я умру — и при этом заберу вас с собой.

— Мы не планировали причинять тебе вред. Если бы это было так, то ты уже давно умерла бы. В конце концов, это я смог бы сделать уже в Калифорнии, не так ли? — Он посмотрел на меня с вызовом. Он был прав и нам обоим это ясно. — Ты должна быть здесь, рядом с нами, мисс Омалей, там, где мы сможем приглядеть за тобой.

Никогда в жизни!

Я покачала головой и поджала от отвращения губы. Что во мне было такого, что эти сволочи думали, что могут меня контролировать? Так-так, они хотят за мной приглядеть. Ах, да. Насколько глупой они меня считали? Я положила руки рядом с нетронутой тарелкой ладонями вниз на стол. То, что мои пальцы обхватили вилку, он казалось, не заметил.

— А если я не хочу оставаться? — спросила я.

Симус потягивал своё вино и задумчиво меня разглядывал.

— Ты меня удивляешь, правда. В конце концов, мы ведь делаем тебе одолжение. Чем

скорее ты с этим согласишься, тем лучше.

Только что он ещё говорит мне, что я в безопасности, а в следующее мгновение уже угрожает запереть. Меня охватил безмерный гнев и разум отключился. Большую часть моей жизни я была узницей. Никогда больше! Не думая, я вскочила и воткнула Симусу вилку в руку. Она проколола кожу и кости, прежде чем с достаточной силой врезалась на другой стороне в твёрдый стол и застряла в дереве. Симус взялся за руку, чтобы высвободить её, в то время как я схватила со стола нож. Его два охранника бросились вперёд, но я уже прыгнула за спину Симуса и прижала лезвие к его горлу. Потом опустила защитную стену, так что моя энергия загудела в воздухе.

— Вы это чувствуете, Симус? Тогда представьте, что почувствуете, когда я перережу вам глотку. Я смогу заставить ощутить вас всё!

— Стойте! Не трогайте её! — крикнул Симус мужчинам, и они остановились.

— Реми, мне кажется, ты не совсем понимаешь, — обратился он ко мне.

Из его горла вырвался клокочущий звук, когда я слегка порезала его кожу ножом.

— Не понимаю? Чего? Что вы хотите сделать из меня марионетку?

Симус не ответил. Он подскочил, оттолкнув при этом мою руку. Затем ударил меня головой в подбородок, после чего у меня в глазах замелькали звездочки, и я схватилась за плечо. Собравшись с силами, я пнула стул вперед, вследствие чего он потерял равновесие, а я между тем рванула его за вытянутую руку. Его вес завершил начатое мной. Мне нужно было лишь отойти в сторону, и он беспрепятственно рухнул на пол. После этого я уже сидела на его груди, приставив ему нож к горлу.

Из тонкого пореза на горле сочилась кровь. Я неотрывно смотрела в его распахнутые глаза. Его ментальная стена обрушилась, и я чувствовала, что он готовился к нападению, намереваясь забрать у меня энергию, чтобы ослабить или убить, так как это делали защитники на протяжении всего последнего столетия. Меня охватила слепая ярость, и я перешла в нападение первой.

Чудовище во мне вкусило силы Симуса и требовало еще. Меня бросило в жар, когда моя энергия начала поглощать его энергию. Мое сердце билось в два раза чаще, чем обычно, а в воздухе потрескивали красные искры, в то время как я забирала у него энергию.

— Девочка, перестань!

Голос привел меня в чувство, и я повернулась к человеку, которому он принадлежал.

Это Шон, он в ужасе смотрел на меня. Голубые глаза лежащего подо мной Симуса, были широко распахнуты от страха и боли. Я могла бы его убить, но сделав это, я бы уподобилась ему. Стала бы бессмертной и неспособной чувствовать даже простейшее прикосновение. Эта мысль больше чем что-либо другое, заставила меня оторваться от него и забрать свою энергию. Чудовище во мне, не получив желаемое, злобно рычало, но я загнала его обратно в клетку.

Я медленно убрала нож от горла Симуса и встала. Он не двигался, не отваживаясь даже дышать. Я обошла вокруг стола, чтобы между мной и его людьми было расстояние. Они явно хотели того же, с недоверием поглядывая на меня. Я уже подошла к двери, когда увидела, что Симус, держась за окровавленное горло смог сесть, воспользовавшись помощью Шона.

— Стой! — крикнул он. — Мы не те, за кого ты нас принимаешь!

Прочь отсюда. У меня не было никаких сомнений по этому поводу.

Паника сдавила мне горло, я, задыхаясь, оглядывалась в поисках выхода. Пыталась вспомнить, каким путем Шон нес меня по дому, но не знала точно. Я решила повернуть

налево и побежала по коридору, преследуемая остальными. Я бежала так быстро, что слишком быстро завернув за угол, поскользнулась и оглядываясь вокруг, искала за что бы схватиться. Под руку мне попался стол, за который я и ухватилась, выронив при этом нож.

Я прибежала в своего рода вестибюль с шикарной лестницей, ведущей на первый этаж. Ринувшись к входной двери, я бросила последний взгляд назад, прежде чем нажать на дверную ручку. То, что я увидела, заставило меня резко остановиться.

В зал вбежали Симус и его люди. Увидев, куда был направлен мой взгляд, он отступил назад и поднял руку, давая знак мужчинам остановиться.

— Не может быть, — прошептала я. — Этого просто не может быть!

На верху лестницы висел гобелен, в чей узор был вплетен семейный герб, на котором были изображены корабль, лошадь, кабан, меч, стрелы и луки. Я подошла ближе, пытаюсь разобрать слова, написанные под ним.

— Это древняя цитата Одугана четырнадцатого века, — тихо сказал Симус, указывая на слова, которые я пыталась прочесть.

— Она гласит: До определенного момента каждый честный Омалей был моряком; предсказывал любую погоду; род, в котором царит братская любовь и дружба.

Омалей. Это не могло быть случайностью.

— Кто Вы? — спросила я.

Он подошел ближе.

— Я Симус Омалей, мы с тобой родственники, Реми Омалей.

Как будто мы встретились только что в вежливом кругу, без какого-либо похищения и угроз, он протянул мне свою руку. В Мьюирском лесу он показался мне знакомым, теперь я знала, почему. Его черты лица, чёрные волосы, голубые глаза — всё это имело отдалённое сходство с моим отцом. Он не был точной копией, скорее дубликат от дубликата от ещё одного дубликата. Отголоски оригинала присутствовали, но линии между поколениями размылись.

— Чего вы от меня хотите?

— Мы не хотим причинять тебе ничего плохого.

Это не ответ. Я проигнорировала его протянутую руку.

— Я вам не верю. Вы похитили меня, — упрекнула я его.

Он немного вздрогнул и опустил руку.

— А ты воткнула мне в руку вилку и попыталась убить. Скажу, что мы квиты, кузина.

— Кузина?

— Насколько мы можем судить, да. С разрывом во многие поколения. Поэтому можешь спокойно обращаться ко мне на ты.

— Вы знали, что я Омалей, когда начали разыскивать меня в Нью-Йорке?

Он покачал головой.

— Нет. В конце концов, целители сделали всю работу, спрятав свою родословную.

— Вы говорите, что отличаетесь от Морриссей, но вы преследуете целительниц.

Почему? Чтобы подарить им браслеты дружбы?

Мои слова прямо-таки сочлились сарказмом, и Симус, казалось, с трудом удерживал ухмылку.

— Мы не преследуем целительниц. Мы преследуем целительниц, таких как ты, о которых думаем, что за этим скрывается больше.

Представьте себе такое. Защитники, которые охотятся за мной из-за моей смешанной крови.

— А мой отец? Вы о нём знали?

— Нет. Омалей в какой-то момент рассеялись во всех направлениях. Мы не знали, к какой семейной ветви ты принадлежишь, пока не разыскали тебя в Блеквелл Фоллс. Ты можешь себе представить наше удивление, когда мы поняли, что девушку, которую мы ищем, дочь одного из Омалей!

Один из его людей начал двигаться, привлекая моё внимание. Между тем они выстроились вокруг меня в полукруге. Шон заговорил в радиоаппаратуру, из чего я заключила, что на другой стороне входной двери ожидали другие. Я балансировала на подошвах ног. Если одни из них даже только попытается приблизиться, то я побегу, не имеет значение, что меня ожидает снаружи. Я проклинала себя за то, что отвлеклась из-за этого чёртова гобелена.

Конечно я могла бы одолеть Симуса, используя его энергию. Удастся ли мне сделать это ещё раз, когда пять защитников были готовы схватить меня?

Вряд ли.

— И что теперь? — спросила я у Симуса. — Ты ожидаешь, что я буду танцевать под твою дудку, потому что мы родственники? Нет, спасибо! С помощью этой тактики мой дед тоже уже пытался, а я показала ему, что думаю о его планах.

— Реми, посмотри на меня. — Я посмотрела, а Симус заговорил тихим голосом, полным искренности. — Я никогда не причиню тебе боли. Клянусь. Мы привезли тебя сюда, потому что здесь ты будешь в безопасности.

Я с подозрением сузила глаза и стала ждать, что о себе даст знать мой измерительный прибор, предупреждающий, что несут вздор. Но он не заявил о своём присутствии. Что-то говорило мне, что Симус говорит правду. И всё-таки он угрожал людям, которых я люблю. Я сделала один шаг назад к двери и потянулась за ручкой.

— Вы похитили меня для моего же блага? И вы пытаетесь убедить меня в этом? — глумилась я.

Один охранник протянул Симусу платок, который он обмотал вокруг кровоточащей руки. Он скривил рот в полную раскаяния улыбку.

— Я вижу, что подошёл к этому вопросу совершенно неправильно. Я ожидал, что ты будешь благодарна за то, что мы освободили тебя из рук Блеквеллов.

Освободили? Я посмотрела на него растерянно.

— Блеквеллы — мои друзья!

Он поморщился.

— Неудивительно, что ты напала на меня. Мы думали, что ты их заложница. Как вижу, я ошибся. Дай мне шанс объяснить, кто мы такие, и если захочешь уйти после этого, тогда уйдёшь.

Его голос звучал так, как будто он говорил серьёзно, с другой стороны, чтобы добиться своих целей, люди всё время лгут. Однако если не хочу вступать в схватку с этими типами,

то нужно подыграть.

— Прекрасно. Мы поговорим, а потом я исчезну.

— Пойдем наверх, — сказал Симус. — Мне нужна аптечка, чтобы обработать руку.

Он поднял наспех перевязанную руку, и я покраснела.

— Не жди от меня извинений, — предупредила я его.

— Даже и не думал, — ответил он веселым голосом. — Вперед.

Четверо охранников отошли, чтобы я смогла последовать за Симусом на лестницу. Я прошла мимо них, из осторожности практически на цыпочках, осознавая, что совершаю большую ошибку. Что если он вел меня в мою тюрьму? По спине бежали капли пота. Поднимаясь вверх по лестнице, я колебалась; Шон был сзади.

Я скрестила руки на груди.

— Я не сделаю больше ни шага, пока ты не скажешь своим друзьям, чтобы они шли играть куда-нибудь в другое место.

Услышав, что я ему не доверяю, Шон действительно сделал обиженное лицо, но мне было все равно.

Симус вздохнул.

— Ты осознаешь, что во время наших встреч, пострадавшим был я?

Я не сдвинулась с места, после чего он уступил и сказал Шону:

— Подождите здесь. Если она снова попытается меня убить, я закричу. Теперь довольна?

Я кивнула и поднялась к нему.

— В восторге. В конце концов, меня не каждый день похищает дальний кузен.

Он громко втянул воздух, но ничего не ответил. Мы завернули за угол и оказались в длинном коридоре, увешанном портретами умерших. В нем не было никакой мебели и меня охватило жуткое чувство, что нарисованные глаза следят за мной.

— Почему другие защитники ничего не знают о твоём существовании? — спросила я.

Симус остановился и с любопытством посмотрел на меня.

— С чего ты взяла, что они не знают?

— Ашер сказал, что большинство семей защитников знают друг друга, но об Омаллей Блэквеллы не имели никакого понятия.

Я вспомнила обнаруженную мной книгу родословных. В ней, линия Омаллей резко прерывается с последней записью, датированной 1629-ым годом.

— Хорошо. Именно этого мы и хотели.

Мы дошли до двери и Симус попросил меня:

— Подожди здесь немного.

Лишь секунду спустя он вернулся с аптечкой, и мы продолжили наш путь, пока не оказались в своего рода гостиной с благородными обоями и огромными портретами в рамах, с изображением женщин разных эпох. Нет серьёзно, кому нужно столько картин людей из прошлых столетий?

Симус поставил аптечку на низкий столик, давая понять, чтобы я присоединилась к нему на диване с парчовой обивкой и резными, деревянными деталями. Я села как можно дальше и смотрела, как он пытался открыть одной рукой аптечку. Меня начала мучить совесть, но я проигнорировала её. Этому мужчине я не собираюсь помогать. Возможно мы разделяем одну фамилию, но не являемся из-за этого одной семьёй.

— Что ты имел в виду, когда сказал, что вы присмотрите за мной?

Симус поморщился.

— Кузина, за тобой охотится куча людей. Морриссей объявили, что они готовы заплатить защитнику, который найдёт тебя, гору денег. Ну, и мы думали, что Блеквеллы удерживают тебя силой. Кстати знаешь, что твой дед здесь в Лондоне и ищет тебя?

Когда я убирала волосы с лица, моя рука дрожала и я села на неё, чтобы скрыть, как сильно меня потрясло это объявление.

— И ты ожидаешь, что я поверю, что ты пытаешься защитить меня от всех этих злых людей?

— Именно это мы и делаем, — ответил он таким голосом, в котором вибрировали гордость и правдивость. — Или по крайней мере мы делали это, когда ещё было больше таких как ты.

Я была полностью пленена каплей крови в изгибе его шеи, но теперь шокировано вскинула голову вверх.

— Существует ещё больше людей, таких как я? — прохрипела я.

— Раньше да.

Он посмотрел на картину на противоположной стене. У женщины, изображенной на ней, были светлые волосы, разделённые посередине и спадающие вниз длинными локонами. У её зелёного одеяния огромные буфы на рукавах, прикрепленные к плечам полосками. Эта мода напоминала мне 16 столетие. На шее у неё была своего рода золотая цепь. В её голубых глазах я обнаружила печаль. Я с удовольствием разглядела бы получше золотую цепь, но Симус продолжил.

— Ты думала, что ты первая? — спросил он.

Он не насмехался надо мной, поэтому я ответила честно:

— Все защитники или целительницы, которых я до сих пор встречала, клялись мне, что ещё никогда не слышали о такой, как я.

Он кивнул, и я подумала, что увидела, как что-то вроде удовлетворения промелькнуло на его лице.

— Прекрасно, тогда мы проделали хорошую работу. Ты знаешь, что я защитник, но всё немного сложнее. Раньше я был защитником фениксов.

— Фениксов? — спросила я. — Как птица?

— Так назвала их наша семья, — сказал он, пожимая плечами. — Феникс — это символ новой жизни.

— Если когда-то таких как я было больше, что тогда с ними случилось? — спросила я в отчаяние.

— «Случились» целительницы, — сказал Симус с мрачным выражением лица. — Почти с самого начала они держали власть в своих руках, но эта власть была очень шаткой. Потому что мы сильнее и быстрее, и они это понимали. Тем не менее, некоторое время мы жили мирно друг с другом, помогали другим и себе. Но наших детей учили, что наши расы не должны смешиваться. Это было уже почти что религиозным запретом, а в то время никто не шёл против церкви. — Он сел по-другому и в конце концов ему удалось открыть аптечку. — Со временем вещи изменились. Люди есть люди. Они влюбляются, вопреки всем невзгодам.

Я подумала об Ашере и Габриеле и покраснела. Вопреки всем невзгодам.

— Некоторые целительницы и защитники нарушили правила, но на это закрывали глаза. Пока не родились первые дети. Мальчики становились защитниками, но девочки... Дочери из этих союзов изменили всё.

— Почему только девочки? — спросила я.

— Потому что только девочки с рождения наделены даром исцеления. Об этом тебе должны были рассказать твои подруги.

Я нахмурилась. Франк хотел изменить это. Он думал, что может использовать меня и ставить надо мной эксперименты, чтобы выяснить, почему существуют только целители женского пола. Это был его план, создать целителей мужского пола, увеличив число общины, чтобы таким образом подчинить себе защитников.

— И что случилось, когда родились эти девочки?

Симус положил на стол рядом друг с другом марлю, лейкопластырь и коробку с дезинфицирующими салфетками.

— Они выросли, а с ними выросли их способности. И как ты знаешь, они впечатляющие. Целительницы почувствовали угрозу своей власти. А если угрозу невозможно контролировать, тогда её нужно разрушить.

Разрушить. Он имел в виду убийство. У меня пошли мурашки по коже.

— Ты имеешь в виду, их убили?

— Всех, кого смогли найти. Они прикончили женщин, девочек и младенцев.

Я вздрогнула и проглотила мой страх.

Лицо Симуса потемнело, и я могла представить, что ему хотелось бы сделать с целительницами, убивших мне подобных.

— Однако им показалось этого мало. Они хотели убедиться в том, что такого никогда больше не случится. Поэтому, чтобы преподать наглядный урок, убили так же всех целительниц и защитников, которые нарушили запрет. В течение года фениксы исчезли, а спустя несколько десятилетий, они жили только лишь в воспоминаниях. Прошло несколько столетий, и фениксы стали мифом. Невероятная история, которую защитники и целительницы рассказывают своим детям.

Симус, который как раз разматывал полотенце со своей руки, остановился и посмотрел на меня.

— А теперь появилась ты, — сказал он тихо.

Я не была уверена в том, был ли тон, которым он это сказал роковым или полным надежды.

Между тем, он уже убрал полотенце и возился с упаковкой дезинфицирующих салфеток. Когда он во второй раз уронил её, я не выдержала.

— Дай сюда, — сказала я и подвинулась к нему. Я раздражённо вырвала у него упаковку из рук, разорвала и продезинфицировала ей порез на шее, при этом он резко вдохнул.

Потом вытащила марлевый тампон из аптечки и промокнула им кровь на его руке. После того, как вилка проткнула руку насквозь, она представляла собой не слишком красивое зрелище, и я поморщилась. В воздухе висел запах железа. Невольно я подумала об искусственном кончике пальца в коробке с прошлого вечера.

— Мне плохо. Вот прижми сам. — Я придавила его свободную руку к тампону, чтобы он оставался на месте, потом отодвинулась, дыша через нос.

— Как медсестра ты совсем не годишься! — заметил он.

— Прощу тебя! Я заботилась уже и о более скверных ранах. — Однако я ещё никогда никому не втыкала в ладонь вилку. Я подавила идущее от сердца «Фу!» и взяла в руки белый бинт. — Что ты собираешься со мной делать? — спросила я.

— Первые рождённые фениксы были Омалей. Многих наших предков убили, потому что они пытались защитить и спасти их, когда началась резня. Мы потерпели неудачу, а целительницы нацелились на нас, заставив тех немногих из нас, что ещё остались, уйти в подполье. С тех пор мы проверяем все слухи и ждём, что родится новый феникс. Ещё раз мы не разочаруем вас.

Это объясняет, почему их родословная не велась в книге дальше. Семья стала такой же жертвой жадности целительниц, как и фениксы.

— И ты думаешь, что теперь я спрячусь здесь у вас? — спросила я. — Ты вырвал меня из круга моей семьи и друзей!

Немного грубее, чем необходимо я наложила повязку. Так как он морщился, видимо он это чувствовал. Уже сейчас моё присутствие отражалось на нём.

— Как я уже сказал, что совершенно неправильно взялся за это дело. Мы оценили твою ситуацию иначе. Я думал, что найду ребёнка, но об этом совсем не может быть и речи.

Шанса быть ребёнком у меня никогда не было. Об этом позаботились Дин и моя мать. Я изучала черты лица Симуса. То, как он отвечал на мой взгляд, пробудило во мне подозрение, что он что-то от меня скрывает. Возможно, он не врал напрямую, но и не рассказывал всей правды. А я научилась не доверять никому, кто умалчивает свои мотивы.

— Ты сказал, что я могу уйти, после того, как выслушаю тебя. Ты сказал это серьёзно?

Больше всего ему хотелось ответить нет. Это было видно по его напряжённой позе и выражению лица. Всё же он кивнул.

— Да. Хотя ты и делаешь ошибку, но мы не будем тебя ни к чему принуждать.

Я встала и подошла к портрету светловолосой женщины.

— Подумай, Симус, я тебя не знаю. Мой дед пытается меня убить. Мой отец находится в руках у Морриссей. Единственные люди, которые поддерживали меня, это Блеквеллы. — С приподнятыми бровями я бросила на него взгляд. — Возможно, тебе и кажется это сумасшедшим, но я лучше буду держаться тех людей, у которых уже была на шее, когда всё началось.

Симус поднялся и присоединился ко мне. Одним пальцем он прикоснулся к амулету на шее женщины. Теперь я видела, что он из себя представлял: золотого феникса с рубиновыми глазами. Симус выглядел при этом таким нежным, как будто знал эту женщину. Я ахнула, когда поняла, что эта женщина была такой же, как и я: феникс!

— Кто она?

— Моя жена.

В его тоне вибрировала бесповоротность, запрещающая другие вопросы. Он опустил руку, повернулся ко мне и прислонился плечом к стене. Нежное выражение лица исчезло.

— Скажи мне, как я могу завоевать твоё доверие.

Лихорадочно я размышляла, как можно извлечь пользу из этого мужчины. Другие уже вечность использовали меня, можно ведь и поменяться ролями?

— Найди моего отца.

Ты сможешь мне вернуть его, тогда и поговорим.

Симус покачал головой.

— Ты не могла попросить меня о чём-то более лёгком? К примеру, украсть драгоценности короны? — Когда я открыла рот, чтобы придаться, он отмахнулся. — Нет, так мы и сделаем. Ну, давай. Шон и ребята отвезут тебя назад к твоим друзьям.

Я последовала за ним к двери.

— Думаю, Шон и я справимся с этим сами.

Он сразу же понял, что я имею в виду. С кучей защитников, которые могут обратиться против меня, я никуда не пойду.

— Ты правда вообще никому не доверяешь, не так ли?

Я молчала. Пусть думает, что хочет. Мы спустились вниз, где он поручил Шону отвезти меня назад к Блеквеллам. Он забрал у одного из своих людей мобильный и протянул мне.

— Мы позвоним, когда найдём его. — Как раз, когда я уже хотела выйти, он прокричал мне ещё кое-что. — Знаешь, твоего отца мы, между прочим, искали бы и без твоей просьбы? Он Омалей, а мы заботимся о своих родственниках.

— Докажи это, — ответила я с вызывающим взглядом, потом дверь за мной закрылась.

20

Шон был не особо расположен к беседе и это мне хорошо подходило. Когда мы уезжали, великан открыл для меня заднюю дверь, и я задавалась вопросом, сделал ли он это в качестве шофёра или потому что хотел установить между нами как можно большую дистанцию. То, что Симус отпустил меня, я ещё не испытывала облегчения, потому что пока не окажусь рядом с друзьями, не смогу расслабиться. Вместо этого моя голова гудела из-за всех новостей, которые я узнала.

Я не была помесью, как стояло в книге Алкаиса, выражение, низводящее меня до животного с неполноценной родословной. Я феникс. Существо, возрождающееся из пепла.

Какое же абсолютно подходящее имя! Моя жизнь главным образом состояла из пепла, и я так сильно старалась возродиться из него и быть больше, чем от меня ожидали. Феникс был так же огненным существом, и я задавалась вопросом, было ли имя выбрано отчасти из-за красных искр, которые шли рука об руку с нашими уникальными способностями, причинять другим боль.

Два часа назад я думала, что пробил мой последний час. Думала, что оказалась в руках защитников, без какой либо возможности сбежать. Но я не сдалась.

Я ни перед кем не преклонилась, ни ожидала, что меня кто-то спасёт, ни подумала, что заслуживаю то, что со мной случилось. В последний год я сильно изменилась. Если существует что-то, за что стоит бороться — я думала о людях, окружающих меня — тогда не прячься в какой-нибудь дыре.

Шон остановил машину, и я поняла, что мы подъехали к дому Блеквеллов.

— Вы уверены, что нас не преследуют? — спросила я.

Он сделал обиженное лицо и хмыкнул, как будто это и было ответом.

— Было здорово с Вами познакомиться, Шон, — преувеличенно сказала я. — Пока, пока.

Я хотела открыть дверь, но она не поддавалась. Стараясь не показывать страха, от которого у меня вспотели ладони, я встретилась с ним взглядом в зеркале заднего вида.

— Мы будем поблизости, — грубо сказал. — Не делай глупостей, девочка.

Замки отворились, и я открыла дверь, осознавая, что только что охранник дал мне свою версию обещания. При других обстоятельствах я бы сделала какое-нибудь саркастическое замечание, но вместо этого почувствовала невероятное облегчение. Значит, Симус все-таки сдержал слово. Я была дома.

Я прошла к входной двери. Не успела я дотронуться до ручки, как она открылась, и Ашер поднял меня вверх. Меня окружили друзья, пытаясь одновременно обнять. Я услышала, как уехал Шон, но навряд ли далеко. Теперь я была среди защитников. Лотти, Габриель и Ашер взволнованно и с недоверием смотрели на меня и я подумала: Чем больше защитников, тем лучше!

— С тобой всё в порядке? — спросил Габриель грубо. Мускул дёргался на его челюсти; он остановился на лестнице, вцепившись в перила. — Представляя себе, кто тебя мог похитить, мы чуть не сошли с ума. Лотти и я хотели прямо сейчас отправляться к Спенсеру и Миранде, чтобы выяснить, знают ли они что-нибудь.

Не считая Люси, Габриель был единственным, кто не обнял меня, и я пыталась скрыть свое разочарование.

— Длинная история, — сказала я. — Но со мной все в порядке.

Лотти неуклюже гладила меня по спине.

— Я рада, что ты жива.

Эрин подняла руку и прикусила губы.

— Если эти типы знают, где мы живем, может нам быстро собрать вещи и испариться?

Об этом я уже тоже размышляла. Симус мог собрать своих людей для атаки, но моя интуиция подсказывала, что он этого не сделает. Ему что-то от меня нужно, поэтому мы должны работать вместе. Если он нападёт на моих друзей, то может забыть свои планы, это, между тем, должно быть тоже стало ему ясно. Я была готова поверить ему. Другие однако должны решать за себя. Это решение я не могу принять за них.

Мы сели в столовой и я рассказала, что произошло после моего похищения.

Кто-то поставил передо мной тарелку с едой. Люси наклонилась ко мне, и в её лице я увидела себя, когда у меня болело сердце, и я обязательно хотела скрыть это. Я прикоснулась к её руке, а она сжала мои пальцы, прежде чем отпрянуть. Я вздохнула и отпустила её.

Во время еды я продолжила докладывать о том, что рассказал мне Симус, при этом не упомянув мою на него атаку с вилкой. Не успела я закончить, воцарился переполох.

— Не могу поверить в то, что они убили столько много людей! — сказала Эрин глубоко-печальным голосом.

— Они будут искать папу? — прошептала Люси.

— Феникс. Что же, это подходит, — сказал Ашер.

Мы обменялись улыбками. Я подумала тоже самое. Углом глаза я заметила, как Габриель изменил свою позу и теперь уставился на стол, в то время как незадолго до этого, ещё интенсивно за мной наблюдал.

Я сосредоточилась на всей группе.

— Что вы собираетесь делать? Мы можем сбежать, но что это даст? Они ведь и здесь выследили нас.

— Ты думаешь, он действительно начнёт искать Бена? — спросил Габриель.

Я проглотила мою печаль и кивнула. По какой-то причине он не мог посмотреть на меня.

— Да, думаю. Хотя и не уверена в том, так ли бескорыстны его мотивы, как он хочет заставить нас думать. Он чего-то от меня добивается, поэтому готов искать нашего отца.

— Тогда мы останемся, — сказал Габриель.

Его быстрое решение поддержать меня удивило и обрадовало.

— Я тоже за то, чтобы остаться, — сказала Эрин. — В конец концов мы ведь приехали сюда, чтобы найти вашего отца. И если это лучший способ, тогда можем и уступить Симусу.

— Я согласна, — сказала Лотти, пожимая плечами. — Честно говоря, мы попали в тупик. Мы в любом случае не смогли бы вести дальнейшие поиски, не вызывая подозрений. Хотя они скорее всего уже заподозрили нас. У меня были сомнения, наносить ещё один визит Спенсеру и Миранде.

Это прозвучало не хорошо. Для Блеквеллов Спенсер и Миранда были практически семьёй.

Они помогли бежать им из Италии, когда убили их родителей, и началась война. Услышать, что Лотти больше не чувствовала себя у них в безопасности, наполнило меня дискомфортом, который ещё возрос, когда Габриель нахмурился. Они беспокоились, но всё равно пошли бы к ним опять. Для меня и Люси. Мои глаза защипало. Ещё год назад я не могла себе даже представить, что кто-то будет из-за меня рисковать своей жизнью. Я люблю этих людей.

Как будто он услышал мои мысли, глаза Габриеля коротко вспыхнули теплом, но искра быстро потухла.

— Мою позицию вы всё равно знаете, — добавила Люси.

— Значит, будем ждать Симуса, — сказал Ашер, и вокруг стола раздалось одобрителное бормотание.

Потом мы перечислили различные способы, как нам эффективнее подготовится, если Симус всё-таки окажется врагом. Габриель использовал это как предлог, сбегая со словами, что хочет осмотреть окрестности, чтобы убедиться, что Омалей единственные, кто за нами наблюдают и что они не окружили нас.

Он вышел из комнаты, даже не взглянув на меня один раз. В сторону Ашера он тоже не смотрел, и я задавалась вопросом, какие разговоры велись во время моего отсутствия.

Они поссорились?

В конце концов, длинный день взял своё. Эрин первая сказала спокойной ночи, вскоре после неё последовали Люси и Лотти. Ашер и я остались внезапно наедине. Он избегал моего взгляда с тем же старым чувством вины, и я полагала, что его угнетал тот факт, что меня похитили в его присутствие. Именно так, как он и боялся: он не смог защитить меня. Жаль, что так получилось, ведь как раз в те минуты, прежде чем появились люди Симуса, мы наконец-то поговорили и померились.

Я возилась с краем салфетки.

— Как твоя голова?

С мрачным лицом он потрогал лоб. Видимо удар был довольно сильным, хотя уже ничего не было заметно.

— Пойдет. После того как меня нашли на тротуаре, Эрин вылечила меня.

Я язвительно улыбнулась.

— Может тебя порадует тот факт, что я показала Симусу все что думаю, после того как он ранил тебя.

— Что ты сделала? — недоверчиво спросил Ашер.

— Скажем так: Симус и его люди с этого момента не будут пользоваться ножами и вилками в моем присутствии.

Мое замечание озадачило его, но он все равно засмеялся.

— Ты снова и снова удивляешь меня. Когда мне кажется, что я тебя знаю, ты совершаешь что-нибудь такое, что убеждает меня в том, что я не имею о тебе ни малейшего понятия.

Он встал и отодвинул стул, а я начала убирать со стола.

— Реми?

Я взглянула на него и обнаружила, что он смотрит на меня с искаженным болью лицом, и так крепко держится за спинку стула, что у него побелели костяшки пальцев.

— Ты должна знать...

Он двигал челюстью, с трудом подбирая слова.

— Я видел лицо Габриеля, когда до него дошло, что они взяли тебя. Я не видел его с таким лицом с тех пор как... — Он замолчал тяжело дыша. — ...С тех пор как погибли Сэм и наши родители.

Когда я попыталась заговорить, Ашер так гневно взглянул на меня, что я тут же замолчала.

Он кашлянул.

— Мой брат, самый лучший человек из всех, кого я знаю. Единственный, кто достоин тебя. Я люблю тебя, и мне будет больно видеть вас вместе, но я не буду вставать между вами. Если это то, чего он хочет, то тогда ты должна быть с ним. Будь счастлива, mo críde. Ты заслуживаешь этого.

Сказав это, он развернулся и вышел из комнаты.

Не знаю, сколько я так сидела одна и плакала, прежде чем ушла в свою комнату. Я совсем запуталась в бесчисленных чувствах, с которыми боролось мое сердце. Ашер был моей первой любовью, я грустила из-за нашего расставания и из-за того, что могло бы быть у нас в будущем. Наша дружба должна измениться, это печалило меня. Кроме того, я переживала о том, как будут развиваться отношения между Ашером и Габриелем.

Мне было жаль, что я причиняла Ашеру боль, хотя еще любила его, но уже по-другому, не так как раньше. Главное всего была моя надежда, что отношения с Габриелем перерастут в нечто большее, и будут стоить того горя, которое мы причинили его брату. Возможно, Габриель задавался теми же вопросами и поэтому весь вечер избегал меня. Я точно знала, чего хотела: двигаться вперед и дать нам обоим шанс. Жизнь коротка, я больше не хотела ждать.

Совершенно измученная, я приняла душ и подготовилась, словно в трансе ко сну. Я думала, что возможно не смогу заснуть, но совсем обессилила. Незадолго до того, как задремала, у меня было такое чувство, что затемнённая комната казалась какой-то странной, но я была слишком уставшей, чтобы выяснять причину.

Я проснулась из-за того, что дверь в мою комнату открыли и снова закрыли. Кто-то босиком и на цыпочках подкрадывался к моей кровати. Потом я услышала знакомое дыхание и поняла, что это Люси. В эту ночь свет луны не освещал ей путь, и она тихо заругалась, когда ударилась пальцами ног о прикроватную тумбочку. Я наблюдала, как она приближается, видела совершенно ясно черты её лица, в то время как она вслепую подбиралась ко мне. И я вспомнила, о чём подумала, когда засыпала.

Я вижу в темноте.

Резко я села, из-за чего моя сестра, которая как раз стояла на коленях перед моей кроватью, закричала от испуга.

— Шшш! — прошептала я. — Это только я.

— Ты ужасно меня напугала!

— Я поняла, — ответила я. — Я ещё сейчас наполовину глухая. Ты кричишь, как девчонка, Люси.

Она толкнула меня в ногу.

— Заткнись! — Она не пыталась скрыть свое нервное состояние, с другой стороны ей ведь было не ясно, что я хорошо её вижу. — Могу я с тобой поговорить? — спросила она.

Чтобы проверить я кивнула. Может быть, в комнате всё же светлее, чем я думала.

— Конечно, — сказала я потом громко, и на её лице распространилось облегчение. Она меня не видит, зато я прекрасно вижу её. Видимо это следствие моей атаки на Симуса. Разве я так же не была намного быстрее, чем обычно, когда бросилась в вестибюль Омалей? Из-за того, что недооценила мою скорость, я чуть куда-то не врезалась.

Я что, всё больше становлюсь защитницей? Долгое время я уже никого не исцеляла. Что случится, если я потеряю мои способности? Было ли это вообще возможно?

— Мне очень жаль, — сказала Люси и таким образом вырвала меня из размышлений.

— Что? — спросила я сбита с толку.

Она заплакала.

— Когда они сегодня похитили тебя, я подумала, что возможно никогда больше тебя не увижу. Я так боялась за тебя и в то же время была настолько глупой, что во всём винила тебя! Ты меня ненавидишь?

Как будто я могла. Мне так не хватало разговоров с ней.

— О, Люси. — Я прижала её к себе. — Я люблю тебя, сестрёнка. Я никогда не смогу тебя ненавидеть! — Она зарыдала громче, и я добавила:

— То, что ты разочаровала меня, это да. Что я хотела потаскать тебя за волосы, определённо! Но, чтобы ненавидеть, никогда!

Она сглотнула.

— Но ты должна. Я так плохо с тобой обращалась! То, что я сказала, когда умерла мама... Ты тоже почти умерла, а я была так жестока. Я не это имела в виду. Ничего из этого.

Она дрожала всем телом, и я прижала её ещё крепче к себе.

— Ты страдала. Мы обе страдали. Мне очень жаль, что ты была втянута в это дело. На самом деле я ведь всегда хотела защитить тебя от всего этого.

— Это не имеет значения. Как уже сказал Симус, они в любом случае нашли бы нас.

Да нашли. Это был лишь вопрос времени. Я могла держаться в стороне, но они всё равно бы пришли. Спустя какое-то время Люси успокоилась в моих объятьях, и я взяла в руки сумку, лежащую на прикроватной тумбочке, чтобы найти для неё салфетку. Засопев, она высморкалась, и этот негромкий звук заставил меня понять, какая она ранимая.

— Не хочешь спать со мной? — спросила я.

— А мне можно?

В ответ я отодвинулась немного в сторону и приподняла для неё одеяло. Это напомнило мне то множество раз, когда она после кошмара, прокрадывалась в мою комнату. Она ложилась рядом и брала меня за руку. Любовь к моей сестре перехватила дыхание. Мне так её не хватало. Какое-то время мы просто лежали, каждая погружённая в свои мысли.

— Ты никогда не задумывалась, почему у меня нет ни одной из твоих способностей? — спросила Люси неожиданно. — Я имею в виду, я ведь Омалей, а папа защитник, а ты это ты. Почему я была пропущена?

Этому я тоже уже удивлялась.

— Понятия не имею. Я всегда радовалась, что у тебя их нет. Я думала, что таким образом ты не будешь подвержена опасностям. По правде говоря, из-за этого, я даже завидовала тебе.

— Потому что я нормальная? Ну, спасибо! — сказала Люси и рассмеялась.

— Я на полном серьёзе. Всё, чего я всегда хотела, это быть нормальной. Я не желала всего этого. Но я кое-что для себя решила. Я больше не буду молчать. Мне надоело убегать, да это ничего и не даёт. Можно я расскажу тебе кое-что, что скрыла от остальных?

Я откинулась назад на подушку и описала, как разозлилась, когда Симус угрожал лишить меня свободы.

— Какая же он задница! И что ты сделала?

— Я вонзила ему в руку вилку, а затем напала на него с его же ножом.

Я почувствовала, в каком ужасе была моя сестра.

— Его люди боятся меня, мне было приятно, что я могла постоять за себя. Теперь Симус знает, что не может больше так со мной обращаться.

— Ты и правда изменилась, — тихо сказала Люси.

— Да, я тоже так думаю. Надеюсь, к лучшему.

— Будь осторожна, Реми. Я не говорю, что ты не должна применять свои способности, но ты моя семья, единственная кто у меня есть, — сказала она прерывающимся голосом. — Пожалуйста, смотри, чтобы с тобой ничего не случилось.

Моя сестра потеряла надежду. Это слышалось в ее голосе.

— Хей! Мы вытащим папу!

Она сжала мои пальцы, но я не была уверена, что убедила ее. Прошло уже столько времени, что было не просто питать надежду. В конце концов, мы не видели отца уже почти полгода. Я закрыла глаза и представила его лицо, голубые глаза и черные волосы. Мой отец мог быть добрым и строгим. Когда я прекратила называть его Бен, а сказала «папа», он просто растаял. Он любил скоростные автомобили, лодки и свой город. Любил Люси и меня. У меня на глазах выступили слезы, но я не хотела плакать, а хотела вспоминать его только с улыбкой на лице.

— Люси, я тебе рассказывала о первом уроке вождения с папой?

Мы повернулись, чтобы видеть друг друга в темноте, и я рассказала ей о том, как наехала на бордюр и чуть не врезалась в дерево. Она так смеялась, что чуть не задохнулась.

— Он делал вид, что спокоен, но ты бы видела, как сильно он жал на невидимую педаль тормоза!

Я пнула одеяло, как будто пыталась остановить машину, и мы обе разразились безудержным хохотом. Было так хорошо непринужденно смеяться, что я рассказала еще одну историю, на этот раз про Лауру. Потом Люси рассказала еще одну. Мы часами говорили о родителях, громко смеялись, пытаясь превзойти друг друга и заснули только под утро, когда взошло солнце, окунув комнату в оранжево-желтые тона. Мы задремали с улыбкой на губах, что в последнее время случалось редко.

Я проснулась где-то к обеду и, взяв вещи, пошла в ванную, чтобы не разбудить Люси. Я хотела увидеть Габриеля, поэтому надела джинсы и один из красивых топов, которые выбрала для меня Люси. Но взглянув на себя в зеркало, я застыла на месте. Я пошла спать с мокрыми волосами, и теперь был виден результат. Копна темно-русых кудрявых волос торчала во все стороны. Да еще эти появившиеся от недосыпа темные круги под глазами...

Я выглядела просто ужасно. Габриель конечно видел меня и в куда более ужасном состоянии, но это не значило, что нужно превзойти его. Вздохнув, я включила душ, чтобы начать все сначала. По крайней мере прическу еще можно привести в порядок.

Двадцать минут спустя мои волосы висели мокрыми прядями до талии; на мой взгляд они были слишком длинными. Внешность уже так давно не играла для меня никакой роли, что мне даже не пришло в голову остричь волосы. Мне могло помочь только одно.

Люси!

Когда я плюхнулась рядом с ней на кровать, она простонала.

— Уйди! — пробормотала она.

Я засмеялась.

— Вот теперь ты узнаешь, каково это, быть разбуженной!

Она часто прибегала в мою комнату, когда я еще спала.

— Месть сладка! Давай, Люси. Мне нужна твоя помощь!

Она натянула одеяло на голову и не шевелилась. Я наклонилась над ней и сказала

низким голосом:

— Пожалуйста... я хочу остричь волосы, прежде чем увижусь с Габриелем.

Это сработало. Она отбросила одеяло и вскрикнула таким высоким голосом, что я заткнула уши.

— Ты равнодушна к Габриелю!

Я закрыла ей рот и покосилась на дверь. Никто не появился, но это не значило, что защитники не слышали.

— Тихо, ты! Мы пытаемся справиться со всем этим.

— Ашер знает об этом? — пробормотала она.

— Да. Мы вчера откровенно поговорили.

Я опустила руку. Она наморщила лоб.

— Он должно быть переживает.

Я кивнула.

— Конечно. Между нами уже давно все кончено, но все равно больно.

Видимо почувствовав мою печаль, она слегка дотронулась до моей щеки.

— Прости. Тебе столько пришлось пережить, а меня не было рядом.

Я улыбнулась.

— Сейчас ты можешь все исправить. Мне нужна новая стрижка!

Она соскочила с кровати в таком восторге, какого я же давно у нее не наблюдала.

Она побежала наверх искать ножницы, а я молила бога, чтобы в конце концов не остаться с каким-нибудь косым ирокезом на голове.

Я сидела на стуле, который мы задвинули в ванную комнату и сглатывала всякий раз, когда следующая прядь, длиной в пятнадцать сантиметров, падала на пол. Когда Люси закончила стричь, ничего другого не оставалось. Так как мои волосы больше не оттягивались вниз своим весом, показались локоны, закручивающиеся почти что до середины спины. Я почувствовала себя как заново родившейся.

Мы быстро убрались, потом я отправилась на охоту за Габриелем, только чтобы выяснить, что он опять патрулирует. Меня охватило разочарование и тут же начала мучить совесть, потому что я разочаровалась. Скорее всего мне только показалось, что он обходит меня стороной, а он на самом деле находится снаружи, чтобы защитить нас. Кроме того, откуда ему знать, что я хочу его видеть, если я постоянно давала ему отпор?

Я бродили по дому, ужасно скучая. Люси исчезла в библиотеке. Ашер и Лотти для разнообразия, отважились выйти из дома, а Эрин смотрела в своей комнате телевизор. В конце концов я промаршировала на кухню, и начала искать в кладовой что-нибудь перекусить. Я взяла батончик мюсли и снова выключила свет.

В темноте мне в голову пришла идея. Я закрыла за собой дверь и удостоверилась, что здесь действительно совершенно темно. Потом повернулась к рядам консервных банок и упаковок с пищевыми продуктами, выстроенных на полочках и прочитала этикетки: испечённые бобы. Томатный суп. Гороховое пюре (Фу!). Я снова включила свет и посмотрела на ассортимент. Именно эти этикетки я смогла различить и без света. Я могу

читать в темноте!

Что сказал однажды Ашер о своих способностях? Когда защитники потеряли своё осязание, вкус и обоняние, другие чувства усилились. Они могли видеть в темноте, лучше слышать, чем люди и к тому же стили быстрее и сильнее.

Не считая моей скорости и дополнительной силы, я никогда не имела никаких способностей защитников. А скорость и сила показались лишь тогда, когда я похитила у Ашера энергию, после того, как Дин стрелял в него. Этот новый дар, видеть в темноте, показался после того, когда я тоже самое проделала с Симусом. К моему волнению примешался страх, пронёсшийся по нервам. На что я ещё способна?

Я вышла из кладовки и побежала в мою комнату, где схватив мобильный и плюхнулась на кровать. После второго гудка трубку взяла Люси.

— Послушай, Люси, я хочу, чтобы ты кое что прочитала из своей книги, после того, как я положу трубку, сможешь это сделать?

— Это я делала уже перед твоим звонком, — ответила она сухо.

— Конечно, но прочитай в слух. Я кое-что проверяю. Ну давай, просто сделай это!

Она согласилась и положила трубку. Я закрыла глаза и сосредоточилась. Сначала ничего не случилось. Я слышала движение на улице и воду, которая где-то в доме журчала по трубам.

Те же звуки, что и обычно. Разочарованно я опустила защитную стену вниз — и тогда это случилось.

— Я не считала мистера Рочестера уродливым. Из-за благодарности, его лицо казалось мне умным и привлекательным. Его присутствие освещало комнату больше, чем самый яркий огонь...

Я ещё раз позвонила Люси.

— Что опять? — спросила она.

— Ты читаешь Джейн Эйр.

— Лишь из-за этого не нужно так шокировано кричать. Да, я умею читать!

В моём смехе слышалась истерия.

— С тобой всё в порядке? — переспросила она.

— Конечно. Читай дальше.

Я закончила разговор и уставилась в стену. Целый этаж разделял Люси и меня, и я всё же слышала её, как будто сижу прямо рядом. К счастью, мне нужно было сначала сосредоточиться, чтобы пробудить к жизни эти чувства. Совершенно невыносимо, если тебя будет постоянно обстреливать шум! Уже достаточно того, что мне придётся принаравливаться к моим изменённым способностям в зрении и слухе.

Что ещё изменилось?

Полная решимости провести ещё один тест, я вскочила на ноги. Осмотрелась по сторонам, ища что-нибудь тяжёлое, что я обычно не смогла бы поднять. К сожалению, я обнаружила только несколько огромных предметов мебели. Нужно что-то другое. Поэтому я побежала в гостиную — и врезалась в Габриеля. Он вытянул руки, чтобы защитить нас во время падения, в то время, как мы из путаницы ноги рук, приземлились на пол.

Когда я расплющила его лёгкие, он шипя выдохнул. Класс. Почему я не миниатюрная девушка? Габриель замер подо мной. Его зелёные глаза сузились, и я улыбнулась, хотя и немного дрожащей улыбкой. Я нервничала. Он заставлял меня нервничать.

— Габ...

Он нежно поднял меня, отодвинул от себя и сел прямо. Ошарашенно я наблюдала за тем, как он встал, чтобы уйти. Мне показалось или он обиделся на меня? Все последние часы я не могла дождаться нашей встречи, а он просто оставил меня стоять, как только мы встретились. За несколько секунд мои чувства изменились, непонимание переросло в обиду.

— Вау! — сказала я ему в спину. — Я знала, что ты мачо, но не ожидала, что ты так быстро можешь бросить, хм?

Габриель застыл на месте. Его ледяное «Что, прости?» охладило воздух вокруг меня на несколько градусов.

Я встала на ноги и засунула руки в карманы, изображая полное расслабление. Да пусть он убирается к черту! Я не из тех девушек, что бегали за ним и бросались на шею.

— О, я уверена, что ты прекрасно все слышал. Но на тот случай, если не слышал...

Я опустила защитную стену и мысленно обозвала его последними словами.

В этот раз он однозначно меня услышал. Он развернулся и холодно улыбнулся.

— Возьми свои слова назад! — медленно сказал он.

— Даже не подумаяю.

— Реми, у меня плохое настроение, и сейчас ты изрядно подливаешь масло в огонь!

Его глаза превратились в щелки. Может и правда не стоило злить его еще больше...

Но потом я вспомнила, как жаждала показать ему новую стрижку, и мои глаза также сузились. Как хорошо все-таки бывает, иногда кого-нибудь пихнуть, — подумала я.

— Ой, как страшно! — издевательски сказала я. — Будь мужиком и скажи мне, в чем твоя проблема?

— Проблема? — изумленно спросил он. Его брови взмыли вверх, и он сделал шаг мне навстречу. Я качалась с пятки на носок, готовая при необходимости сбежать.

— Ты моя проблема, — добавил он глубоким голосом, от которого у меня подкосились колени. — Ты сказала, что дашь нам шанс.

Он сделал еще один шаг.

— И что у тебя есть ко мне чувства.

Еще один шаг.

— А потом ты поцеловала моего брата. Так кто из нас здесь донжуан? Ты или я?

Я непонимающе моргала.

— Ты о чем?

— Я видел вас вчера! Слушай, я сделаю все, чтобы не стоять у тебя на пути. Поздравляю с вашим примирением.

Он с трудом говорил и постепенно двигался из комнаты в сторону лестницы. Он казался не столько ревнивым, сколько обиженным, думая, что мы с Ашером снова вместе. Я должна немедленно разъяснить ситуацию.

— К твоему сведению: Это был прощальный поцелуй, Габриель. Он знает о нас, и хочет, чтобы мы были счастливы.

Такого он видимо не ожидал. Он остановился как вкопанный на ступеньках. Мне была видна только нижняя часть его ног, но когда я открыла чувства, то услышала, как быстро стучит его сердце, как страстно и возбужденно оно бьется о ребра. Он был мастером прятать свои чувства, потому что привык, ставить на первое место других. Пока не появилась я. Я хотела быть той, кого он схватит. Тем человеком, с которым он потеряет своё самообладание.

Это идея мне понравилась. Поэтому я подлила ещё масла в огонь, надеясь, что это

окончательно выведет его из себя.

— Знаешь, должна сказать, для того, кто гудел о том, что будет охотиться за мной, используя всё, что у него есть, ты демонстрируешь довольно жалкое шоу. Я ожидала от тебя большего!

Ух! В мгновение ока он двинулся вперёд, а я, без моих новых способностей, никогда в жизни не смогла бы увернуться. Но так, когда он добрался до туда, где я стояла, я уже унеслась вихрем и теперь сама находилась на лестнице. Мы поменялись позициями, а он этого даже не заметил!

Распахнув от шока широко глаза, Габриель развернулся.

— Как ты это сделала?

Ещё никогда я не была быстрее, чем он. Он всегда брал надо мной верх, до тех пор, пока я не использовала мои «специальные» атакующие таланты. Меня охватило радостное возбуждение. Это обещало стать весёлым.

Вперёд.

— Знаешь, что я думала, когда они вчера похитили меня? — спросила я непринуждённо.

Он покачал головой, разглядывая меня, как будто старался найти слабое место. Я почти что слышала, как он размышляет, как говорит, что принял вызов. Мне это сильно в нём нравилось, то, как он идёт на столкновение со мной и в то же время заставляет смеяться.

— Мне стало ясно, что я возможно никогда больше тебя не увижу и это причинило такую сильную боль. И знаешь, что было моей следующей мыслью?

Он пожирал меня своими взглядами, но не сказал ни слова.

— Я сожалела о том, что не поцеловала тебя, — призналась я. — Я хотела. Часто. Размышляла, как это будет с тобой.

Лицо Габриеля озарилось улыбкой, его мышцы напряглись. Я могла бы поклясться, что от него исходил пар. Это был лишь вопрос нескольких секунд, и он набросится на меня.

— Иди сюда, Ремингтон, и мы выясним, — прошептал он, и я вздрогнула.

Я поднялась на следующую ступеньку.

— Не думаю. Ты сказал, что хочешь поохотиться за мной, — выдохнула я немного громче, потому что вспомнила тот момент в винном погребе. — Догони меня, Габриель, и я обещаю, что позволю тебе себя поймать.

Я осталась стоять достаточно долго, чтобы увидеть вспыхнувшее пламя в его глазах. Потом охота началась.

Я помчалась вверх по лестнице, а Габриель следовал по пятам.

Ничего не меняло то, что я действительно хотела, чтобы он поймал меня. Мне были не ясны мои чувства к Габриелю, пока он не призвал меня к ответу, но теперь казалось, будто чувства были всегда и постоянно росли. И всё же, когда его пальцы в вестибюле прикоснулись к моей талии, меня охватило честолюбие, и я понеслась вверх на следующую лестницу, убегая от него.

Задыхаясь он поставил ногу на нижнюю ступеньку, в то время как я колебалась в верхнем коридоре. Я удовлетворённо улыбнулась. Эту игру мы выиграем оба, и предвкушение усиливало мои чувства.

С моего места положения я вдыхала его пряный аромат и представляла себе, какой он будет на вкус.

— Ну, ты сдаёшься? — издевалась я.

— И не думай, — выпалил он. На его лице отображались чувства. — Ты стала быстрее, чем была раньше.

— Я и слышать стала лучше. Твоё сердце грохочет.

Казалось он молча прислушивается. Потом улыбнулся так пламенно, что у меня закружилась голова.

— Твоё тоже! — сказал он и погоня продолжилась.

Ещё один этаж выше мне удалось оторваться от него. Во многих комнатах было больше

одной двери, так что я могла зайти в одну, а выйти через другую. Я спряталась за дверь на третьем этаже, но он подкрался ко мне. Мне казалось, что он специально дал мне фору. Учитывая то, что у него больше опыта с нашими могучими способностями, побег удался мне просто очень легко.

Я ворвалась в кладовку на четвертом этаже и выглянула через щель наружу.

Габриель шел по коридору на цыпочках, улыбаясь заглядывая в каждую комнату. Видя это, я еле сдерживала смех.

— Горячо или холодно, Ремингтон? — спросил он, склонив голову, чтобы лучше слышать меня.

Я представила его обнаженное тело, широкие плечи, накачанные мускулы, узкие бедра. «Горячо, Габриель. Однозначно горячо».

Посреди коридора он вдруг остановился, обнаружив эту картинку в моих мыслях. Его челюсти напряглись. В воздухе повисло напряжение. Он начал медленно подкрадываться.

— Я уже говорил, где впервые увидел тебя?

В Подземке. Когда Люси в первый раз взяла меня туда с собой.

— Нет, я уже видел тебя до этого.

В замешательстве я чуть не выдала свое укрытие, когда моя рука соскользнула и задела метлу, стоящую у стены. Мне удалось поймать ее, прежде чем она упала на пол. Я замерла и увидела, как Габриель пошел дальше по коридору, мимо меня. Но мгновение спустя вернулся.

— До твоего появления в городе, наше положение было невыносимым, — рассказал он притягательным голосом. — Ашер чувствовал себя каким-то потерянным. Лотти была..., ну в общем, Лотти. Что-то должно было измениться, но я не знал, как им помочь. После того, что я сделал в Италии, то каким образом я стал бессмертным, я не заслуживал быть счастливым, но это не касалось Ашера и Лотти. Я раздумывал уехать из города, чтобы привести мысли в порядок и во всем разобраться... И вот, в один прекрасный вечер я сидел в аэропорту Портленда и страстно желал получить какой-нибудь знак. Знак. Когда двери гейта открылись, из самолета вышла ты.

Я прижалась лбом к двери, чувствовала его с другой стороны, слышала лишь голос.

Габриель был там, в тот вечер, когда я приехала в Блэквелл Фоллс, сломленная и измученная. Вся покрытая синяками от издевательств Дина, длившихся годами и душевно больная от недостаточной заботы матери. Слава богу теперь все позади, я изменилась.

— Я видел тебя в этот вечер, Реми. Не знаю, где был твой отец, но ты какое-то время стояла и ждала его. Помнишь?

Да. Мой отец волновался, что я буду чувствовать себя неудобно из-за всей этой толкотни, неизбежно возникающей при посадке с самолета. Поэтому он попросил бортпроводницу выпустить меня первой. Это был один из первых моментов, когда он показал, что я была важна ему — горько-сладкое воспоминание.

— Ты не подняла защитную стену, — напомнил мне Габриель.

Я чуть не оказалась в опасности. Тогда я ничего не слышала о защитниках, от которых должна была держаться подальше. В толпе я, как правило, поднимала защитную стену для защиты от больных людей. Но в тот момент я стояла одна в пустом здании аэропорта и после всего пережитого — полет, мои раны, ссоры с отцом, который, как я считала, бросил меня — я просто была смертельно уставшей.

«Ты знал. Ты знал, что я целительница».

— Да. Причем первая, которую я увидел после войны. Я хотел было заговорить с тобой, но ты выглядела такой злой и обиженной, что я не решился. Ну, а потом пришел твой папа, и я понял, что он из нашего города. Прождав ровно 15 секунд, я взял багаж и поехал обратно домой. Я не верю в любовь с первого взгляда, но инстинктивно я знал, что ты все изменишь.

Дрожа я положила руку на живот.

«Но когда я два дня спустя увидела тебя в Подземке, ты повел себя очень холодно».

— Ты целительница, я защитник. Наши сородичи уже целый век не испытывают ничего, кроме ненависти друг к другу. Я думал ты убежишь, узнав кто я, поэтому я и не хотел приближаться к тебе, чтобы ты не чувствовала угрозы. Я и понятия не имел, что в это утро ты повстречалась с Ашером и я уже опоздал. Слишком долго ждал.

«Я не знала об этом. Тогда я думала, что ты терпеть меня не можешь».

Что-то в силах Габриеля всегда вселяло в меня неуверенность, но я думала, что это из-за их интенсивности. Думала, опасность исходит от его желания защитить свою семью от наивной целительницы. Я ошиблась.

— Тогда ты меня боялась, но это в прошлом. Я долго тебя ждал, Ремингтон. — Я почти могла чувствовать его с другой стороны двери и слышала его стучащее сердце, когда он наклонился вперед и прошептал: — Не позволяй мне ждать дольше!

Я сделала глубокий вдох, потому что между тем мне было всё равно, услышит он меня или нет. Я хотела, чтобы меня нашли.

Когда я слегка толкнула дверь, она полностью открылась. Я вышла в пустой коридор и посмотрела в обе стороны, но Габриель исчез. Я прислушалась, используя мои другие чувства.

— Поймай меня, — сказал он откуда-то издаleка.

Игра окончена. Я прошла к лестнице и последовала за звуком его сердца. Минуту спустя я обнаружила его в винном погребе, где он прислонился к стене, возле которой обнимал меня почти неделю назад.

— Попался! — сказала я.

— Всегда, пока ты меня хочешь, — ответил он улыбаясь.

Я зашла в комнату и пнула дверь, закрывая её за собой. В Габриеле было что-то такое, нет лучше, в нас было что-то такое, что в этот момент парализовало меня. Как только я поняла, что его не нужно бояться, наши отношения начали изменяться. Так медленно, что я даже не заметила этого. Так как вначале он мне не нравился, я никогда рядом с ним не сдерживалась или пыталась притворяться. Поэтому он всегда имел дело с моим неподдельным, несовершенным, настоящим я — и всегда ждал только именно этого человека.

Я заперла за собой дверь, пошла к нему и остановилась только тогда, когда наши пальцы ног прикоснулись друг к другу. Он не двигался, и я обнаружила намёк на сомнения в его лице. Он так долго прикладывал усилия, чтобы завоевать меня и всегда получал только отказ. В этот раз он должен быть уверен в том, что мне действительно важны наши отношения.

Когда я в конце концов положила ему руку на сердце, он глубоко вздохнул, а его глаза сузились.

— Ремингтон, теперь поцелуй меня наконец...

Я не дала ему договорить и нежно прижала свои губы к его. Наше дыхание смешалось, и он на одно мгновение замер. Потом обнял меня и развернул, так что теперь я стояла спиной

к стене. Казалось его сомнения растворились в воздухе. А с ними и вся спешка.

Казалось, словно из-за того, что Габриелю пришлось так долго ждать, у него развилось терпение, потребность сделать из нашего первого поцелуя что-то, что запомнится и останется навсегда. Его губы касались моих, прося впустить его, и я позволила. Руками он собрал мои волосы, скользя по ним пальцами, проверяя, какие они на ощупь. Он прижался ко мне, так что стена держала нас обоих наверху, где иначе, сила притяжения, потянула бы нас вниз. Потом его пальцы медленно пробрались под футболку, исследуя мою спину и меня охватила приятная дрожь.

Я больше не могла думать, делала то, что представляла, чтобы потом не о чём не сожалеть.

Мои руки замкнулись на его шее, провели по плечам, исследуя каждую мышцу и кожу, следовали совершенной линии его спины до бёдер. Я притянула его ближе, лаская губы, потерялась в поцелуе. Когда мы вынырнули, чтобы вздохнуть, наши глаза встретились, обнажённые из-за эмоций. Потом он улыбнулся и мне захотелось попробовать, какая на вкус его улыбка и мы снова погрузились друг в друга, чтобы выяснить, каким будет наш второй поцелуй.

Во время нашего четвёртого поцелуя это случилось, взорвался зелёный фейерверк перед моими закрытыми веками. Никто из нас двоих не подумал о своей защитной стене, и теперь я похищала его бессмертие — исцеляла его.

— Габриель, — предупредила я, когда его рот скользнул к моему подбородку. — Мои способности...

Я запаниковала, но он успокаивающе провёл мне руками по спине.

— Я знаю. — Я подумала, что он всё это просто проигнорирует, но он осторожно отстранился, не прекращая покрывать поцелуями те места, где находил голую кожу. Потом прижал свой лоб к моему, а в его глазах горело пламя, в которое мне хотелось броситься с головой. — Это не важно.

В маленькой комнате хорошо были слышны наши неровные вдохи и выдохи. Я посмотрела на него.

Невольно я испугалась. Быть вместе с ним было настолько естественно, настолько необходимо. Но что случится, если я причиню ему боль? Когда я в первый раз целовала Ашера, то думала, что убью его, когда потеряла контроль над моим даром. С Габриелем этого не случилось, и я не понимала, как такое может быть, когда я везде, где мы прикасаемся друг у другу, горю.

— Габриель, со мной что-то происходит. Я думаю... — Я облизала губы, колеблясь. — Я изменяюсь. Ты этого не чувствуешь? Словно я забираю у тебя твою энергию. Чем больше я беру, тем могущественнее становлюсь.

В очередной раз Габриель сохранил ясную голову. Тембр в его голосе успокоил некоторые мои нервы, в то время как другие воспламенил.

— Ты стала быстрее. Слышишь вещи, которые не должна. Что ещё? — спросил он.

— Я вижу в темноте. И стала сильнее.

— Ты уверена в том, что это не мы становимся слабее?

В голосе Габриеля не слышалось потрясения в связи с такой возможностью, однако я покачала головой.

— Честно говоря, в своем рассказе о посещении Симуса, я кое-что не упомянула.

Я рассказала, что произошло, когда я напала на Симуса. Габриель молча слушал, не

убирая рук с моей спины. Закончив, я перевела взгляд с его глаз на кадык, ожидая, что он вот- вот взорвется и разразится тирадой о том, на какой риск я шла, сделав это. Ашер ненавидел такое, мы постоянно ссорились, особенно когда я что-то от него скрывала, зная, что он придет в бешенство.

— Хей. — Габриель наклонился и посмотрел мне в лицо. — Я не Ашер. Я доверяю тебе Реми.

Видимо у меня на лице был написан ужас, потому что он рассмеялся и поцеловал меня.

— Слушай, ты привыкла заботиться о других. Но случаются вещи, с которыми нельзя разобраться сразу, поэтому их откладываешь в сторону, до тех пор, пока не появляется достаточно времени для их решения. Я хорошо это понимаю.

Именно так я и сделала. Мне нужно было время, чтобы подумать об истории с Симусом, прежде чем рассказать ее остальным. То насилие, которое я проявила, не удивило меня. Меня удивило то, как я набросилась на его энергию. Я прямо-таки пожирала ее, и это испугало меня. Я и представить не могла, что Габриель поймет, что мне сначала нужно было самой понять, как я себя чувствовала, прежде чем рассказывать об этом другим.

— Ты многое видишь, Габриель Блэквелл, — сказала я и убрала ему локон со лба.

Он склонил голову, навстречу моему ласковому прикосновению.

— Я тебя вижу. Ты страстная, когда кого-то любишь. Так ты мыслишь*¹, и я думаю, это очевидно, что мне нравится то, как ты мыслишь. — Я прикусила губу, а Габриель усмехнулся. — Так же я замечаю, когда ты сдерживаешь язвительный комментарий. Ну давай, поиздевайся надо мной. Я знаю, что ты этого хочешь.

— Кто, я? Ничего подобного! Это было одно из самых милых высказываний, какие мне когда-либо говорили.

Так как я не могла оставить все как есть, я провела пальцами вверх по его груди и спросила низким голосом:

— Малыш, ты часы? Мне нравится, как ты тикаешь*.

Габриель откинул голову назад и засмеялся.

— За тобой просто невозможно ухаживать.

Я наклонила голову, так чтобы он мог поцеловать мою шею, при этом его смех стих.

— Не знаю. По-моему, все идет не плохо, как думаешь?

— Да? — прошептал он.

— Да.

Он наклонил голову, и в какой-то момент я перестала считать его поцелуи.

Габриель и я, принимая во внимание Ашера, старались быть сдержанными. Мы вели себя, как всегда, никогда не прикасались друг к другу и прилагали все усилия, чтобы не пялиться друг на друга. Мы прятали наше нетерпение, побыть друг с другом наедине и упражнялись в том, чтобы сдерживать дыхание, всегда, когда нам удавалось незаметно улизнуть. Зелёные искры появлялись и дальше, но Габриелю было всё равно. Потребовались месяцы, чтобы изменить Ашера, и я молилась о том, чтобы мы нашли нашего отца прежде, чем это случится с Габриелем. Если Ашер заметил, что между Габриелем и мной что-то изменилось, то не подавал виду. Между тем мы уже три дня ждали новостей от Симуса и считали, что пока что успешно держим наши отношения в секрете.

На четвёртое утро я сидела в столовой и ела мюсли, как вдруг услышала, как наверху завопил Габриель. Минуту спустя по столовой промчалась Лотти. Она никак не могла успокоиться и всё время хихикала.

Уже это должно было насторожить меня, но потом прибежал вдобавок и Габриель, который выглядел так, будто ещё не совсем проснулся. Его каштановые волосы торчали во все стороны, и он казался сногшибательно заспанным. Он обнаружил меня и резко остановился.

Моё сердце подпрыгнуло, когда я увидела, что на нём одеты лишь спортивные штаны и больше ничего.

Ну, то есть почти больше ничего. Сощурившись, я разглядывала его голую грудь. Кто-то

взял чёрный, водостойкий маркер и написал над сердцем «СОБСТВЕННОСТЬ РЕМИНГТОН». Цветочки и лозы окаймляли слова безвкусными завитушками.

От моего испытывающего взгляда Габриель покраснел, и я приподняла обе брови, когда его лицо покраснело ещё больше.

— Крепко спишь? — спросила я. Если он не вырубился бы полностью, Лотти никогда не удалось бы это проделать.

— Я поздно пошёл спать, — напомнил он мне.

Моя вина. Я настояла на том, что не смогу уснуть, если он не поцелует меня в последний раз. Это превратилось в большое количество последних раз, пока он в конце концов не скрылся в своей комнате.

— Я ни о чём не сожалею! — сказала я ухмыляясь.

За ним появились Люси и Эрин.

— Что вы за суматоху здесь устроили? — спросила Люси. Она обошла Габриеля, посмотрела на его грудь и быстро прижала руку ко рту, чтобы не загоготать. Эрин заглянула за него, чтобы увидеть, что вызвало такую реакцию, а потом оба начали безудержно хихикать.

Взгляд Габриеля говорил: попробуй осмелится присоединится к ним. Я дала понять ему, чтобы он подошёл ближе. Он хотя и сузил глаза, но подчинился. Когда он встал передо мной, я прикоснулась к его руке и «исцелила» кожу. Надпись исчезла с его груди, и он направил свой взгляд на мою футболку, как будто ему сильно хотелось увидеть, как она перешла на мою кожу. Теперь покраснела я, и его губы наконец-то изогнулись в улыбке.

— Лотти? — спросила я спокойно.

Я указала на кухню, а он наклонился ко мне и поцеловал так, что задрожали колени. К счастью я сидела.

— Доброе утро, — прошептал он хриплым голосом.

Потом исчез, а его крик, «Лотти я тебя убью!», разнёсся по дому.

Как только он исчез, я посмотрела на Люси и Эрин, наблюдавших за мной широко распахнутыми глазами. Я заглянула за шиворот футболки и когда увидела там доказательство проделки Лотти, то окончательно потеряла самообладание. Я рассмеялась так звонко, что расплакалась. Я не могла вспомнить, когда была в последний раз такой счастливой.

Если бы не Габриель, то ожидание казалось бы бесконечным. Но и так мне больше всего хотелось позвонить Симусу тысячу раз на день, чтобы расспросить о его прогрессе. Я всё ещё не была уверена в том, можно ли ему доверять, но какой у меня выбор?

Наши возможности найти Бена исчерпаны, но мы бы никогда из-за этого не сдались. Поэтому ждали, я же пыталась не терять голову.

Позже этим днём Габриель и Лотти ушел патрулировать. Эрин и я приготовили себе чашку попкорна и взяли её с собой в гостиную. Чтобы скоротать время, у нас прямо-таки появилась зависимость к Доктору Кто. Эрин любила одиннадцатого доктора, Мэтта Смита, в то время как мне нравился Дэвид Теннант, десятый доктор. Мы удобно расположились на диване, положив ноги на журнальный столик, чтобы посмотреть нашу любимую серию, в

которой Салли Спарроу и некоторые врачи имеют дело с плачущими ангелами. После того, как мы просмотрели половину, я заметила, что Эрин совсем не следит за фильмом. Казалось она о чём-то размышляет, и учитывая её выражение лица, это были не особо счастливые мысли.

С поднятой вверх ментальной стеной я прикоснулась к её ноге. Я заметила, что после моей стычки с Симусом, автоматически стала в её присутствие больше следить за собой. Между тем монстр внутри меня просыпался всегда, когда она находилось рядом, я не хотела рисковать, боясь что причиню ей вред. Поэтому теперь с ней тренировался Ашер. Она с рвением и решимостью сосредоточилась на тренировках. Я хорошо могла её понять, потому что она точно представляла себе Алкаиса в качестве своего противника.

— Попкорн за твои мысли, — сказала я.

Она улыбнулась.

— Не королевство?

Я покачала головой.

— Эй, попкорн с маслом и солью. Я пообещала тебе практически золото, девочка!

Она проигнорировала тарелку, а я сказала:

— А если серьезно, с тобой все в порядке?

Она грустно вздохнула.

— Я думала о доме. Скучаю по маме.

С тех пор как она к нам присоединилась и так хорошо влилась в наш коллектив, я даже иногда забывала, что мы оторвали ее от прежней жизни и семьи.

— Прости, Эрин.

— Ты уверена, что я не могу им рассказать?

Я наморщила лоб, и она продолжила.

— Ты же сама говорила. В тот день Симус следил за Gabrielem в лесу. Франк не имел к этому никакого отношения!

Я почувствовала беспокойство, убрала ноги со стола и села прямо.

— Эрин, тебе нельзя звонить домой. То, что Франк отслеживает наши звонки, он уже нам доказал. Даже если он никак не связан с происшествием в парке «Мьюирский лес», теперь он знает, что ты у нас. Прости. Мы должны быть осторожными.

Даже в моих ушах это звучало слабо в качестве извинения. Разве меня бы оно утешило на ее месте? Нет, конечно нет! Она скучала по семье и общине, и я не могла судить ее за это.

— Вот что я тебе скажу. Почему бы тебе не написать ей письмо? Мы сумеем как-нибудь его доставить.

Этого не хватило, чтобы из глаз Эрин исчезла грусть, но она кивнула.

— Хорошо.

Мы продолжили смотреть фильм, но я заметила, что Эрин в мыслях была где-то далеко.

Может Габриель знал, как ей позвонить домой, чтобы звонок не мог быть отслежен. Я решила спросить его об этом.

После того, как все этим вечером легли спать, Габриель пришёл в мою комнату. Сложно с кем-то встречаться, если для свидания нельзя покидать дом. Мне хотелось наслаждаться

нашими новыми отношениями и проявлять их открыто, но если мы не желаем причинить боль Ашеру, это пока что невозможно. Эти поздние визиты ночью, были компромиссом. Наш способ проводить время наедине.

Когда я увидела, что на нём одето, я рассмеялась. Серые спортивные штаны и белая футболка.

— Мило, — сказал он, разглядывая моё обмундирование, состоящее из точно такой же одежды.

— Теперь на нас уже одета однотипная одежда для пары. Какая же тогда гармония будет царить между нами через пару лет!

Он принёс с собой книгу и положил её на прикроватную тумбочку. Его взгляд следовал за мной, когда я убирала одежду в шкаф. Голодное выражение на его лице говорило мне, что сейчас нужно настроится на множество поцелуев. Он сел на покрывало, облокотился на спинку моей кровати и вытянул ноги. Из-за высокого роста, ему требовалось много места, больше чем его часть кровати, но он никогда за это не извинялся. Мне нравилось, каким он был уверенным в себе, и мне нравилась то, как его уверенность заражала меня. Он рассчитывал на то, что я дам знать или пихну его, если мне понадобится больше места. Он не будет морочить голову психологическими играми. С ним я всегда буду знать, что у него в мыслях.

— Что такое? — спросил он. — Ты смотришь на меня так странно.

— Ах ничего, — сказала я. — Эй, у тебя есть какая-нибудь идея, как Эрин может позвонить домой?

Я рассказала ему о моём разговоре с ней, и он нахмурился.

— Она кажется такой уравновешенной, что я даже не подумал, что она в таком расположении духа.

Я сняла серёжки и подошла к комоду, чтобы положить их там на сохранение в чашку.

— Это её способ отвлечь внимание от своих проблем. Там, где я начинаю злиться, она улыбается. В отношении внутренней силы мне возможно даже стоит поучиться у неё.

— Значит Алкаис по отношению к ней действительно часто проявлял насилие, да?

Я кивнула, скрепя зубами.

— Жаль, что я не знала этого уже во время моего первого визита в Пацифику. Я точно нашла бы способ отомстить.

— Ремингтон Пылкая. Горе тем, кто покушается на людей, которых она любит!

Когда я повернулась в его сторону, он улыбнулся мне понимающе.

— Ты действительно ничего против этого не имеешь, не так ли? То, что я буду сражаться за людей, которые мне дороги, даже если это будет значит, что я подвергну себя опасности?

Его ответ много для меня значил, и казалось он это почувствовал. Одно мгновение он размышлял, прежде чем ответить:

— Совсем ничего. Просто ты такая. Полагаю, что буду беспокоиться, если ты постоянно будешь рисковать своей жизнью, чтобы спасти мою, но ты и не будешь этого делать.

— Ах нет? — спросила я, в замешательстве от его уверенности.

Он покачал головой.

— Нет, не будешь. Как я доверяю тебе, что ты можешь сама за себя постоять, точно так же доверяешь и ты мне. И я знаю, ты попросишь о помощи, если она тебе будет нужна, так же, как и я.

Уже во второй раз он поднял тему «доверие». Я даже не знала, насколько это слово может привлекать! Улыбаясь, я подошла к кровати и залезла к нему. Потом села верхом на его бедро, его руки оказались на моей талии.

— Можно? — спросил он и потянул за мою косу. Я кивнула, и он убрал резинку с волос.

Распустил волосы и разделил пальцами пряди, так что они спадали мне на плечи, потом провёл тыльной стороной руки по моей ключице. Он смотрел на меня как замороженный, и я вздрогнула.

— Что это? — спросила я дрожащим голосом и указала головой на книгу. Он пожал плечами.

— Я нашёл её в библиотеке. Это книга о греческой мифологии. Там есть абзац о фениксе, который тебя возможно заинтересует.

— Ты мне его прочитаешь? — спросила я, тронутая его предусмотрительностью.

Он кивнул, и я легла рядом, так что наши головы оказались на одной подушке. Это было ещё не достаточно близко, и ему видимо тоже, потому что он засунул мне руку под голову и притянул к себе, так что моя нога оказалась на его, а рука лежала на его груди. Я прижалась лицом к его шее, принюхиваясь. Мне нравился его запах. Он напоминал мне, как при свете луны в Сан-Франциско я шла рядом. Мы прижались друг к другу, как будто уже всегда были знакомы. Никакого смущения, никакой нерешительности.

— Это так естественно. — Я откинула голову назад и посмотрела на него. — Быть рядом с тобой. Такого я не ожидала.

— А я ожидал. — Он снова и снова проводил рукой по моим волосам, а я вздыхала от наслаждения.

— Но как ты мог знать об этом? — спросила я, дотронувшись до его подбородка. Он побрился, мне было приятно трогать его гладкую кожу.

Габриель поцеловал мне руку и положил ее на сердце, чтобы я чувствовала его ровное биение.

— Потому что мы подходим друг к другу, — ответил он.

Его тихий голос нежно касался меня, когда он открыл книгу и начал читать о фениксах. Существовал всего один феникс, каждые 500 лет умирающий в огне, лишь для того, чтобы снова возродиться. История рассказывала о том, как это создание могло исцелить само себя, после ран, полученных им от противника. «Бессмертный целитель», подумала я и содрогнулась. «Такой жизни я бы себе не пожелала», промелькнуло в моей голове, прежде всего потому, что тогда мне пришлось бы наблюдать за тем, как умирают люди, которых я люблю.

Что готовит для меня совместное будущее с Габриелем? Он сказал, что мы созданы друг для друга, и был прав в этом. Мы были во многом похожи. Страстные защитники своих семей. Мастера по выживанию.

Габриель замолчал. Я посмотрела на него, ожидая, что он заснул, но вместо этого обнаружила, что он наблюдает за мной.

— Где твои мысли сегодня вечером?

— Знаешь, когда поменялись мои чувства к тебе?

Габриель перекатился на бок, чтобы мы могли видеть друг друга. Он накрыл нас одеялом и взял мою руку.

— Предполагаю, что когда мы заключили союз друг с другом, но могу и ошибаться.

Я ткнула его, и он тихо засмеялся.

— Умник! А знаешь, почему они поменялись?

На мгновение он замолчал, и затем сказал:

— Поначалу я боялся, что это могло быть связано с тем, что ты считала меня Ашером.

Я немного откатилась от него, насколько позволяли наши сплетенные руки.

— Вы не взаимозаменяемые, надеюсь это понятно?

— Конечно, понятно, — сказал он. — Но ты любишь нас обоих.

Иногда правда причиняет боль, но я не хотела лгать Габриелю.

— Да. Меня мучило то, что у меня к вам обоим были чувства, поэтому я решила делать вид, что никогда не смогу полюбить тебя. Но ты не захотел оставаться в том ящике, в который я тебя засунула.

Он оставил свое мнение при себе, впрочем, он и до этого знал, что происходило с моими чувствами.

— Ящик с надписью «Враг»?

— Нет, с надписью «Друг», идиот!

— Да, иногда я могу быть очень даже упрямым.

Он поцеловал меня в кончик носа и в ожидании посмотрел на меня.

— Ну тогда расскажи-ка мне, какой я классный, и что ты не смогла устоять передо мной.

Я засмеялась.

— Не было такого. Помнишь ту ночь в Сан-Франциско, когда ты спас меня? Мы думали, Ашера застрелили, и я тоже хотела умереть. Но ты этого не допустил.

— Когда ты не хотела исцелять себя, я наорал на тебя, — сказал он и ухмыльнулся.

Я положила руку ему на сердце.

— Так же ты пел для меня и помог мне исцелиться, покачивал и держал в руках, в то время как я оплакивала твоего брата. Ты был рядом, ещё прежде чем я даже узнала, что ты мне нужен. Уже всегда.

Его сердце подпрыгнуло под моими пальцами, пропуская один удар.

— Тогда я не хотела к тебе ничего испытывать, Габриель, но ты ведь никогда не сдаёшься. Каждый раз, когда я поворачивалась, ты был там, а теперь я не могу себе и представить что-то другое. Ты делаешь меня счастливой. С тобой я смеялась столько, сколько ещё никогда в жизни.

В моей жизни не было много радости. Я никогда не играла или открыто смеялась, но теперь Габриель делал всё это возможным. Мне казалось, что я предам Ашера, если признаюсь в этом.

Его выражение лица смягчилось.

— Ты любишь его, Реми. Я это знаю. И я не прошу тебя прекратить любить его. — Он притянул меня к себе, и его губы прикоснулись к моим. Потом он ещё раз отстранился и сказал:

— Но только не нужно пожалуйста ещё раз целовать его. Пообещай мне лучше, что будешь любить меня ещё немного больше. Тогда я смогу с этим жить.

Я подавила ещё один приступ смеха и покачала головой:

— Я люблю, люблю, ЛЮБЛЮ тебя, Габриель!

— Я знаю, Ремингтон. Я только ждал, чтобы ты наконец сама это поняла.

Уверенность в его голосе привязала меня к нему ещё немного сильнее. Он был так уверен во мне, и то, что кто-то так мне доверял, согрело сердце. Он так сильно любил

меня, что смог подождать, пока я убедилась в своих чувствах к нему.

Это делало нашу любовь только ещё слаще.

Габриель перекатился на спину, беря меня с собой.

— Не будет ли это слишком рано, если я попрошу тебя об одном одолжении?

Я подняла голову и с подозрением на него посмотрела.

Он немного приподнял свою футболку, так что я увидела кусочек последнего произведения искусства Лотти.

— Она снова использовала маркер. И я просто не могу смыть!

Он посмотрел на меня смущённо и улыбнулся. Я положила руку на его сердце и «исцелила» новую татуировку, нанесённую маркером. Потом указала на свои губы.

— Заплатить ты должен поцелуями.

По меньшей мере семью или восемью...

Позже, намного позже он держал меня в руках, в то время как я засыпала. Мне уже почти снился сон, когда он прошептал:

— Псст. Прочитай, что написано маркером.

Я заморгала и оттянула футболку на достаточное расстояние, чтобы заглянуть под неё. Однако это не почерк Лотти, это был почерк Габриеля. Он нарисовал сердце, а в нём написано: «Габриеля любит Ремингтон».

Я прыснула со смеху, который стал громче, когда Габриель начал настаивать на том, что ему нужно проконтролировать своё произведение искусства.

Утром Габриель и Ашер ушли вместе. Эта была идея Габриеля. Оба избегали друг друга однако в этом доме, каким бы просторным он не был, такое можно было проверить лишь частично. Габриель уступил свою комнату Ашеру и спал на диване в гостиной, но я не думаю, что кто-то обманывался на этот счёт, потому что его никогда нельзя было там встретить. Теперь он уговорил Ашера один раз оторваться от всех девчонок и предпринять что-нибудь мужское. Габриель упомянул тренажёрный зал, но я подозревала, что они смылись в паб, чтобы выпит гиннеса.

Лотти сердилась, потому что её не хотели брать с собой, но сдалась, когда Габриель достал маркер и нахмурившись, начал размахивать им в её направлении. После обеда Люси, Эрин и я решили вставить тренировку. Очевидно Ашер уже какое-то время занимался и с Люси тоже.

— Мне надоело быть бессильной! — сказала она, в то время как мы сдвигали мебель в гостиной. — Когда на нас нападают, ваша первая забота всегда сначала следить за тем, чтобы со мной ничего не случилось, потому что я такая чертовски беспомощная. После событий, произошедших в Мьюирском лесу, я просто не смогла больше этого выносить. Я попросила Ашера научить меня некоторым вещам и с тех пор мы работаем над ними, всегда, когда получается.

Это меня удивило — и обрадовало. Ну, возможно я также немного обиделась, потому что Люси не ввела меня в курс дела, но в то время она в любом случае почти со мной не

разговаривала.

— Я должна была предложить это уже намного раньше, Люси. Я знаю, каким паршивым может быть чувство, когда ты не в состоянии защитить себя. Мне жаль, что я способствовала такому чувству.

На мое извинение она лишь пожала плечами.

— Ах, по-другому и не могло быть. Я благодарна тебе за защиту. Мне было очень страшно.

Сейчас я хочу сама делать все возможное и не хочу, чтобы ты рисковала жизнью из-за меня. Я хочу сама о себе заботиться!

Она развернулась и увидела выражение моего лица.

— Что такое? — спросила она.

Улыбнувшись, я покачала головой.

— Ничего. Кажется, мы обе заметно повзрослели.

Эрин отодвинула стол, выпрямилась и остановила взгляд на моей груди.

— Лотти опять взялась за старое?

Я посмотрела вниз и обнаружила, что художества Габриеля просвечивали через мой топ. Я тут же покраснела в области шеи, после чего красный цвет поднялся вверх, достигнув ушей. У меня было ощущение, как будто я машу перед Эрин и Люси красной тряпкой. Они тут же подскочили ко мне, оттянули топ на шее в сторону, затем обменялись понимающими взглядами.

— Ээм, не похоже на почерк Лотти, — сухо заметила Люси.

— Полечить тебя рукой? — спросила Эрин.

Ни за что!

Я показала им язык и застегнула замок куртки.

— Хватит болтать! Давайте лучше за работу.

Эрин и Люси начали тренироваться примерно в одно и то же время — нужно заметить, что в обоих не текла кровь защитника — оказалось, что и в бою они тоже были примерно равны. Я стояла с краю и давала указания, как это делали Ашер и Габриель. У Люси оказался природный талант. Она обладала хорошими инстинктами и заранее догадывалась, как поведет себя соперница. Когда она в третий раз повалила Эрин на пол, я решила вмешаться.

Заняв место Эрин, я приняла согнутое положение.

— Давай, Люси, попробуй со мной. Хочу, чтобы ты увидела каково это, сражаться с тем, кто выше и тяжелее тебя. Мужчину ты бы не смогла таким способом вывести из равновесия, как тебе это удалось с Эрин.

Глаза Люси оценивающе заблестели. По выражению её лица можно было многое прочесть, и я предположила, что она нападёт на меня, используя всю силу, что имеет. Я приготовилась и стала ждать. Секунду спустя она размахнулась. При этом слишком сильно наклонилась вперёд и потеряла равновесие. Я использовала её собственный вес, схватила за руку и рванула на себя. Вместо того, чтобы встретить сопротивление, она упала вперёд, и я использовала её руку, чтобы перевернуть. Слишком поздно я заметила, что вложила в это движение чрезмерно много силы и заругалась. Из-за чего раньше она бы только споткнулась, теперь, благодаря моим новообретенным силам, полетела через воздух. Я бросилась вперёд, чтобы не дать врезаться ей в стену. Вместо стены она ударилась подбородком о мою голову.

Мы рухнули обе на пол и застонали.

— Извини, Люси, я этого не хотела!

— Я догадалась об этом, когда ты закричала мне в ухо «дерьмо». — Она прикоснулась к своему окровавленному рту. — Ой! Я прикусила себе язык, когда врезалась в тебя башкой.

Я мрачно посмотрела на потолок.

— Думаю, у меня до чёртиков будет болеть голова.

Эрин подошла к нам, и я указала на Люси.

— Ты можешь помочь ей?

Она кивнула и встала перед моей сестрой на колени. Я поморщилась, потирая глаза. Как мне познать пределы моих способностей, если они постоянно увеличиваются? Одну неделю назад я ещё не смогла бы так бросить Люси, я просто не была ещё такой сильной. Моя голова пульсировала, и я заморгала, позволив энергии заструиться по телу, чтобы посмотреть, смогу ли исцелить шишку, которая уже начала проявляться. Я чувствовала энергию Эрин в воздухе, хотя не прикасалась к ней. Монстр поднял свою голову, и я могла лишь думать: успокойся, чудовище. Здесь для тебя ничего нет.

— Чёрт, — сказала Эрин.

Я повернулась к ней. Она положила одну руку на плечо Люси и нахмурившись смотрела на кровь, капающую из разорванной губы моей сестры.

— Что такое?

— Кажется мои способности не работают должным образом!

— Что здесь случилось? — спросил Ашер, который как раз спустился по лестнице. Он подошёл к Люси и осторожно поднял её голову, чтобы разглядеть порез.

Габриель зашёл в комнату за ним и склонился надо мной.

— Что ты опять творишь, ягнёночек?

Я сощурилась.

— Назови меня ещё раз ягнёночек и ты мертвец!

Он коснулся пальцем моего носа.

— Такая сегодня неистовая, да?

Я показала ему язык, и его взгляд остановился на моём рте. Быстро я подняла ментальную стену вверх, чтобы он не услышал, как из-за его взгляда меня опалило жаром в присутствие других. Его рот изогнулся в обещание, о котором мы поговорим позже.

— Вот! — сказала Эрин. — Наконец!

Фиолетовые искры полетели между Люси и Эрин, и рана на губе Люси исчезла.

Ашер помог обоим подняться на ноги. На одну секунду его взгляд метнулся в нашу сторону, и он сжал губы в тонкую линию. Он заметил, что я смотрю на него, и заставил себя улыбнуться, улыбка, которая не до конца достигла глаз. В моей груди пульсировала боль, и я смотрела ему вслед, когда он вместе с девушками поднимался по лестнице.

Перед моим лицом защёлкали пальцы. Габриель одарил меня полным понимания взглядом, и я стряхнула боль. Как есть, так есть. Каждый сделал свой выбор, и с ним нам придётся жить.

— Давай поднимайся! — сказал Габриель и поставил меня на ноги. — Очевидно тебе нужно срочно тренироваться. Если ты лежишь на спине, то делаешь что-то неправильно.

Я захихикала из-за его непреднамеренного намёка.

Он покачал головой.

— Ай, ай, Ремингтон, о чём ты всегда только думаешь. Кончай с неприличными мыслями, у нас есть работа!

Он сорвалс себя рубашку и скинул ботинки. Джинсы съехали ему низко на бёдра, и у

меня побежали во рту слюнки, как будто я обнаружила буфет с десертами. Он ухмыльнулся, и я предположила, что он сделал это специально.

Улыбаясь я расстегнула замок толстовки и бросила её на диван.

Его глаза остановились на краю произведения искусства на моей груди, выглядывающего из-под майки, и он затаил дыхание. Я использовала его невнимательность, выбив из-под него ноги. Он приземлился на пол, смотря в потолок.

— Если ты лежишь на спине, то делаешь это неправильно, — заметила я.

Когда он хотел меня схватить, я увернулась, отпрыгнув из радиуса его действия и игра началась.

— Как все прошло с Ашером сегодня? — спросила я Габриеля.

Мы были на кухне, добровольно вызвавшись дежурить. Это означало, что Габриель готовил, а я была ответственна за мытье посуды. Таким образом мы все могли избежать пищевого отравления. Пока он суетился на кухне, готовя что-то, что он называл «Пастуший пирог», я села на кухонную стойку, чтобы составить ему компанию.

— Неловко и болезненно.

Габриель подмешал овощи в фарш и соус.

— В принципе так, как я и ожидал.

Я сочувствовала ему, так как по-прежнему не была уверена, как себя вести в присутствии Ашера. Мы все вместе застряли здесь, поэтому нужно было найти способ пережить все это.

Габриель дотронулся до моей руки.

— Все будет хорошо. Просто нужно время.

Я улыбнулась.

— Ты что добавил туда Лимабобы? — спросила я, чтобы сменить тему.

Он отложил ложку, подошел ко мне и зажал меня в объятиях.

— А что? Тебе что-то не нравится в лимабобах?

Я чмокнула его в нос.

— Вовсе нет. Мне нравится, как они лопаются во рту. На вкус ничего особенного, но зато обладают безумно полезными свойствами. Так что можно сказать, они выдерживают испытание.

Он улыбнулся.

— У тебя что, для любой еды своя система оценок?

— Конечно!

— И какие продукты выдерживают испытание как структуры, так и вкуса?

— Собственно есть только один: Поп Рокс, — соврала я и представила себе эту сладость, как она начала потрескивая, пузырится на моём языке.

Он покачал головой.

— Это ведь не продукт. Постепенно я начинаю понимать, что большинство трапез, которым ты отдаёшь предпочтение, можно классифицировать как еду, продающуюся во время народного праздника.

Я подумала над этим.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, еда, которую можно купить на народном празднике. Держу пари, тебе нравятся так же эти ужасно жирные, жаренные в масле пироги.

Я расхохоталась.

— Такое ощущение, будто ты смотришь мне прямо в душу.

Его взгляд упал на мои губы, и я схватила его за футболку и притянула ближе к себе. Мы оба застонали, когда в моём кармане заявил о себе мобильный. Габриель отошёл на шаг, чтобы я могла выловить его.

Когда я увидела, какой номер стоит на дисплее, у меня остановилось сердце.

— Симус!

Я ответила на звонок, и он без всяких предисловий объявил:

— Мы нашли твоего отца!

Невольно я всхлипнула. Габриель успокаивающе положил мне на бедро руку.

— Пожалуйста скажи мне, что с ним всё в порядке.

— Он жив, — ответил Симус с сильным ирландским акцентом.

Это могло значить, что он тяжело ранен, но об этом я не хотела сейчас размышлять. Пока что только важно то, что он жив.

— И что теперь, Симус?

Я рассчитывала на то, что он назовёт мне место нахождения Бена, а потом потребует, чтобы я выполнила мою часть сделки.

— Морриссей держат его в плену в своём доме, который находится немного за пределами города. Завтра половина семьи Морриссей отправляется на встречу с твоим дедом в Лондоне. Тогда мы и нападём.

— Мы? — спросила я.

— Разве я не родственник твоему отцу? — защищался он. — Нам нужно будет встретиться завтра утром и разработать план.

— Габриель будет во всём участвовать.

— Прекрасно, — проворчал он. — Но твои человеческие друзья останутся там, где есть. Они только будут нам мешать, а этого мы не можем себе позволить. Шон заберёт вас в девять утра.

Он так быстро согласился, будто уже всё время знал, что я появлюсь по крайней мере с одним Блеквеллом. Ашер и Лотти останутся, чтобы приглядеть за моей сестрой и Эрин. Ещё один день! Габриель и я должны быть готовы, когда другие заберут нас утром.

Мы попрощались, и я повернулась к Габриелю.

— Завтра мы освободим его! Шон заберёт нас рано утром, а потом мы спланируем нашу общую операцию.

Габриель обнял меня. Я думала, что после таких новостей буду на седьмом небе, поэтому не была готова к оцепенению, которое теперь меня настигло. Мы так долго ждали новостей и теперь, когда получили их, я не знала, как реагировать. Следующий день изменит всё. Мы найдём моего отца, в каком бы он ни был состоянии, а потом решим, что делать дальше. Будет ли он меня ненавидеть? Что они ему обо мне рассказали? Как он отреагирует, когда узнает о Лауре? Я почувствовала в моём животе страх. Что случится, если он выяснит это?

— Реми? — Габриель прикоснулся к моему подбородку. — Думай только о его спасении. С остальным мы разберёмся позже.

Я кивнула. Конечно, он прав. Что толку задумывать так далеко вперёд? В конце концов я могу погибнуть, если не сосредоточусь на здесь и сейчас. Я сползла вниз с рабочей поверхности кухонного стола, и Габриель отступил на шаг назад.

— Пошли, расскажем об этом другим.

— Я хочу поехать вместе с вами! — сказала Люси.

Мы сидели в гостиной. Она, Эрин и Ашер играли в Служебный долг, когда мы зашли туда. Потом Габриель отправился на поиски Лотти, из-за чего я теперь была с ними наедине. Я понимала желание Люси, всё же не могла его допустить.

— Это невозможно, — объяснил ей Ашер, прежде чем это сделала я. Удивлённо я посмотрела на него. Он сердито поджал губы в тонкую линию. — Никто из нас не может этого сделать, — добавил он, включая в этот список себя и Эрин. — Мы трое будем только мешаться. — Разочаровано он выдохнул и откинулся на спинку дивана.

Люси заплакала, а я встала на колени перед её креслом.

— Мне очень жаль, сестрёнка, но он прав. Эти мужчины опасны, и у тебя нет против них ни единого шанса.

— Но тренировка! — запротестовала она.

Я покачала головой.

— Подумай, какой я сегодня нанесла тебе ущерб. И при этом я даже не использовала всю силу. А защитники быстрее и сильнее. Ты не можешь пойти вместе. Папа мне никогда не простит, если и с тобой ещё что-нибудь случится.

Она сжала мои пальцы.

— Пообещай мне, что ты вызволишь его оттуда.

— Я сделаю всё возможное.

Габриель и Лотти спустились вместе по лестнице. Лотти прошла к дивану и села около Ашера на подлокотник, Габриель встал рядом со мной.

— Должна признаться, я взволнованна, — сказала Лотти, встряхнув свои волосы. Мы все уставились на неё, как будто она сошла с ума, и она добавила:

— Мне до чёртиков надоело ждать, что что-то случится. Я хочу наконец что-то предпринять!

Челюсть Ашера напряглась ещё больше, но он промолчал.

— «Взволнованна» это не то что я действительно чувствую, но я понимаю, что ты имеешь в виду, — сказала я сухо. — Эрин? Всё хорошо?

Эрин не произнесла ещё ни звука. Вообще, она уже весь день была очень неразговорчивой. Её взгляд встретился с моим, и она покраснела, как будто её мучила совесть. Я хотела сказать ей, что это нормально, если она чувствовала облегчение от того, что ей не нужно принимать в этом участия. Если бы я могла сама этого избежать, то тоже осталась бы дома.

Она улыбнулась, но улыбка не достигла глаз.

— Конечно. Всё хорошо. Могу я быть каким-то образом полезной?

Мы начали обсуждать подготовку и то, что нужно ещё сделать до следующего утра. Требовалось оружие, и на тот случай, если Симус и его люди подведут нас, нужен план Б.

Час спустя мы закончили, потому что решили, что хорошо выспаться это лучшее, что мы ещё можем сделать, хотя я опасалась, что спать точно не смогу.

Люси и Эрин обняли меня, прежде чем последовала вверх по лестнице за Лотти. Габриель взглянул на меня, и я жестом показала ему, чтобы он следовал за ними. Мне нужно поговорить с Ашером. Габриель коротко кивнул, потом исчез.

— Теперь пришёл тот момент, когда ты мне тоже скажешь, что тебе жаль, что я должен остаться здесь? — спросил Ашер с горечью в голосе.

Я села рядом с ним на диван.

— Нет. Это тот момент, когда я попрошу тебя хорошо присматривать за моей сестрой и Эрин. — Мой ответ удивил его, и он посмотрел на меня испытующе. — Я боюсь. На тот случай, если я не смогу вернуться, — прохрипела я, так что пришлось начать всё заново. — На тот случай, если я не смогу вернуться сюда, ты должен пообещать мне, позаботиться о них.

Ашер тихо выругался. Потом отвернулся, но я схватила его за руку и сильно сжала.

— Пообещай мне! — напирала я. — Я не могу уйти, если существует опасность, что с моей сестрой что-то случится.

Я не стала говорить того, что мы оба знали. Если я не вернусь, тогда вероятнее всего, Габриель тоже не вернётся. Он никогда не оставит меня одну. Мне ясно, что этой просьбой, я очень много от него требовала. Она не справедлива по отношению к нему, но больше никого нет, кому я могу доверять.

— Пожалуйста! — настаивала я.

Он положил другую руку на мою.

— Даю тебе слово. С ними ничего не случится.

— Спасибо!

— Мне так хочется спасти его для тебя, — сказал Ашер.

— Я знаю, — прошептала я.

Молчание затянулось, и он своим печальным взглядом показал мне уйти.

— Ну давай. Со мной всё в порядке. Тебе нужно отдохнуть.

Я оставила его, потому что знала, чтобы я ни сказала, он в любом случае, будет безутешен из-за того, что не достаточно силён, чтобы защищать меня так, как он хочет.

Звук вырвал меня из глубокого сна. Прежде чем я смогла двинуться с места, Габриель положил руку на мою и предупреждающе приложил палец к губам. Кто-то вламывался в мою комнату с внутреннего двора, стараясь открыть стеклянную, раздвижную дверь как можно тише. В комнате царила странная тишина.

Я колебалась, опускать ли мне вниз защитную стену. Хотя в этом случае я смогу понять является ли чужак защитником, но тогда он или она тоже почувствует меня и поймёт, что я отличаюсь от других защитников. Этот человек — мужчина, как я теперь увидела — открывал дверь миллиметр за миллиметром. В любую секунду он будет в комнате. Мы можем подождать, когда он войдёт и нападёт — или же атаковать первыми. Моя нерешительность взяла меня в заложники. Потом мужчина зашёл, и я смогла увидеть его лицо.

Ксавьер!

Это лицо я не забуду никогда. Его черные волосы, оливковую кожу и худое телосложение. Он пытал меня два дня, душил и наносил порезы, а также использовал пистолет, который как я думала оборвал жизнь Ашера, и он был одним из его мучителей. Ксавьер присутствовал при похищении моего отца и сидел в машине, которая сбила маму.

Этот защитник разрушил все, и я почувствовала доселе неведомую мне жажду крови. Я скатилась с кровати, Габриель сделал тоже самое, в тот момент, когда позади Ксавьера в комнату зашел еще один человек. У меня на столе всегда наготове лежал нож, который я и

схватила, соскочив с кровати. После этого я бросилась на Ксавьера, в то время как Габриель занялся его другом.

Когда я ткнула его ножом, Ксавьер издал звук, похожий на хрюканье. Я целилась ему в живот, но он сумел заблокировать удар. Зато мне удалось порезать ему руку, повредив кожу и сухожилия. На мою майку-топик брызнула теплая жидкость из раны. Ксавьер не чувствовал боли, порез оказался для него лишь неожиданностью. Я опустила защитную стену и направила энергию в воздух.

— Чувствуешь? И это только начало, Ксавьер, — с удовлетворением отметила я, когда он скривил лицо.

— Мерзавка, — процедил он сквозь зубы.

Я заметила, что Габриель боролся на другом конце комнаты с другим защитником. Их движения были расплывчатой симфонией, пронизанной стонами и учащенным дыханием. Моя энергия позволяла им чувствовать боль от наносимых ими друг другу жестоких ударов. Воспользовавшись тем, что я отвлеклась, Ксавьер замахнулся для удара. Однако он не рассчитал мою скорость. Я отпрыгнула в сторону, и он сумел дотронуться лишь до пряди моих волос. Он дернул за нее, и я вскрикнула, когда он вырвал мне волосы. Но как бы то ни было, я была свободна. Нагнувшись, я снова взмахнула ножом и попала по подколенной впадине. Он зашатался и упал на пол.

Я выпрямилась и встала над ним, когда он попытался уйти ползком. Схватившись за простыню, он пытался подтянуться на ней, потом развернулся и прислонился спиной к кровати. В этот момент Габриель прекратил борьбу, бросив противника прямо на шкаф. Дерево расколосось и шкаф рухнул под весом защитника. Мои вещи выпали наружу, погребя под собой мужчину. До того, как он сумел выбраться, Габриель ударил его головой об пол, надолго лишив его чувств.

— Давно не виделись, Ксавьер, — невозмутимо сказал Габриель и присоединился ко мне.

У него был спокойный голос, но язык тела говорил о другом. Желание убить этого человека было почти таким же большим как у меня. Тогда почему я колебалась?

— Что ты собираешься с ним делать? — спросил Габриель.

Он предоставил мне возможность самой решать, доверяя и думая, что я знаю, что делать. Но проблема в том, что я не могу никого хладнокровно убить, даже если этот кто-то представляет опасность.

Ты не такая как они, Реми. Это хорошо.

— Можешь дать мне телефон? — спросила я Габриеля.

Он взял сотовый с ночного столика и бросил его мне.

— Не спускай с него глаз, — попросила я и набрала номер.

После второго гудка Симус взял трубку.

— Все в порядке? — спросил он сонным голосом.

— У меня тут двое защитников в комнате, и вполне возможно, что остальные уже в пути.

— Морриссей? — спросил он уже более бодрым голосом.

— Нет, речь идет о людях моего дедушки. Как быстро вы сможете приехать?

— Через двадцать минут, — ответил он. Я слышала шум ткани, видимо он одевался. — Если есть возможность исчезнуть из дома, то удирайте!

— Таков наш план, — сказала я. Как только найдем сестру и остальных.

— Торопитесь!

Я отключила телефон и наклонилась к Ксавьеру. У нас нет времени, но мне нужны ответы.

— Как вы нашли нас? — спросила я.

Ксавьер засмеялся.

— Так я тебе все и рассказал.

— Да. У тебя вообще нет никакой лояльности. — Я прижала нож к его горлу, давая почувствовать резкую боль, когда порезала его кожу. — Ты ведь заботишься только о себе. Ты можешь сказать мне, что я хочу знать или же я сделаю с тобой то, что ты сделал со мной в Калифорнии. Ты ещё помнишь?

Карие глаза Ксавьера заблестели, когда Габриель включил свет, но он сжал губы. Эту игру мы можем продолжать всю ночь, но я не допущу такого. Он не воспримет мою угрозу всерьёз, если я не подчеркну её действием. У меня перевернулся желудок, и я сделал глубокий вздох. У него вырвался крик, когда я обрушила нож вниз и провела им по его бедру. Я почувствовала, как чёрный, джинсовый материал разделился, образуя дыру.

— Сколько же ножевых ран ты мне нанёс? — Я холодно на него смотрела. — Знаешь, что я считала каждое ранение, которое мне нужно было исцелить? Думаю, мы остановились на тридцать восьмом, когда Габриель спас меня. Ты получил сейчас только третье. Думаешь ты выдержишь ещё тридцать пять?

Вспышка страха промелькнула на лице Ксавьера, и я знала, что привела его туда, куда хотела.

— Как ты нас нашёл? — повторила я.

Он вспотел, прижимая руку к своему бедру, чтобы остановить кровотечение.

— Маленькая целительница, — наконец выложил он. — Она позвонила домой, чтобы поговорить с матерью, а мы отследили звонок до сюда.

Нет, этого не может быть! Эрин навела их на наш след. Она тосковала по дому и потеряла терпение. О, Эрин, тебе нужно было подождать.

— Вы только вдвоём? — захотел узнать Габриель.

Прежде чем Ксавьер смог ответить, сверху раздался пронзительный крик. Он улыбнулся с мрачным удовлетворением, а я повернула нож в руке, так что держала теперь лезвие. Потом ударила его рукояткой по голове, наблюдая за тем, как закатились его глаза. Он повалился на бок и так сильно ударился головой о деревянный пол, что на его лбу образовалась рана. Мудаку повезло, что я не такая, как он, потому что я могла бы причинить ему гораздо больше вреда.

Габриель мчался уже в гостиную, а я следовала за ним по пятам. Крик раздался на одном из верхних этажей, и где-то над нами мы слышали, как кто-то несётся вверх по лестнице. Мы пропустили второй этаж и побежали дальше на следующий. Дверь в комнату Габриеля и Ашера стояла открытой, но в ней никого не было. Мы бросились вверх по ещё одной лестнице до самого верхнего этажа; звуки битвы дошли до нас, ещё прежде, чем мы ринулись в хаос.

Из коридора выходили три двери: одна вела направо в комнату Лотти, вторая за ней, в общую комнату, а одна, прямо перед нами, принадлежала к комнате Эрин и Люси. В каждой из спален горел свет. Люди моего деда разделились, чтобы одолеть нас, и здесь наверху у них было преимущество. Лотти сражалась в своей комнате против трёх мужиков, и Габриель

поспешил теперь ей на помощь. Я побежала в другую комнату, в которой два мужчины и женщина наседали на Ашера. Позади него Люси прижималась к стене, лицо мокрое от слёз.

В течение секунды я оценила ситуацию. У Ашера шла кровь изо рта и один глаз уже заплывал. Он почти больше не мог стоять, но не отступал ни на миллиметр, чтобы защитить мою сестру. Двоих нападающих я узнала. Козлиная бородка из Мейпл в Алабаме. А второй — это партнер Ксавьера, Марк, светлые волосы блестели на его голове. Ашер видимо тоже его узнал, об этом мне говорило его искажённое ненавистью лицо.

Один момент я задавалась вопросом, куда девалась Эрин, потом увидела, как Ашер запустил в голову Марка лампой, которая разлетелась на тысячу мелких кусочков. Женщина заругалась, когда один осколок задел её щеку, и я наблюдала за тем, как свежий порез начал исцеляться. Она целительница. Должно быть я издала удивлённый звук, потому что оба повернули свои головы в мою сторону, и Марк бросился на меня.

Он был ниже меня ростом, зато более мускулистый, плечи шире и весил хороших тридцать пять килограммов больше, так что я из-за силы его атаки грохнулась о стену коридора, а нож выпал из руки. Я сползла на пол, хватая ртом воздух. Снова Марк бросился на меня. Я откатилась в сторону и вскочила на ноги. Молча мы кружили вокруг друг друга, и когда он захотел ударить меня кулаком по голове, я была готова. В последний момент я увернулась и в то же время пнула его в пах. Он съёжился, почувствовав вероятно в первый раз в течение месяцев очень сильную боль. Возможно в первый раз с тех пор, как мы встретились в последний раз, когда пикап, который привёл в движение Габриель, врезался в него и сломал ему обе ноги.

Он отвлёкся, и я это использовала, чтобы схватить мой нож, лежащий на полу. Из другой комнаты раздался пронзительный крик — это Люси кричала? — и я бросилась к двери. Ашер сражался с козлиной бородкой, они избивали друг друга кулаками. По крайней мере честный бой, потому что не одни из них не обладал особенным даром. Целительница казалось замышляла против Люси, но Люси удалось вlepить женщине боковой удар в челюсть.

Кто-то обхватил сзади мою шею и вытащил назад в коридор. Я прижалась к нему, царапала и рвала его волосатую руку, которая перекрывала мне воздух. Мышцы Марка напряглись, и он рванул меня вверх. Я вцепилась в рукоятку ножа и воткнула нож в его мясистую ляжку. Его хватка ослабела, и он повалился на пол, а я вместе с ним. Я сделала глубокий вздох и попыталась освободиться. В конце концов я снова ухватилась за нож, точащий в его ноге и повернула его в ране. Он закричал, оттолкнул меня и попытался вытащить нож.

— Я тебя убью! — прошипел он.

Я выпустила энергию, чтобы направить ее на него.

— Хватит! — крикнул мужской голос позади меня.

Я обернулась и обнаружила Алкаиса, направлявшего револьвер мне на грудь. Сзади него согнувшись стояла Эрин, с кровоподтеком на щеке. Но хуже всего было то, как она смотрела на пол: несмело, потеряв боевой дух. Время, которое она провела без брата, было слишком коротким и сейчас она снова вернулась к своим старым, натренированным привычкам. Мне понадобились месяцы, чтобы отучить ее втягивать голову, когда кто-то повышал голос.

— Ты прячешься в ванной, Алкаис? На тебя это похоже, — сказала я с плохо скрываемой яростью.

— Закрой рот! — рывкнул он.

— Пошли ко мне целительницу! — крикнул Марк. — Она нужна мне.

Франк думает, что контролирует защитников, но он ошибается. Голод и жадность, написанные на лице Марка, говорят о многом. Марк забрал бы у нее всю энергию, после того, как Эрин вылечила бы его. В отличие от целительницы, которая была с ними — предательница, которую мой дедушка каким-то образом заставил помогать защитникам — Эрин не находилась под защитой Франка. Нет, после того, как она перешла на мою сторону, ее считали врагом.

— Иди и вылечи его, — приказал Алкаис, обернувшись к Эрин.

Эрин выпучила глаза, глядя то на брата, то на Марка.

— Я не могу вылечить такую рану. Ты ведь знаешь об этом!

Он подбежал к ней, схватил за запястье и дернул ее вперед. Эрин запнулась и плача упала на пол рядом со мной. Марк убьет ее. Только через мой труп!

— Я не пушу ее к нему! — сказала я Алкаису.

Из обеих спален по-прежнему доносились звуки борьбы, и я знала, что могу надеяться только на себя. Эрин конечно тренировалась, но сейчас она была слишком обессилена, чтобы сражаться.

— Ты тут не командуешь, — с издевкой сказал Алкаис и махнул оружием. — Эрин? Сделай то, что я тебе сказал!

Невысказанное «или я» в конце предложения он показал ей наглядно, отчего Эрин содрогнулась. Она ползла вперед, пока я не встала у нее на пути, перекрыв ей дорогу к Марку. Между тем, защитник сел, пытаясь перевязать рану. Пока он не мог дотянуться до меня, но это в любой момент могло измениться. Я с ужасом думала о том, что он мог сделать с моей подругой.

— Нет, Эрин, не слушай его!

В моем взгляде не было упрека.

— Это я виновата в том, что они здесь, — стыдливо прошептала она. — Прости.

Я сделала в воздухе знак рукой, чтобы остановить ее.

— Все в порядке. Я не сержусь на тебя за это.

Она хотела опустить взгляд, но я не уступала.

— Эрин! Я не злюсь, ок? А теперь, пожалуйста, встань!

Стоявший сзади нее Алкаис с мрачным выражением лица, сделал шаг вперед. Я сверкнула на него глазами, и он остановился, видимо обдумывая, какие шансы он имел против меня. Лежащая у меня в ногах Эрин поборола страх и нерешительно поднялась. Когда она встала на ноги, я увидела, что она снова обрела кое-какую силу. Она ей понадобится.

— Эрин, иди к лестнице и беги вниз. Покинь дом. Беги со всех ног!

Она замерла, ее щеки побагровели. Я щелкнула пальцами.

— Шевелись! Не медли!

Она сделала несколько нерешительных шагов.

Алкаис выругался.

— Если ты сделаешь еще хоть один шаг, клянусь, я пристрелю тебя!

Она остановилась, как делала это всю жизнь из-за страха перед братом.

Но я сказала ей:

— Он лжет. Он не сделает этого. Иди дальше.

Эрин дрожала всем телом, глядя на нее у меня сжималось сердце.

— Я боюсь, — сказала она дрожащим голосом.

— Страх — это нормальное явление, иди дальше.

Эрин все еще колебалась, тогда я крикнула:

— Иди наконец, черт побери!

Она вздрогнула и побежала. Алкаис нацелился пистолетом на неё, но не выстрелил.

Одно дело бить свою сестру, совсем другое убить её. Как только Эрин исчезла, спустившись вниз по лестнице, Алкаис резко повернул красное от гнева лицо в мою сторону.

Я знала таких мужчин, как он. Он хочет быть вождём, на которого смотрят с почтением, но для этого ему во всех отношениях не хватает формата.

— Почему ты это делаешь? Она всем об этом расскажет!

На это я могу только надеяться. Может быть тогда Франк наконец потеряет своё влияние в общине целителей, и они смогут подумать над другими возможностями, как лучше всего защитить себя.

Чтобы смягчить Алкаиса, я подняла руки вверх.

— Опустит пистолет. Всё кончено.

— Ты права. — Его отчаянное выражение лица казалось настоящим, но это меня не трогало. Он ходил туда-сюда, размахивая пистолетом. — Она настроит всех против меня. Я никогда не смогу туда вернуться!

Он поднял голову, разочарованно крикнув, а потом выстрелил один раз в потолок. Запах пороха зацепил в носу, а глаза начали слезиться. Поблизости я услышала рёв. Звучало так, будто Габриель кричал моё имя, но я не осмеливалась отвернуться от Алкаиса.

— Это твоя вина! — Он почти плакал. — Почему ты не сделал то, чего мы хотели? — Он снова нацелился на мою грудь. В этот раз он выстрелит, в этом я была уверена.

— А что же с Франком? Он хочет заполучить меня живой.

Его решимость отражалась в суровом выражении лица.

— Меня это теперь уже не волнует.

Внезапно с лестницы раздался голос Эрин.

— Алкаис, не делай этого!

Я тихо выругалась.

— Эрин...

Она проигнорировала меня, спеша вверх по лестнице.

— Всё это начал Франк, но тебе необязательно быть таким, как он. Пожалуйста, давай уйдём вместе. Я хочу снова увидеть маму и Делию. Мы всё ещё можем вернуться домой. — Пока она говорила, приближалась к брату, протянув умоляюще в его сторону руки. — Пожалуйста, Алкаис, давай уедем домой!

Она имела в виду то, что сказала. Какое бы насилие он не причинил ей, она любила своего брата. Эта честность, за которую и я полюбила её, убедила её брата. Он одно мгновение колебался и в его глазах вспыхнула тоска. Но потом снова сжал пальцы вокруг рукоятки оружия.

— Пока Реми жива, Франк не успокоится. Всё это закончится лишь тогда, когда её больше не будет в живых.

Он нажал на спусковой крючок. Я была готова отпрыгнуть в сторону, Эрин тоже, бросившись прямо под пулю. Я рванула её назад в мои руки и споткнулась.

— Нет! — Слово вырвалось у меня в страдальческом крике. Я положила её на пол и везде, где мы прикасались друг к другу, во мне ревел монстр. Я, для её защиты, резко

подняла защитную стену вверх и посмотрела на рану. Кровь растекалась по животу, там, где в неё попала пуля. Её глаза дрожа закрылись.

— Отдай её мне! — сказал Марк, поднимаясь на ноги.

Услышав алчность в его голосе, мне стало плохо. К моему удивлению Алкаис пытался удержать Марка от того, чтобы тот схватил её.

— Нет. Оставь её в покое!

— И ты думаешь, что сможешь удержать меня, малыш? — издевался Марк.

Как будто в доказательство того, что это не так, он кулаком повалил Алкаиса на пол. Защищая Эрин, я наклонилась над ней, так как ожидала его удара, но подоспел Габриель и парировал удар.

Эрин не издавала на звука. Она истекала кровью. От такого ранения уже не поправишься.

А если попытаюсь спасти её, то погибну я. Понимание этого затопило меня, и я всхлипнула. Смогу ли я вообще ещё спасти её? И смогу ли справиться с монстром внутри, который теперь делал всё, чтобы вырваться?

— Почему ты вернулась? — сказала я, ослеплённая слезами. — Ты смогла бы убежать.

Эрин не шевелилась. Её мышцы обвисли, и вес стал тяжелее давить на меня.

— Нет! — закричала я. — Эрин, пожалуйста, не уходи!

Нет! О боже, прошу тебя, только не это!

Постепенно жизнь исчезала из её глаз, а я рыдала, покачивая её в руках. Не подумав, я прикоснулась пальцами к её бледной щеке, кожа к коже, и никакой роли не играло то, что защитная стена была наверху. Нас накрыла волна энергии, и боль, какую мне ещё никогда не приходилось испытывать, разорвала меня на части.

Перед смертью энергия Эрин вторглась в меня как арктический штурм. Каждая замороженная молекула еще больше усиливала боль. От отчаяния и мучений я готова была расцарапать собственную кожу. Казалось, даже кровь сгустилась, а дыхание замерзло; каждый вдох вонзался как острый осколок в легкое, когда я начала хватать ртом воздух. Я даже не чувствовала ужаса, а могла лишь умолять, чтобы поскорей наступила смерть.

Я отпустила Эрин и рухнула на пол рядом с ее обездвиженным телом. Она укоризненно смотрела на меня пустыми глазами, и я снова заплакала. Когда моя рука перестала касаться ее тела, боль резко прекратилась. Во мне бушевала лавина энергии, прогоняя холод, и я застонала от испепеляющей жары. Огненный лед — так бы я охарактеризовала то, что происходило внутри меня. Не это ли испытывали Блэквеллы, когда стали бессмертными, или у меня было по-другому из-за моей смешанной крови?

Рядом со мной сражались Габриель и Марк, я знала, что должна помочь. Чтобы избежать неподвижного взгляда Эрин, я отвернулась от нее и увидела, как целительница ранила Ашера в руку, в то время как он боролся с типом с козьей бородкой. Я еще раз простонала, увидев, как он упал на пол. Однако во всеобщем хаосе женщина также упала, приземлившись на спину Ашера. Может быть Люси дала ей пинка. Остались только она и козья бородка.

— Люси! — прошептала я.

Вставай, Реми!

Боль почти убивала меня, всё же я перекатилась на бок и мне удалось подняться. Я встала на ноги и спотыкаясь, направилась в сторону спальни. Козлиная борода загноил мою сестру в угол, но по Люси было видно, что она не собиралась сдаваться. Я схватила вазу, которая стояла на комод. Казалось она весит по меньшей мере пятьдесят килограммов, когда я подняла её вверх и ударила его по голове. Как срубленное дерево козлиная борода повалился, приземляясь с глухим звуком на пол. Я зашаталась, почти больше не могла стоять на ногах.

Люси поспешила ко мне, и мы обе повернулись к Ашеру, который всё ещё лежал на полу, целительница на нём. Моя сестра встала перед ней на колени и столкнула женщину с Ашера. Я сделала шаг назад и опустилась на кровать. Люси вскрикнула. Когда целительница упала на Ашера, она грохнулась на свой нож, который теперь застрял по самую рукоятку в её груди.

На одно мгновение я опустила ментальную стену вниз; я поняла, что случилось. Энергия Ашера гудела в воздухе так же мощно и динамично, как в тот день, когда мы встретились в первый раз. Его самое большое желание исполнилось: он снова стал бессмертным!

Похищение энергии у этой женщины казалось возымело на него другой эффект, не такой, как на меня похищение энергии Эрин. Ашер открыл глаза, и я почувствовала, как его способности растягиваются вместе с мышцами, когда он сел, не обращая внимания на свои ранения. Да и зачем? Он ведь их больше не чувствует. Однако я заметила тот момент, когда он почувствовал мою энергию, потому что при первом намёке на боль вздрогнул. Медленно я подняла ментальную стену вверх, чтобы не впускать его, так, как сделала это в наш первый день на пляже. Мы смотрели друг на друга, и было такое чувство, будто всё, что случилось между нами, исчезло вместе с его ощущениями.

В дверях появились Лотти и Габриель, и мы пятеро осмотрели друг друга. Кровоподтеки и порезы, сломанная рука (Ашер), ножевое ранение (тоже Ашер) и несколько сломанных ребер (Габриель).

— Марк? — спросила я.

— Сбежал, — сухо заметил Габриель.

Я сглотнула.

— А Алкаис?

— Ушел. Сбежал вниз по лестнице, пока я боролся с Марком.

Лотти протиснулась мимо Габриеля, чтобы помочь Ашеру. Она разорвала простыню на полоски и, чтобы остановить кровь, обмотала её вокруг его плеча. Ещё одну полоску ткани она обернула в качестве импровизированной поддерживающей повязки вокруг шеи, подвесив его сломанную руку.

— Нам нужно убираться отсюда, прежде чем у них появится возможность заново сгруппироваться, — сказала она.

— Где Эрин? — спросила Люси.

Из-за огромного кома в горле, я не могла говорить, поэтому только посмотрела на неё и покачала головой.

Моя сестра побледнела.

Прежде чем я смогла хоть что-то объяснить, мы услышали хлопающие снизу двери. Враг или друг? Я закричала зубами и встала. Молча мы выстроились, Габриель и Лотти вышли вперёд, и стали ждать, какой ад обрушится на нас теперь. Я прижала руку к спине Габриеля,

он протянул руку назад и прикоснулся к моей талии. Этой короткой связи хватило, чтобы успокоить моё стучащее сердце и привести мысли в порядок.

Всё по очереди, сначала одна битва, потом другая.

Кто-то нёсся вверх по лестнице, а потом в коридоре появились три женщины. Их энергия была другой, чем у Габриеля, Ашера и Лотти. Она казалась странным образом знакомой.

Потрясённо я смотрела на троицу. Мрачно смотрящую на нас блондинку в мини юбке и армейских ботинках. Ксантиппу с пышными формами, рыжими волосами и с кольцом в носу. Высокую, элегантную брюнетку, с тёмно-коричневой кожей и коричнево-чёрными глазами. Они были все разные и всё-таки, в тоже время похожи. Они смотрели на меня с таким же большим любопытством, как будто догадывались, что только я такая же, как они.

Фениксы, предположила я. Симус должно быть соврал, когда сказал, что я первая в своём роде спустя столетия.

Что-то в них насторожило Лотти, но она истолковала это как угрозу. Она присела, готовая напасть, я быстро положила ей руку на плечо.

— Нет, Лотти. Они такие, как я!

— Мы здесь вместе с Симусом, — объяснила брюнетка с французским акцентом. — Нужно уходить. Морриссей могут быть уже в пути, а нас слишком мало, чтобы справиться с ними.

— Чуть раньше в спальню на первом этаже проникли двое мужчин, — сказала я.

— Они исчезли, — ответила женщина. — Мы больше никого не обнаружили.

Она вышла из комнаты и вместе с двумя другими женщинами направилась к лестнице. Я толкнула Лотти вперёд и сказала:

— Помоги мне с Эрин. — Казалось, что Лотти досталось меньше всего, а я не хотела оставлять мою подругу здесь, где защитники найдут её, даже если она этого больше не почувствует. Мы вышли из комнаты, остальные последовали за нами. С каждым шагом мои силы возвращались.

— Где Эр...

Люси резко замолчала, когда вышла в коридор, а там лежала бездыханная Эрин.

— Нет! — прошептала она.

— Как?

— Алкаис застрелил ее, — без всяких эмоций сказала я.

И пока она умирала, я украла у нее энергию.

Она на задавала никаких вопросов, а лишь приблизилась к покойной, наклонилась к ней и поджала губы от горя, превратив их в узкую полоску. Сев на корточки рядом с Эрин, она не притрагивалась к ней, только смотрела взглядом, в котором читалась боль.

Я наклонилась и дотронулась до ее щеки.

— Люси, нам пора!

Она не реагировала, смотрела ничего не выражающими глазами сквозь меня, когда я пыталась поднять ее. Лотти подняла Эрин и унесла ее как спящего ребенка. Глядя на это, я почувствовала, как подавляемый мной плач, готов вырваться наружу, однако мне удалось сдержаться. Я больше не буду плакать, по крайней мере до тех пор, пока мы не будем в безопасности.

В холле мы встретили Симуса с надвинутой на лицо шапкой. Его взгляд скользнул от наших ран к Эрин. Я покачала головой, поняв, что, он хочет выразить соболезнования. В

ответ он понимающе кивнул.

— Шон ждет вас на улице, в Лэнд Ровере. Кто-то может поехать с ним, остальные со мной. Пойдемте.

Он вышел первым, рассчитывая на то, что мы последуем за ним. На улице все шло своим чередом. Никто не заметил того, что произошло в нашем доме. Соседи ничего не слышали об Эрин и не будут скорбеть о ее смерти. При мысли об этом у меня все сжалось внутри, ком подступил к горлу. Я посмотрела на черное небо и почувствовала себя такой же пустой, каким казалось оно. Наши с Gabrielem пальцы сплелись, это придало мне сил, и я так крепко вцепилась в него, что ощутила боль.

Он подвел меня к Лэнд Роверу. Мы сели, посадив Люси в середину. Как только двери закрылись, Шон нажал на газ, и наш дом остался позади, а потом и вовсе исчез.

Меня беспокоило ничего не выражающее лицо сестры, и я наклонилась к ней.

— Люси?

Ее глаза зафиксировали мое лицо, после чего ее прорвало. Я обняла ее, она упала мне на колени, беспомощно цепляясь за мою футболку. Так как она дрожала всем телом, я снова и снова гладила ее по спине. Мне хотелось плакать вместе с ней, но я боялась того, во что это могло перерасти.

Соберись, Реми!

Габриель положил руку на мою. Взглянув на него, я увидела, что и у него были мокрые глаза. Всю дорогу мы не проронили ни слова. Было достаточно того, что мы держались друг за друга и втроем оплакивали другого члена семьи.

Они привезли нас в дом Симуса. Я даже не осознавала какой он большой, до тех пор мы не подъехали к воротам имения. Раньше по этому выложенному булыжниками въезду стучали копыта и проезжали кареты. Я подумала об Омалей, которые когда-то ездили здесь.

За время короткой поездки Люси удалось заснуть. Я нежно разбудила ее, когда Шон остановился. Я убрала ей прядь волос с лица, и она открыла опухшие от плача глаза.

Шон открыл дверь с моей стороны, и мы вышли. Люси осмотрелась вокруг, выглядя при этом скорее потерянной, чем любознательной. Позади нас остановилась другая машина, из которой вышли и присоединились к нам Симус, Лотти и Ашер. Увидев, как Лотти ковыляя направилась к дому, я нахмурилась. Она хоть и пострадала меньше всех, но все-таки ей тоже хорошо досталось в бою.

Ее кожа была обезображена порезами, царапинами и кровоподтеками, а под глазом назревал синяк.

Симус встал передо мной, и я спросила:

— Эрин?

— Мы позаботимся о вашей подруге, она будет передана семье.

Я благодарно кивнула.

Симус вытянул руку, приглашая нас войти. Они с Шоном повели нас наверх, в уже знакомую мне гостиную.

— Аптечка? — спросила я, однако Симус покачал головой.

— Она не понадобится.

Как только все уселись кто-куда, я огляделась в комнате, одновременно констатируя повреждения остальных. Нужно было позаботиться о сломанной руке Ашера, также как и о ране на его спине. Нужно было проверить, почему хромает Лотти. Моя сестра физически не пострадала, по крайней мере на первый взгляд, но ее глаза говорили об обратном.

Габриель вел себя как-то подозрительно тихо, я посмотрела на него, наморщив лоб. Поначалу я думала, что у него были сломаны ребра, но что если все намного хуже. У него кожа сероватого оттенка и каменное выражение лица, которое появлялось всегда, когда он хотел скрыть, что испытывает боль. Как и я он будет ждать, пока окажут помощь всем остальным, прежде чем самому попросить о помощи.

Я упала на колени перед его креслом.

— Габриель? Что случилось?

Он пытался улыбнуться, но не мог.

— Эта свинья Марк успел перед побегом вонзить мне нож в спину.

Я задрала футболку Габриеля в поисках раны.

— Черт, почему ты ничего не сказал? Симус, помоги мне!

Габриель наклонился и Симус помог снять ему футболку. Ашер тоже подошёл и наблюдал за всем с искажённым выражением лица. Я выпрямилась, хватая ртом воздух, когда увидела спину Габриеля. Марк целился в его позвоночник, но Габриель смог парировать удар, так что тот промахнулся на три сантиметра, нанеся удар ножом рядом. Кровь сочилась из колотой раны. И он её чувствовал. Ашер больше не чувствовал свои ранения, зато Габриель. Из-за меня.

— Реми? — спросил слабо Габриель.

Из-за того, что он сидел согнувшись вперёд, он не видел моего лица, а я его. Я сглотнула, радуясь, что мне не нужно скрывать свой ужас.

— Да?

— Попробуй только винить себя за что-то из этого дерьма! Тогда я сильно разозлюсь! Хотя это чертовски больно, но я справлюсь. Ясно?

Вызывающий тон в его голосе закалил моё убывающее мужество, и я, чтобы согреть, положила ему на шею руку.

— Ясно, — ответила я. — Держись!

Он кивнул, и я знаком дала Ашеру понять, чтобы он отошёл. Последние, что мне сейчас нужно, так это чтобы его энергия и моя мешали друг другу. В конце концов кто знает, какое наши дары окажут друг на друга воздействие теперь, когда он вернул своё старое я? Ашер сжал губы в тонкую линию, но отступил.

— Я считаю это так ужасно, что тебе из-за меня придётся вынести такую боль, — прошептал Габриель. — Поэтому я ничего тебе не сказал.

— Тсс. Это как с пластырем. Больно будет только секунду, потому что потом, ты сможешь мне с исцелением. Готов?

В качестве ответа Габриель взял меня за пальцы, и я опустила защитную стену, выпуская энергию. Я ужасно испугалась, когда она просто выстрелила из меня, и Габриеля настиг дождь из зелёных искр. Он вздрогнул, как будто я пропустила через него электрический ток, и рана на его спине исчезла, как будто её там никогда не было.

Ещё никогда мои способности не срабатывали так быстро, но также, они ещё никогда не выходили из-под контроля настолько сильно. Испугавшись, я вырвала у Габриеля руку. Внезапно, меня охватила неукротимая боль, когда на моей спине образовалась похожая рана,

а по всему телу распределились кровоподтёки и порезы. Я почувствовала облегчение, потому что это было нормально. Теперь Габриель поможет мне исцелить себя. Я представила себе уродливую рану на спине и вздрогнула, когда через меня потекло ещё больше энергии, со жгучей болью направляясь в рану. Я вскрикнула, когда всё зажило одним махом, включая травмы, которые я заработала во время схватки с Марком.

Что со мной происходит?

— Что это было? — спросил Габриель. Он изменил свою позицию, двигая мышцами спины, а потом сел, с совершенно растерянным выражением лица. — Как тебе это удалось? — спросил он удивлённо.

Я излечила Габриеля, не представляя мысленно его ранения или процесс исцеления.

Такого ещё никогда не случалось. Я опустила на пятки, и если бы Габриель быстро не схватил меня за руки, я бы упала. Ашер обошёл вокруг нас, чтобы бросить взгляд на мою спину. Я, как могла, перетянула футболку вперёд, разглядывая материал, который едва испачкался кровью, потому что рана так быстро зажила. У меня отвисла челюсть, и я не могла сказать ни слова.

— Какого чёрта...? — изумлённо спросил Ашер.

Совершенно растерянная, я пожала плечами.

— С тобой всё хорошо? — спросил Габриель и провёл пальцем по моей щеке.

Неспособная функционировать даже ещё хотя бы одну секунду, я покачала головой.

Габриель посадил меня на свои колени. Я вот-вот расплачусь, поэтому прижалась лицом к его шее, чтобы никто не заметил. Я чувствовала взгляды и, в виде исключения, мне было всё равно, что они думают, видя меня вместе с Габриелем. Изменения должно быть произошли из-за Эрин и сопутствующих её смерти феноменах. Габриель обхватил руками мою спину и одну ногу и заботливо прижал ближе к себе. Мне нужно исцелить других, думала я. Эта мысль напугала меня до чёртиков, потому что я не имела представления, насколько ещё изменились мои способности.

— Не переживай, — сказал Габриель. — О них уже заботятся.

Я опустила защитную стену настолько, что смогла почувствовать присутствие трёх женщин, которые пришли к нам на Чапел-стрит.

«Эти женщины фениксы, не так ли?»

Габриель кивнул.

В любое другое время у меня было бы тысячу вопросов, но события этого вечера настигли меня. Лишь адреналин, отрицание любой опасности и неукротимое желание, видеть мою семью в безопасности, помогли пройти мне через эту ночь. Теперь, в безопасности в руках Габриеля, я больше не могла прятаться от того, что случилось.

«Унеси меня отсюда, Габриель. Пожалуйста!»

Он встал, поднял меня на руки и положил мои руки вокруг своей шеи, блокируя остальных. Он задал Симусу один вопрос, и я услышала звучный ответ, а потом Габриель вынес меня из комнаты. Мне было всё равно, куда мы пойдём, главное я больше никого не увижу. Воздух изменился, и я наконец подняла голову. Мы стояли на каменном балконе, с видом на небольшой сад. Не покидая безопасность дома, Габриель вынес меня на улицу. Его жест так сильно тронул меня, что я подумала, что сейчас расплачусь. Но мои глаза, из-за чрезмерного использования, высохли.

Потеря Эрин опустошила часть моего сердца, и, казалось, будто боль, перед лицом всех покойников вокруг, никогда больше не пройдёт. Неизлечимая печаль отныне всегда будет

сопровождать меня.

На балконе не было стульев, но Габриель сел на холодный камень, прижал меня крепко к себе и обхватил мои ноги, чтобы они не касались пола. Только тогда я заметила, что на мне нет обуви, одеты только майка и тренировочные брюки. Я начала так сильно дрожать всем телом, что это причиняло боль. Реакция началась, и я была бессильна остановить её.

— Я держу тебя, Ремингтон.

И это правда. В то время как я плакала, Габриель держал меня и бормотал чепуху. Позже, когда стало слишком холодно, он занес меня в дом и отнёс в постель. В то время как он пел мне песню, с помощью которой уже успокаивал меня давно одной ночью, я заснула. Казалось, будто он всегда находился рядом, и я поклялась себе никогда больше не отпускать его.

27

Когда я проснулась в объятиях Габриеля, рассвет как раз погрузил комнату в золотистые тона. Я немного пошевелилась, и его хватка стала крепче.

— Остайся, — сказал он хриплым, утренним голосом, который я уже любила.

Я снова расслабилась и попыталась думать только о нём, избегая всё остальное. Его глаза были ещё закрыты, и я прикоснулась пальцем к векам и длинным ресницам. Его губы изогнулись в почти незаметную улыбку, и я провела по его губам, почувствовала под кончиками пальцев царапающую щетину. Это было что-то, за что я могла быть благодарной

в утро, когда моя душа скорбела. Я люблю этого мужчину, а он любит меня. У нас есть будущее, за которое стоит бороться.

Габриель поцеловал мои пальцы, и открыл свои зелёные глаза, которые так ярко светились, что я опять в них потерялась. Как один единственный человек может вызывать столько чувств?

— Я люблю тебя, — сказала я, казалось слов было недостаточно для того, что я хотела ими выразить.

На его щеке дёрнулся мускул.

— Почему мне тогда кажется, будто ты сейчас скажешь «но я должна оставить тебя для твоего же блага»?

Я опёрлась на локоть и покачала головой.

— Нет. От меня ты больше не избавишься.

Он нежно погладил меня по волосам, и мои локоны коснулись его голой груди.

— Какое облегчение, — сказал он. — Я так долго за тобой гонялся, что был готов притормозить и немного расслабиться.

— Слабак! — издевалась я. — А я думала у тебя есть выдержка!

Его глаза загорелись весельем. Как же я его за это любила!

— Это вызов? Потому что прозвучало именно так! — Габриель перевернул меня на спину, сел верхом и поднял мои руки над головой. — Ну подожди, при виде моей выдержки ты ещё узнаешь, что такое страх! — пригрозил он.

Он склонился вперёд, и у меня перехватило дыхание, потому что я думала, что он сейчас поцелует меня. Его дыхание коснулось моей ключицы, и я вздрогнула, когда его губы прикоснулись к моей коже. Тем сильнее я испугалась, когда он внезапно презрительно фыркнул, отпустил мои руки и начал щекотать.

— Я сдаюсь! — кричала я и задыхаясь смеялась.

Наконец он отпустил меня, на лице снова появилось довольное выражение.

— Это научит тебя, как насмеяться над моей выдержкой. Теперь ты выучила урок?

Я торжественно кивнула и поманила его указательным пальцем придвинуться ближе.

На его лице промелькнуло подозрительное выражение.

— Ты что-то задумала!

— Ах ерунда, я хочу лишь поцеловать победителя!

Его глаза запылали страстью, и он обхватил моё лицо. Он наклонился вперёд и пробормотал:

— Я знаю, это ловушка, но просто не могу по-другому. Я тобой одержим.

Запланированная мной выходка померкла.

— Ты говоришь самые сладкие вещи. — Я обняла его и притянула вниз, чтобы поцеловать.

Когда он снова поднял голову, он задыхался.

— Мне нравится бегать с тобой по лесу. Мне нравится, как ты наслаждаешься хорошими вещами, происходящими в твоей жизни, потому что знаешь, что они важны. Мне нравится, как ты любишь других на двести процентов своего сердца. И мне нравится, как работает твой мозг и что я могу это слышать. Но прежде всего я люблю твой смех, потому что тогда сияет всё твоё тело, кажется, будто к твоей душе приставили зеркало, так что остальная часть мира может её видеть. Я мог бы провести жизнь, слушая этот смех.

Я молча на него смотрела. Моё сердце принадлежало ему, и я слышала щелчок замка,

когда выбросила ключ. Никто не знал меня настолько хорошо, как он и никто так сильно не любил. Габриель никогда не просил меня измениться, и никогда не попросит.

— Эй, что это? — спросил он и провёл большим пальцем по моей щеке.

— Иногда ты меня поражаешь, — сказала я, сморкаясь. — Я имею в виду в самом лучшем смысле этого слова.

Я снова притянула его к себе, он лёг на меня всем своим тяжёлым весом, но это не имело значения. Он положил голову мне на грудь, а я гладила его пальцами по волосам. За пределами нашей комнаты другие проснулись и начали двигаться, но здесь были только мы и это мгновение, когда я чувствовала себя защищённое и любимой.

— Твое биение сердца изменяется, — констатировал Габриель, чьё ухо было прижато к моему сердцу, он прислушивался. — С каждым днём оно всё больше звучит, как одно из наших.

В его объятиях я наконец смогла сознаться в том, что произошло.

— Эрин умерла у меня на руках, Габриель.

Я колебалась, но затем все-таки призналась до конца.

— Я украла у нее энергию, как это делают защитники с целительницами, за которыми охотятся. Я не хотела этого, но это случилось.

— Я знаю, — прошептал Габриель. — Я чувствую, как изменился твой дар.

Он больше ничего не добавил. Я знала, что для него это не играло роли, разве что он волновался вместе со мной по поводу того, что это могло означать.

— Ты можешь чувствовать меня? — спросил он со страхом в голосе.

Я нежно провела рукой по его лопаткам, изучая каждый мускул.

— Я чувствую тебя, твой запах, твой вкус. Так что все в порядке.

Я раскрыла свои мысли, чтобы он мог слышать, как я хотела его и наслаждалась им.

— Сомневаешься в этом?

Он расслабил руки, которыми все еще держал меня. В любое другое время я была бы уже зацелована.

— Нет. Я бы сказал в этом отношении мы в безопасности.

Видимо чтобы вернуть самообладание, он резко втянул носом воздух.

— Я не лишилась ощущений, но что если я сама стану бессмертной?

Эта мысль напугала меня.

— Что если я излечила Ашера от бессмертия, чтобы самой стать бессмертной?

— Не знаю, любимая. Ты не подходишь не под какое определение.

Мы какое-то время молчали, пока я не сказала:

— Сегодня ночью меня не отпускала мысль убить Ксавьера и Алкаиса.

— Ты защищалась.

— Нет. Мне хотелось мести. Мести за то, что они со мной сделали. Со всеми нами сделали.

Меня напугала ненависть, переполнявшая меня. Я не хочу быть как Франк, но становлюсь именно такой. Защитники убили мою бабушку, и боль от потери изменила его. Я тоже меняюсь, Габриель, и иногда мне это совсем не нравится.

Габриель скатился с меня.

— Ремингтон, ты никогда не сможешь стать, как он. Ты просто злишься, что с тобой сыграли злую шутку. Я бы больше волновался, если бы ты не была такой рассерженной. Думаешь, я не был вне себя, когда целительницы убили Сэма и моих родителей?

Я подняла голову, чтобы увидеть его лицо. Он с грустью и беспокойством опустил взгляд.

— Как тебе удалось совладать с горем и ненавистью? — спросила я, дотронувшись пальцем до его лба, чтобы разгладить морщины.

— С помощью Ашера и Лотти. Мне нужно было заботиться о них. Если бы я поддался ярости и может быть лишился жизни, кто бы тогда заботился о них?

Мои мысли переключились на Люси. Накануне вечером я оставила сестру у остальных.

— С ней все в порядке. Напротив, она волнуется за тебя.

Я подняла бров, и он сознался:

— После того как ты заснула, я решил посмотреть все ли у них в порядке. Не все лежит на твоих плечах. Когда ты наконец это поймешь? Мы пятеро, одна семья. Тебе можно для разнообразия побыть слабой, особенно после того, что произошло прошлой ночью.

Прошлой ночью мы лишились очередного члена семьи. Я прокручивала в голове все возможные сценарии того, что я должна была сделать по-другому, чтобы спасти Эрин.

Но как бы я ни крутила и не перетолковывала, ничего не выходило. Эрин решила помочь нам и своей общине, и погибла при попытке спасти мне жизнь. Может ее подтолкнули на это угрызания совести, потому что это она привела людей деда к нашему дому? Нет, я не верила в это. Некоторые жертвовали собой ради любимых людей, а она была моей подругой. На ее месте я приняла бы такое же решение.

Я вздохнула.

— Мне грустно, Габриель. Не думаю, что я переживу, если потеряю еще кого-то. Я не хочу для нас такой жизни. Не хочу остаток жизни постоянно ходить и оглядываться.

— Значит нанесем ответный удар! — ответил он. — Мы покончим со всем этим, раз и навсегда.

Он прав. Должна быть возможность положить конец этой истории и освободить отца. Но одним нам не справиться. К счастью Симус и его люди на нашей стороне. Мысль о том, на что мы способны вместе, окрылила меня, и я отодвинула печаль в сторону. О ней я могу позаботиться позже.

Я соскочила с кровати, шлепнув Габриеля по заднему месту, отчего он вздрогнул.

— Давай, шевелись, Габриела. Нужно строить планы!

— Какие планы? — спросил он и сел, выпрямившись.

Я остановилась в двери ванной.

— Мне надоело, что дедушка то и дело выигрывает. Он еще пожалеет, что когда-то связался со мной!

Прошлой ночью я была слишком потрясена, чтобы обращать большое внимание на трёх помощниц Симуса, но сейчас настало время получить ответы на парочку вопросов. Сначала я подумала обратиться к Симусу, но я не до конца ему доверяла. Он что-то от меня хотел, а люди врали и манипулировали, чтобы получить желаемое. Его правда всегда будет окрашена его желаниями. Следовательно, я решила отправиться прямо к источнику.

Как только я вышла из комнаты, я остановилась, опустила защитную стену вниз и прислушалась всеми чувствами. Габриель принимал душ в ванной, которая принадлежала к

нашей комнате.

Симус и Шон разговаривали где-то внизу. Во всем доме размещались несколько его людей, а их напряжённые голоса говорили, что они настороже.

Лотти находилась в комнате моей сестры и ворчала, какая же Люси засоня, хотя на самом деле хотела только проведать её. Моя сестра заворчала в ответ, но звучало так, будто она благодарна за компанию, в её голосе не слышалось особого раздражения. После того, как я прислушивалась ещё несколько секунд, я наконец различила трёх женщин с разными акцентами, они разговаривали друг с другом. Должно быть это они.

Не постучавшись, я вошла в комнату. Я думала, что они слышали, как я иду, но все удивлённо подняли головы, когда, издавая много шума, я переступила через порог.

— Привет, — сказала я. Коротко помахала и когда они лишь молча уставились на меня в ответ, показалась себе ужасно глупой.

— Вчера вечером мы даже не познакомились должным образом, — снова попыталась я. — Меня зовут Реми Омалей.

Женщина с ярко-рыжими волосами встала с дивана. Она начесав, завязала свои волосы в манере ретро в хвост, точно использовав для создания этой причёски полную банку лака для волос.

— Я Урзула Хитциг, — сказала она.

— Ты немка? — спросила я удивлённо. По какой-то причине я предположила, что все целительницы, находящиеся здесь, родом из Англии. Разве Симус не говорил, что хочет, чтобы я присоединилась к ним. Сильный акцент Урзулы напомнил мне студентку по обмену, с которой я училась в школе в Нью-Йорке. Урзула так же была моложе, чем я думала. Я предположила, что ей около двадцати пяти.

Урзула улыбнулась.

— Да. — Она указала на блондинку, которая сменила мини юбку и армейские ботинки, одетые на ней вчера ночью, на тесные джинсы и очень широкий свитер. — Это Брита.

Потом повернулась к брюнетке, на которой было одето элегантное, зелёное платье.

— А это Эдит.

— О, как Эдит Пиаф?

— Именно, — ответила Эдит. — Моя мать была её фанаткой.

Все три женщины подошли ко мне, но ни одна из них не пожала мне руку, которую я им протянула. Я чувствовала, что их защитная стена наверху, и опустила руку. Если у них, как и у меня, есть ментальная стена, тогда у нас много общего. После очередного раунда смущённого разглядывания друг друга, которое угрожало перерасти в олимпийскую дисциплину, Урсула предложила всем нам присесть. Она и Брита, чуть ли ни бросились к дивану, так что для Эдит и меня остались кресла. Учитывая то, как эти трое избегали со мной любого прямого контакта, я постепенно начинала задаваться вопросом, думают ли они, что у меня чума.

— Спасибо за одежду, — сказала я, криво улыбнувшись.

Когда Габриель и я вернулись назад в нашу комнату, на кровати уже лежали для нас вещи. Джинсы, которые они дали мне, были немного коротковаты, поэтому я предположила, что они принадлежат Урзуле. Я подвернула их, чтобы скрыть этот факт. Футболка должно быть была собственностью Бриты, она казалось мне самой подходящей кандидаткой для голубой футболки с дождевым облаком, которое объявляло: «я писаю». Габриель чуть не умер от смеха, когда я вышла в ней из ванной комнаты.

Урзула кивнула, а Брита поджала губы, таким образом подтверждая мои подозрения. Я скрестила ноги и обхватила колени руками.

— Да, значит вы все фениксы?

Спокойно Реми. Действуй осторожнее.

— Не совсем, — сказала Урзула, но не стала объяснять более подробно.

Если разговор продолжиться в этом темпе, я никогда ничего не узнаю!

Разочарованно я заёрзала на кресле, размышляя, как мне перейти к делу.

— Мы сожалеем о том, что случилось с твоей подругой. — Эдит одарила меня таким сочувственным взглядом, что больше всего мне захотелось опять заплакать. — Она была целительницей, не так ли?

— Нет, я имею в виду да. Эрин спасла мне жизнь. И жизнь Ашера. Она была хорошей подругой. Знаете... — Я сглотнула. Мне хотелось спросить у них, был ли у них такой же опыт как у меня с Эрин, однако я не могла подобрать правильные слова.

Брита закинула ноги на диван, показывая поношенные армейские сапоги, которые она носила с порванными джинсами. Она чувствовала напряжение между нами, поэтому излишне громко вздохнула.

— Какая глупая перепалка! Может наконец перейдем к делу? — пробормотала она. У нее был американский акцент, но я не могла понять, какой именно.

— Брита! — предостерегающе сказала Урзула.

Лицо Бриты помрачнело, и она махнула головой, отбросив назад светлые волосы.

— В чем дело? Как будто у вас нет к ней тысячи вопросов! Очевидно, что и она горит желанием забросать нас вопросами. Верно? — обратилась она ко мне.

Я кивнула.

— Тогда выкладывай, — сказала Брита. — Задавай вопросы!

И тут меня прорвало.

— Как функционируют ваши дары? Вы перенимаете раны, которые лечите? Как влияют ваши способности на защитников? Чувствуете ли вы что-нибудь в присутствии других целительниц? Вы бессмерт...

— Ой, ой, ой, — сказала Брита, подняв руку с накрашенными черным лаком ногтями. — Как насчет того, чтобы мы отвечали на вопросы по порядку?

Урзула спихнула ноги Бриты со стола, игнорируя ее неодобрительный взгляд.

— Мы можем излечить других посредством прикосновений, и перенимаем при этом их ранения. Ты тоже?

Радуюсь тому, что мы еще в одном пункте похожи, я кивнула. Я всегда считала себя фриком, а тут были три женщины, такие же как я.

Эдит перекинула ногу на ногу. Ее ноги были длинными и элегантными.

— В лучшем случае это неприятно, в худшем болезненно. Брита отказывается лечить переломы костей.

Лицо Бриты помрачнело.

— Я с ума схожу, когда у меня ломаются кости, к тому же процесс исцеления длится слишком долго. Не говоря уже о зверской боли. Нет уж, рак для меня в тысячу раз лучше.

Я вздохнула. Они могут лечить рак! Целительницы в общине Франка удивились, когда узнали, что я могу лечить тяжелые болезни и недуги. И эти три женщины также способны на это. Я действительно больше не одинока в том, что касалось моих способностей?

— Вы представляете себе раны, которые нужно исцелить? — спросила я. — Я,

например, должна... представить их. Имею в виду... я должна мысленно видеть их.

Урзула покачала головой.

— Нет. Те, кто был до нас, научили нас направлять наши энергии. Представь их себе в виде электрического потока.

Брита слегка наклонилась вперед.

— Точно. Защитники притягивают поток, тем самым похищая у целительниц энергию. Целительницы напротив отталкивают энергию, как правило в другое тело, туда где можно будет ее использовать для лечения. Давать и брать. Отлив и прилив. Энергия никогда не теряется. Она просто находит разное применение.

Мама тоже рассказывала мне про сущность целительниц и защитников нечто подобное.

— И кто мы? — спросила я.

Эдит улыбаясь подняла руки.

— Мы ни то и ни другое — и одновременно то и другое. Мы притягиваем и отталкиваем энергию. Это так хаотично и прекрасно.

Хаос — это слово идеально описывало прошлую ночь. Я не могла совладать со своими способностями. Потеря контроля чертовски пугала меня. Я провела рукой по волосам, пытаясь собраться с мыслями.

— Но, Эдит, а что с окружающими нас людьми? Мы не представляем для них опасность?

— Ага! Ты волнуешься за своего мужчину и о боли, которую ты ему причиняешь, — угадала она. — Не думай об этом. Мы используем нашу защиту, а они свою, так что с ними ничего не случится.

— Но разве они не становятся смертными, находясь рядом с нами? — спросила я.

Брита скрестила руки.

— Только если мы недостаточно тщательно и внимательно обращаемся с нашей защитой. Или если одна из нас, будучи легкомысленной, вступит с кем-то из них в союз.

Она заметила выражение моего лица и внезапно заулыбалась.

— Только не говори, что ты вступила в союз с тем привлекательным типом, которого привезла с собой?

Я вздрогнула.

— Честно говоря, с обоими привлекательными парнями. Однако союз с Ашером разрушился.

У Бриты челюсть отпала.

— Надо же! Такие горячие парни! Не знаю завидовать мне тебе или сочувствовать.

С мечтательным выражением лица она щелкнула языком.

Я мрачно посмотрела на нее, размышляя думала ли она в данный момент о Габриеле. Потом я объяснила:

— Честно говоря, это было не так уж здорово. В какой-то момент они оба могли читать мои мысли.

Я решила сменить тему, чтобы не углубляться во все это. И все-таки мне было любопытно.

— А что, ни одна из вас ни разу не заключала с кем-нибудь союз? А если заключали, то могли ли они читать ваши мысли? — спросила я.

Урзула показала на Эдит.

— Она единственная. Брита и я еще ни с кем не познакомились, кто был бы для нас до такой степени важен. Большинство мужчин здесь как семья, братья, дяди. Мысль поцеловать их...

Ее передернуло.

Ну вот, пожалуйста. Если мне нужно еще одно доказательство, что в моих союзах с Ашером и Габриелем важную роль играли мои чувства, то я его получила. Не то, чтобы я сомневалась в этом, но предпочла бы иметь другую причину для той боли, которую я причинила.

Карие глаза Эдит сияли.

— Мой муж Шон где-то здесь, в доме. Думаю, вы уже встречались. Он очень лестно о тебе отзывался.

Это открытие чуть не заставило меня подскочить с места.

— Шон? Этот громила?

Я размахивала рукой над головой.

— Шон — защитник?

— Да. Мой медвежонок.

Брита издала звук, похожий на тошноту, и я чуть не сделала тоже самое. Если бы Габриель попытался применить по отношению ко мне такое ласкательное прозвище, я бы прострелила ему колено. Тогда уж лучше «Ремингтон» или «Ягнёночек».

— Ну и как, он постепенно становится смертным, Эдит?

Она мгновение колебалась, потом с некоторым сожалением кивнула.

— Ему всё равно. Мы держим наши защитные стены наверху, чтобы всё случилось не так быстро, но в конце концов это больше не будет играть роли. Мы знаем, что это случится, и он доволен.

— А что с тобой? Твои способности изменяются? — На самом деле я хотела узнать, становилась ли она сама бессмертной. С тех пор, как я начала изменяться из-за моей близости к защитникам, этот вопрос висел надо мной как дамоклов меч. Что станет с отношениями в которых один никогда не стареет?

Эдит чуть не прикоснулась к моей руке, но в последний момент отдернула свою, как будто одумалась.

— Мы не бессмертны. Мы стареем также, как и любое другое человеческое существо.

Я закрыла глаза, благодарна хотя бы за это. Габриель станет смертным, но мы постареем вместе.

— Но, Реми, ты теперь отличаешься от нас, — добавила Эдит в этот момент.

Я распахнула глаза и в замешательстве на неё уставилась.

Она с сожалением вздохнула.

— То, как ты сегодня ночью исцелила своего мужчину... такими способностями обладают немногие из нас. Для этого нужно завладеть жизненной силой целительницы. Твоя подруга, да?

Я кивнула, и сердце ушло в пятки, в то время как я пыталась разгадать, что они хотят мне сказать.

— Это случилось нечаянно. Она умерла, когда я пыталась её спасти. — Я вытерла глаза тыльной стороной ладони, они казались такими сухими и песочными, как пустыня. Возможно у меня действительно закончились все слёзы, потому что последнее откровение угрожало сломать меня, и всё же я не могла плакать.

— Если я не целительница и не защитница, тогда кто?

Эдит пожала плечами.

— Ты ни одна из них и в тоже время и то и другое. Моя дорогая, ты феникс.

— Но ты только что ещё говорила, что я не такая, как вы..., - сказала я озадачено.

— Мы ещё не фениксы.

Её краткий ответ разочаровал меня, что должно быть отразилось на моём лице.

Брита фыркнула.

— Прекрати наконец говорить загадками, Эдит, и дай девчонки ответ, чёрт побери.

Разве ты не видишь, что делаешь всё ещё хуже?

Эдит бросила на Бриту сердитый взгляд, прежде чем продолжила.

— Когда мы рождаемся, мы наполовину целительницы, наполовину защитницы, сохраняется баланс. Однако если мы вступаем в союз с защитником, равновесие теряется. Из-за того, что мы у них забираем, растёт наша сила. Но ты... ты взяла кое-что у кого-то другого — у целительницы. Тебе нужно снова найти баланс.

Её слова не имели для меня никакого смысла. Как можно установить в чём-то равновесие, над чем не имеешь контроля?

— Это значит, что я стану бессмертной? — спросила я тихо.

Эдит покачала головой.

— Мне бы хотелось тебе помочь, но я ещё никогда не встречала феникса.

— Ах, Реми, я уже искал тебя.

Симус зашёл в комнату, закончив таким образом мой короткий допрос. Я встала и пошла ему навстречу. Его серьёзный взгляд предупредил, что меня ожидает ещё больше бурь. Люси, Лотти, Габриель и Ашер последовали за ним в комнату, Шон замыкал шествие.

— Насчёт вашего отца мне очень жаль, но вы должны понять, что наши планы освободить его, после случившегося сегодня ночью, невозможно претворить в жизнь. По правде говоря, я считаю будет лучше, если мы немедленно уедем из Лондона.

Его слова не слишком удивили меня. Когда я стояла под душем, у меня было время всё хорошенько обдумать, и я уже предполагала, что он предложит что-то подобное.

Всё-таки я спросила:

— Почему?

Он посмотрел на меня, я почувствовала, насколько он серьёзен.

— Нужно защищать этих женщин. Омалей обязаны заботиться о них. И заботится о тебе, если ты разрешишь. Это важнее, чем жизнь одного мужчины.

Раньше возможно я хотела иметь кого-то, кто спасёт и позаботится обо мне. Это больше не так, для этого, последние месяцы были слишком трудными. Другие люди зависели от меня, и я не оставлю их на произвол судьбы.

Я сверлила Симуса взглядом.

— Если этот мужчина мой отец, тогда для меня всё выглядит совсем по-другому. — Я охватила взглядом остальных людей в комнате. Эдит, Брита и Урзула с любопытством за мной наблюдали. — Существует причина, почему мы одарены этими способностями. Я больше не буду прятаться или уворачиваться от таких мужчин, как мой дед. Пожалуйста помогите мне!

Шон обнял Эдит за талию и изогнул рот в улыбке. Габриель, Ашер, Лотти и Люси стояли полукругом позади меня, оказывая мне тем самым молчаливую поддержку. Это говорило о том, как тесно мы срослись за эти месяцы. Габриель переплёл свои пальцы с

моими, я чувствовала, как его любовь заземляет меня. Почувствовав его улыбку, я крепко сжала его руку.

Затем я снова повернулась к Симусу, его мрачное выражение лица каким-то образом еще больше успокоило меня. Он годами прятал Омалей и этих женщин, потому что у них был потенциал стать фениксами. За это я уважала его, но одно дело использовать окоп, чтобы перегруппироваться и другое дело быть трусом и прятаться в нем.

— Борьба против них ничего не даст, — настаивал он. — Пойми ты это!

— Скажите ей! — потребовал он у Габриеля и остальных.

Мои друзья молчали и Симус выругался.

— Прости, — дружелюбно сказала я. — Я понимаю, что вы прячетесь, чтобы защитить оставшихся Омалей и таких женщин, как мы.

Я указала на Эдит, Бриту и Урзулу.

— Но наступает время, когда нужно занять определенную позицию. Прошлой ночью люди Франка напали на мою семью и убили нашу подругу. Мы больше не можем такого допустить. Надеюсь, что вы примкнете к нам, потому что, видит бог, нам нужна ваша помощь. Если вы не хотите в этом участвовать, тогда... не стойте у нас на пути. Мы освободим нашего с Люси отца, и покажем Франку, Морриссей и всем тем, кто нас преследует, что будем защищаться, если они попытаются нас уничтожить!

Я повернулась к «моей семье». Люси нашла мою руку и схватила ее. Ашер положил руку на плечо Лотти, а она в свою очередь дотронулась до руки Габриеля. Мы стояли закрытым фронтом, готовые спуститься еще глубже в ад, чтобы положить конец страху и мучениям. Для этого мы будем бороться вместе и прикрывать друг друга.

Тишина затянулась, как будто Симус надеялся, что промелькнувшие секунды заставят нас передумать. Но наше решение было непоколебимо. Мы впятером направились к двери.

— Подожди! — крикнул Симус. Я остановилась и посмотрела назад. Симус смотрел на меня с вынужденным уважением.

— Ладно, так и быть, твоя взяла! Не могу говорить за всех своих людей, но на мою поддержку ты можешь рассчитывать, если пожелаешь.

— И на мою.

Широко улыбаясь и почти горделиво, Шон сделал шаг вперед.

Одна за другой, Брита, Эдит и Урзула предложили мне свою помощь. У меня ком подступил к горлу. Эти люди, которых я едва знала, готовы бороться на нашей стороне!

Симус смотрел на меня, сверкая глазами.

— Мы с вами, но я по-прежнему утверждаю, что мы можем забыть о нашем первоначальном плане. А я не думаю, что у вас есть наготове план Б.

Я обменялась с Габриелем коротким взглядом, после чего он ободряюще кивнул.

— Нет, он у нас есть!

— Алло? — после третьего гудка дедушка взял трубку.

Я глубоко вдохнула.

— Привет, Франк!

— Реми? Какой сюрприз! — сказал он.

Его тихий голос не был таким радушным и веселым как в прошлый раз, когда я звонила ему. И настоящих чувств он тоже не выдавал. В один момент у меня началось сердцебиение и выступил пот. Трусливая часть меня надеялась услышать автоответчик. Не повезло! Ну тогда вперед! Я представила Лауру и Эрин, павших жертвой дедушкиных амбиций. Этого хватило, чтобы стимулировать мою исчезающую смелость.

— Это для тебя сюрприз? — Мой голос звучал саркастически от невыносимой грусти. — Я думала, ты этого хотел.

— Что значит «этого»? — Хотел узнать он. — Ты ведь не без задних мыслей звонила в прошлый раз.

— Вот пожалуйста, — подумала я. В его голосе появилась злоба, а внешнее спокойствие и приличие дало трещину.

— Это означает, что я сдаюсь, — сказала я.

Несколько секунд я слышала лишь его дыхание.

— С чего вдруг? — в конце концов спросил он.

— Мне надоело, Франк. Надоело убегать и наблюдать за тем, как погибают люди,

которых я люблю. Сегодня ночью Эрин...

У меня сорвался голос от настоящей боли, сдавливающей горло, которое и так болело под давлением всего того, что мне приходилось сдерживать.

— Я больше не вынесу, видеть кого-то, кто умирает за меня. Я просто больше не могу бороться с тобой.

— Чего ты хочешь? — скептически спросил он, пытаюсь скрыть волнение, которое мне удалось услышать в его голосе.

— Я смирюсь со своей судьбой, но у меня есть два условия: Ты отпускаешь моего отца. И оставляешь мою семью и друзей в покое.

— Этого я не могу обещать, — тут же выпалил он.

Я вытерла мокрые от пота руки об джинсы. Франк думал, что у него на руках все карты, поэтому пытался выгадать все что можно. Мне нужно было дать ему понять, что я в этом отношении не уступлю. Я представила, как Габриель называл меня «пылкая Ремингтон», именно такой я и была, когда сказала:

— Тогда нам больше не о чем говорить. Удачи в следующей попытке найти меня!

Я сделала вид, что собираюсь положить трубку, и стала ждать. Через несколько секунд Франк назвал мое имя.

— Ну что? — спросила я.

— Я посмотрю, что можно сделать. Возможно Моррисей не согласятся с этим.

Его голос звучал вполне искренне, но я все равно не доверяла ему.

— Мне этого недостаточно. Если уж я тебе сдаюсь, то хочу иметь гарантии. Ты приведешь отца, я сестру. Потом я уйду с тобой, а отец с Люси.

— Ты сильнее меня. Неужели ты и правда думаешь, что я приду один?

Я знала, что все упрется в эту проблему, поэтому заранее подготовилась.

— Тогда возьми Ксавьера и Марка, но на этом все. Подумай, Франк. Если ты возьмешь с собой Моррисей, что им помешает забрать меня себе?

Снова последовало молчание, когда он просчитывал свои варианты. Но мой дед знал, что я права. Ходили слухи, что Франк пообещал отдать меня Моррисей в обмен на их помощь, но я уже всё время предполагала, что он собирался обмануть их. Он их ненавидит. Он не чувствовал никаких угрызений совести, когда предавал людей, которых любит, не говоря уже о тех, кого терпеть не может.

В конце концов он сдался.

— Прекрасно. Нам приехать к тебе?

— Нет. Мы встретимся в общественном месте.

— Звучит так, будто ты мне не доверяешь, внученька. — Казалось, это его забавляет, а у меня к горлу поднялась желчь.

Я пыталась держать эмоции под контролем. Сосредоточься на деле, Реми.

— Давай встретимся в читальном зале Британского музея. Сегодня в шесть вечера.

— Ладно, — согласился он. Он подождал одну две секунды, потом добавил опасно звучащим голосом:

— Но, Реми, у меня тоже есть условие.

Я закрыла глаза, ожидая, что он скажет.

— Ты больше не будешь бороться со мной. — Его шёпот был полон обещаний и угроз одновременно. — Ты сделаешь всё, о чём тебя попросят. Если я отдам тебя защитнику, ты дашь ему то, что он требует. Ясно?

Он допустит, чтобы они снова и снова использовали меня. Ужас из-за этого, вибрировал в моём голосе.

— Франк, ты монстр. Моя мать перевернётся в гробу, если узнает, кем ты стал.

— Твоя мать была слабой, — огрызнулся он сердито. — Ты сделаешь то, что тебе скажут, или я убью твоего отца. Мне надоели все эти игры!

— Ладно, — сказала я, в моём голосе слышалось поражение. — Даю тебе слово. Пока мой отец у тебя, я сделаю всё, что ты скажешь.

— Хорошо. Это не будет так уж ужасно, внученька. По крайней мере ты сможешь выиграть нам войну!

Войну, которая существует только в его голове.

— Пока, Франк.

— Нет, не пока. До встречи, Реми.

Он положил трубку, а я пыталась совладать с эмоциями. Его душа превратилась в что-то, что едва можно было назвать человеческим. Что бы сказала моя бабушка, если бы узнала, кем он стал, используя её имя.

— Реми? — спросил Ашер с соседнего сиденья.

Меня тошнило.

— Остановите машину! — крикнула я.

Шон резко направил машину вправо и остановился на краю моста, не обращая внимания на гудки, которые вызвал.

Я выпрыгнула из машины и побежала к небольшому забору, отгораживающему проезжую часть дороги. Свободной рукой я схватилась за камень, почувствовала отшлифованный ветром и погодой край под пальцами, посмотрела на реку, извивающуюся подо мной. Я уставилась на воду и думала, что меня сейчас вырвет, но ничего не случилось. Когда я смогла снова нормально дышать, я размахнулась и забросила мобильный как можно дальше в реку. Потом снова залезла в машину, и Шон влился в движение, как будто ничего не произошло. Однако я ставила сотовый на громкую связь, так что Симус, Шон и Ашер слышали, как сильно мой дед жаждал использовать меня.

— С тобой всё в порядке? — спросил Ашер.

Я кивнула. Во время моего разговора с Франком мы ездили по городу. То, что после разговора я должна была избавиться от мобильного, было частью плана, потому что мы исходили из того, что Франк отследит звонок. Когда мы однако остановились, Ашер понял, что речь идёт о большем: я боролась с собой.

В машине снова наступила тишина.

Мы проехали мимо моста Миллениум, если бы мою боль можно было выбросить также просто, как сотовый. Я познакомилась с моим дедом, знала, какой он безжалостный. И всё же: мне причиняло боль слышать то, как бессердечно он хотел использовать меня в своих планах. Я с трудом сглотнула.

Шон был тем, кто наиболее точно охарактеризовал Франка.

— Вау, должен сказать, что твой дед мудака!

— Ах ты боже мой, Шон! У тебя что, совсем нет чувства такта? — спросил Симус.

Я рассмеялась.

— Да что уж там, он прав. Франк действительно мудака!

Симус, сидевший на пассажирском сиденье, обернулся назад.

— Думаешь, он правда придет без Морриссей?

— Да, — ответила я. — Они не входят в его планы. Но конечно он придет не один, причем Марк и Ксавьер наверняка будут нашей самой маленькой проблемой.

Симус кивнул.

— Мы готовы.

Он снова отвернулся, а Ашер тихо спросил:

— Ты уверена, что этот план сработает?

Габриель сделал удивленное лицо, когда я спросила, может ли Ашер сопровождать меня в этой поездке, однако не задавая никаких вопросов, согласился.

— Ну он все-таки лучше, чем тот, который был у нас с Габриелем, когда мы освобождали тебя, — ответила я, также шепотом. — Тем не менее план оказался удачным, или нет?

Ашер улыбнулся.

— Это значит, вы планируете на машине влететь в Британский Музей?

Шон услышал наш разговор, и наши взгляды встретились в зеркале заднего вида. Я невинно улыбнулась.

Немного погодя мы вернулись в дом Омалей. Шон и Симус вышли, а я задержала Ашера, до того, как он успел последовать за ними.

— Можно тебя на минутку?

В его глазах на мгновение вспыхнула боль, но он быстро спрятал ее.

— Конечно. О чем речь?

Я подтянула ногу на сиденье, чтобы можно было повернуться к нему.

— Мне нужно тебя спросить о том, что тебе совсем не понравится. И вообще это не честно по отношению к тебе. Мне жаль, но нет никого, кому бы я доверяла в этом отношении так, как тебе.

— И о чем? — Он наморщил лоб от беспокойства. — Ты знаешь, что можешь все мне рассказать.

Эта мысль пришла мне в голову, когда сегодня утром я вышла из гостиной, где сидела с тремя женщинами. Может это и не сработает, но мне больше не за что было зацепиться. Я посмотрела в его зеленые глаза, вложила в него всю свою надежду и дала себе толчок.

— Мне нужна твоя помощь. Кажется, я знаю, как могу освободиться от всего этого, но одной мне не справиться.

— Что бы тебе не понадобилось, я помогу, — сказал он, не раздумывая.

У меня камень упал с души, от того, что не пришлось его уговаривать.

— Хорошо. Слушай, я придумала следующее.

Этим вечером, ровно в 17:46, мы с Люси зашли в большой двор британского музея. Моя сестра откинула голову назад и посмотрела вверх, я сделала тоже самое. Я ни разу не была в этом музее, идея назначить здесь встречу принадлежала Лотти. Это было общественное место, но с запасными выходами и местами, где наши люди могли остаться незамеченными. Мы подробно изучили план импозантного музея, но стоять здесь сейчас — это совсем другое. Большой двор располагался под куполообразной крышей. Это была конструкция из стали и стекла, с круглым, кремового цвета зданием в середине. Две большие, изогнутые

лестничные клетки вели наверх, в читальный зал.

— Мы все на местах, Реми, — сказал Габриель. Симус снабдил нас крошечными наушниками, с помощью которых мы могли переговариваться друг с другом. Если уж Габриель не мог быть рядом, то такие наушники оказывали большую помощь. Затем он добавил полушутя:

— Скажи, почему ты вообще согласилась на этот план?

Я повернулась к Люси, делая вид, что разговариваю с ней.

— Потому что ты посчитал его блестящим!

— Правильно, — сказал он. — Должно быть так и было.

Люси покачала головой, услышав наши нервные подтрунивания, после чего мы устремились к правой лестнице.

— Как бы я хотела, чтобы тебя здесь не было, Люси.

Мы обдумывали, какую еще возможность можно использовать, чтобы убедить Франка в моей наивности, но ничего лучше не придумали. Франк будет думать, что сможет использовать ее против меня.

— Я знаю, — ответила она. У нее немного дрожал голос, и мне захотелось обнять ее.

Когда мы поднялись по лестнице, нас окружало множеством людей, среди которых сложно было распознать чье-то лицо. Мое сердце готово было выпрыгнуть из груди. Я схватила Люси за руку и вспомнила, что мы не одни. На случай, если Франк по пути захватит нас врасплох, на расстоянии от нас шли Шон и еще один человек. Я не оглядывалась, но была рада, зная, что они идут сзади.

В самом читальном зале я автоматически перевела взгляд на голубой, кремовый и золотой купол. Величие этого зала резко отличалось от причины нашего здесь пребывания.

Стены украшало бесчисленное количество книжных полок, мы увидели столы и стулья для тех, кто хотел спокойно почитать. И множество туристов, фотографирующих это великолепие.

А потом я заметила его. Франка! Он сидел с одной стороны длинного стола, в непосредственной близости я обнаружила также Ксавьера и Марка. Два стервятника, которые только и ждали, как бы порвать на клочки труп. Они выбрали место, которое было достаточно далеко от остальных, чтобы никто не мог подслушать.

Отца я нигде не увидела, но мы и не ожидали, что он будет здесь. Я просто молилась, чтобы он был ещё жив. После того, как Люси и я обменялись последним взглядом, я толкнула её к столу в передней части зала, находящегося очень далеко от деда и его людей. Потом прикоснулась к мобильному в кармане, нажала кнопку быстрого набора, это будет нашей страховкой. В этот момент Франк обнаружил меня. На его лице расплылась удовлетворённая улыбка, я прямо-таки могла читать мысли по его выражению лица: бедная, наивная Реми, снова попалась на мою удочку. Посмотрите, как я её использую.

Он думал, я у него в ловушке.

Что ему удалось одурачить меня.

Это его и погубит.

Я расправила плечи, потом пошла к нему. Дед наблюдал за мной, и когда он посмотрел мне в лицо, в его глазах вспыхнуло что-то новое. Возможно осторожность.

Через наушники Габриель предупредил:

— Не делай такую мрачную мину. Ты выглядишь так, будто хочешь задушить его, как только подойдёшь!

Однако именно это Франк не должен думать. Немного гнева было бы нормально, да даже правдоподобно, но в целом, я должна производить на него впечатление побеждённой. Я должна казаться измученной, как будто у меня больше нет выбора, поэтому ничего другого не остаётся, как связаться с ним.

Я опустила взгляд и плечи. Потом замедлила шаги, как будто боялась приближаться к нему. Тот факт, что я в этом противостоянии была не одна, придавал мне сил. Мы не знали, сколько людей Франк приведёт с собой. Его труппа могла слегка превосходить численностью нашу, потому что наша состояла только из Габриеля, Ашера, Лотти, Люси, Симуса, Шона, Урзулы, Бриты, Эдит и защитников Симуса. Некоторые из них сидели поблизости за другими столами или же смешались с толпой посетителей. Франк ни о чём не догадывался, он ведь даже ничего не знал о существовании семьи Омалей.

Так как Габриеля, Ашера и Лотти могли узнать, они спрятались в не поле его зрения, но я чувствовала, что они тоже наблюдают за мной. И всё-таки: когда я теперь садилась

напротив Франка за стол, моё сердце стучало как сумасшедшее.

Мы устали друг на друга, замечая изменения, которые случились за последние месяцы. Седые волосы Франка были теперь коротко подстрижены, он также отрастил себе бороду. Его серебряные бакенбарды делали его похожим на любящего дедушку, а серые глаза, один мучительный момент, напомнили мне мать. Широкие плечи и громадный рост однако предупреждали, что он не нежный великан, а опасность. Такие слова как нежный и любящий, вообще не подходят к этому мужчине.

Мой гнев чуть снова не выплеснулся наружу.

Думай о плане, Реми! Сначала убедись в том, что Бен ещё жив. Весь план не имеет смысла, если он уже мёртв.

Даже думать об этом причиняло боль, поэтому эта боль прозвучала также в моём голосе.

— Где мой отец, Франк? Ты обещал привезти его сюда.

Мой дед прекратил разглядывать меня. Я задавалась вопросом, какие же изменения он нашёл. Иногда моя скорбь была похожа на разбитое стекло, она колола меня и не давала заснуть. А потом были моменты, когда я чувствовала себя совершенно измотанной, апатичной и пассивной. Я бросила короткий взгляд в сторону Люси, проверяя, всё ли с ней в порядке. То, как она там сидела и наблюдала за нами, хотя и казалась испуганной, но также несгибаемой. Её самообладание придало мне сил, я ещё никогда не гордилась ей так, как сейчас.

Франк приподнял бровь вверх, молча надо мной насмехаясь. Он думал, что может помыкать мной, а я не буду сопротивляться.

Я встала.

— Ты не выполнил свою часть сделки. Хорошо, тогда давай всё отменим.

Из-за своего рода извращённой привязанности он рассмеялся.

— Я вижу, ты не изменилась. Сядь! — Я проигнорировала его приказ. Веселье пропало с его лица и при виде опасного выражения глаз, моё сердце неистово застучало. — Сядь! — повторил он нежным голосом, напугавшим меня.

Невольно я снова опустилась на стул.

— Реми, давай уточним несколько вещей. Ты не в той позиции, чтобы вести переговоры. Теперь ты покинешь с нами это здание, не привлекая внимания. Знаешь почему?

Я покачала головой. У меня выступил пот на спине, я по-настоящему испытывала ужас.

Франк вытащил из кармана телефон, нажал несколько кнопок и подвинул его по столу мне. На экране шло видео. Камера наклонялась, качалась, показывая без разбору то тени то свет, так что мне даже стало дурно. Затем он сказал:

— Покажи отца Реми! Камера взметнулась вверх и остановилась на знакомом мне лице.

У меня сердце ушло в пятки. Впервые за 6 месяцев я увидела своего отца. Задыхаясь, я хотела взять сотовый, чтобы лучше видеть, но Франк схватил меня за запястье.

— Успокойся, или я сейчас же уберу сотовый, — предупредил он меня и огляделся, чтобы посмотреть не обратил ли на нас кто-нибудь внимание. К счастью мой порыв остался незамеченным.

Я прикусила губы и кивнула. Франк убрал руку и мой взгляд тут же устремился обратно к отцу. Они пытали его. Опухшие глаза, запекшаяся кровь в уголках рта, и насколько я могла видеть он был весь покрыт кровоподтеками всевозможных оттенков — желтые, зеленые,

лиловые, красные, розовые. Это означало, что его били так часто, что новые синяки перекрывали старые. Сколько боли он вытерпел? У меня все сжалось внутри, и я сглотнула.

— Папа, — сказала я прерывающимся голосом.

Отец поворачивал голову в разные стороны, пытаясь понять, откуда доносился мой голос.

— Реми? Это ты?

— Да, я, папа. Я здесь.

— Слава богу, ты жива, — хрипло сказал он. — Сестра с тобой? А Лаура?

Услышав последний вопрос, я потеряла дар речи, но все-таки смогла выдавить:

— Мы в безопасности, папа.

Я не могла рассказать ему, что Лаура мертва. Не сейчас. Бросив взгляд через плечо, я увидела взволнованные глаза Люси. Мои губы дрожали. Мне хотелось броситься к ней и поделиться с ней радостью, что отец действительно еще жив.

Я вздрогнула, почувствовав прикосновение руки на щеке. Франк повернул мое лицо к себе. За это прикосновение мне хотелось наказать его. В своем высокомерии он не думал, что я применю свои способности по отношению к нему. Как же мне хотелось проучить его, доказав обратное!

Но затем я представила избитое лицо отца, и с трудом сдержала ярость.

— Я знаю, ты мне неверишь, но я не собирался делать тебе больно, — сказал он. — Я хочу, чтобы мы были семьей. Я люблю тебя, Реми.

Он гладил меня большим пальцем по щеке, грустно опустив брови. Если бы я не так хорошо его знала, то поверила бы, что он говорит всерьез. Но я знала, на что он способен. Достаточно мельком взглянуть на лицо отца.

— Ты можешь разглядеть, где они держат Бена? — спросил Ашер через наушники.

То небольшое, что я могла распознать позади отца в приглушенном свете, не давало никаких подсказок.

— Где ты, папа? — поспешно спросила я.

Дедушка сощурился, затем заговорил с человеком на другом конце провода.

— Отключайся, Алкаис!

Алкаис. Мы были уверены, что он обязательно появится.

Прежде чем брат Эрин успел выполнить желание Франка, мой отец крикнул:

— В подземном гараже. Примерно полчаса назад Франк отсюда уше...

Связь прервалась. На лице Франка отражалась жажда мести, и я похолодела от страха.

— Ближайшая подземная парковка — это Bloomsbury Square Car Park, — сказал Габриель. У него был такой голос, будто он бежал. — Мы направляемся туда. Симус говорит там семь этажей, поэтому нам понадобится время. Ты должна задержать деда!

— Я никуда не уйду, пока ты не скажешь мне, где находится мой отец, — сказала я дрожащим голосом.

Габриель понял двойной смысл моих слов.

— Понял. Держись. Ашер там, если он тебе понадобится.

— Делай то, что я тебе говорю, и я отведу тебя к нему, — возразил Франк.

— Если ты не собирался выполнять свою часть договора, почему ты вообще привез сюда отца?

Франк пожал плечами, и я сказала наугад:

— Из-за Морриссей! Ты пообещал им меня, но собираешься обмануть, поэтому не можешь больше обратиться к ним.

По крайней мере мы предполагали нечто подобное. Это был самый большой риск в нашем плане, но я была уверена, что Франк не сдаст меня Морриссей. В конце концов сделав это, он лишился бы своего главного преимущества, а на это он никогда не пошел бы. Заполучив меня, он тотчас покинул бы Лондон. А лучшей возможности шантажа, чем угроза расправы над моим отцом, было и не придумать.

— Ты боишься Морриссей, — сказала я. — Боишься, что они с тобой сделают, если узнают, что ты облапошил их!

Франк с усталым видом сложил руки.

— Прекрати бороться со мной, Реми. Тем самым ты делаешь себе и сестре только хуже. Марк, иди и приведи девочку, — приказал он.

Марк собрался идти, но вдруг резко остановился.

— А где она?

Взгляд Франка скользнул через мое плечо, и он нахмурился. Марк и Ксавьер покрутились вокруг, оглядывая помещение. Я могла бы им сказать, что это ничего не даст. Люси убежала. Ее присутствие нужно было лишь для того, чтобы убедить дедушку, что во время нашей встречи у него все под контролем. Теперь нужно только тянуть время, пока остальные не найдут Бена.

Франк сжал губы в тонкую линию.

— Где она? — прошипел он.

«Удирает на машине вместе с Лотти».

Я пожала плечами.

Кто-то положил руку мне на плечо, слегка нажав на тонкую кость ключицы. Я вздрогнула, а Ксавьер сказал:

— Время идти. Мы начинаем привлекать внимание.

Дедушка кивнул и встал. Я не могла сопротивляться, иначе они что-нибудь заподозрят. У них мой отец, а я, как они думали, была одна. Лучшее, что я могу сделать, это как можно дольше оттягивать наше появление в подземном гараже. Поэтому я встала и направилась вместе с ними к выходу. Ксавьер шел рядом, положив руку на мое плечо и держа меня мертвой хваткой. Франк шел впереди, а Марк следовал за нами.

— Только что шесть человек встали и направилась за вами, — предупредил Ашер из своего укрытия.

— Все защитники, как мне кажется. Мне сейчас нужно уйти, чтобы они не обнаружили меня. Иди к подземной парковке. Как только Габриель найдет твоего отца, мы догоним их там. Я сейчас пойду за тобой.

Это означало, что к подземному гаражу мне придется идти одной. Одна против восьми защитников и дедушки. Шансы просто отстой.

Спокойно, Реми.

Когда мы шли через главный салон, Ксавьер прошептал:

— Твой дед считает тебя наивной. Но я то лучше знаю.

Я без всяких эмоций посмотрела на него.

— Не понимаю, о чем ты.

Он усилил хватку, но я упрямо встретила его взгляд, отказываясь от закричать от боли.

— Я не верю тебе, — медленно сказал он. — У тебя точно есть план. Вопрос в том,

насколько шагов ты впереди него.

Он кивнул в сторону бабушки. Затем крикнул через плечо Марку:

— Готов поспорить, что где-то здесь у нее есть поддержка. Смотрите внимательней, не идет ли кто-то за нами.

Я надеялась, что все услышали этот приказ и не высунуться.

Наша странная труппа вышла из Британского Музея на улицу. Дедушка присоединился ко мне, и я молила бога, чтобы волосы скрывали спрятанный в моем ухе наушник. Я боролась против желания пошевелить его.

— Ты приказала сестре убежать, если мы не приведем отца, — сказал Франк утвердительным тоном. Я раздумывала над тем, услышал ли он замечания Ксавьера.

Отрицать это не было никакого смысла. Я продолжала смотреть вперед.

— Ты нарушил свою часть договора, значит я нарушаю свою. Ты что правда думал, что после того, что ты со мной сделал, я допущу, чтобы она попала в твои лапы? — Дедушка выглядел почти что гордым. — У нее нет никаких способностей, так что она тебе и не нужна, — добавила я.

Франк кивнул, как будто в знак того, что я подтвердила то, что он и так знал.

— Твой отец сказал тоже самое, после наших пыток.

Его слова возымели желаемый эффект. Когда я представила, что они делали с отцом на протяжении шести месяцев, у меня сжалось сердце, и я споткнулась. Только то, что Ксавьер крепко держал меня, помогло мне удержаться на ногах.

— Ненавижу тебя, — угрюмо сказала я деду.

На мгновение его лицо помрачнело, как будто мои слова заделали его, но затем он кивнул.

— Я это переживу.

Мы молча пошли дальше. Вскоре появилась вывеска, на которой было написано «Bloomsbury Square Car Park». Я начала паниковать.

Еще нельзя, чтобы она появлялась! Я пока ещё ничего не слышала от Габриеля!

Я судорожно придумывала как задержать деда, и нашла новую тему для разговора.

— Ты в курсе, что предок моей бабушки развязала войну между защитниками и целительницами?

— Ты о чем?

— Она когда-нибудь упоминала о целительнице по имени Камилль Ловелетт?

Он выпучил глаза и остановился перед входом в подземный гараж, как я и надеялась.

— Ваш предок. Это мать тебе рассказала?

Я проигнорировала его вопрос.

— В 1853 году Камилль вышла замуж за человека по имени Мартин Дюбуа. У них родилась дочь, которую они называли...

— ...Элизабет, — закончил он мое предложение. — По слухам могущественная целительница.

— Ты знал, что она злоупотребляла своей силой? По ее вине защитникам приходилось расставаться с жизнью, в конце концов они восстали против Элизабет и таких как она.

— Хочешь сказать, что ты согласна с тем, как защитники вырезали целительниц? — гневно спросил Франк.

Я покачала головой и правдиво ответила:

— С этим нет, но я понимаю, как до такого дошло. Целительницы использовали защитников. Защитники стали нападать на целительниц. А до этого целители уничтожили

таких как я, в ком течет кровь обеих линий.

Я умоляюще подняла обе руки вверх.

— И теперь ты снова хочешь развязать войну против защитников. Чем это кончится, Франк? Сколько еще людей должно погибнуть?

Часть меня надеялась, что он одумается. Потому что жизнь научила меня одному: в бесконечном круговороте насилие порождает новое насилие. Если Франк начнет убивать защитников, они ответят тем же.

— Это закончится, если я получу то, что хочу, — ответил он. В присутствии Ксавьера и Марка он не решился сказать, что желает каждому защитнику смерти. Ведя с этими людьми двойную игру, он сильно рисковал.

В конце концов они могли убить его одним движением руки. Я бы их предупредила, но было ясно, что они мне не поверят.

— Неважно кто вследствие этого пострадает? — спросила я.

— Да, — просто ответил он. Развернувшись, он вошел в подземный гараж. Ксавьер толкнул меня следом за ним.

Ответ деда разжег огонь, вспыхнувший в моем животе.

— А как же Эрин? Алкаис убил ее. Она играла какую-то роль?

Он отвернулся. На мгновение мне показалось, что на его лице мелькнула грусть. Но затем он лишь пожал плечами.

— На любой войне есть потери.

Эрин погибла, а он вел себя так, как будто она была чужой. А ведь раньше она почитала и уважала его, верила, что он защитит ее. Так же как в это верила вся община.

— А целительницы, такие как Ивонн, которых ты пожертвовал защитникам? Они тоже просто «потери»?

— Да, — сказал он без малейших угрызений совести. — Я делаю то, что должен делать.

Я хотела, как раз что-то возразить, когда услышала голос Габриеля:

— Реми, когда Алкаис увидел нас он сбежал. Твой отец у нас, любимая. А теперь: давай убираться отсюда.

От его сообщения у меня словно камень упал с души. Я опустила голову и попыталась справиться с эмоциями. Но это было невозможно. В первый раз за полгода мой отец и сестра находились в безопасности! Огромное облегчение и радость, которые я чувствовала, грозили захлестнуть меня, в то время как я заходила в лифт с Франком и восемью защитниками.

— Идёмте! — фыркнул мой дед, когда двери лифта открылись на одном из пустых этажей. Мы приближались к чёрной машине с тонированными стёклами. Габриеля и остальных нигде не было видно. В уме коротко промелькнула мысль, что они сделали с Алкаисом, когда забирали у него папу. Франк потянулся к ручки двери, но я остановилась. Ксавьер пытался толкнуть меня вперёд, но я не двинулась с места. Остальные защитники окружили меня.

— Подожди, — сказала я. — Мне нужно кое-что тебе показать.

— Реми? — спросил Габриель. Я проигнорировала его.

Франк озадаченно нахмурился, а я засунула руку в карман пальто. Взяла мобильный, нажала на кнопку включения громкой связи и подняла его вверх. Освещённый дисплей показывал время продолжительности звонка. Вызванный абонент дом Эрин.

Франк вырвал мобильный у меня из рук.

— Кто там? — спросил он осторожно. По нему было видно, что он размышлял над тем,

что возможно слышал тот человек, и какой ущерб был нанесён.

Долгое время ничего не происходило, потом мать Эрин прошептала:

— Ты свинья!

Беспомощное выражение лица деда удовлетворило моё тёмное желание отомстить.

Только Ашер знал эту часть плана: Защитить целительниц. В конечном счёте я не была на сто процентов уверена в том, будет ли Симус на моей стороне — в конец концов он ведь защитник, а защитники провели целое столетие, убивая целительниц. Возможно я была несправедлива, но я не особо хорошо его знала, а я научилась, что нужно тщательно взвешивать, кому можно доверять.

— Реми сказала, что ты предал нас, а я ответила, что она лгунья. А оказывается это ты за всем стоял. За всем, что случилось... Люди, которые погибли. Моя дочь. О Боже, моя дочь!

Доротея начала всхлипывать, её горе передалось мне. Мне так хотелось, чтобы всё было по-другому, и я смогла предупредить их раньше. Если бы я нашла возможность убедить их, то Эрин, возможно, была бы ещё жива. Я полагала, что Доротея будет винить меня — точно также, как и себя. Она доверилась не тем людям, и таким образом потеряла обоих детей.

— Доротея, они умерли не напрасно, — умолял мой дед. — Мы на войне, а войну нельзя выиграть без жертв. Как бы это не было болезненно!

В то время, как я слушала Франка, я поняла, что опасность, исходящая от человека, лежит в его пылкости. Его голос звучал так искренне. И как бы безумно это не было, он верил в своё дело. Кто знал, как это отразится на Доротеи?

— Спроси Алкаиса, — добавил Франк. — Он объяснит тебе так, чтобы ты поняла. Твой сын это понимает.

Движение с другой стороны машины привлекло моё внимание, и я поняла, что Алкаис вовсе не сбежал.

Доротея начала задыхаться.

— Я слышала, что ты сказал о нём. Ты превратил моего сына в монстра, такого, как сам!

— Доротея пожалуйста...

— Нет! — закричала она. — Ни слова больше! Ты закончил с целительницами, Франк. Я всем расскажу, что ты сделал, и мы покинем это место. Если ты попытаешься найти нас, тогда я убью тебя лично. А моему сыну можешь передать... — Она сделала глубокий вздох. — ... ему можешь передать, что для меня он умер.

Она положила трубку, и две вещи случились одновременно: Алкаис вышел из тени, и моя щека взорвалась, когда Франк ударил меня мобильным. Я упала на колени на бетонный пол и прижала руку к кровоточащей ране.

— Реми? — закричал Габриель, я слышала панику в его голосе. — Пожалуйста убирайся оттуда. Помогите же ей кто-нибудь! — Когда я не ответила, он кричал дальше, чтобы другие забрали меня.

Раньше меня бы одолел страх, но я изменилась. Я и это переживу. Опустив руку, я посмотрела на дедушку. Что-то в моем взгляде заставило его сделать шаг назад. Увидев мою реакцию, его лицо помрачнело.

Мой голос эхом отзывался в стенах подземного гаража.

— Я же глупая девчонка. Ты ведь так думал, верно? Легко контролировать и еще легче обмануть. — Я с отвращением покачала головой. — Я знала, что ты не привезешь сюда отца. Скажи ему, Алкаис!

Дедушка наблюдал за приближением Алкаиса и открыл дверь машины. На его лице был написан ужас, когда он обнаружил, что в машине никого нет. Он уставился на Алкаиса. В его взгляде читалась неконтролируемая ярость. А Алкаис? Он производил унылое впечатление, но мне его не жаль. Он застрелил сестру и теперь дорога домой ему закрыта. Что поделать, он сам принял такое решение.

Я встала, опустила защитную стену и дала волю своим способностям, после чего стоявшие позади меня Ксавьер и Марк сделали несколько шагов назад. Они явно боялись. Остальные шестеро защитников нахмурились, когда волна моей энергии причинила им боль, но оказались слишком глупыми, чтобы держаться на расстоянии.

— Ты проиграешь, Франк. У тебя ничего нет. Ты ничто и никто. Война окончена.

Он напряг плечи и ловким движением руки вытащил нож из кармана.

— Нет, Реми, — прошептал он. — Для тебя это никогда не закончится. Может тебе и удалось спасти отца, но я найду его и твою сестру. А когда это произойдет, я заставлю тебя смотреть, как уничтожаю их. Ты никогда от меня не избавишься!

Еще никто, никогда ненавидел меня так страстно, всей душой. Я чувствовала нахлынувшее на меня тепло, даже стоя на своем месте я знала, что он прав. Это никогда не закончится, потому что у него нет ничего, ради чего стоило бы жить, кроме этой своей мести. Он никого не любит, и как я предполагала, все его положительные стороны умерли вместе с бабушкой.

— Сдавайся, Франк, — сказала я. — Пожалуйста. Пока не поздно.

Откинув голову назад, он рассмеялся.

— Думаешь, тебе удастся чего-нибудь добиться? Одной против всех нас?

— Она не одна, — выкрикнул Ашер.

Его голос раздался в моем ухе и вокруг. Бросив взгляд через плечо, я увидела их: Ашер, Эдит, Урзула, Шон и четверо защитников, присматривавших за мной и Люси в музее. Они пришли по лестнице, а не спустились на лифте и разделившись, медленно приближались к нам.

Мы с Ашером обменялись взглядами. Ты готов? Он больше не мог слышать мои мысли, но это и не нужно. Вряд ли кто-то знал меня лучше, чем он. Чтобы они раз и навсегда оставили мою семью в покое, мы должны устроить для Франка и остальных хорошее шоу.

Балансируя на ступнях, я развернулась к дедушке. Мой план базировался на переоценке дедушкой своих способностей и его вере в то, что отчаянно желая иметь хоть какую-то семью, я готова пожертвовать всем. Но что если я ошибалась?

Сжав руки в кулаки, я настолько близко подошла к нему, что мне стало плохо.

— Последний шанс, Франк. Уходи, или ты умрешь. Решать тебе.

На какое-то мгновение на его лице промелькнул страх. Затем дедушка улыбнулся, как я и подозревала, и посмотрел мне в глаза.

— Ты не убьешь меня. Сердце делает тебя слабой, и в конце проиграешь ты.

Вот она — его уверенность в том, что он знал меня. Он точно знал, что я могу направить на него боль и тем не менее вонзил мне нож меж ребер, который с хлюпающим звуком разрезал кожу и ткани. Какой идиот! Меня пронзила жгучая боль, и я резко втянула носом воздух. Вокруг нас начался настоящий ад, когда мои друзья набросились на людей Франка. Несмотря на это я упорно не сводила глаз с дедушки.

Он повернул нож, и я застонала от новых мучений. Затем положила свою руку на его, лежащую на рукоятке ножа. Он наклонился ко мне.

— Я давно собирался убить тебя, — прошептал он. — Как только я узнал кто-ты, меня стало тошнить от одного твоего вида. Жаль, что твоя мать умерла, не успев пожалеть о том, что предала наших сородичей.

— Спасибо, — сказала я.

Он отстранился с удивленным видом.

— За что?

— За то, что так облегчаешь мне задачу.

Агрессивные, красные искры ударили по нему. Его рука, прикрытая моей, начала дергаться и опустилась, когда он шатаясь сделал шаг назад. Нож все еще торчал во мне, однако на его груди уже выступило кровавое пятно, закрасившее рубашку, когда он получил идентичное ранение, разрезавшее кожу. Его глаза расширились от боли и неверия, когда он посмотрел на быстрорастущее багряное пятно.

Потеря крови ослабила его, помутила сознание. Я знала это, потому что ощущала тоже самое. Шатаясь, я вытащила нож. Мои холодные пальцы не смогли удержать его, и он с дребезгом упал на пол. Я применила свою энергию таким образом, чтобы замедлить кровотечение в грудной клетке — но недостаточно сильно, чтобы вылечить рану, потому что это пока не входило в мои намерения. Я боялась, что могу потерять контроль над своими новыми силами, но всё сработало, как я и надеялась.

Франк упал передо мной на колени, схватившись за мою талию.

— Исцели меня!

Я покачала головой и отстранилась.

— Я не позволю, чтобы ты еще хоть раз что-нибудь сотворил с моей семьей!

Я думала, что через эти мгновения меня перенесёт гнев, но теперь невольно всхлипнула. Мой дед побледнел, его кожа стала серой, и я заметила, что хотя на грани истерики, всё ещё качаю головой. Это не я. Этот человек не я. Я исцеляю людей. А не убиваю их.

Но разве это неоправданно? Если я не ударю первой, он убьёт меня. Я даже рассчитывала на то, что он меня ранит, так что смогу направить мои ранения против него. Глаз за глаз — в прямом смысле слова. Почему тогда меня так тошнит, теперь, когда мой дед рухнул на пол? В горле поднялась желчь, и я закрыла рот рукой.

Я не могу сделать это. Не могу хладнокровно убить его. Должен быть другой выход.

Я встала перед Франком на колени, в то время, как вокруг меня продолжалась схватка. Разрываясь между страхом и совестью, я колебалась одно мгновение дольше. Когда Франк начал задыхаться, я, всё ещё нерешительно, протянула к нему руку.

Я услышала выстрел, одну долю секунды до того, как пуля попала мне в живот. Меня силой отбросило назад; я лежала там, слушая эхо выстрела, снова и снова. Нет, это не эхо. Это ещё один выстрел. Алкаис стоял над Франком, вокруг которого образовалась лужа крови. Я смотрела ему в глаза, пока всё не расплылось.

Алкаис опустил на колени и прикоснулся ко лбу, револьвер всё ещё в руке. Затем издал звук, похожий на похоронное причитание, раскачиваясь туда-сюда. Какая-то часть меня поняла, что он достиг края утёса и спрыгнул. У него ничего не осталось, за что можно было ещё держаться, никакого дома, в который он мог бы вернуться.

— Поговори со мной, Реми, — просил Габриель. — Пожалуйста!

В его поисках я повернула голову в сторону, ну куда бы не смотрела, видела только людей, бьющих друг друга. Никакого Габриеля.

Наушник!

— Габриель? Алкаис стрелял в меня. — Я прикоснулась к животу, и тёплая жидкость пролилась на мои пальцы.

Я истеку кровью.

— Исцели себя, дорогая.

Больше не в состоянии сосредоточиться, я на одну секунду потеряла сознание.

— Оставайся со мной, Реми. — Его голос стал ломким, а паника в голосе прорвалась сквозь летаргию, распространяющуюся во мне. Потом он снова закричал. — Ашер! Кто-нибудь! Помогите ей!

Ашер появился рядом, его голова свисала над моей. Я почти больше не чувствовала боли и снова потеряла на короткое время сознание, пока он не прошептал:

— Выглядит плохо, Реми. Боюсь я потеряю контроль. Ты уверена, что хочешь сделать это?

Его лицо побледнело, и я внезапно пришла в себя. Я знала, что Франк или кто-то другой ранят меня. Если бы не ранили, я бы заставила их сделать это. А когда сделают, Ашер оказался бы рядом, чтобы исцелить мои ранения. Так как он только совсем недавно снова получил свою силу, каждый предположит, что он может потерять контроль. Что он сделает ошибку и похитит у меня столько много энергии, что я из-за этого потеряю способности. В конце концов мы именно этого и боялись во время нашей первой встречи.

И когда все увидят, как это случилось, то я стану бесполезной для деда и защитников. У них больше не будет причин охотиться за мной или использовать против меня мою семью. Нам только нужно продемонстрировать убедительное шоу.

Стуча зубами я слабо сжала его дрожащие пальцы.

— Я уверена.

Он отвернулся и покачал головой. Когда я объясняла ему план, он переживал. Причина, почему другие поверят, что он может потерять над собой контроль состоит в том, что это действительно реально может случиться. Он боялся, что не сможет вовремя забрать свою энергию назад.

С трудом я подняла руку и прикоснулась к его подбородку.

— Я доверяю тебе, Ашер.

Он решительно сжал губы. Его защитная стена опустилась вниз, и энергия затопила меня.

Это было слишком. Я не подумала о том, что огнестрельная рана так меня ослабит, или как сильно меня изменила похищенная у Эрин энергия. Монстр во мне с жадным рёвом набросился на Ашера, эта атака была в десять раз сильнее, чем атака на Симуса. Во мне вспыхнул огонь, сформировавшийся во мне лёд расплавится в считанные секунды. Я чувствовала, как Ашер пытается отпрянуть, но уже слишком поздно. Я заберу у него всё, чем он обладает и убью. Монстр жаждал всё — весь жар, чтобы заполнить ледяную тундру, оставленную ранениями.

— Реми, помоги мне! — умолял Ашер, его глаза сузились от боли.

Полностью поглощенная борьбой с собой, я не могла говорить. Целительница во мне отчаянно пыталась исцелить Ашера, в то время как защитница хотела украсть его энергию. Обе мои половинки раскололись. Давать. Брать. Отталкивать. Притягивать. Целительница. Защитница. Огонь и лед столкнулись друг с другом, меня пронзила такая боль, что я чуть не отдала концы. Когда я еще больше потеряла над собой контроль, Ашер вскрикнул и заскрежетал зубами.

Я целительница. Я исцеляю кого могу, и когда могу.

Я защитница. Я защищаю людей, которые мне дороги.

Внезапно я поняла: обе эти вещи были одним и тем же! Не две половинки, воюющие друг с другом, а два дополняющих друг друга элемента, которые сводились к одному: к кому-то сильному и непоколебимому, готовому ради любви на все. А не к чудовищу, убивающему любимого человека, чтобы выжить.

Я Феникс, рожденный из пепла моего обугленного тела.

Я тотчас же оттолкнула энергию Ашера и втянула свою в себя. Затем открыла глаза.

— Можешь прекращать, Ашер. Сейчас!

Освободившись из лап монстра, он отпрянул от меня, и я оказалась одна посреди штурма.

Сверху, обжигая воздух, падал огонь. Лед соприкоснулся с пожаром, охладив его жар. Так долго я боролась с двумя половинками во мне, устроив при этом весь этот хаос.

Больше никаких битв.

Я поддалась штурму.

30

Ой!

Это было первое, что пришло мне в голову, когда я постепенно пришла в сознание.

Огонь и лед улетучились, оставив у меня в животе теплый комочек энергии. Она

перемещалась по всему телу, движимая моим желанием, и незамедлительно исцелила раны на животе и груди. После исцеления я не чувствовала переохлаждения, инстинктивно я знала, что уже никогда его не почувствую. Впервые в жизни я не боялась собственных способностей.

Они больше не владели мной. Я завладела энергиями защитников и целительницы. Именно это отличало меня от Эдит и других, которых Симус взял под свое крыло. Эти женщины могли жить с защитниками, но они никогда прежде не встречались с чистокровной целительницей, такой как Эрин и не крали у нее жизненную силу. Обе мои половинки слились в нечто новое, причем этот процесс начался под действием энергии, которую я похитила у обеих сторон.

Я Феникс, восставший из пепла.

Вместе с сознанием ко мне вернулись и ощущения. Я открыла глаза и поняла, что нахожусь в гостиной Симуса. Я лежала на диване, рядом на полу сидел Габриель, уткнувшись лбом в мою руку, как будто молился. Я ощутила затхлый запах старого помещения, заполненного книгами, и приятный аромат горящего дерева. Тепло огня грело мою кожу даже сквозь джинсы. Габриель положил руку на мой живот, где чувствовалось струящееся тепло крови от ранения, которого больше не было.

Габриель повернулся ко мне лицом, и я убрала с его лба прядь волос. Каким шелковистыми были его волосы!

— Хей, — сказал он.

— Хей!

Он повернул голову и поцеловал мою ладонь.

— Произошло что-нибудь интересное, с тех пор как мы виделись в последний раз?

Я была благодарна ему за то, что в этот момент он вел себя так непринужденно.

— Да в общем то нет. Меня снова хотели убить. Все как обычно.

Когда он неожиданно сел, подшучивания закончились. Он обнял меня за талию и сняв с дивана, посадил себе на колени. Он прижал голову к моей груди, чтобы услышать биение сердца, держал меня так крепко, что я едва могла дышать. Я чувствовала, что он дрожит, и обняла его.

— Я на минуту действительно поверил, что потерял тебя, — пробормотал он.

— Ишь чего захотел, — ответила я.

— Реми?

Я подняла голову. Ашер вцепился в спинку дивана, так что костяшки пальцев побелели. За ним появились Симус и Эдит с выражением лица, колеблющимся между ужасом и неверием, но их я пока что проигнорировала. Ашер перепрыгнул через спинку и приземлился на сиденье, позади Габриеля и меня. Я подняла мою защитную стену вверх, чтобы защитить Ашера, а потом протянула ему руку. Он обхватил её своими.

— Слава Богу, ты в порядке! — сказал он. — Я уже думал, что убил тебя. — От этой мысли он страдальчески поморщился. Он сжал мою руку ещё раз и отпустил.

— Мне очень жаль, что напугала тебя. Полагаю, наш план всё же не так хорошо сработал.

— О чём вы говорите? — спросил Габриель и нахмурился.

— Об идеи Реми разыграть перед другими, будто я потерял контроль и похитил у неё способности, — объяснил Ашер своему брату. Потом снова повернулся ко мне. — Это сработало. Только не так, как мы планировали. — При виде моего замешательства он

добавил:

— Реми, они думают, что ты мертва. Алкаис видел, как я тебя «убил».

— Но я не умерла, — сказала я.

— Хм, умерла, на целых тридцать секунд, — возразил Ашер. — Твоё сердце остановилось, и ты не дышала. Я оплакивал тебя и всё подобное. Прямо как в кино. За это я собственно заслужил Оскара!

Я непочтительно пожала плечами, но по нему было заметно, что он испугался. Он даже близко не был так расслаблен, как делал вид.

— Я куплю тебе твой трофей, не беспокойся. Как же ты вернул меня к жизни?

— А я и не возвращал. Ты сама это сделала. — Он склонил голову, будто пытался почувствовать меня. — Что-то изменилось. Ты изменилась.

Симус подошёл к нам и упал в кресло. Он разглядывал меня одно мгновение, а я задавалась вопросом, ясно ли ему, что случилось. В конце концов он защитник фениксов. Если кто-то и сможет понять, то он. Рассеянная волна энергии направилась ко мне в воздухе, и я не задумываясь ототкнула её прочь. Слабая, удовлетворённая улыбка появилась на лице Симуса. Значит, он знает. Или по крайней мере предполагает. Но по какой-то причине он предпочёл не говорить ничего перед остальными.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Удивительно хорошо. — И это правда. Я чувствовала себя прекрасно. Потом я использовала момент, чтобы задать вопросы, которые меня больше всего интересовали:

— Где мой отец и Люси? С ними всё в порядке?

— Они в комнате в конце коридора. Брита и Урзула как раз работают над твоим отцом, — ответил Симус. — Он был в плохом состоянии. То, что тебя тяжело ранили, они не знают. — Он пожал плечами. — И собственно нет причин рассказывать им об этом теперь.

Больше всего мне хотелось помчаться к ним, но я обуздала своё нетерпение.

— А что с твоими людьми Симус? Как они?

Он поморщился.

— Мы потеряли двоих, а ещё четверо были ранены. О них Эдит уже позаботилась.

— Шон? — спросила я обеспокоенно Эдит.

Она улыбнулась.

— С ним всё в порядке. Он остался ещё там и устраняет все следы нашего участия. Он хочет убедиться в том, что полиция ничего о тебе не узнает.

Мне совсем не хотелось знать, как он это делает. Как в музее, так и в подземном гараже, должны быть камеры слежения. Может быть у него есть возможность стереть записанные плёнки, но по крайней мере сообщения о перестрелки, полиция должна будет расследовать.

— Ксавьер и Марк? — спросила я.

Лицо Габриеля помрачнело.

— Ксавьер мёртв, Марк сбежал.

— Пока что, — заметил Симус спокойным голосом. — Ему за многое нужно ответить, поэтому мы ещё с ним поговорим.

Конечно он хотел с ним не только поговорить, но я не ощущала к нему никакой жалости. И возможно это делает меня плохим человеком, но мне не жаль слышать о том, что Ксавьер мёртв. Он причинил столько боли, испытывая при этом ещё и радость.

— А что с Алкаисом? — спросила я.

Симус покачал головой.

— Бен сказал, Алкаис решил отпустить его еще до нашего прибытия. Думаю, он слонялся по подземному гаражу только для того, чтобы что-то с тобой сделать, Реми. После того, как он увидел, что ты «умираешь», он сбежал. Ашер предложил дать ему уйти.

— Может он все-таки вернется в семью. Или примкнет к Морриссей. Так или иначе, если он всем расскажет, что видел, как ты умираешь, это будет нам на руку, — сказал Ашер.

Наш план выглядел по-другому. Мы хотели, чтобы он увидел, как я теряю свои способности, но так даже лучше. Меня больше не существовала для наших противников. Это означало, что моей семье и друзьям больше не нужно бояться, что их используют, чтобы нажать на меня. Они свободны. Я почувствовала одновременно и радость, и печаль. Радость, потому что они свободны, печаль, потому что моя «смерть» означала, что я должна буду держаться от них подальше. А я совсем чуть-чуть надеялась, что все-таки найду какую-нибудь возможность принимать участие в их жизни, несмотря на то, что мы больше не можем жить вместе.

Я снова вернулась к беседе. Симус рассказывал, что полиция нашла и дедушку, и револьвер из которого Алкаис застрелил Франка. Мысль о Франке не вызвала во мне ни капли сочувствия. Когда-то я хотела его полюбить, но он уничтожил это чувство. Навсегда уничтожил!

— Я хочу к папе, — сказала я Габриелю.

Он помог мне встать, обнял и притянул к себе.

— Пока нет, любимая. Тебе нужно привести себя в человеческий вид, иначе он будет волноваться.

Я посмотрела на свою футболку и испугалась при виде кровавых пятен. Габриель прав.

Мне нужно принять душ, прежде чем идти к отцу. Но хотел ли он вообще видеть меня? Я должна пойти на риск, чтобы выяснить это.

После того как я стала выглядеть более-менее презентабельно, Габриель подвел меня к комнате отца. Краем глаза я видела, что он наблюдает за мной, интересно было узнать, о чем он думает. Я же могла думать только о своей семье и о горе, которое неизбежно причиняла им.

Я задержалась возле двери.

— Я должна зайти одна, — сказала я Габриелю.

Я ужасно боялась, что раню его чувства, но Габриель лишь улыбнулся и поцеловал меня в лоб.

— Ну тогда вперед. Я рядом, если понадобится.

Я благодарно обняла его, зашла в комнату и закрыла за собой дверь с таким чувством, как будто это дверь тюремной камеры. Ситуация была совсем не простой. Франк разрушил мою семью, потому что я та, кто есть. Когда я видела отца в последний раз, он только-только узнал, что я немного отличалась от обычных людей. Что могли рассказать люди Франка обо мне?

Мои глаза привыкли к тусклому свету, и я стала видеть четче. Отец лежал посреди огромной кровати и выглядел спящим. Люси спала в кресле на другой стороне комнаты.

Черные волосы отца резко выделялись на фоне белой подушки, на которой лежала его голова.

От его загара, который он постоянно поддерживал не осталось и следа, в остальном он остался таким же привлекательным мужчиной, который забрал меня к себе и подарил семью. Брита и Урзула устранили все следы пыток, но это не изменило того, что с ним сделали. Глубокие морщины вокруг глаз и рта говорили о многом.

В желудке образовался комок нервов, когда все мои старые страхи снова всплыли на поверхность. Будет ли он ненавидеть меня после всего что случилось? Буду ли я ему противна? Обвинит ли он меня в смерти Лауры и пытках Франка?

Прекрати жалеть саму себя, Реми. Ты сделала все, что могла.

Я взглянула на сестру. Даже во сне она выглядит усталой. Я обошла вокруг кровати и села на корточки рядом с ее креслом.

— Люси? — прошептала я, погладив ее по руке.

Она тотчас же проснулась и испугалась, не сразу узнав меня. Но затем бросилась в мои объятия, так что я чуть не плюхнулась на пол. Мы сначала засмеялись, а потом заплакали.

— У нас получилось, — прошептала она. — Он снова с нами!

Не уверена, что мы обе действительно считали это возможным, но надежда придавала нам силу. Мы сели на пол и прижались друг к другу. На меня нахлынули чувства. Простит ли меня Люси, если я попрошу ее выйти из комнаты? Почувствовав болезненный укол, я отбросила эту мысль. Еще слишком рано. Не думай об этом, Реми.

Я убрала черный локон с ее лица.

— Прости, что все это длилось так долго.

Как-будто сговорившись, мы разговаривали совсем тихо, чтобы не мешать отцу.

— Теперь это не важно. Главное, мы снова вместе.

Она прикусила губы и посмотрела на свои руки.

— Недавно он проснулся и спросил о маме. Я должна была ему сказать. Он плакал.

Один раз я уже видела отца плачущим. Это было, когда Дин побил меня, после смерти матери. Побои, которым я в его отсутствие подвергалась, стали для Бена реальностью, когда он увидел все своими глазами. У нас с отцом были не простые отношения, с того самого дня, когда он появился в больнице в Бруклине. Но постепенно они стали налаживаться. Затем я совершила ошибку, начав разыскивать Франка. Мне стало не по себе.

— Как...

У меня сорвался голос и я начала снова.

— Как он это воспринял? Он ненавидит меня?

— Реми? — Услышав его голос, я вздрогнула и чуть не поддалась порыву выбежать из комнаты. Но он успел добавить:

— Подойди сюда!

Именно такие строгие нотки в его голосе я и ожидала услышать. У меня сердце ушло в пятки. Я встала и наклонив голову подошла к кровати. Мне трудно было выносить то, каким образом он смотрел на меня. Его взгляд изменился.

— Пап, это была не ее вина... — начала было Люси, но замолчала, когда он поднял руку.

— Реми, посмотри на меня! — рявкнул отец.

Я заставила себя посмотреть в его глаза, в которых читалась ярость, и мысленно вооружилась против его ненависти. Но как ни странно не обнаружила ее в его темно-синих

глазах, но также не смогла понять его мысли.

— Твоя сестра все мне рассказала. Ашер тоже заглядывал и ввел меня в курс дела.

Что я могу сказать в свою защиту? Я лгала и многое скрывала. Сделала множество глупых ошибок. Я хотела снова отвести взгляд, но не смогла.

— Они рассказали мне, что ты присматривала за всеми, — продолжил он более мягким тоном, — и что ты постоянно подвергалась опасности, чтобы защитить их. Да, и что пытаешься спасти вашу маму, ты сама едва не погибла!

Мне стало грустно.

— Ненавидеть тебя?

Он недоверчиво покачал головой.

— Думаешь, я не знаю, что ты сделала в лесу, до того как меня похитили?

Он хотел взять меня за руку и я не раздумывая протянула ему ее.

— Твой дедушка приказал убить меня. Но ты отказалась. Вместо этого ты спасла меня.

Мне так хотелось, чтобы он верил в то, что говорит, но не получилось.

— Это моя вина, что Франк нашел нас. Если бы я не поехала к нему в Сан-Франциско Лаура была бы жива.

Я попыталась высвободить свою руку, но он крепко держал ее. Отец продолжил говорить.

— Ты сидела за рулем машины, которая сбила твою маму?

— Нет, — прохрипела я. — Но...

— Никаких но! Ксавьер вел машину и намеренно направил ее на Лауру. Значит это была его вина или твоего деда, потому что он взял с собой Ксавьера.

Он сел и облокотился на спинку кровати. Я увидела, что на нем одета одна из футболок Габриеля.

— Знаешь, меня бесит, что ты тут стоишь и винишь во всем себя. Также как ты чувствовала себя виноватой в смерти Анны.

— Ты не понимаешь, — сказала я.

— Ах, не понимаю? Твои способности — это тяжелая ноша. Тяжелее, чем может вынести человек. Ты исцеляешь людей, прикасаясь к ним, Реми. Знаешь, как сильно меня это поражает? Каким гордым я себя чувствую, когда думаю о том, как самозабвенно ты отдаешь, когда у тебя самой было отнято так много?

В этот момент меня прорвало. Прорвало плотину, после чего меня чуть не смыло слезами, которые в последнее время совсем не хотели течь. Моя мать никогда не признавалась, что знала, на что я способна, не говоря уже о том, чтобы гордится мной. У меня сбилось дыхание, болело в груди, я могла только хрипеть. Мне показалось, что Люси захихикала на заднем плане, но это было не важно.

Отец слегла улыбнулся, но затем снова сжал губы в тонкую, прямую линию.

— Твои способности не делают тебя ответственной за весь мир. Ты не можешь спасти каждого. Да никто от тебя этого и не ждет.

— Но Лаура...

— ... была любовью всей моей жизни. Не знаю, перестану ли я когда-нибудь скучать по ней.

Его глаза заблестели, и он кашлянул.

— Но ты не убивала ее. Поэтому не вини себя в этом. Это несправедливо. Ни по отношению к Люси ни ко мне. Ты нужна нам, малышка!

Я сделала глубокий вздох и когда выдыхала, показалось, будто смогу выбросить весь балласт за борт. Я боялась, что мой отец возненавидит меня, но этого не случилось. Он прав, хотя даже не знал, что наше время истекает. Если уж я не могу быть всегда рядом с семьёй, то по крайней мере сейчас. Пока оба достаточно оправятся, чтобы вернуться домой.

Я залезла на кровать и села рядом с папой, облокотилась на спинку кровати, также, как он. Это напомнило мне то время, когда мы были счастливы: то утро, перед выпускным вечером. Я положила голову на его плечо.

— Ты тоже нужен мне. Вы оба.

Он облегчённо вздохнул, его грудь поднялась. Люси растянулась в конце кровати, положив свои ноги на мои.

— С тобой действительно всё в порядке? — спросила она. — Ашер сказал, что когда ты была с Франком, столкновение получилось довольно страшным.

— Алкаис стрелял в меня, — сказала я. Лица обоих выразили потрясение, поэтому я поспешила успокоить их. — Не волнуйтесь, со мной всё хорошо.

Мой отец смотрел на меня достаточно долго, чтобы понять, что я не ранена, и подтолкнул Люси одной ногой.

— Как ты там всегда называла свою сестру? Даффи?

— Баффи, папа, Баффи. Как Баффи — истребительница вампиров.

— О Боже! — Лицо папы выразило ужас. — Значит, вампиры действительно существуют?

Наши с Люсией взгляды встретились. Наши губы дрожали, потом мы обе прыснули со смеху.

Мой папа усмехнулся.

— Попались!

Они начали спорить, а я просто слушала. Осталось ещё много не досказанного, о будущем мы тоже ещё не поговорили, но пока казалось, что мы заключили молчаливое соглашение игнорировать всё, что не касалось этого момента.

Мы снова стали семьёй и этого было достаточно.

Прошёл месяц, в доме Омалей не произошло ничего примечательного. Что же касается того, что случилось в мире — это совершенно другое дело. Полиция не смогла найти нас. Морриссей пронюхали, что мой дед играл с ними в двойную игру. Однако не могли ничего предпринять, потому что Франк был мёртв, а Алкаис исчез. Шпионы Симуса выяснили, что они свой гнев выместили на Марке, этом предателе, работающем против защитников. Но его труп, пока ещё нигде не нашли, с другой стороны, Марриссей действительно были очень злы, когда выяснили, что я мертва.

Симус распустил слух, что Франк и Алкаис убили меня, сделав таким образом всю работу. В бессонные ночи я задавалась вопросом, сочтены ли дни Алкаиса. Я полагала, что это зависит от сферы влияния Морриссей, и от того, насколько они злопамятны.

Как и обещал, Симус организовал перевозку Эрин к матери. Доротея осталась достаточно долго, чтобы принять останки своей дочери, но ещё в тот же день, вся община целителей исчезла без следа со всеми своими пожитками. Пустующие дома и вытянутые из розеток телефоны были единственным доказательством, что они когда-то жили в Пацифике. Некоторые из нас спекулировали, что они рассеялись по всей стране, и распростились с мыслью об общине. Я же надеялась, что они решили начать заново где-нибудь в другом месте. Франк обманул их, но это не значит, что всё, что он сделал, было неправильно. Они были счастливы в общине, помогали друг другу выжить.

От мысли о том, что у них всё закончилось, мне становилось грустно.

В то время, как всё это происходило, моя семья жила в своего рода временном отрезке, где нас ничто не затрагивало. Может быть так было из-за тех месяцев, что нас разлучили, может из-за того, что мы потеряли, во всяком случае ничто не играло роли. Важными были лишь вопросы, которыми мы засыпали друг друга, чтобы разузнать всё. Весь обман был вскрыт. Мы все во всём признались, и наслаждались временем, которое проводили друг с другом.

Но этого было недостаточно.

Не считая моего отца и Люси, все знали, что последует. Я видела это по жалостливым взглядам, которые бросали в мою сторону Ашер и Лотти. А потом ещё Габриель и та спокойная манера, с которой он за мной наблюдал, будто ждал, что я в любой момент сломаюсь. И он был прав. Мой отец и Люси думали, что я вернусь с ними домой.

Прощание с ними убьёт меня.

Тридцать два дня после спасательной операции я зашла в гостиную и обнаружила моего отца, углублённого в серьёзный разговор с Ашером. Что-то в языке их тел заставило меня развернуться и сразу же снова покинуть комнату. В доме ни для кого не было секретом, что у моего папы ночью проблемы со сном. Возможно его тело и вылечили, но душе был нанесён большой вред тем, что ему пришлось перенести в месяцы его пленения. На эту тему он постоянно отказывался говорить со мной и Люси. Но если кто-то и понимал, что он пережил, то это Ашер.

Я села на пол в коридоре и следила за тем, чтобы никто не заходил к ним и не прерывал их разговора. Прямо здесь меня и обнаружил Симус. Он встал рядом, прислонился к стене, скрестил руки и посмотрел на меня, приподняв одну бровь, как бы ожидая чего-то.

— Что такое? — спросила я, так как он молчал.

Симус сделал все что было в его силах, чтобы мы чувствовали себя комфортно. Да, он обращался с нами так, как будто мы были одной семьей. Свои предположения о том, что произошло со мной в тот день в подземном гараже, он никогда никому не высказывал.

— Ты феникс, — сказал он.

Я изо всех сил пыталась не краснеть, и испытывая угрызения совести посмотрела на Симуса. Я боялась, что он начнет еще сильнее уговаривать меня остаться, если я признаюсь в том, кем являюсь.

— Нет, — вырвалось у меня. — Какая ерунда!

Наблюдая за мной, он склонил голову.

— Как скажешь, — ответил он.

У меня были холодные и потные руки, я вытерла их об джинсы под пристальным взглядом Симуса.

Он знает, что я вру.

— Сделай одолжение, никогда не играй в покер. В блефе ты ничуть не лучше, чем в навыках медсестры.

У меня челюсть отпала от таких слов. Прежде чем продолжить, Симус прикрыл мне рот.

— Вообще-то я не виню тебя в том, что ты хочешь освободиться от всего этого.

Я обнаружила дырку на колене и дернула за болтающуюся ниточку.

— Ты не сердисься?

— На кого?

Он вскинул руки и огляделся, делая утрированные движения.

— Кроме умершей девушки и меня здесь никого нет. Я же не могу сердиться на мертвых.

Я встала на ноги и чмокнула его в щеку.

— Ты настоящий джентльмен, Симус Омалей.

Прислонившись к стене рядом с ним, я скрестила ноги.

— Что ты теперь будешь делать?

Лицо Симуса помрачнело.

— Хоть мне это и не нравится, но Брита, Урзула и Эдит решили больше не скрываться. Видимо ты заразила их своей убежденностью, что они могут что-то изменить, привести в действие. Согласно теории Эдит, целительницы возможно могли бы жить в безопасности, если бы защитники узнали о их существовании.

Я подумал и понял, что Эдит может быть права. Защитники убивали целительниц, чтобы снова испытывать чувства, вспомнить каково это быть смертным. Если публично заявить о них, то оставшихся целительниц можно спасти.

— Некоторым это совсем не понравится. Моя мать говорила, что есть такие целительницы и защитники, которые захотят меня убить, потому что боятся моих способностей. Она права. Тоже самое будет угрожать фениксу, если объявить себя таковым.

— Тогда на помощь придут Омайли и защитят их, как всегда это делали.

— Им повезло, что вы есть у них.

Я немного помедлила.

— Почему ты ничего не рассказывал о фениксах, когда я в первый раз была здесь?

Мне не давало покоя то обстоятельство, что он ожидал от меня полнейшего доверия, но сам при этом никогда не говорил всю правду.

— Помнишь портрет моей жены?

Перед моим мысленным взором предстала женщина со светлыми волосами в зеленом платье. На портрете она носила цепочку с подвеской в виде феникса с красными как рубины глазами.

Я кивнула и Симус продолжил.

— Она давно умерла. Ее убил феникс.

Я выпучила глаза от ужаса, после чего он сказал:

— Если кто-то кажется тебе союзником, еще не значит, что это действительно так. Пока не убедишься, что человеку можно доверять, лучше быть осторожным, разве не так?

Я одобритительно кивнула.

— Симус, почему ты хочешь, чтобы я осталась? Разве это не доставит тебе лишних проблем?

Он улыбнулся.

— Я защищаю фениксов. Я здесь для этого. Один раз, когда это было нужнее всего, я не справился. Присматривать за этими женщинами, которые могут превратиться в фениксов, я рассматриваю как второй шанс.

Я понимала его. Мне тоже не удалось достаточно защитить семью, и то что я в последнее время была с ними, это мой второй шанс.

— Когда женщина превращается в феникса, она должна знать несколько вещей. Вещи, которые кто-то, такой как я, мог бы рассказать ей.

Он хитро посмотрел на меня.

— Чисто гипотетически конечно.

— Конечно, — сухо ответила я.

Вообще, кто кого тут держал за дурака?

— Ну, например, она должна знать, что не будет жить вечно. Она стареет и умирает, как все обычные люди.

«Слава богу!» — подумала я, а вслух сказала:

— Неужели?

— Феникс может сходу залечивать раны. Как свои, так и чужие.

Да. Это я тоже заметила, когда в последний раз лечила Габриеля.

Симус задумчиво постукивал пальцем по губам.

— И самое главное — возможность незамедлительно сделать защитника смертным, если есть такое желание.

ЧТООО? Я могу сделать Габриеля смертным, если захочу! Не через несколько месяцев, а сразу?

Я прикусила губу, но любопытство взяло верх.

— И как ей это удастся? Чисто гипотетически конечно?

— Конечно, — повторил он и улыбнулся. — Она возьмется за это, как за любую другую рану. Ее тело инстинктивно знает, что делать.

У меня в голове пронеслись все возможные последствия таких действий.

— По этой причине целительницы и защитники убивали фениксов?

Улыбка исчезла с его лица.

— Целительницы не признавали никого, кто мог лечить быстрее, чем они, потому что это представляло угрозу для их жизни. А защитники... ну, некоторые из них вовсе не хотели становиться смертными. Но фениксы имеют эти свойства и не сдаются.

Дверь гостиной открылась, и Ашер вышел, снова закрыв её за собой.

Симус выпрямился.

— Тогда оставлю вас наедине. — Прежде чем уйти, он бросил на меня ещё один взгляд через плечо, и его глаза вновь вспыхнули весельем. — Когда снова найдёшь свой путь к живым, для тебя здесь всегда будет место.

Мой рот дрогнул в улыбке.

— Никогда не знаешь наперёд. Кто может сказать, что принесёт будущее?

— Омалей может в основном предсказывать будущее, — пошутил он. — «Он предсказывает любую погоду.» Наслаждайся тем, что ты призрак, Реми.

Эта цитата с гобелена в вестибюле. Я подавила смех, когда увидела, как он махая рукой, исчез, спустившись вниз по лестнице на первый этаж.

— Он ведь не настаивает снова на том, чтобы ты осталась, не так ли? — Ашер смотрел вслед Симуса. Я покачала головой.

— Хорошо. Думаю, пришло время двигаться дальше.

Мой желудок сжался, и больше всего мне хотелось закрыть уши руками, как ребёнок, чтобы не слушать его.

— Ты должна отпустить их, — сказал Ашер мягко.

Я бросила быстрый взгляд на дверь гостиной. О чём на самом деле говорили Ашер и

мой отец? Он правда хотел сейчас обязательно уехать? Его кошмары стали хуже?

Ашер поднял вверх мой подбородок, заставляя таким образом смотреть ему в глаза.

— Не ради них. Ради себя! Никто не упрекает тебя за то, что тебе нужно время, после всего, что случилось.

Но это не может длиться вечно. Скрывая это от них, ты убиваешь себя.

Я уставилась на его шею.

— Если они уедут, станет ведь ещё хуже.

Лицо Ашера внезапно покраснело, и я поняла, что у него виноватый вид. Хмурясь, я размышляла в чём может быть причина и вдруг догадалась.

— Ты тоже хочешь уехать.

Он кивнул и засунул руки в карманы брюк.

— Лотти и я подумали, что сможем сопроводить твоего отца и Люси в Блеквелл Фоллс и там какое-то время приглядывать за ними. Только чтобы убедиться в том, что на них никто не нападёт.

Я ничего не говоря, потёрла шею.

— Ты ведь знала, что я не останусь рядом. Знать, что ты и Габриель вместе — это одно. Наблюдать за вами — совсем другое.

Я встретила с ним взглядом. Он не выглядел ни сердитым, ни обиженным. Он выглядел так, будто принял то, как всё получилось. Я вздохнула.

— Ты прав. Я знаю, что ты прав.

— Значит ты скажешь им?

— Да, ещё сегодня. Обещаю.

— Хорошо. — Он коснулся пальцами головы, собираясь уйти.

— Эй, Ашер, — сказала я. — Что побудило Лотти присоединится к тебе?

Искренне забавляясь, он улыбнулся.

— Единственное, что для моей сестры когда-либо было важным, это семья. А Люси теперь часть семьи, также как твой отец. Она будет полностью в своём элементе, когда сможет всеми командовать.

Я представила себе, как отреагирует Люси и какие их ждут стычки.

В принципе Люси получит новую сестру. И не будет одна. Я немного заревновала, но в целом этот факт утешил меня.

— Спасибо, — сказала я Ашеру.

— Мы позаботимся о ней. Даю тебе слово.

Он поцеловал меня в лоб, мне так хотелось, чтобы ни одному из нас не нужно было прощаться. Но наш план предусматривал это.

После того, как Ашер ушёл, я зашла в гостиную. Мой отец стоял перед портретами фениксов. Я подошла к нему, и он посмотрел на меня.

— Ты немного на неё похожа, — сказал он, указывая головой на картину с женой Симуса.

Я надеялась, что благодаря уверенности, что я делаю всё правильно, мне будет легче поговорить с папой. Но я не взяла в расчёт моё сердце. Оно не хотело отпускать его.

— Что случилось? — спросил он и обеспокоенно нахмурился.

Я повернулась к нему.

— Папа, я не все рассказала тебе о том дне, когда мы освободили тебя. Ты помнишь фениксов, о которых постоянно рассказывает Симус? Я один из них. Теперь я обладаю еще большими способностями чем раньше.

Я впервые сказала об этом вслух. Даже Габриелю я еще не призналась. Вопреки ожиданиям, эти слова не напугали меня. Наоборот, меня переполняла гордость.

Некоторое время отец молчал.

— Мне все равно, — сказал он.

Я одарила его улыбкой, как будто этот разговор не причиняет мне боли, и убрала прядь волос за ухо.

— Нет, тебе не все равно!

Он рассматривал картину, избегая моего взгляда. Не нужно уметь читать мысли, чтобы понять, что утрата моих способностей успокоила бы его отцовское сердце.

Я дотронулась до его руки.

— Все в порядке. Можешь сказать мне.

Наконец он взглянул на меня.

— Я боюсь. Не тебя, а того, что произойдет, если все узнают, на что ты способна...

Он сделал беспомощный жест и не закончил предложение.

— Я думала об этом. Очень много думала. — Я набрала воздуха. — Поэтому мы решили, что все, кто в тот день, когда мы освободили тебя, думали, что я умерла, должны и дальше так думать.

У отца загорелись глаза.

— Ты не поедешь с нами, — укоризненно сказал он. — Да ты никогда и не собиралась!

Я попыталась улыбнуться, но вместо улыбки получилась гримаса.

— Пока они думают, что я мертва, ты и Люси можете вернуться домой. Вы можете начать все с начала и вести нормальную жизнь в Блэквелл Фоллс.

— Не делай этого, Реми, — попросил мой отец. — Я знаю, что они сказали. Я боюсь, но ведь у нас было так мало времени друг для друга. Поехали с нами. Это не обязательно должен быть Блэквелл фоллс, мы можем найти и другое место.

Когда я думала об этом плане, то не ожидала, что он будет против. Я думала лишь о том, чтобы обеспечить безопасность моей семьи, вдали от этой войны. Я покачала головой и провела рукой по волосам.

— Не получится. И ты прекрасно знаешь, что я права. Так будет правильно. Если я вернусь с вами, то нам нужно будет постоянно опасаться, что кто-то выяснит кто я и что могу. Они не будут долго церемониться и начнут угрожать Люси, чтобы шантажировать меня.

В его лице читалась боль.

— Ты просишь меня сделать выбор в пользу одной из дочерей? Я не могу. Не могу снова расстаться с тобой!

В его голосе слышалась такая беспомощность, что мой с трудом поддерживаемый невозмутимый фасад дал трещину, и я больше не могла сдерживать слезы.

— Ты не расстаешься со мной, пап. Я делаю это.

Он хотел что-то возразить, но я вскинула руки, чтобы не дать ему сказать.

— Разве ты не видишь, как сильно меня это мучает? Ты и Люси недолго были со мной.

Но если я буду знать, что вы в безопасности, то отпущу вас. С радостью.

Мой отец сглотнул и поджал губы. Мне бы так хотелось взять свои слова обратно, но это невозможно. То, что я делала — правильно, не важно, что все это причиняло боль. Нам всем.

— Ашер и Лотти предложили сопроводить вас и на какое-то время остаться, чтобы удостовериться, что вас никто не преследует. Не удивляйся, если они будут часто появляться у вас. Люси это пойдет на пользу. И тебе тоже.

Казалось, отец согласился с моими доводами.

— А что ты собираешься делать?

— Мы с Gabrielem, если я ему конечно еще нужна, начнем все сначала где-нибудь в другом месте. Я пойду в колледж, если получится.

Я тоскливо вздохнула.

— Думаешь, глупо по-прежнему хотеть стать врачом?

Наконец-то он улыбнулся. Я знала, что ему понадобилось несколько недель, чтобы привыкнуть к тому, что теперь я с Gabrielem.

— Что-то мне подсказывает, что Gabriel пойдет за тобой куда угодно. Никогда не встречал такого по уши влюбленного мужчину, как он.

Мои щеки покраснели.

— Это взаимно. Ему удастся меня рассмешить, — вырвалось у меня.

Боже, как неуклюже это прозвучало! Но уже поздно забирать свои слова обратно.

— Что же... — сказал он. — Он весь мир положил к твоим ногам, верно?

Я улыбнулась.

— Да, это верно. — Потом я протрезвела. — Послушай, когда вы хотите лететь назад?

— Нам это уже сейчас нужно решить?

— Чем дальше мы оттягиваем, тем больше это причинит боли, — созналась я. Я и так уже ждала слишком долго.

Мой ответ ему совсем не понравился, но он нехотя кивнул.

— Что же, тогда завтра.

Я приняла его решение, даже если моё сердце истекало кровью.

— Ты скажешь об этом Люси?

— Да. Но пообещай, что ты найдёшь способ навесить нас. Мы будем по тебе скучать!

Из-за кома в горле я больше не могла сказать ни слова, поэтому только пожала его руку. Потом выбежала в коридор, потому что вот-вот потеряю самообладание. В коридоре я всё же услышала, как отец крикнул вслед:

— Из тебя получится замечательный врач, Реми!

Обед стал настоящим праздником. Симус составил праздничное меню, и все пришли на этот прощальный ужин. Мне удалось разыграть веселье, прогнать плохое настроение Люси и напомнить ей обо всём, что ожидало её дома. У меня получилось. Слишком хорошо. Они с Лотти разговаривали о том, что собирались предпринять, а я слушала с широкой, искусственной улыбкой, из-за которой заболели зубы.

Gabriel склонился ко мне и прошептал:

— Ещё один день, любимая.

Он протянул мне свою руку, и я в отчаяние сжала её. Весь последний месяц я так сильно сосредоточилась на семье, что в это время пренебрегала Габриелем. Он переехал в комнату Ашера, так что мы смогли разделить одну с Люси. Но мне его не хватало.

Мы ещё совсем не говорили о нашем будущем. Я теперь всё испортила, из-за того, что заставила его ждать?

Я подняла на него взгляд.

— Я не хотела отталкивать тебя.

Вокруг нас было так шумно, что у меня заболели уши. Габриель наклонился и поцеловал уголок моего рта.

— Ты не отталкивала меня. Я ведь здесь!

— Нам нужно многое решить.

Он улыбнулся.

— Это тоже подождёт до завтра. За меня не переживай, хорошо?

Он говорил серьёзно, и на одно короткое мгновение я почувствовала облегчение. Но потом праздник закончился, и я последовала за Люси в нашу комнату, где стала наблюдать, как она складывает вещи. Вещей было не так много, но с каждым предметом, который попадал в её сумку, у меня возрастало чувство, будто у меня что-то отнимают.

— Кстати, я теперь знаю, почему у меня нет способностей защитников, как у тебя, — сказала Люси совершенно неожиданно и опустилась на кровать рядом.

— Правда? — спросила я, искренне удивившись. — И почему?

— Меня удочерили.

Я рассмеялась, потому что думала, она прикалывается, но она осталась серьёзной.

— Никогда в жизни, — сказала я. — Мама и папа не стали бы скрывать этого от тебя. Кроме того, ты на них похожа.

— Не правда. Не считая чёрных волос, я выгляжу как мама. — Нервно она намотала себе на палец локон. — Это единственное, что имело смысл. Поэтому я спросила у папы, и он рассказал мне правду: когда они сошлись, мама уже была беременна мной. По случайности волосы моего биологического отца тоже чёрные.

Я шокировано смотрела на Люси.

— Где живёт твой биологический отец?

— Он был солдатом. Мама познакомилась с ним, когда тот был в отпуске, но он погиб, прежде чем она смогла сказать ему, что беременна. А потом папа снова переехал в Блеквелл Фоллс, и они вновь начали встречаться. Ну, а остальное ты знаешь.

Она встала и начала готовится ко сну, одев штаны от пижамы. Она не казалась ни грустной, ни сердитой, но что она на самом деле чувствовала я не могла сказать.

— И ты справляешься со всем этим? — спросила я.

— Честно? — Она склонила голову, размышляя над вопросом. — Да! А что это меняет? Что же, ещё год назад, меня бы это беспокоило. — Она замолчала и рассмеялась. — Ах чёрт, у меня бы случился припадок, и мы оба хорошо это знаем. — Она покачала головой. — Но после опыта, собранного за последний год, это больше не играет никакой роли. — Она снова села на кровать, подтянула к себе колени и положила на них подбородок. — Для того, чтобы быть семьёй, не обязательно, чтобы в твоих жилах текла та же кровь. Мне повезло, что у меня была мама, и мне повезло, что у меня есть папа и ты.

— Ты действительно изменилась, Люси.

— Да, я выросла. И этим я обязана тебе. Ты была хорошим примером. Я понимаю, почему ты не едешь с нами. Ты делаешь это ради меня. Чтобы я могла вести нормальную жизнь.

Я была так потрясена, что могла лишь кивнуть.

— Но я не хочу тебя терять, — сказала она, и её глаза наполнились слезами.

Я обняла её.

— Это ведь не навсегда. Мы встретимся вновь.

Она вытерла лицо рукавом, встала и прошла к ванной. В дверях она остановилась — спиной ко мне.

— Мне бы не хотелось завтра прощаться. Это очень тяжело, поэтому я не хочу. А тебе лучше придумать какой-нибудь способ, как мы сможем друг другу писать. Ты нужна мне в моей жизни!

Дверь ванной закрылась за ней. Я осталась одна, задаваясь вопросом, как смогу вынести завтрашний день.

А потом время пришло: моя семья залезла в машину Шона и уехала, прихватив с собой большую часть моего сердца. В этот раз я не вышла на улицу, чтобы найти утешение. Никакое небо не было настолько большим, чтобы заполнить дыру, образовавшуюся из-за их отъезда. Поэтому я ушла в свою комнату, закрыла дверь, залезла в кровать и натянула на голову одеяло.

— Реми? Ты тут?

Одеяло был сорвано с головы, и надо мной явилось лицо Бриты. Она поморщилась.

— Ах ты боже мой! Да ты воняешь, девочка. Когда ты в последний раз принимала душ?

— Какой сегодня день? — спросила я и хотела вырвать у нее одеяло. Я была уверена, что прошло всего три дня, но постепенно ночи как-то слились воедино. Только во сне боль уменьшалась, поэтому я и пыталась спать как можно больше.

— Ну если ты задаешь такой вопрос, значит уже давно переступила допустимую временную границу, в том, что касается личной гигиены.

— Брита, заткнись и исчезни, ладно?

— Хорошо.

Одновременно она пожала плечами. Она отпустила одеяло, и я снова завернулась в свой кокон. Затем я услышала как она направилась к двери.

— Я подумала, что ты захочешь узнать, что пока ты тут хандришь, Габриель покинул нас.

Это заставило меня насторожиться. Я села, и одеяло упало с моих плечей до талии.

— О чем ты говоришь? Габриель не может так просто исчезнуть!

Она указала на ночной столик.

— Он оставил записку.

Сказав это, Брита с важным видом вышла из комнаты.

Я смутно помнила, что он несколько раз заходил ко мне, пока я дремала. А теперь он ушел. Охватившая меня по началу паника сменилась злостью. Ладно, в данный момент я была для него не лучшей компанией, но эй? мне нужно немного времени, чтобы прийти в себя после расставания с семьей.

Несмотря на все свои обещания, что будет любить меня вечно, он исчезает при первых же трудностях.

Я схватила со столика конверт и вскрыла его. Из него вывалились записка, билет на поезд, план города и немного денег. Не прошло и двух секунд после того как я посмотрела на записку, я соскочила с кровати и побежала в душ.

Сообщение было коротким, но сказало мне все.

«Поохотья за мной, Реми.»

Четыре часа спустя я вышла из такси возле Люксембургского сада. Габриель оставил мне билет на поезд из Лондона в Париж. За двадцать минут я приняла душ и оделась. Эдит уже ждала меня с собранной дорожной сумкой, а Шон проигнорировал все возможные ограничения скорости, чтобы вовремя довезти до вокзала.

На карте было помечено одно единственное место. Фонтан Медичи в Люксембургском саду.

Я закинула сумку на плечо и зашла в парк. Внезапно мне стало не по себе, я была рада, что сменила повседневные джинсы на платье. Его маслянично-желтый цвет придавал моей коже сияющий вид, а волосы казались светлее, чем обычно. Габриель еще не видел меня в платье, я надеялась, что понравлюсь ему.

Я остановила женщину и показала ей карту города. Она улыбнулась, указывая направо. Несколько минут спустя я поднялась по каменной лестнице и у меня захватило дух, когда я обнаружила фонтан. Длинный, прямоугольный пруд протянулся под деревьями. Зелёный навес из верхушек деревьев и ещё более зелёная вода, создавали тихое убежище. Вдоль пруда были выставлены металлические стулья, с одного конца пруда надо всем вокруг величественно возвышалась огромная скульптура. Согласно ссылке на карте города произведение искусства представляло Полифема, шпионящего за двумя влюблёнными Ацисам и Галатеей.

Габриеля я нигде не обнаружила, поэтому села на один из стульев и стала ждать. На поверхности пруда плавали утки, а на деревьях щебетали птицы. Я начинала чувствовать, как постепенно расслабляюсь, в первый раз за долгое время. В том, что тебя никто не знает, есть что-то безмятежное, а также знание того, что за тобой никто не охотится.

— Мадемуазель?

Я вздрогнула и повернулась на стуле, пока не обнаружила рядом маленького, пожилого мужчину с седыми волосами. Он улыбался.

— Реми?

Он сказал моё имя с сильным, французским акцентом. Когда я кивнула, он протянул мне конверт, прикоснулся пальцами к воображаемой шляпе и ушёл. Растерянно я смотрела ему вслед, а потом вскрыла конверт.

«Ты чувствуешь себя лучше? Уже намного теплее.»

Под этими семью словами Габриель написал адрес. Усмехаясь я встала и направилась к выходу из парка, чтобы найти новое такси. Однажды он сказал мне: «Всякий раз, когда тебя что-то тревожит, ты выходишь на природу.» Поэтому он послал меня на природу, потому что знал, как мне было грустно.

Вскоре водитель такси выпустил меня на улице с видом на собор Парижской Богоматери. Я заплатила и пошла в сторону, в которую он мне указал. Уже скоро я нашла адрес и рассмеялась, когда поняла, что это кафе. Снова я нигде не обнаружила Габриеля, но это меня не удивило. Я нашла свободный столик на тротуаре с которого могла наблюдать за людьми. Внезапно меня осенило: я ведь в Париже!

Бедной девушке из нью-йоркской лачуге удалось освободиться от своего прошлого! Если бы моя мама это увидела, она бы порадовалась. При этой мысли у меня навернулись на глаза слёзы, но я сморгнула их.

Пора заканчивать реветь!

Официантка с чёрными, вьющимися волосами и загорелой кожей поставила передо мной белую чашку с блюдцем.

— О, но я ведь ещё ничего не заказывала, — запротестовала я.

Она пожала плечами, положила конверт рядом с блюдцем и снова отошла.

Я выпила глоток кофе с молоком и от наслаждения закрыла глаза. Я не могла вспомнить, когда в последний раз пила такое хорошее кофе. Омалей предпочитали чай. Я поставила чашку на блюдце, чтобы открыть конверт, но подождала ещё один момент, чтобы насладиться предвкушением.

«Говорил ли я тебе уже, что люблю кофе? Прежде всего, когда могу чувствовать его вкус на тебе. Ты почти добралась до цели!»

Я прочитала записку ещё раз, и представила себе, что Габриель сидит рядом. Как будто он целует меня и обнимает, так что все мои мысли исчезли. Я вздрогнула и чуть не обожгла язык, когда поспешно осушила чашку с кофе. Вместо адреса Габриель положил в конверт ещё один билет. Он был для парохода под названием Bateau Mouches, который ехал по Сене в сторону Эйфелевой башни. Я огляделась и увидела вывеску пароходной компании на берегу реки. Я положила деньги за кофе на стол и побежала.

На причале я протянула мужчине билет. Он ухмыльнулся и передал мне маленькую, завёрнутую коробочку, прежде чем дал знак пройти на борт. Я поднялась на верхнюю палубу, где со всех сторон был потрясающий вид на Сену, и обнаружила свободное место вдали от туристов. Потом пароход отчалил от берега и поплыл. Я пыталась в одно и тоже время смотреть во все направления, только чтобы ничего не пропустить.

В конце концов я более внимательно посмотрела на коробочку. У неё идеальный размер для серёжек или кольца, но я не думала, что там находится что-то в этом роде. На одну секунду я вспомнила другую коробочку, но быстро вытеснила эти мысли из сознания. Мысли о Франке здесь в самом деле неуместны. Я немного потрясла подарок Габриеля и услышала, как что-то гремит. Нетерпеливо я сорвала с коробки бумагу, открыла крышку и заглянула внутрь.

Ключ. Очень старомодный ключ, которым видимо можно открыть что-то такое же старое. Только что? В этот раз записки с объяснением не было. Задумчиво я вертела ключ в руке.

— Он открывает дверь в очаровательные апартаменты рядом с Люксембургским садом. Я чуть не выронила ключ, когда Габриель появился рядом. Ветер раздувал его

коричневые волосы во все стороны, и он сощурился из-за слепящего солнца.

Я увлеченно рассматривала его ярко выраженный подбородок, высокие скулы и чувственные губы. Губы, которые я могла целовать, когда хотела.

— У тебя пропал дар речи? — спросил он, когда я молча продолжила смотреть на него. Не дожидаясь ответа, он продолжил:

— Квартира находится недалеко от всевозможных университетов, включая медицинский институт. И музыкальный институт тоже рядом. Я подумал, что его мне нужно будет рассмотреть подробнее. Можешь жить одна в апартаментах, если тебе так лучше, или можем жить вместе.

Габриель редко нервничал, но в данный момент это было заметно. Поэтому я наклонилась и поцеловала его. Между двумя вдохами, он наконец прекратил размахивать руками и напомнил мне что я пропустила за последний месяц.

Поблизости от нас кто-то кашлянул, и я засмеялась, когда Габриель отстранился.

Выглянув из-за его плеча, я обнаружила пожилую даму, неодобрительно сверкавшую глазами в нашу сторону. Вместо того, чтобы смутиться, я улыбнулась ей. Я влюблена. Габриель потянул меня за волосы, собранные в хвост, чтобы вернуть мое внимание. Теперь и я начала нервничать. Сев прямо, я вцепилась в ключ.

— Мы можем ее посмотреть? Квартиру, я имею в виду?

— Я подумал, может сначала поужинаем на Эйфелевой Башне, а потом поедem туда.

Я покачала головой.

— Лучше сразу. Думаю, нам надо поговорить.

Я снова посмотрела через его плечо на женщину, все еще наблюдавшую за нами.

— Наедине, — добавила я.

— Хорошо, — сказал он. — Поговорим.

Габриель забрал у меня ключ, открыл черную дверь и отошел в сторону, чтобы я могла войти. Квартира была не очень большой, даже не экстравагантной, хотя обстановка выглядела вполне уютно. Коричневый диван, обитый замшей стоял напротив полки, на которой располагались телевизор, книги, и разные безделушки. По пути на кухню, я дотронулась до мягкой кожи дивана. Затем услышала, как закрылась входная дверь и Габриель зашел следом за мной.

Посреди кухни стоял четырехугольный кухонный остров с двумя высокими табуретками. Я обошла стойку и развернулась. Габриель стоял прислонившись к двери и наблюдал за мной с загадочным выражением лица.

— Прости, — сказала я. — Прости, что так долго не уделяла тебе внимание. Прощание с семьей...

У меня перехватило дыхание, когда я представила, как они уезжали. Мне понадобилось секунда, чтобы продолжить говорить.

— Мне было грустно.

Это еще мягко сказано.

— Ты все еще грустишь, — заметил Габриель.

— Уже меньше, — поправила я его. — Так что скоро буду снова счастливой. Не успеешь оглянуться, и я стану Маленькая Мисс Солнышко. Тебе еще надоест моя постоянная улыбка. Но какое-то время я буду грустной.

— Я это переживу. Только не исключай меня из своей жизни, любимая.

— Договорились.

Он сделал шаг ко мне, однако я подняла вверх руку.

— Есть еще кое что...

Габриель прислонился обратно к дверному косяку и поднял темную бровь.

— Еще кое что? Что еще может последовать за Маленькой Мисс Солнышко?

Я открыла дверь шкафа и обнаружила упаковку с готовой лапшой с сыром и упаковку моих любимых шоколадных драже. Я схватила пачку и прижала ее к себе.

— Боже, я люблю тебя!

— Меня или эти сладости?

— Тебя? — подколола я, заставив Габриеля улыбнуться.

— Хороший ответ.

Я отложила шоколадные драже в сторону и открыла следующий шкаф.

— Реми? Ты пытаешься потянуть время?

— Ммм-хмм, — промычала я, рассматривая отдел со специями.

— Ты отчаянно ищешь отговорку, чтобы объяснить, почему не посвятила меня в ваш с Ашером план или ищешь возможность деликатно сообщить о том, что ты феникс?

Я так быстро развернулась, что чуть не запнулась о собственные ноги.

— Ты знал?

Он громко втянул носом воздух.

— Я предполагал, и сейчас ты это подтвердила. Ты самая ужасная лгунья, какую я когда-либо встречал.

Я покраснела.

— Тоже самое сказал мне Симус и не советовал играть в покер. — Опустив веки, я посмотрела на Габриеля. — Полагаю, ты с этим справишься?

Он разочарованно выдохнул.

— Я просто не понимаю, почему ты ничего не сказала!

Я сделала ему больно, и чувствовала себя ужасно.

— Я не думала, что это будет так опасно, как оно в итоге получилось. Может другие и думали, что Ашер потеряет самообладание, но ты то нет. А на тот случай, если мы были не правы, предполагая, что вступление в союз связано у меня с чувствами... Ну тогда существовала бы крохотная возможность того, что Ашер и я снова вступим в союз, и я просто не хотела тебя волновать.

Слава Богу этого не произошло!

— А тот факт, что ты феникс? Почему ты не рассказала мне об этом?

— Потому что хотела сначала все обдумать, — призналась я. — Я хотела какое-то время делать вид, что нормальная, чтобы не пришлось расставаться с отцом и Люси. Это было глупо, и в принципе я всё понимала. Но мне не хотелось их отпускать.

И все-таки я это сделала. И мне до сих пор было больно.

— Ты меня прощаешь? — спросила я.

— Я совершенно точно не в состоянии сердиться на тебя, — ответила он с печальной улыбкой. — Ты должна говорить со мной, Реми. Я знал, что тебе нужно время, но последний

месяц был для меня сущим адом.

— Прости, Габриель.

В конце концов он расслабился.

— Ладно, пойдем. Я покажу тебе остальные комнаты.

Он протянул руку, я подошла и взяла ее. Он потянул меня по коридору, я шла немного позади, зачарованно рассматривая его мускулы на спине. Когда мой взгляд спустился ниже, я впервые за месяц опустила защиту.

Габриель замер, повернулся ко мне, поднял и прижал к ближайшей стене. Его губы завладели моими и осыпали их бесчисленным количеством поцелуев, так что я быстро сбилась со счета.

Его руки очутились на моих бедрах, при этом я слышала шум крови в ушах. Я кусала его подбородок, а он смешно хватал ртом воздух.

Я поцеловала его в шею.

«Я люблю тебя, Габриель.»

Я поцеловала другую сторону его подбородка.

«Люблю тебя.»

Мои губы снова коснулись его губ.

«Я люблю тебя.»

— Я так скучал из-за того, что не слышал тебя, — сказал он.

Я упёрлась руками в его грудь, чтобы лучше его видеть.

— Что случится, если мы станем смертными? Тогда ты больше не сможешь читать мои мысли.

— Но у меня всё ещё будешь ты.

Он снова хотел поцеловать меня, но я игриво ударила его по щекам.

— Габриель, если бы у тебя был выбор, быть бессмертным или стать смертным, что бы ты тогда выбрал? Будь честен.

— Я хочу снова стать смертным.

— И почему? — Его руки скользнули от моих бёдер к рёбрам, и я охмелела. Мне пришлось вспомнить, как правильно дышать, чтобы прояснить мысли.

— Без определённых чувств восприятия и страха перед пролетающим временем, всё это только наполовину жизнь. Я этого не хочу. — Зелёные глаза Габриеля вспыхнули от страсти. — Мне хочется знать, как это, любить тебя всеми чувствами и наслаждаться каждым моментом так, будто он может стать нашим последним. Я действительно хочу жить с тобой, во всех смыслах этого слова. Это то, что я бы выбрал.

«Ты уверен? Симус сказал, что феникс может за секунду сделать защитника смертным. Мы могли бы сейчас сделать это.»

Габриель даже не вздрогнул, не показал вообще никакой реакции, прочитав мои мысли.

— Может быть завтра, — сказал он. — Я хочу слышать твои мысли как можно дольше.

Его губы нашли мою шею.

— Ты не выглядишь удивленным, — сказала я задыхаясь.

— От тебя я всегда ожидаю невозможного, и в общем то быстро это получаю.

Я засмеялась.

— Ты всегда выдаешь отличные фразы. Я как воск в твоих руках.

Он нарочно сделал мрачное лицо и начал щекотать меня, пока я не засмеялась.

— Я серьезно пытаюсь быть романтичным, а ты портишь всю атмосферу!

— Ты дышишь, и я все больше влюбляюсь в тебя!

Габриель сделал потрясенное лицо и сощурился.

— Тебе почти удалось уломать меня. С какой открытки ты украла эту фразу?

Я ущипнула его за плечо, и он засмеялся. Затем отошел назад, притянул меня к себе и открыл дверь.

— Это ванная.

Я успела лишь мельком увидеть ванную с львиными лапами, прежде чем он закрыл дверь.

— Ты даже не спрашиваешь за счет чего увеличились мои способности?

— Неа.

Слегка раздосадовано, я спросила:

— Почему нет?

Он открыл следующую дверь и заглянул в комнату. Комната для гостей, предположила я.

— Потому что это ничего не меняет, — сказал он. — Кстати, это могла бы быть твоя комната. Или моя. Ты еще не ответила на мой вопрос. Хочешь ли ты тут жить.

— Но это должно тебя интересовать!

Увидев его ничего не выражающее лицо, я сказала.

— Насколько изменились мои силы.

Он по-прежнему молчал, и я вздохнула.

— Ну хорошо, ты вынуждаешь меня, показать тебе это.

Я подняла руку вверх. Представила себе небольшой порез на нежной коже, чуть выше локтя. В мгновение ока она разорвалась. Выступила капля крови, а потом я представила, как ранение вновь исцеляется. Мгновение спустя рана закрылась, и ещё только капля крови доказывала, что она тут вообще была. Никаких искр не мерцало в воздухе, и я не начала стучать зубами, потому что не произошло никакого переохлаждения тела. Возможно из-за того, что отталкивание и притягивание энергии было во мне теперь идеально сбалансировано, я могла отлично ей управлять.

Габриель подошёл ко мне и распахнув глаза, испуганно уставился на мою руку.

— Может тебе всё-таки стоит мне об этом рассказать.

Я села на край гостевой кровати, и объяснила, как мои обе половинки — защитница и целительница — вступили в войну, когда Ашер, как мы и планировали, выпустил свою энергию.

Я не ожидала, что мои ранения могут быть настолько серьёзными, что я потеряю контроль над моими способностями.

— Ашер больше не мог вырваться, поэтому я представила себе ящик и затолкнула в него всю мою энергию, чтобы он мог бежать. Как только он освободился, я поняла: мне не нужно быть той или другой. — Я пожалала плечами. — Обе эти стороны часть меня. И как только я прекратила бороться против них, обе стороны объединились друг с другом.

Каким-то образом. Целительница и защитница соединились в одного человека.

По-другому я не могла объяснить. С тех пор, как я встретила с Блеквеллами и поглотила часть их энергии, мои способности вышли из равновесия. Потом я похитила энергию Симуса и таким образом окончательно потеряла равновесие. Поэтому-то я так быстро и набросилась на Эрин и не смогла остановиться, когда поглощала энергию Эрин во время её смерти. Но благодаря похищенной у неё энергии, во мне снова всё пришло в

равновесие. Только я этого не поняла, пока сама не оказалась на пороге смерти.

— Теперь я могу контролировать мои способности. Больше мне не нужно бороться с собой. Всё происходит также просто, как дыхание. И я не бессмертная, Габриель. Собственно, после Эрин я должна была ею стать, но похоже на то, будто энергия, которую я похитила у защитников, устраняет это.

Габриель слушал мои взволнованные объяснения, потом выдохнул и посмотрел на потолок.

— Ты хочешь вернуться к Симусу?

— Что? — спросила я растерянно.

— Если это то, чего ты хочешь, тогда хорошо. Я знаю, он думает, что ты одна из Омалей, и если ты предпочитаешь жить у них, тогда мы как-нибудь это уладим. Могу поспорить, что мы ещё успеем на поезд, если ты хочешь вернуться ещё сегодня вечером.

Он исчез, зайдя в гостиную, а я ошеломлённо смотрела ему вслед. Я опять неправильно взялась за дело! И теперь он думал, что я не хочу быть здесь.

Я встала и последовала за ним. Посреди комнаты Габриель выглядел немного потерянным.

— Ты помнишь последний вечер на вашей кухне в Блеквелл Фоллс, когда я показала тебе, как представляю себе моё будущее? — спросила я. Он повернулся ко мне, и я продолжила. — Я целиком ошибалась. Хочешь увидеть, как я представляю его теперь?

Он медленно кивнул, полный надежд. Я протянула ему руку.

— Закрой глаза. — Я подождала, пока он прислушается. Отступая маленькими шагами, я увлекла его за собой. Потом открыла свои мысли и запустила фильм: мы живём в этой квартире. Я изучаю медицину и становлюсь врачом. Он изучает музыку, а вечером играет на гитаре.

Иногда звонит моя семья или его, потому что теперь они могут делать это без проблем — мы можем посвящать друг друга во всё, что пропустили и разговаривать. И даже если он разозлит меня, то скажет что-то, что меня снова рассмешит, так что наши ссоры всегда заканчиваются гармонично. Мы счастливы и влюблены друг в друга. Наша совместная жизнь началась, когда я по коридору увлекла Габриеля в нашу комнату, и мы вместе открыли дверь.

Габриель открыл глаза и положил мне на щеку руку.

— Я люблю тебя, Ремингтон.

Я повернула голову и поцеловала его ладонь, а потом прошептала:

— Я знаю. В конце концов именно это написано на твоей груди.

Его взгляд метнулся вниз, и он заглянул под свою футболку. Я встала на цыпочки, чтобы увидеть рисунок. Он был точной копией той надписи, сделанной маркером, которую он попросил «исцелить» у себя.

— Вау! — сказала я. — Я сделала это не глядя. Эти новые способности просто класс!

Габриель улыбнулся.

— Знаешь, что?

— Что? — спросила я с подозрением. Он выглядел как кто-то, кто планировал что-то нехорошее.

Секунду спустя он выхватил из заднего кармана брюк маркер. Это был тот же фломастер, которым он писал записки для кэшинга. Его взгляд обещал отомстить, и я быстро отступила.

— Не убегай, любимая. А то я все испорчу и придется начинать сначала.

Он снял колпачок маркера, и я вскрикнула от смеха.

Охота началась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Заметки

[

←1

]

Переведённое здесь немецкое слово имеет несколько значений. Одно из них мыслить, второе тикать.